

~~22885~~

У  $\frac{296}{135}$  М. Грулевъ.

5  
 $\frac{801-18}{1383}$

**ЗЛОБЫ  
ДНЯ  
ВЪ ЖИЗНИ АРМІИ.**



№ 28

См., 1911.

ЗЛОБЫ ДНЯ  
ВЪ ЖИЗНИ АРМІИ.



75274-44



2007063695

## Содержаніе.

---

Предисловіе.

### ГЛАВА I.

#### Очередные вопросы (стр. 1—73).

„Вы“ и „ты“. Начальство и подчиненные. Канцелярщина, штаты и „полная мочь“. Про офицерское житье—бытье. Бѣгутъ ли офицеры изъ арміи. Объ офицерскихъ аттестаціяхъ. „Россия ждетъ какъ офицеры исполнятъ свой долгъ“. Ротный и субалтерный. Будущій юбилей. Д. А. Милютинъ и П. С. Ванновскій. Въ защиту генеральнаго штаба. Деньщицкій вопросъ.

### ГЛАВА II.

#### Боевая подготовка офицера, солдата и подростающей молодежи (стр. 74—160).

Грамотность въ арміи. О воспитаніи солдата. Военное воспитаніе учащейся молодежи. „Къ оружію!“ (Die Waffen hoch!). Подготовка унтеръ-офицеровъ. Подготовка офицеровъ. Подборъ команднаго состава. Выработка инициативы. Офицерскія занятія. Наши „дядьки“. Есть ли пьянство въ арміи?

### ГЛАВА III.

#### Изъ указаній опыта минувшей войны (стр. 161—222).

Теорія и практика подготовки къ войнѣ. Былые грѣхи. Реформы и „реформы“. Боевыя награды. Наша тактика и стратегія 200 лѣтъ назадъ и теперь. Печальное послѣдствіе минувшей войны. Призрѣніе жертвъ войны. Военно санитарное дѣло. Подчиненность артиллеріи. Омоложеніе арміи. „Валяй на сѣраго“.... Неисполненный долгъ. Самобичеваніе и самосмакованіе.

## ГЛАВА IV.

### Войсковое хозяйство (стр. 223—253).

Наканунъ реформы войскового хозяйства. Бюджетные „остатки“. Наконецъ!... Канцелярская проволочка. Выработка образцовъ обмундирования и снаряженія офицера и солдата. Реформы по интендантству.

## ГЛАВА V.

### Наше законодательство (стр. 254—294).

Призывъ комиссій на гастроли по законодательству. Штабъ и строй въ нашемъ законодательствѣ. Военный налогъ. Престижъ начальства въ нашемъ законодательствѣ. Недостатки дѣйствующихъ законоположеній объ офицерскихъ аттестаціяхъ. Пенсіонные вопросы въ нашемъ законодательствѣ. Важный циркуляръ. Наша традиціонная система.

## ГЛАВА VI.

### Окраинные вопросы (стр. 295—331).

Наше военно-политическое положеніе на Дальнемъ Востокѣ. Командированіе офицеровъ для изученія иностранныхъ армій. Служба на окраинахъ. Консульское дѣло и военная агентура. Японское шпионство. Наша система управленія окраинами. Численность арміи въ зависимости отъ окраинъ.



## Предисловіе.

Предлагаемая вниманію читателей книга заключается въ себѣ большей частью статьи, помѣщавшіяся мною въ „Развѣдчикъ“ и „Русскомъ Инвалидѣ“ въ теченіи послѣднихъ 3—4 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе я счелъ себя вправѣ не озаглавливать эту книгу сборникомъ статей, потому, во-первыхъ, что она далеко не обнимаетъ собою всѣхъ моихъ статей, напечатанныхъ за эти годы, а заключаетъ только тѣ изъ нихъ, которыя понынѣ не потеряли значенія *злобы дня* въ жизни нашей арміи; во-вторыхъ, большая часть избранныхъ статей, помѣщенныхъ въ подлежащей книгѣ, подвергнута мною коренной переработкѣ; наконецъ, въ-третьихъ, здѣсь по нѣкоторымъ вопросамъ помѣщены статьи, которыя раньше напечатаны не были.

Все это подвинуло меня рѣшиться представить эту книгу на судъ читателей.

Кромѣ того, мною руководили еще слѣдующія побужденія. Высказываясь на столбцахъ газетъ и журналовъ по разнымъ военнымъ вопросамъ въ теченіи послѣднихъ 3—4 лѣтъ, обнимающихъ собою наиболѣе животрепещущій періодъ въ жизнедѣятельности нашей арміи, послѣ пережитой войны на Дальнемъ Востокѣ, меня всегда угнетала неотвязчивая жгучая мысль, что свои выношенныя сужденія по разнымъ наболѣвшимъ вопросамъ, подчасъ выстраданныя непосредственнымъ горькимъ опытомъ во время зло-

счастной войны, бросаю совершенно непроизводительно въ пучину періодической печати—этотъ бездонный омутъ повседневныхъ мелочей жизни.

Что такое журнальная или газетная статья, какъ не листъ календарный—отслужилъ свой день, и конецъ всему его значенію! Какъ бы ни была знаменательна газетная статья по тому или иному животрепещущему вопросу,—неизбѣжный удѣлъ ея быть сейчасъ-же захлеснутой неудержимо слѣдующей цѣлой волной такихъ же важныхъ вопросовъ, которые уносятся въ Лету общимъ водоворотомъ жизни, не оставляя послѣ себя иногда никакихъ слѣдовъ.

Легко ли мириться съ такой участью для идей взлелѣянныхъ многими годами опыта выстраданнаго,—когда хочется быть услышаннымъ,—хочется добиться уврачеванія зіяющихъ рань...

Правда, въ отдѣльной книгѣ эти „Злобы дня“, съ теченіемъ времени могутъ оказаться устарѣвшими.

Но—дай Богъ, чтобы это опасеніе оправдалось возможно скорѣй,—чтобы затронутые здѣсь вопросы были рѣшены на практикѣ и сдѣлали мою книгу устарѣвшей въ скоромъ будущемъ.

А пока что—толцйте и толцйте...

*М. Трулевъ.*

## Глава I-я.

### Очередные вопросы.

#### I. „Вы“ и „ты“.

Почти всѣ безъ исключенія реформы послѣднихъ лѣтъ, осуществленные по военному вѣдомству въ видахъ оздоровленія нашей арміи, имѣли цѣлью, главнымъ образомъ, улучшеніе матеріальнаго положенія солдата и офицера. Моральная же сторона служебной и бытовой жизни арміи оставалась совершенно въ тѣни,—какъ будто здѣсь все обстоитъ вполне благополучно. Въ дѣйствительности же, по моему крайнему разумію, на эту сторону жизни давно слѣдовало бы обратить вниманіе, въ особенности въ отношеніи условій жизни и службы нижнихъ чиновъ.

Мы переживаемъ теперь время затихшей грозы, пронесшейся надъ нашей родиной и надъ арміей въ послѣдніе годы. Обыкновенно темная и закрытая для насъ сокровенная жизнь солдата во многихъ гарнизонахъ, благодаря внѣшнимъ влияніямъ, вспыхивала ярко, наглядно обнажая всѣ свои болячки. Наступило теперь время намъ самимъ присмотрѣться къ этой сторонѣ солдатской жизни. Это тѣмъ болѣе необходимо, что тѣ мѣры, которыя принимались для оздоровленія арміи въ минуты тревоги, подъ громъ и молніи бушевавшей грозы, едва ли достигаютъ цѣли.

Какъ извѣстно, во время всеобщаго подъема революціонной волны въ войскахъ вспыхивали беспорядки, главнымъ образомъ, подъ флагомъ „экономическихъ требованій“. Тутъ не много требуется здраваго смысла, чтобы прослѣдить изъ какихъ источниковъ и по какимъ путямъ проникали въ армію эти „экономическія требованія“, для которыхъ нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній. Тѣмъ не менѣе, высшее военное управленіе арміи съ удивительной поспѣшностью отклонило на экономическія требованія, принявъ ихъ за чистую монету: приказомъ по военному вѣдомству 1905 года, въ самый разгаръ революціоннаго

движенія въ арміи, введенъ былъ рядъ новыхъ отпусковъ по улучшенію пищи, вещевому довольствію и проч., на которые самый близорукой солдатъ не могъ смотрѣть иначе, какъ на уступку „экономическимъ требованіямъ“.

Достигла ли эта мѣра своего назначенія? По моему мнѣнію—это повязка, наложенная на здоровое мѣсто, а истинный корень нѣкотораго недовольства, таящагося въ солдатской средѣ, остается, попрежнему, нетронутымъ.

Немедленно послѣ окончанія войны на Дальнемъ Востокѣ, во многихъ военныхъ округахъ вдумчивыми войсковыми начальниками выдвинутъ былъ вопросъ о необходимости измѣненія установившагося у насъ обращенія офицера съ солдатомъ. Возбужденъ былъ старый вопросъ объ обращеніи съ солдатомъ на „ты“ или „вы“, поднятый въ свое время въ военной литературѣ ген. Скугаревскимъ. Но, видимо, живучъ и крѣпокъ еще у насъ затхлый духъ крѣпостничества и отжившей старины, который поборники всякой косности готовы сдѣлать какимъ-то привилегированнымъ культомъ только нашей арміи. Каждый разъ, когда у насъ возникаетъ вопросъ о необходимости обращенія съ солдатомъ на „вы“ вмѣсто давно отжившаго „ты“, завѣщаннаго намъ недоброй памяти крѣпостнымъ правомъ,—сейчасъ же выступаютъ раторборцы придуманныхъ традицій, пытающіеся доказать, что въ обращеніи на „ты“ кроются важнѣйшіе истоки нашей арміи. Какіе только доводы ни притягиваются, чтобы убѣдить въ непримѣнимости у насъ той формы обращенія, которая давно уже принята въ арміяхъ всѣхъ культурныхъ государствъ!..

Поклонники тыканья солдата почему-то увѣрены, что при обращеніи на „вы“ въ нашей арміи исчезнутъ отеческая заботливость и патріархальность отношеній, существующія между офицеромъ и солдатомъ. Но необходимо помнить, что и въ прежнее время, при отгнѣнѣ крѣпостного права, близорукимъ людямъ тоже казалось, что все рухнетъ, когда будетъ устранена лжеотеческая заботливость, имѣвшая основаніемъ вкрадчивую формулу—„вы наши, а мы ваши“, которая на практикѣ, однако, приводила къ другой формулѣ—„что твое, то мое, а что мое, тебѣ дѣла нѣтъ“. Когда вскорѣ послѣ отгнѣны крѣпостного права запрещены были въ арміи тѣлесныя наказанія, прародители нынѣшнихъ защитниковъ солдатскаго тыканья также увѣрили, что

наносится ударъ самымъ нѣжнымъ отношеніямъ, существовавшимъ между офицеромъ и солдатомъ. Нечего грѣха таить: въ арміи понынь здравствуютъ вздыхатели „отеческой розги“, ограничивающіеся поневолѣ зуботычинами и рукоприкладствомъ.

Именно для борьбы съ этимъ зломъ необходимо ввести обращеніе съ солдатомъ на „вы“, которое въ этомъ случаѣ является щитомъ противъ своеволія и незаконныхъ „отеческихъ“ отношеній: когда начальникъ поставленъ въ необходимость обращаться къ солдату на „вы“,—т. е. по той же формѣ, какъ онъ обращается ко всѣмъ другимъ равнымъ себѣ—то ясно, что остается еще большая дистанція до возможности перейти къ ругани, и—еще дальше до возможности дать волю рукамъ. Съ другой стороны, обращеніе на „ты“ ставитъ солдата съ перваго же шага въ положеніе приниженное и исключительное, облегчающее примѣненіе къ нему дальнѣйшихъ формъ исключительнаго обращенія въ видѣ ругани и зуботычинъ.

Всѣ эти разсужденія,—что обращеніе на „ты“ сближаетъ офицера и солдата, что оно болѣе понятно нашему простолюдину, что солдатъ самъ говоритъ иногда офицеру „ты“, что мы Богу и Царю говоримъ „ты“ и т. п.—кажутся намъ не только необоснованными, но глубоко фарисейскими. Мы вполне увѣрены, что всѣ поклонники тыканья дѣйствительно болѣе близки къ солдату, чѣмъ ихъ противники, но—не душой и сердцемъ, а рукоприкладствомъ.

Также ни на чемъ не основаны увѣренія, что въ народѣ у насъ преобладаетъ обращеніе на „ты“. Не говоря уже про то, что въ армію поступаетъ не мало городскихъ жителей, мастеровыхъ, фабричныхъ, давно отвыкшихъ отъ тыканья, но и въ крестьянской средѣ эта форма обращенія постепенно вытѣсняется обращеніемъ на „вы“. Есть ли основаніе узаконить обращеніе къ солдату на „ты“ только потому, что и солдатъ говоритъ иногда офицеру „ты“, по простотѣ и привычкѣ? Это имѣло бы смыслъ, если бы эта форма обращенія была узаконена во всей арміи между офицерами и солдатами обоюдно. Но въдъ этого нѣтъ.

Пора подумать объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ нашей арміи, имѣющихъ не меньшее значеніе, чѣмъ снабженіе солдата простыней, наволочкой и носовымъ платкомъ, которые, такъ или иначе, солдатъ могъ добыть себѣ и собственнымъ попеченіемъ.

Если въ смутное время у насъ вспыхивали „экономическія“ требованія, то только потому, что вопросы вещественнаго характера болѣе доступны пониманію массы, чѣмъ тонкости правовыхъ отношеній, но корень недовольства кроется въ этихъ послѣднихъ. Сѣявшіе смуту это прекрасно знали, и на этомъ основали успѣхъ политической пропаганды въ армии. Вотъ почему увеличеніе солдатской порціи на  $\frac{1}{4}$  фунта мяса, введеніе въ солдатскомъ обиходѣ мыла, простынь, носовыхъ платковъ и т. п., которыя должны были служить отвѣтомъ на экономическія требованія, являются отвѣтомъ не по адресу и ударомъ по воздуху, хотя и стоящимъ казнѣ ежегоднаго расхода около 20—25 милліоновъ рублей.

Это лучшее доказательство того, на сколько необходимо предупредить всякія требованія, откуда бы они ни исходили. Сокровенный смыслъ разумной медицины заключается не въ леченіи болѣзни, а въ предупрежденіи возможности ея появленія. Необходимо умѣть своевременно разбираться въ нарождающихся потребностяхъ и итти имъ навстрѣчу въ предѣлахъ возможнаго; въ противномъ случаѣ это обходится дороже и не достигаетъ цѣли.

Первымъ шагомъ въ подъемѣ престижа солдата, въ удовлетвореніи давно народившихся его духовныхъ потребностей, должно служить обращеніе со стороны офицера съ солдатомъ на „вы“.

Не менѣе важно также оздоровленіе моральной обстановки службы офицера, независимо отъ прибавки содержанія и другихъ заботъ матеріальнаго свойства, которыя принимаются для улучшенія обстановки его жизни.

## 2. Начальство и подчиненные.

Если въ отношеніи обращенія съ нижними чинами у насъ остается желать нѣкоторыхъ улучшеній, то положеніе офицера въ этомъ отношеніи много хуже. Дѣло въ томъ, что надъ обращеніемъ съ солдатомъ бдитъ не только законъ, но и многостаянное начальство. Форма отношеній къ солдату исчерпывается только одной службой—начальникъ соприкасается съ нимъ только въ часы занятій; при чемъ, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, обращеніе съ солдатомъ выражается въ грубыхъ штри-

хахъ: иной начальникъ, забывши законъ, даетъ волю рукамъ; другой одержимъ скверной привычкой ругаться трехэтажными словами и, за невозможностью говорить распушеннымъ языкомъ тамъ, гдѣ его останавливаютъ—примѣняетъ свое сквернословіе при разговорѣ съ солдатомъ.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ служебномъ быту офицерскомъ: съ начальникомъ встрѣчаешься не только на сл жбѣ, но еще чаще внѣ службы, гдѣ онъ все же не перестаетъ быть начальникомъ; притомъ форма отношеній въ болѣе образованныхъ офицерскихъ кругахъ выражается такими тонкими штрихами, что достаточно не понравится начальнику,—и онъ имѣетъ полную возможность отравить существованіе своему подчиненному вполне замаскированными и неуловимыми путями, притомъ на законнѣйшемъ основаніи.

Конечно, это общежитейскій законъ, одинаково властный и въ служебномъ быту всѣхъ вѣдомствъ, и въ частной жизни современнаго общества: человѣку зависимому приходится гнуть если не спину, то свои желанія, мнѣнія, взгляды—передъ тѣмъ, отъ кого зависить. Этого одного достаточно, чтобы считать престижъ начальства вполне забронированнымъ при обращеніи съ подчиненными; но у насъ, въ военномъ быту, существуетъ еще цѣлая лѣстница дисциплинарныхъ наказаній, налагаемыхъ безъ суда властью начальника. Нѣкоторыя изъ этихъ наказаній являются непонятными съ точки зрѣнія самой идеи ихъ существованія, какъ мѣры служащей для поддержанія дисциплины. Что, напримѣръ, имѣется въ виду достигнуть *афестомъ* въ дисциплинарномъ порядкѣ: что это—мѣра исправительная, или воспитательная? Едва-ли можно думать исправить, или перевоспитать стараго баталіоннаго или ротнаго командира, котораго запираютъ дома, или на гауптвахтѣ, на цѣлый мѣсяць. Не проще ли учесть необходимость такого крупнаго наказанія при служебной аттестации. Въ дѣйствительности, при аттестации учитывается *отбытое уже* наказаніе; и въ такомъ случаѣ офицеръ фактически подвергается за одинъ проступокъ двумъ карамъ.

Лишенный смысла арестъ офицерскій является, однако, формой наказанія весьма тяжелой—и физически, и морально: старый офицеръ, отецъ иногда взрослыхъ дѣтей, на продолжительное время лишается свободы и подвергается заключенію

подъ карауломъ нижнихъ чиновъ, для которыхъ онъ долженъ служить образцомъ поведения и служебнымъ авторитетомъ. И для всего этого достаточно простого „усмотрѣнія“, за которое начальникъ не обязанъ никому давать никакихъ объясненій.

Еще хуже, конечно, тонъ отношений, который иногда допускается со стороны начальниковъ, не обладающихъ выдержаннымъ характеромъ. Не такъ давно у насъ въ арміи—по крайней мѣрѣ среди начальства—существовалъ взглядъ, что инспектирующий долженъ явиться *грозой*, и прежде всего раслушить и страхъ навести; да и теперь мы видимъ, что начальство понимаетъ иногда свою роль по примѣру Щедринской тетеньки г-жи Простаковой, которая была увѣрена, что домъ ея только тѣмъ и держится, что она весь день то бранится, то дерется. Ни для кого не секретъ, что такое обращеніе съ подчиненными—появленіе начальника въ видѣ грозы и злого ненастья—у насъ часто отождествляется со служебнымъ рвеніемъ. Путаница понятій и взглядовъ способствуетъ тому, что за такими начальниками устанавливается репутация людей „требовательныхъ“. Это—„герои“ мирнаго времени. Но при первомъ боевомъ экзаменѣ эти „орлы“ обращаются въ ягнтя. Куда дѣвалась вся спесь и обычные оклики! Участникамъ минувшей войны извѣстно не мало подобныхъ примѣровъ изъ жизни.

Мы очень часто говоримъ теперь о недостаткѣ инициативы и личнаго почина, обнаруженномъ въ минувшую войну на Дальнемъ Востоку; но необходимо помнить, что творческая самостоятельность на войнѣ представляетъ собою плодъ весьма нѣжный, который можетъ произрастать въ мирное время лишь на просторѣ извѣстныхъ взаимоотношеній начальника и подчиненнаго, а не тогда, когда мнѣнія и взгляды послѣдняго забыты и затуканы постоянными окликами начальства.

Строго говоря, тонъ и формы обращенія начальника съ подчиненными, обуславливаемые степенью ихъ культурности, трудно поддаются контролю и не могутъ быть урегулированы никакими законами. Отношенія эти въ нашей арміи не хуже и не лучше, чѣмъ въ другихъ арміяхъ. Жалобы въ этомъ отношеніи часто слышны въ военной печати во всѣхъ европейскихъ арміяхъ. Вотъ что находимъ въ отношеніи австро-венгерской арміи въ руководящей статьѣ „Danzer's Armee-Zeitung“ за 1908 г.:

„Мы не вѣримъ въ послѣдніе приказы и циркуляры военнаго министра, въ которыхъ говорится такъ много о необходимости улучшить обращеніе съ офицерами. Все это остается на бумагѣ мертвой буквой. Напрасно думаютъ, что прибавкой жалованья рѣшается вопросъ о поднятій офицерскаго престижа. Приниженные и затуканные, мы не будемъ чувствовать себя лучше при звонѣ лишняго десятка кронъ въ карманѣ. И наоборотъ—даже съ меньшимъ содержаніемъ будемъ бодро дѣлать свое дѣло, поднимется нашъ духъ, когда увидимъ, что военное министерство стремится къ поднятію офицерскаго достоинства и къ улучшенію взаимоотношеній на службѣ, особенно съ оберъ-офицерами“...

Но—если нѣтъ возможности урегулировать въ служебномъ быту взаимоотношенія начальника и подчиненнаго какими-нибудь писанными законами, то необходимо размежевать закономъ ихъ права и обязанности. Существуетъ общее правило—когда чело-вѣку дается больше правъ, отъ него требуется и больше обязанностей. У насъ же—на практикѣ и въ военномъ законодательствѣ—установилось правило какъ-разъ противоположное этой ходячей истинѣ: всѣ права переданы въ законное владѣніе начальству, всѣ обязанности предоставлены въ удѣлъ подчиненнымъ. Прежде всего есть основное требованіе закона, въ силу котораго права, принадлежащая по закону младшему начальнику, подаютъ принадлежать стоящему надъ нимъ высшему начальнику; поэтому при столкновении мнѣній законное право младшаго начальника обращается въ нуль. Многимъ, вѣроятно, памятенъ извѣстный фактъ, что начальникъ стрѣлковой бригады въ Одесскомъ военномъ округѣ, пожелавшій отстоять свои права, предоставленныя ему закономъ, противъ произвольнаго желанія командующаго войсками округа, вынужденъ былъ оставить службу...

Такое раздѣленіе правъ и обязанностей дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ въ воспитательномъ отношеніи, такъ какъ убиваетъ на одной сторонѣ всякую охоту къ здоровой бодрящей работѣ, а на другой подрываетъ чувство законности, укрѣпляя на ея мѣстѣ значеніе личнаго произвола. Даже тогда, когда требуется мнѣніе, скажемъ, командующаго войсками округа по какому-нибудь специальному вопросу, получается на практикѣ работа старшаго адъютанта, потому что переданная съ рукъ на

руки работа осѣдаетъ, наконецъ, на спинѣ того, кто не можетъ уже свалить ее на шею другому.

Развращающее дѣйствіе такого воспитанія мирнаго времени сказывается пагубнѣйшимъ образомъ на войнѣ, когда мы только повторяемъ то, чему учились во время мира. Что можетъ быть важнѣе выработки операціоннаго плана на войнѣ? Но согласно прочившемуся порядку мирнаго времени, мы видимъ, что при переходѣ въ наступленіе нашей арміи въ сентябрѣ 1904 года главнокомандующій поручаетъ составить планъ наступленія начальнику штаба, послѣдній — генераль-квартирмейстеру... Эти привычки мирнаго времени сказались у насъ и въ самую критическую минуту кровопролитной борьбы подъ Мукденомъ: когда 21-го февраля вполнѣ выяснилось, что армія близка къ гибели, главнокомандующій, имѣя въ своемъ распоряженіи 378 баталіоновъ, съ которыми нужно атаковать и побѣдить или погибнуть, поручаетъ это дѣло 2-й арміи изъ 130 баталіоновъ; эта послѣдняя, въ свою очередь, поручаетъ произвести атаку отряду ген.-лейт. Гернгросса въ 40 баталіоновъ; отрядъ ген.-лейт. Гернгросса направляетъ въ атаку свою правопланговую колонну полковника Леша изъ 5 баталіоновъ, которая встрѣтила, конечно, отпоръ со стороны японцевъ и... оказалась парализованной чуть ли не полъ-милліонная армія со своимъ главнокомандующимъ...

Правда, законъ возлагаетъ всю тяжесть отвѣтственности на старшаго начальника. Но эта тяжесть отвѣтственности такая легковѣсная матерія по сравненію съ постоянными опредѣленными обязанностями! Къ тому же весьма легко и эту тяжесть свалить на подчиненнаго: стоитъ только избѣгать категорическихъ приказаній; не даромъ при обычной иногда со стороны начальства суровости отношеній—какъ только коснется дѣло какой-нибудь задачи отвѣтственнаго характера—сейчасъ же встрѣчаемся со стороны начальства съ размягкими формулами „полагалъ бы“, „желательно“, „не признаете-ли своевременнымъ перейти въ наступленіе“ и т. д.

Мы твердимъ постоянно, что „солдатъ есть званіе высокое и почетное“, а на практикѣ ему на каждомъ шагу напоминаютъ, что онъ занимаетъ самое послѣднее мѣсто въ социальныхъ

разгородкахъ жизни: его „тыкаютъ“, изгоняютъ изъ многихъ публичныхъ мѣстъ и гуляній, доступныхъ кому угодно, на трамваѣ и пароходѣ ему отводятся особая мѣста, какъ паріямъ въ Индіи, и т. п. Точно также офицеру проповѣдуется необходимость самодѣятельности и личнаго почина, но всѣмъ укладомъ служебныхъ и житейскихъ отношеній убиваются въ зародышѣ всякіе зачатки воспитанія характера въ этомъ направленіи.

Нельзя не пожелать, чтобы у насъ прониклись сознаніемъ необходимости измѣнить эти отношенія, начать съ измѣненія формы обращенія съ нижними чинами, потому что это послужитъ камертономъ для взаимоотношеній начальства и подчиненныхъ на всѣхъ ступеняхъ нашей служебной іерархіи.

### 3. Канцелярщина, штаты и „полная мочь“.

#### 1.

Въ сомнѣ одолевшихъ насъ болячекъ, обнаруженныхъ минувшей войной, о которыхъ принято выражаться, что онѣ незамѣтно для насъ таились въ нѣдрахъ нашей арміи—есть, однако, и такія, которыя и задолго до войны свирѣпствовали на виду у всѣхъ, заѣдая весь организмъ нашей арміи, парализуя сколько нибудь продуктивную дѣятельность войскъ въ мирное время. Мы имѣемъ въ виду одолевашую насъ уже издавна настоящій потопъ канцелярской переписки, въ которой безпомощно бьется и тонетъ всякое живое дѣло.

Кто у насъ не сознавалъ и за долго до войны этого хроническаго недуга? Кто только ни принимался лечить насъ отъ этого чернильнаго запоя, которымъ страдаютъ всѣ вѣдомства, который ругаютъ и проклинаятъ во всѣхъ штабахъ и канцеляріяхъ и которому все-таки предаются сознательно, завѣдомо одурманивая себя и начальство многочисленными исходящими, всевозможными реестрами, красиво звучащими приказами и хитроумными отчетами, съ такимъ множествомъ мудреныхъ графъ, что въ нихъ не только начальство, но и самъ чортъ десять разъ себѣ ногу сломить прежде, чѣмъ выберется изъ дебрей безконечныхъ линій.

Еще покойный П. С. Ванновский, немедленно по вступлении въ должность военнаго министра, принялся лечить свое вѣдомство отъ заѣдающей его канцелярщины; но всѣ придуманныя для этой цѣли средства оказались совершенно безплодными— прежде всего потому, что въ нихъ копошились уже зародыши канцелярскаго микроба, который быстро развился и расплодился, еще не выходя изъ лабораторіи приказовъ и циркуляровъ. Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ мѣръ того времени: ввести въ штабахъ и канцеляріяхъ маленькій форматъ бланковъ въ  $\frac{1}{8}$  долю листа для стношеній и отзывовъ. Развѣ это не чисто канцелярское творчество ума? Очевидно, имѣлось въ виду заставить писать не много, кратко; а на самомъ дѣлѣ это повело къ тому, что въ канцелярскомъ обиходѣ появилось однимъ *форматомъ* больше, и рождается поэтому лишній, небывалый раньше, вопросъ: на какомъ бланкѣ писать—на большемъ, маломъ или маленькомъ. А что касается краткости изложения, то для мысли человѣческой, когда ей хочется выкулаться въ чернилѣ, никакое Прокрустово ложе препеной служить не можетъ: писали поэтому на двухъ—трехъ такихъ бланкахъ, сложенныхъ вмѣстѣ.

Обращаясь къ вопросу какъ уврачевать это общепризнаное зло, необходимо, кажется мнѣ, уяснить себѣ прежде всего природу заѣдающаго насъ канцелярскаго микроба, такъ какъ только при этомъ условіи и можно опредѣлить составъ необходимой для прививки сыворотки.

Надо признать, что получившая у насъ такое сильное развитие въ войскахъ канцелярская переписка выросла и воспитана на почвѣ родственной всѣмъ вѣдомствамъ—общей нелюбви къ подлинному труду, желанію отдѣлаться формальнымъ отношеніемъ— „подписалъ и съ плечъ долой“, или стяжать дешерева лавры кажущейся дѣятельности посредствомъ обилія исходящихъ. Эти сокровенные признаки одолевашоющей насъ канцелярщины мы найдемъ въ любой области нашего дѣла, какъ только оно попадаетъ въ безбрежное русло бумажной переписки. Весьма трудно заставить себя заняться какимъ нибудь сложнымъ вопросомъ, требующимъ извѣстной вдумчивости и усидчивой работы; тѣмъ болѣе, когда для этого есть прекрасный выходъ—потребовать представленія надлежащихъ свѣдѣній отъ подчиненныхъ штабовъ и управленій.

Что представляетъ собою обыкновенная посылка разныхъ проектовъ „на заключеніе“, какъ не полное замаскированное отпихиваніе отъ себя обязательнаго труда съ цѣлью свалить его на подчиненнаго! Посылается, напримѣръ, какой-нибудь важный вопросъ на заключеніе командующаго войсками округа, въ предположеніе, конечно, услышать мнѣніе человека умудреннаго опытомъ жизни и службъ; а въ результатѣ приходится вполнѣ адъютантовъ, или даже ихъ помощниковъ. При трудолюбивомъ и живомъ, а не формальномъ, отношеніи къ дѣлу, командующему войсками надлежало бы совмѣстно съ начальникомъ штаба урвать часъ—другой, чтобы подумать надъ заданнымъ вопросомъ и принять извѣстное рѣшеніе; но это сократило бы часъ—другой болѣе пріятнаго препровожденія времени, поэтому полученный проектъ предпочитается, въ свою очередь, передать дальше „на заключеніе“ и т. д., до полкова включительно.

А въ результатѣ получается слѣдующее: одинъ или нѣсколько писарей, иногда цѣлыми недѣлями, трудятся надъ переписываніемъ обширнаго проекта, который обрабатывается затѣмъ на литографскомъ станкѣ, проходитъ во многихъ экземплярахъ по исходящимъ, почтамъ, дальнѣйшимъ входящимъ, и затѣмъ... снова иногда воспроизводится на литографскомъ станкѣ въ штабѣ корпуса или дивизіи и т. д., пока это не придетъ на заключеніе командировъ полковъ, которые, къ огорченію своему, никакъ не могутъ сплавить эти вопросы дальше „на заключеніе“; потому-то они больше всѣхъ и стонутъ отъ заливающей ихъ переписки.

Неудивительно, что при такомъ канцелярскомъ толченіи всякаго дѣла въ омутѣ безплодной переписки гибнетъ живая мысль, а иногда и самая идея, вызвавшая къ жизни тотъ или другой вопросъ. Вмѣсто подлиннаго дѣла получается лишь поддѣлка, въ видѣ вороха входящихъ и исходящихъ.

Чтобы отучить наши штабы и управленія отъ зловредной страсти къ безконечному писанію бумагъ, однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ, на ряду со многими другими, могло бы служить сокращеніе штатовъ, особенно въ высшихъ штабахъ.

На сколько завѣдомо излишня переписка обусловливается иногда чрезмѣрнымъ избыткомъ служащаго персонала, ищущаго

приложениа тогда своей изобрѣтательности, можно судить по слѣдующему достаточно яркому примѣру. Какъ извѣстно, въ минувшую русско-японскую войну надъ небольшимъ кускомъ нашего единственнаго желѣзнодорожнаго сообщенія пеклось множество нянекъ; а надъ ними, кромѣ того, имѣлись еще три оберъ-няньки въ видѣ трехъ управленій военныхъ сообщений, входившихъ въ составъ трехъ штабовъ дѣйствующихъ армій; но сверхъ всего создано было еще одно оберъ-управленіе военныхъ сообщений при главнокомандующемъ для опеканія все того же кончика рельсового пути. Какъ и подобаетъ такому важному управленію, оно было разукрашено соотвѣтствующими штатами, и въ результатѣ—томились бездѣлемъ около десятка генераловъ и штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба; отъ нечего дѣлать изоцрялись, напримѣръ, такими канцелярскими затѣями; для докладовъ главнокомандующему устанавливаются по внѣшнему виду *дволяго* рода форматы—большой и малый, а въ отношеніи распространенности изложенія тоже *два* порціи—большой докладъ и малый докладъ; затѣмъ эти форматы съ порціями изложенія комбинируются слѣдующимъ образомъ: „напишите *большой* докладъ на *большомъ форматѣ*“,—*малый* докладъ на *большомъ форматѣ*,—*малый* докладъ на *маломъ форматѣ* и большой докладъ на *маломъ форматѣ*.

Вотъ на что размѣниваются вниманіе и энергія людей, когда они непомѣрно широко обставлены штатами, поощряющими не трудъ, а узаконенное бездѣлье. Хуже всего то, что при такой обстановкѣ воспитывается ложное представленіе о подлинномъ дѣлѣ, такъ какъ въ глазахъ законсѣлыхъ канцеляристовъ хитромное сочетание форматовъ съ содержаніемъ пріобрѣтаетъ далеко не символическое, а вполне дѣйствительное значеніе.

Итакъ, нерасположеніе къ подлинному труду, воспитанное и поощряемое широко расплотившимися штатами, особенно въ высшихъ штабахъ и управленіяхъ—вотъ коренныя причины заѣдающей насъ канцелярщины. Пересмотрите и сократите всѣ штаты многочисленныхъ штабовъ и управленій, начиная сверху, и этотъ острый вопросъ рѣшится самъ собою, потому что изсякнутъ самые источники канцелярской переписки.

Иного рѣшенія вопроса быть не можетъ. Представьте себѣ придуманное, подъ видомъ необходимости, обширное центральное

управленіе, обставленное многочисленными штатами съ хорошими окладами, но лишенное настоящей живой дѣятельности. У многихъ ли хватитъ гражданскаго мужества заявить громогласно, что у нихъ нѣтъ работы, что они являются лишь бесполезнымъ бременемъ для государственнаго казначейства? Радѣя о хлѣбѣ насущномъ, они будутъ стараться, конечно, доказывать необходимость своего существованія придумываніемъ новыхъ форматовъ, установленіемъ хитрыхъ отчетовъ и т. п. Вотъ почему всѣ проекты комиссій, имѣвшіе цѣлью сокращеніе переписки въ войскахъ, а съ ними всѣ послѣдовавшія затѣмъ мѣропріятія по военному вѣдомству, въ концѣ концовъ, оказались въ полной мѣрѣ мертворожденными. При обсужденіи всевозможныхъ средствъ для уврачеванія всѣми сознаваемого зла избѣгали кореннаго рѣшенія вопроса, ходили лишь вокругъ да около, и никому не хотѣлось подрубать сукъ, на которомъ и самъ сидишь. Отмѣнили представленія пары годовыхъ отчетовъ для существующихъ штабовъ, а рядомъ съ этимъ выросла цѣлая серія новыхъ штабовъ и управленій, которые пишутъ и которымъ надо отписывать.

Мы изыскиваемъ теперь многообразныя средства, чтобы облегчить войсковому начальству его задачу въ отношеніи боевой подготовки войскъ, придумываются новые проекты сокращенія переписки въ войскахъ, освобожденія отъ излишней отчетности и т. д. Но право, кажется, что это повторяется старое хожденіе вокругъ и около завѣдомаго источника зла—чрезмѣрнаго обилія высшихъ штабовъ и управленій съ ихъ обширными штатами личнаго персонала служащихъ. Необходимо вполне добросовѣстно и безкорыстно произвести переоцѣнку подлиннаго труда во всѣхъ войсковыхъ штабахъ, начиная сверху, и сократить штаты, возвративъ излишествующихъ въ армію—къ ихъ прямому назначенію\*).

Уже давно твердили міру, что трудъ представляетъ собою основу всѣхъ добродѣтелей, точно также, какъ бездѣліе, созданное щедрыми штатами, является источникомъ всякихъ пороковъ и приноситъ безусловный вредъ дѣлу. Современная организациа административнаго устройства нашей арміи съ его обширными штатами не благоприятствуетъ продуктивной дѣятельности. Мы замѣчаемъ всюду повальную лѣнь, наклонность къ отвиливанію отъ работы при всякой возможности, не исключая и начальства,

\*) Эта идея принята теперь, слава Богу, въ основаніи реорганизации штабовъ и управленій.

которое весьма часто теряет бодрое настроеніе при видѣ лишняго десятка бумагъ, подлежащихъ подписыванію. И все это, какъ въ общемъ фокусѣ, сходитя въ одномъ первоисточникѣ всѣхъ золь—чрезмѣрномъ обилии штатовъ въ штабахъ и управленіяхъ, а также въ организациіи самихъ войскъ.

## II.

Не менѣе важно собраніе власти въ однѣхъ рукахъ, которая послѣ войны расплылась по разнымъ комитетамъ и главнымъ управленіямъ, и только въ послѣдніе годы снова стала сосредоточиваться въ рукахъ военного министра...

Обратите вниманіе на постановку работы и степень вліятельности вопросовъ и лицъ во всѣхъ нашихъ штабахъ, управленіяхъ и учрежденіяхъ, начиная отъ полковой канцеляріи и кончая Главнымъ Штабомъ: что имѣтъ у насъ господствующее значеніе? Конечно, прежде всего—вопросы по инспекторской части: прохожденіе службы, награды и пособия, переводы, командировки и назначенія и т. п.; въ штабахъ дивизій и корпусовъ это составляетъ главное ядро штабной работы; адъютантъ по инспекторской части въ корпусномъ штабѣ, или въ штабѣ округа, всегда самый вліятельный и важный среди всѣхъ прочихъ старшихъ адъютантовъ. Въ Главномъ Штабѣ роль и значеніе дежурнаго генерала и подвѣдомственной ему сферы дѣятельности совершенно покрываютъ собою все, что исходитъ отъ генералъ-квартирмейстера и другихъ начальниковъ отдѣловъ. Это бросается въ глаза даже при поверхностномъ взглядѣ на это дѣло: издавна установившимся порядкомъ, вопросамъ по части дежурнаго генерала удѣляется въ недѣлю число докладовъ вдвое больше, чѣмъ по другимъ отраслямъ военного вѣдомства. Въ результатѣ получается, что вопросу о продленіи прикомандированія какого-нибудь подпоручика удѣляется гораздо больше вниманія и времени, чѣмъ, напримѣръ, вопросу объ образованіи новаго казачьяго войска, или реорганизациіи арміи на новыхъ началахъ и т. п.

Едва ли есть надобность вдаваться въ разъясненіе причинъ этого нежелательнаго явленія, которое вкоренилось не у насъ только, въ военномъ вѣдомствѣ, а заѣдаетъ весь нашъ государственный организмъ; напримѣръ: въ многочисленныхъ депар-

таментяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ доминирующая роль принадлежитъ „департаменту общихъ дѣлъ“, въ которомъ сосредоточивается все то, что у насъ служитъ предметомъ вѣдѣнія „дежурной части“. Причины эти ясны: переводъ какого-нибудь подпоручика для совмѣстнаго служенія или установленія кандидатуры на тотъ, а не иной полкъ—это *вещь*, за которой стоитъ живой человекъ, онъ завопитъ, такъ или иначе. Ну, а вопросы государственной обороны—это, конечно, *гилья*, за которую вопить никто не станетъ.

Оттого-то, къ несчастію, всѣ нарождающіеся у насъ великіе вопросы въ дѣлѣ государственнаго строенія, при первомъ же появленіи на свѣтъ Божій, сразу же охватываются заѣдающей насъ канцелярской тлей, губящей у нихъ въ корнѣ зародыши жизни. Это, повидимому, стало нашей хронической болѣзью, переходящей по наслѣдству изъ рода въ родъ, отъ учрежденія къ учрежденію. Народилась Государственная Дума,—казалось бы совсѣмъ новый членъ въ семьѣ нашихъ государственныхъ учрежденій, родившійся безъ малѣйшаго зачатія со стороны канцелярій; но—прошло немного времени—и мы видимъ уже и Думу атакованной канцелярскими паразитами, въ видѣ цѣлаго вороха мелочныхъ бумажныхъ законовъ, справедливо названныхъ однимъ публицистомъ „веселыми“, которые, точно горчичникъ, отвлекаютъ вниманіе отъ важныхъ вопросовъ. Образовался было у насъ совѣтъ государственной обороны—*сверхъ*-штабъ, который долженъ вѣдать вопросами только государственными, но и тутъ, вѣроятно за отсутствіемъ вопросовъ болѣе важныхъ, онъ довольствовался вопросами менѣе важными, пока его, наконецъ, совершенно упразднили.

Если цѣлыя учрежденія оказываются уже отъ рожденія пораженными канцелярскимъ микробомъ, то нечего и говорить, что отдѣльныя лица, выросшія въ затхлой атмосферѣ канцелярской рутины, не могутъ противостоять тлетворному дѣйствію штабнаго паразита и уходятъ сейчасъ же въ мелочи канцелярскаго дѣла. Всѣмъ памятно, что первымъ дѣломъ покойнаго П. С. Ванновскаго, когда онъ сдѣлался военнымъ министромъ, было... установленіе опредѣленнаго часа для занятій въ Главномъ Штабѣ, и какіе-то распоряжкіи въ службѣ штабныхъ писарей; а когда П. С. Ванновскаго смѣнилъ А. Н. Куропаткинъ,

озаренный боевой славой своего патрона, М. Д. Скобелева,—самъ импониравшій орлинымъ полетомъ мысли, широкимъ размахомъ кругозора,—всѣ ожидали широкихъ коренныхъ реформъ по военному вѣдомству. Оказалось, однако, что и этотъ орель по полету, попавъ въ бумажное царство, оказался столь же безпомощнымъ, какъ муха, завязнувшая въ сметанѣ. Всѣмъ извѣстно, что, не говоря уже про мирное время, даже на театрѣ войны ген.-адъют. Куропаткинъ не могъ бороться съ этимъ микробомъ, изнывая отъ обильной письменности, не оставившей времени даже для выработки оперативныхъ плановъ.

Но могутъ спросить: что же вы хотите? Если такъ уже отъ рожденія кровь нашей бюрократіи заражена канцелярскимъ микробомъ, то, значить, это непреложный фактъ, который не устранить никакимъ единствомъ власти, такъ какъ нѣтъ гарантіи, что и при всей полнотѣ власти военный министръ не уйдетъ въ мелочи бумажнаго дѣла.

На это можно возразить слѣдующее: устранить это однимъ махомъ, пожалуй, задача не достижимая, но бороться съ этимъ зломъ слѣдуетъ систематически и упорно, а для борьбы слѣдуетъ примѣнять средства, аналогичныя съ тѣми, которыя выработаны медициной для борьбы съ микробами и бактеріями всякаго рода: это соотвѣтствующія прививки въ видѣ противоядія. Если раздѣленіе власти ведетъ къ наводненію мелочей и канцелярщины, то прививка полноты власти здоровыми порціями поставитъ людей въ невозможность уходить въ мелочи.

Выходъ одинъ: всю, *безъ исключенія*, власть по организациі обороноспособности государства необходимо объединить въ рукахъ одного лица, который долженъ быть хозяиномъ и сухопутныхъ, и *морскихъ* вооруженныхъ силъ страны. Высказываю это категорически, не опасаясь упрека въ парадоксальности. Задолго до русско-японской войны моряки высказывали въ видѣ шутки, что—„хорошо бы объединить насъ подъ крѣпкую десницу Петра Семеновича (Ванновскаго)“, хотя въ душѣ, можетъ быть, глубоко возмущались бы такимъ мезальянсомъ, еслибы это осуществилось на самомъ дѣлѣ. Но опытъ минувшей войны убѣдительно доказываетъ, какъ было бы хорошо, если бы въ Артурѣ чувствовалась *одна*, крѣпкая десница... Этому учить и опытъ осады Севастополя, которая теперь, изъ прекраснаго далека, кажется

намъ такой гладкой, а на самомъ дѣлѣ была тоже чревата пагубными треніями раздвоенія власти.

Конечно, нѣтъ гарантіи, что и при такой полнотѣ власти начальникъ не уйдетъ въ мелочи бумажнаго дѣла. Но зато, если хоть изъ десяти судьба даруетъ Россіи *только одного* гениальнаго организатора, то онъ укрѣпитъ оборону государства такъ, что остальнымъ девяти не удастся расшатать его и въ долготу вѣковъ своимъ бумажнымъ дѣломъ.

А Россія на своемъ вѣку видѣла и гениальныхъ организаторовъ,—даже чаще, чѣмъ одного изъ десяти. Надо только, чтобы для нихъ была всегда готова привольная атмосфера для дѣятельности...

### III.

Затронутый здѣсь вопросъ о полномъ объединеніи въ однихъ рукахъ всей организациі сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ—не такого свойства, чтобы тутъ можно было ограничиться брошенной фразой, не подходя вплотную къ самой сути дѣла.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что во всѣхъ государствахъ, гдѣ только имѣются сухопутная армія и флотъ, вездѣ существуютъ отдѣльные, независимые другъ отъ друга, министры военной и морской; поэтому мысль объ объединеніи въ однихъ рукахъ организациі сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ можетъ показаться чрезуръ оригинальной, граничащей съ парадоксальностью.

Не думаю, однако, гнаться за оригинальностью мысли, а имѣю въ виду лишь простой здравый смыслъ. Придаю также огромное значеніе опыту всѣхъ другихъ государствъ, имѣющихъ правильно организованная вооруженная сила, раздѣленная между двумя самостоятельными вѣдомствами; но предлагаю обратить вниманіе на исключительность нашего времени, знаменующаго собою эпоху строительства нашихъ вооруженныхъ силъ и государственной обороны на новыхъ началахъ. Это послѣднее мы должны установить, какъ краеугольный камень всей постановки этого вопроса: если предположить, что все обстоитъ благополучно, что ничего особеннаго и не случилось,—какъ въ этомъ стараются увѣрить ретивые партизаны лже-патріотическаго са-

мосмакованія, то разумѣется никакихъ новыхъ шаблоновъ и не требуется, кромѣ тѣхъ, которые нашли себѣ примѣненіе въ чужихъ странахъ и получили надлежащее испытаніе у себя дома.

Но, если признаемъ, что мы переживаемъ теперь время исключительное, что наши вооруженныя силы, какъ сухопутныя, такъ и морскія, нуждаются въ полномъ возрожденіи моральномъ и матеріальномъ послѣ тѣхъ тяжелыхъ ударовъ, которые пережили нами на Дальнемъ Востока, то станетъ яснымъ, что для этого требуются мѣры чрезвычайныя, а не расшатанныя рамки обычной организациі, и безъ того разстроеныя рядомъ всевозможныхъ полумѣръ и раздергиваніемъ власти и отвѣтственности въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ.

Прежде всего бросается въ глаза слѣдующая ненормальность, приобретающая особое значеніе въ наше время: это отсутствіе объединяющаго начала въ распредѣленіи государственныхъ средствъ въ дѣлѣ организациі морской или сухопутной обороны государства. При обсужденіи въ Государственной Думѣ бюджетовъ военнаго и морского министерствъ высказывается немало пожеланій, похвалъ и порицаній отдѣльно по адресу того или другого министерства; смотря по настроенію народныхъ представителей—одни предлагали вмѣсто постройки новыхъ броненосцевъ обновить неприкосновенные запасы въ арміи, а другіе предлагаютъ уменьшить численность арміи, и насчетъ достигнутой экономіи по сухопутному вѣдомству организовать морскую оборону нашихъ береговъ. Всѣ эти дебаты и споры имѣли характеръ крайне поверхностный и вполнѣ случайный; нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ изъ депутатовъ не взялъ бы на себя смѣлость съ легкимъ сердцемъ распредѣлять эти средства между военнымъ и морскимъ министерствами по одному лишь усмотрѣнію, безъ глубокаго изученія вопросовъ морской и сухопутной обороны государства во всемъ ихъ тѣсномъ органическомъ взаимодействіи, которое существуетъ на самомъ дѣлѣ.

Но кто же въ такомъ случаѣ у насъ объединяетъ всѣ нужды государственной обороны? Совѣтъ министровъ, куда на разсмотрѣніе вносятся бюджеты всѣхъ вѣдомствъ, касается лишь цифръ и штатовъ, не входя въ разсмотрѣніе капитальныхъ вопросовъ по существу, такъ какъ ни одинъ изъ всѣхъ прочихъ министровъ—юстиціи, народнаго просвѣщенія, внутрен-

нихъ дѣлъ и т. п.—не считаетъ себя компетентнымъ въ вопросахъ специально военныхъ или морскихъ. Существовавшій до послѣдняго времени „Совѣтъ государственной обороны“ разсматривалъ отдѣльные разрозненные вопросы по министерству военному или морскому, не входя вовсе въ распредѣленіе общей суммы, расходуемой государствомъ на дѣло обороны.

Такимъ образомъ, нужды государственной обороны, которыя должны отличаться полной гармоничностью и строгимъ единоначаліемъ, разрабатываются на самомъ дѣлѣ отдѣльно по военному и морскому вѣдомствамъ, параллельно другъ къ другу, не только безъ всякой связи, но и безъ всякаго соприкосновенія между собою. Если такое положеніе вещей нельзя признать разумнымъ въ обыкновенное нормальное время, то тѣмъ болѣе такой порядокъ неумѣстенъ въ періодъ возрожденія и строительства вооруженныхъ силъ государства, когда каждый новый расходъ, каждый шагъ впередъ, долженъ быть уравновѣшенъ одной общей и единой идеей государственной обороны.

Укажемъ, для примѣра, слѣдующій фактъ, представляющій собою для насъ нынѣ вопросъ вполнѣ жизненный и гжучій. Намъ необходимо принять неотложныя мѣры для организациі обороноспособности Дальняго Востока. Что важнѣе въ настоящую минуту—основать эту оборону на силахъ сухопутныхъ, на усиленіи арміи, постройкѣ крѣпостей, созиданіи новой базы и т. п., или же—на постройкѣ новаго флота? По этому вопросу завязалась въ печати оживленная полемика, которая, конечно, не привела къ опредѣленному рѣшенію. Такого абсолютно безошибочнаго рѣшенія не будетъ, разумѣется, и тогда, когда военное и морское вѣдомства будутъ объединены въ лицѣ общаго начальника; но тутъ важно то, что всѣ вопросы, касающіеся обороноспособности государства, будутъ всегда разсматриваться и оцѣниваться въ ихъ общемъ взаимодействіи. А единство взглядовъ въ этомъ случаѣ имѣетъ огромное значеніе.

Въ настоящее же время у насъ нѣтъ такого объединяющаго начала; и мы не видимъ никакихъ причинъ, почему бы не соединить организацию сухопутной и морской обороны въ лицѣ одного общаго хозяина, который служилъ бы общимъ двигателемъ и регуляторомъ въ дѣлѣ созиданія обороноспособности государства.

Недавно въ политической печати всплывалъ часто вопросъ о возможности основанія у насъ новой должности *генералиссимуса*. Газеты сейчасъ же подхватили это, какъ своего рода политическое знамя: правыя газеты смотрѣли на будущаго генералиссимуса, какъ на проектированнаго ими „*Иванова 13-го*“, лѣвыя газеты предвкушали въ этомъ нѣчто въ видѣ *большого кнута*. Мы, конечно, далеки отъ обѣихъ этихъ крайностей, и привѣтствовали бы возрожденіе званія генералиссимуса, исключительно какъ объединяющаго организационнаго начала въ дѣлѣ созиданія и устройства морскихъ и сухопутныхъ вооруженныхъ силъ страны по одной общей идеѣ и одной направляющей рукой.

#### 4. Про офицерское житье—бытье.

##### 1.

Послѣ прибавки содержанія въ минувшемъ году матеріальное положеніе строевого офицера значительно улучшилось. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что быть офицерскій, независимо отъ размѣра получаемаго содержанія, иногда еще въ большей степени зависитъ отъ многихъ укоренившихся обычаевъ и взглядовъ, съ которыми не совладаютъ какія бы то ни было прибавки содержанія, такъ какъ борются съ этими обычаями, являющимися важнымъ тормазомъ на пути улучшенія офицерскаго быта, мы должны сами,—собственной самодѣятельностью и самостоятельностью характера. Я имѣю въ виду вычеты изъ офицерскаго содержанія, неузаконенные дѣйствующими законоположеніями, а налагаемые такъ называемыми постановленіями офицерскихъ собраний по разнымъ случаямъ, не предусмотрѣннымъ никакими правилами, но поддерживаемымъ лишь укоренившимися взглядами и обычаями.

Ясно, кажется, безъ лишнихъ словъ, что въ какомъ бы размѣрѣ ни послѣдовала прибавка содержанія, она никогда не въ состояніи будетъ перевернуть кореннымъ образомъ матеріальный бытъ нуждающагося офицера. Каждому извѣстно изъ ходячей премудрости обыденнаго общежитія, что, за небольшимъ исключеніемъ, всѣ въ наше время живутъ съ нѣкоторой натяжкой выше

своихъ средствъ: если семейному или холостому штабсъ-капитану каждый мѣсяць не хватало 15—20 рублей, то можно быть увѣреннымъ, что, получивъ прибавку въ 20 руб., у него все же останется неизмѣнно эта нехватка, которая, весьма вѣроятно, скорѣе увеличится, чѣмъ уменьшится; а когда впоследствии этотъ штабсъ-капитанъ сдѣлается генераломъ и будетъ получать содержаніе хотя бы въ десять разъ больше штабсъ-капитанскаго, у него, несомнѣнно, все же останется этотъ вхостикъ въ видѣ неизбѣжной ежемѣсячной нехватки въ 15—20 руб., съ которой онъ жить началъ.

Происходитъ это отъ того, что корень бытовыхъ условий нашей жизни въ гораздо большей степени зависитъ отъ окружающей житейской обстановки, чѣмъ отъ размѣра получаемаго содержанія. Правило это, являющееся общеизвѣстнымъ закономъ въ отношеніи всѣхъ, вообще, словесъ современнаго общества, приобретаетъ особую силу и значеніе въ средѣ офицерской, живущей одной общей корпоративной жизнью, въ значительной степени ограничивающей офицеру возможность устроить и наладить свою жизнь по-своему. Чиновникъ, купецъ, докторъ могутъ, оставаясь въ кругу своей среды, создать себѣ обстановку жизни по собственнымъ вкусамъ и наклонностямъ; но офицеръ волей-неволей долженъ жить одной общей жизнью со всѣмъ офицерскимъ обществомъ. Въ иностранныхъ арміяхъ требованія въ этомъ отношеніи существуютъ гораздо болѣе строгія, чѣмъ у насъ: въ германской, австро-венгерской, отчасти и въ англійской, арміяхъ офицеры обязательно должны собираться ежедневно даже къ общему столу, не говоря уже про то, что каждый шагъ бытовой и моральной жизни офицера, гдѣ бы онъ ни былъ, контролируется тяготящими надъ нимъ взглядами и обычаями его среды.

Но если офицеръ поставленъ въ такую затруднительную зависимость отъ окружающей его обстановки, то отъ насъ же зависитъ сдѣлать эту обстановку факторомъ улучшающимъ, а не ухудшающимъ матеріальное положеніе офицера. Поэтому, если такъ много говорятъ объ улучшеніи офицерскаго быта отъ прибавки жалованья, умѣсто напомнить, что для этой цѣли существуютъ еще болѣе могущественныя средства, которыя зависятъ не отъ прибавокъ, а отъ насъ самихъ. На первомъ планѣ въ этомъ вопросѣ стоятъ укоренившіеся въ офицерской средѣ вычеты изъ

содержанія на полковые праздники, прощальные обѣды, прощальные и юбилейные подарки и т. п. Кому не извѣстно, что эти установившіеся у насъ обычаи являются настоящимъ бичомъ для матеріальнаго благосостоянія офицера! Развѣ тутъ помогутъ какія-нибудь прибавки къ жалованью?

Для празднованія годового праздника полка, расположеннаго въ какомъ нибудь провинціальномъ городѣ, принято обыкновенно приглашать не только всѣхъ старшихъ офицеровъ и начальствующихихъ лицъ всего гарнизона, но и всѣхъ гражданскихъ и городскихъ властей всего города, съ которыми масса офицеровъ полка не имѣетъ ничего общаго, ни по службѣ, ни въ жизни; всѣ эти власти, въ дѣйствительности или по видимости, нужны собственному полковому начальству, которому хочется блеснуть пышнымъ праздникомъ, а отдуваться приходится офицерскому карману, потому что суммы, ассигнуемой для этой цѣли изъ пресловутаго IX отдѣла хозяйственной смѣты, всегда не хватаетъ, и приходится прибѣгать къ вычетамъ изъ офицерскаго содержанія. Получается, такимъ образомъ, картина весьма непригляднаго свойства: сидитъ на такомъ праздникѣ гдѣ-нибудь за „музыкантскимъ столомъ“ мрачный штабсъ-капитанъ, у котораго на тѣсной квартиркѣ бьется въ нуждѣ жена и полдюжины ребятъ, а здѣсь, вдали, „на правомъ флангѣ“, рѣкой льется шампанское и командиръ обмѣнивается многочисленными тостами съ губернаторомъ и другими властями; „музыкантскій столъ“ истово подхватываетъ „ура“, а у мрачнаго штабсъ-капитана невольно промелькнетъ мысль—какъ пригодились бы у него дома эти 7—10 рублей, которые вычтутъ изъ его скуднаго содержанія на эти тосты, заливаемые шампанскимъ.

Еще хуже бываетъ при празднованіи юбилейныхъ праздниковъ. Извѣстны случаи, когда изъ жалованья офицерскаго производились ежемѣсячные вычеты въ теченіе *трехъ лѣтъ* „для достойнаго празднованія 200-лѣтняго юбилея“, которое, по программѣ, было разсчитано на 3 дня; общая сумма вычета за все время составила *около 60 рублей* для младшаго офицера; вмѣстѣ со сбереженіями изъ полковыхъ суммъ на сей предметъ въ теченіе трехъ лѣтъ получилась крупенькая сумма въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, которая предназначена была къ израсходованію въ три дня... Вотъ куда завлекаютъ насъ извращен-

ные обычаи и взгляды! А вѣдь эти юбилейныя торжества удостоило своимъ присутствіемъ высшее начальство, которому, по видимому, и въ голову не приходила обратная сторона этой медали. Были, однако, и благоразумные голоса: одинъ благоразумно мыслящій генералъ, въ отвѣтъ на приглашеніе прибыть на юбилей, отвѣтилъ: „вы приглашаете смотрѣть, какъ въ *три дня* будете пропивать то, что копили *три года*. Благодарю покорно! Я буду только на парадѣ и прибикну знамени, но отъ участія въ тостахъ освободите, такъ какъ глубоко увѣренъ, что этими тостами ничего не прибавите къ боевой славѣ полка“...

За полковыми праздниками тянутся и праздники *ротные*, а въ гвардейскихъ частяхъ установились даже еще и праздники *взводные*, ибо гвардія должна же сугубо отличаться отъ армии. Кому не извѣстно, что блистать праздникомъ, „задавать шикъ“ подъ видомъ гостеприимства и хлѣбосольства, составляетъ собою слабость заразительнаго свойства. Нужды нѣтъ, что тутъ сказываются собственно мизерныя черты человѣческой природы, а не болѣе сильныя стороны характера самостоятельнаго и устойчиваго. Но вѣдь заурядные люди встрѣчаются чаще, чѣмъ натуры исключительныя. Каково ротному командиру, одному изъ шестнадцати, отстать отъ заведеннаго обычая, тѣмъ самымъ еще дѣлая укоръ остальнымъ своимъ пятнадцати товарищамъ! Приходится тянуться. И бывали случаи, что, за неимѣніемъ собственныхъ средствъ, ротный командиръ дѣлалъ „позаимствованія“ изъ заробочихъ или амуничныхъ денегъ и все же устраивалъ обильный праздникъ. При ближайшемъ опросѣ претензій обнаруживалась растрата, ротный командиръ предавался суду, и мало кто задумывался надъ вопросомъ—какую роль тутъ сыгралъ шикарный ротный праздникъ.

Но если можно еще при помощи кудреватыхъ сужденій находить какія-нибудь оправданія для вычетовъ на полковые и юбилейные праздники, то еще менѣе обоснованными надо признать вычеты на прощальные обѣды и подарки. Это—горшее зло, хотя бы потому, что это бѣдствіе для офицерскаго кармана повторяется гораздо чаще, чѣмъ разъ въ году. Въ особенности это чувствовалось въ послѣдніе годы, послѣ войны. За это время, какъ извѣстно, происходило „великое переселеніе“ офицеровъ изъ однѣхъ частей въ другія. И вотъ, по случаю каждаго ухода и

прихода—праздникъ; раскошеливайся все тотъ же мрачный штабсъ-капитанъ, навьюченный семейнымъ счастьемъ. Весьма часто къ этимъ прощальнымъ выпивкамъ присоединяется еще прощальное подношение, и—бѣдный штабсъ-капитанъ опять раскошеливайся.

Конечно, все это дѣлается на строгомъ основаніи постановлений общества офицеровъ. Но тутъ-то сказывается засилье большинства,—такое засилье, которое нельзя оправдать никакими, сколько-нибудь обоснованными, сужденіями логики. Казалось бы, что если признается возможнымъ отстаивать иногда права меньшинства въ вопросахъ идейныхъ, то это тѣмъ болѣе умѣстно въ вопросахъ матеріальнаго свойства, гдѣ замѣшанъ столь чувствительный ко всему карманъ; но выходитъ наоборотъ: постановления собранія общества офицеровъ дѣлаютъ иногда уступки меньшинству въ вопросахъ отвлеченной морали, но постановленія о вычетахъ изъ офицерскаго содержанія имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, обязательный характеръ для всѣхъ. Вѣдь по здравому смыслу меньшинство въ правѣ было бы сказать своимъ товарищамъ:—„вамъ хочется чествовать Иванъ Ивановича? Сколько угодно, но не трагуйте нашъ карманъ“. Тѣмъ не менѣе вычетъ будетъ произведенъ, согласно постановленію собранія офицеровъ, изъ всѣхъ кармановъ, желающихъ и нежелающихъ.

Вотъ гдѣ корень улучшения быта офицеровъ! Прибавка къ жалованью—сама собою; но не менѣе важна та обстановка житейская, которая слагается подъ вліяніемъ укоренившихся взглядовъ и нравовъ среды. Хорошо извѣстно, что вопросъ этотъ оскомину набилъ во всѣхъ офицерскихъ бесѣдахъ, служа постояннымъ предметомъ безконечныхъ споровъ при всякомъ подходящемъ случаѣ, хотя въ военной печати затрагивается, почему-то, сравнительно, рѣдко. А когда случится, въ кои вѣки разъ, что этотъ вопросъ изъ закулисной офицерской жизни прорвется наружу, то всѣ невольно ахнутъ, какъ о явленіи какомъ-то необыкновенномъ. Не многимъ, можетъ быть, памятно, что лѣтъ 25 тому назадъ уголокъ этой завѣсы былъ слегка приподнятъ громкимъ процессомъ, обнаружившимъ эту сторону жизни въ нѣкоторыхъ полкахъ гвардіи; а затѣмъ... занавѣсъ опустился, скрывая за собою старые порядки.

Въ послѣдніе годы неоднократно принимались за уврачеваніе этихъ старыхъ язвъ въ офицерскомъ быту. Для осуществле-

нія намѣченныхъ въ этомъ направленіи реформъ, наши центральныя управления, согласно заведенному порядку, запрашиваютъ обыкновенно мнѣнія войсковыхъ начальниковъ. Я указалъ выше какова истинная цѣна всѣмъ этимъ отзывамъ и мнѣніямъ, сводящимся часто къ простымъ отпискамъ въ послѣднюю минуту. Но если такой приемъ еще можетъ быть терпимъ въ отношеніи вопросовъ, такъ сказать, казеннаго характера: какъ сократить число параграфовъ устава, или измѣнить ефрейторскіе приемы, и т. п., то онъ является совершенно неумѣстнымъ тогда, когда идетъ рѣчь о вопросахъ чисто бытовыхъ, и особенно затрагивающихъ домашнюю интимную жизнь офицера, въ большинствѣ случаевъ совершенно недоступную глазу войскового начальства.

Что можетъ сказать командующій войсками округа, или корпусный командиръ, или даже свой командиръ полка о сокровенныхъ нуждахъ молодого офицера, которая у престарѣлыхъ начальниковъ за долгою днѣй давнымъ-давно притупились и бильемъ поросли? А вѣдь вопросъ идетъ именно о такихъ нуждахъ, которыя сказываются въ интимной жизни, которыя бурлятъ и kloкочутъ только внизу, сохраняя ледяное спокойствіе наверху, гдѣ черпаются всѣ эти мнѣнія и отзывы.

Вотъ почему мнѣ кажется, что если полезно гласное обсужденіе въ печати всѣхъ, вообще, вопросовъ служебнаго характера, то это особенно справедливо въ отношеніи вопросовъ, затрагивающихъ бытъ офицера.

## II.

Отмѣченная выше веселая череда войсковыхъ праздниковъ—полковыхъ, ротныхъ и даже взводныхъ (въ гвардіи)—ложась тяжкимъ ярмомъ на карманъ офицерскій, отражается неблагоприятно и въ отношеніи моральной заправки офицеровъ, вліяя, такимъ образомъ, и на дѣло боевой подготовки арміи. Недаромъ еще въ древнія времена, при боевомъ воспитаніи юношей въ классически-воинственной Спартѣ, ихъ закаляли въ суровыхъ условияхъ строгаго воздержанія во всѣхъ потребностяхъ жизни. Точно также и въ наше время, одинъ изъ первыхъ шаговъ нынѣшняго германскаго императора Вильгельма—этого классическаго воина нашего вѣка—было изгнаніе изъ офицерскихъ казино дорогихъ винъ, шампанскихъ и иныхъ.

Въ дѣлѣ боевого воспитанія офицеровъ въ мирное время нельзя пренебрегать никакой мелочью въ бытовой ихъ жизни, если только она имѣетъ значеніе общей характерной черты, присущей всему укладу офицерской жизни. Всѣ эти мелочи выступаютъ на войнѣ съ особой рельефностью и часто даютъ себя знать въ бою цѣною кровавыхъ жертвъ и недостигнутыхъ результатовъ.

Чѣмъ, на примѣръ, объяснить такой фактъ, что злосчастная война на Дальнемъ Востокѣ, принеся намъ только одни поражения, совпадаетъ съ наибольшими, небывалыми въ нашей арміи, заботами наилучшимъ образомъ обставить бытовія условія жизни офицера и солдата на войнѣ? Почти все время войны офицеръ имѣлъ возможность, за рѣдкимъ исключеніемъ, удовлетворить свои потребности въ стаканѣ вина, хорошемъ сырѣ, хорошихъ изысканныхъ закускахъ и т. п., не говоря уже объ обыкновенныхъ пищевыхъ продуктахъ; затѣмъ, нормированный закономъ походный багажъ офицерскій давалъ возможность даже юному офицеру имѣть, помимо всего прочаго, и походную кровать, чуть-ли не на самой боевой позиціи; разныхъ суточныхъ, фуражныхъ и иныхъ денежныхъ отпусковъ даютъ съ завѣдомымъ огромнымъ избыткомъ; семья офицерская, оставленная на родинѣ, обезпечена также вполне прилично.

Словомъ, матеріальная сторона жизни обставлена была такъ, что офицеръ освобождался отъ всякихъ заботъ въ этомъ отношеніи; ему оставалось только исполнить долгъ свой передъ родиной. А вмѣсто этого главнокомандующій оказался вынужденнымъ даже въ официальныхъ приказахъ и приказаніяхъ отмѣчать чрезмѣрную склонность офицеровъ къ *нервозности*... Вотъ въ этой болѣзненной нервности, обнаружившейся въ нашей арміи только въ эту войну, и оказался тотъ растлѣвающий вибріонъ, который поражаетъ нравственную душу арміи. Мы тутъ убѣждаемся лишній разъ въ значеніи великой истины, высказанной, кажется, Евгеніемъ Савойскимъ: „армія, разбитая на войнѣ, была разбита еще и въ мирное время“,—то есть до войны таила уже въ себѣ всѣ причины поражения.

Всѣ бытовія условія жизни нашего офицерства въ мирное время, вся воспитательная система, установившаяся у насъ въ отношеніи корпуса офицеровъ, начиная отъ кадетскаго корпуса

и кончая неуволними отѣнками взаимоотношеній начальниковъ и подчиненныхъ,—все это способствовало пороженію той нервозности, которая съ тѣхъ поръ стала крылатымъ словомъ въ арміи. Намъ возражать, пожалуй, что нервы арміи были изношены и задерганы только впоследствии, подъ влияніемъ постоянныхъ неудачъ на театрѣ войны. Это справедливо только отчасти,—столько же, сколько болѣзненный процессъ въ больномъ организмѣ развивается подъ влияніемъ неблагоприятныхъ окружающихъ внѣшнихъ условий; но основная причина моральнаго недомоганія арміи на войнѣ кроется въ тѣхъ особенностяхъ нашей бытовой жизни, которыя привиты нѣкоторыми уродливыми понятіями и взглядами мирнаго времени.

Конечно, было бы совершенно бесполезно проповѣдывать въ наше время необходимость аскетической жизни древней Спарты; но крайность противоположнаго характера *несовѣстима съ побѣдой* на войнѣ, требующей неминусо нервовъ крѣпкихъ, получающихъ надлежащую закалку въ условіяхъ жизни умѣренной и воздержанной. Не только въ былое время въ суровой Спартѣ, но и во всѣхъ современныхъ арміяхъ стремятся къ этой умѣренности, а въ нашей арміи щеголяютъ другъ передъ другомъ излишествами, поощряемыми иногда начальствомъ. Во время минувшей войны иностранныхъ военныхъ агентовъ (см. Теттау) поражали кутежныя наклонности въ нашей арміи, которыя примѣнялись подъ видомъ официальныхъ праздниковъ и не покидали насъ даже въ мрачныя минуты постигавшихъ насъ несчастій: слѣдуя привычкамъ мирнаго времени, считалось обязательнымъ праздникъ части знаменовать разлитымъ моремъ дорогихъ напитковъ и изысканныхъ закусокъ; даже батареи затрачивали на такіе праздники сотни и даже до тысячи рублей.

Во время Русско-Турецкой войны 1877—1878 годовъ у насъ совсѣмъ не принимали въ расчетъ условія офицерской жизни въ походѣ, а во время минувшей войны въ Маньчжуріи къ этому предмету прилагались, почему-то, совершенно исключительная забота; объясняется это очень просто тѣмъ, что въ то же время и командующіе арміями требовали себѣ для жилья роскошно обставленныхъ поѣздовъ изъ Пульмановскихъ вагоновъ съ электрическимъ освѣщеніемъ, для которыхъ при

каждой стоянкѣ надо было сооружать дорогостоящіе запасные пути.

Все это продукты воспитанія мирнаго времени; все это стоитъ въ связи съ нашими кутежными полковыми, ротными и взводными праздниками, освещенными обычаями, и даже традиціями, мирнаго времени. При обыкновенномъ теченіи жизни въ мирное время всѣ эти привычки влекутъ за собою раззорительные вычеты изъ офицерскаго кармана; а на войнѣ, въ сумрачной области исчислскихъ явленій, эти привычки и наклонности съ скрытомъ видѣ принесли, можетъ быть, больше вреда, чѣмъ какой-нибудь неудачно расчитанный стратегическій маневръ подъ Мукденомъ...

Все это умѣстно вспомнить теперь, послѣ того какъ нехватки въ офицерскомъ содержаніи пополнены недавними прибавками. Необходимо сократить число официальныхъ кутежныхъ праздниковъ въ арміи и совершенно запретить вычеты на этотъ предметъ изъ офицерскаго кармана. Это важно не только для матеріальнаго, но—еще болѣе—для моральнаго оздоровленія корпуса офицеровъ.

## 5. Бѣгутъ ли офицеры изъ арміи.

Армія наша въ послѣдніе годы положительно осаждается вниманіемъ общества и заботами такъ называемой большой политической печати. Въ былое время, предшествовавшее минувшей войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, обсужденіе специально военныхъ вопросовъ на столбцахъ газетъ встрѣчалось въ видѣ рѣдкаго исключенія. Армія, со всѣми соприкасающимися съ нею вопросами, считалась достояніемъ узко ограниченной специальности, чуждой обыденныхъ интересовъ дня. Тяжкіе удары судьбы, обрушившіеся на армію въ послѣднюю войну, въ связи съ общимъ трескучимъ переломомъ нашей жизни внутри страны, заставили общественное мнѣніе встрепенуться и присмотрѣться ближе къ жизни арміи и ея нуждамъ. Зато сугубое вниманіе, которымъ печать и общество надбѣляютъ насъ теперь, въ воздаяніе, отчасти, и за прежнее равнодушіе, часто положительно напоминаетъ собою заботливость чисто медвѣжьей, готовую рас-

кровянить физиономію въ своей ревнивой погонѣ отогнать воображаемыхъ мухъ.

Мы далеки отъ мысли коситься, хотя бы въ малѣйшей степени, на этотъ пробудившійся интересъ общества къ арміи, глубоко вѣруя, что—нѣсть побѣды для арміи оторванной, живущей особнякомъ отъ своего народа. Но эта проснувшаяся нѣжность отношеній требуетъ нѣкоторой доли осмотрительности и щепетильности, обусловливаемой хотя бы еще недостаточнымъ взаимнымъ знакомствомъ. Этого-то, къ сожалѣнію, иногда не видно въ сужденіяхъ печати о нуждахъ арміи. Еще во время минувшей войны газеты часто поднимали тревогу, что армія наша въ Маньчжуріи холодаетъ и голодаетъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, ни въ одну войну солдатъ нашъ не былъ такъ обильно обеспеченъ всѣмъ необходимымъ, какъ въ эту войну,—доказательствомъ чему служить небывалое прекрасное санитарное состояніе войскъ. Если бывали злоупотребленія, то они касались кармана казны, но не жизни солдата, т. е. за сытую пищу солдата казнѣ приходилось иногда платить больше чѣмъ слѣдовало. Послѣ войны такъ называемая большая печать задалась заботами о переустройствѣ арміи, сопровождая ихъ, однако, ежедневнымъ погребальнымъ звономъ „армія разваливается“; а затѣмъ въ поискахъ реформъ, эта печать не могла придумать ничего лучшаго какъ производить сортировку фамилій команднаго состава, доискиваясь—какіе у кого имѣлись предки и какая кровь течетъ въ ихъ жилахъ, сѣя, такимъ образомъ, рознь тамъ, гдѣ вся крѣпость только можетъ быть основана на сознаніи единства и взаимнаго родства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ газеты время отъ времени поднимали оглушительный перезвонъ о бѣгствѣ офицеровъ, дѣйствующій на читателя гипнотизирующимъ образомъ, мѣшая ему вникнуть въ суть дѣла. Если же присмотрѣться ближе къ этому вопросу, обратиться къ цифрамъ и вздумается въ ихъ значеніе, то не трудно замѣтить—какъ иногда нервируется общественное мнѣніе посредствомъ газетъ—этого чувствительнѣйшаго нерва современнаго общества. Вотъ цифры, почерпнутыя изъ *всѣхъ надежнаго* источника—къ сожалѣнію, лишь недостаточно полныя—характеризующія истинное положеніе вопроса о неком-плектѣ офицеровъ въ арміи въ 1909 году.

Если мы возьмем обыкновенную нормальную жизнь армии, совершенно независимо от пережитой войны и сопряженной с нею встряски, вывешившей армию из обычной колеи, то получим следующее:

	Пѣх.	Кав.	Арт.	Инж.	Всего
1) Въ течение 1900 — 1908 годовъ, включая годы войны, средняя ежегодная нормальная убыль составляла *) . . . . .	1500	130	450	160	2240
2) Убыль эта покрывалась ежегоднымъ выпускомъ юнкеровъ въ офицеры изъ соотвѣтствующихъ училищъ. Среднѣ нормальные выпуски за указанные выше годы составляли . . . . .	1630	180	300	80	2190

Такимъ образомъ, ежегодный приходъ вновь производимыхъ офицеровъ, выпускаемыхъ изъ училищъ для пополненія некомплекта, въ дѣйствительности еще и задолго до войны, когда не было и рѣчи о „бѣгствѣ“ офицеровъ, не покрывалъ собою средней ежегодной убыли офицеровъ изъ армии. Слѣдовательно, некомплектъ офицеровъ уже существовалъ въ зародышъ даже для штатовъ мирнаго времени. Когда же возникла война и потребовались одна за другой девять частныхъ мобилизацій и огромное развитие массы тыловыхъ учреждений — некомплектъ офицеровъ въ части армии, остававшейся на мирномъ положеніи, выросъ до ужасающихъ размѣровъ. Изъ какихъ источниковъ могъ быть пополненъ этотъ некомплектъ, когда и безъ того выпускъ изъ училищъ не покрывалъ собою ежегодной нормальной убыли? и при чемъ тутъ „бѣгство“ офицеровъ?

Затѣмъ сама-то война чего нибудь стоила корпусу офицеровъ? У меня нѣтъ, къ сожалѣнію, подъ рукой необходимыхъ цифръ объ убыли офицеровъ убитыми и ранеными въ минувшую войну; но хорошо извѣстно, что въ нѣкоторыхъ полкахъ эта

\*) Всѣ приведенныя ниже цифровыя данныя касаются только армейскихъ частей.

убыль за *отдѣльныя сраженія только* — какъ подъ Ляояномъ, Шахе, Мукденомъ — доходила до 50—70% наличнаго состава, въ Тобольскомъ сибирскомъ полку на Шахе были выбиты *всѣ* офицеры; за все время войны во многихъ полкахъ убитыми и ранеными убыло 100 и 150%, т. е. полтора штатныхъ состава, — всѣ свои да еще половина изъ тѣхъ, которые присланы были для укомплектованія. Многие изъ этихъ офицеровъ оправились отъ ранъ и теперь несутъ службу въ войскахъ.

Но сколько изъ нихъ легло подъ Артуромъ и на поляхъ Маньчжуріи? Сколько осѣло теперь искалѣченныхъ офицеровъ внутри Россіи — кровавый осадокъ все той же войны? Всѣ эти офицеры изъ армии *не бѣжали*, а пали при исполненіи долга. Но на ихъ мѣсто нужны другіе, которыхъ, какъ мы это сейчасъ видѣли, ежегодные выпуски изъ училищъ дать не могли. Ясно, что этотъ некомплектъ, это пустое мѣсто въ корпусѣ офицеровъ, образовалось отнюдь не вслѣдствіе бѣгства офицеровъ.

Некомплектъ въ армейскихъ пѣхотныхъ частяхъ, обусловливается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: собственно выпускъ офицеровъ въ армейскую пѣхоту въ 1908 г. (1630) покрывалъ собою съ избыткомъ (130) среднюю нормальную (1500), но изъ пѣхотныхъ частей отвлекается еще ежегодно 230 офицеровъ на пополненіе некомплекта въ специальныхъ войскахъ, и, такимъ образомъ, пѣхотная армейскія части обречены на ежегодное возрастаніе въ ихъ некомплекта на 100 человекъ, но опять-таки не вслѣдствіе „бѣгства“ офицеровъ, а благодаря выдѣленію нѣкоторой части своего укомплектованія на пополненіе офицеровъ въ специальныхъ войскахъ, въ виду того, что специальныя училища, по своему составу, не могутъ доставлять необходимое число офицеровъ для этихъ войскъ.

Въ 1908 г. изъ училищъ для пополненія некомплекта въ армейскихъ частяхъ было выпущено.

Въ пѣхоту . . . . .	1356
„ кавалерію . . . . .	426
„ артиллерію . . . . .	427
„ инж. войска . . . . .	118

Такъ, что некомплектъ въ армии къ срединѣ іюня этого

года составлял всего:

Въ пѣхотѣ . . . . .	2687
„ артиллеріи . . . . .	793
„ инж. войскъ . . . . .	176

Всего слѣдовательно некомплектъ офицеровъ въ арміи составляетъ лишь 3656, а если сбросить образовавшійся въ кавалеріи сверхкомплектъ въ 203 чел., то получится некомплектъ въ 3453 чел., который долженъ быть отнесенъ цѣликомъ не къ *бѣгству* офицеровъ, а къ убыли, унаслѣдованной отъ минувшей войны, что выясняется изъ слѣдующихъ цифръ:

1) Къ 1-му января 1904 г., т. е. до начала войны въ пѣхотѣ оберъ-офицеровъ числилось:

по штату . . . . .	22129
по списку . . . . .	21501
некомплектъ . . . . .	628

2) Къ 1-му апрѣля 1907 г., т. е. послѣ окончательной демобилизаціи арміи и возвращенія всѣхъ частей войскъ съ Дальняго Востока, числилось:

по штату . . . . .	24165
по списку . . . . .	20897
некомплектъ . . . . .	3268,

а послѣ выпуска изъ училищъ этотъ некомплектъ составлялъ въ 1909 г. всего лишь 2687 оберъ-офицеровъ.

## II.

Тѣмъ не менѣе до сего времени не прекращается предостерегающій, тревожный, окликъ, что во многихъ частяхъ зябеть понынѣ весьма чувствительный некомплектъ офицеровъ.

Это явленіе, несомнѣнно болѣзненного характера, указывающее на продолжающійся острый кризисъ, который не только долженъ приковать къ себѣ все вниманіе верховъ арміи, но и лишить ихъ сна и аппетита до тѣхъ поръ, пока не приняты безотлагательно всѣ мѣры, чтобы парализовать распространеніе болѣзни и ея послѣдствія. Напрасно слышны иногда убаюкивающіе голоса, что уходятъ изъ арміи тѣ, у которыхъ не лежитъ сердце къ военному дѣлу, что нѣтъ надобности мѣшать отпаденію отъ арміи такихъ элементовъ, которые не

срослись съ нею всѣми своими духовными связями, что не велика польза отъ такихъ офицеровъ при оставленіи ихъ на службѣ, и т. п. Разсужденія подобнаго рода разсчитаны, именно, на то, чтобы не разстраивать себѣ сонъ и аппетитъ, докучливыми и тревожными вопросами о благополучіи арміи. Но при серьезномъ отношеніи къ дѣлу нельзя не задуматься надъ причинами этого печальнаго явленія, приобретающаго выдающееся значеніе въ современной жизни нашей арміи.

Отчего такъ охотно уходятъ изъ арміи? Почему это явленіе не прекращается до сего времени?

Обыкновенно всѣ склонны приписывать все недостаточной матеріальной обеспеченности офицера, заставляющей его искать какого-нибудь выхода, но въ настоящее время положеніе офицера въ этомъ отношеніи значительно улучшилось, послѣ увеличенія содержанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что матеріальная обстановка жизни въ нашъ вѣкъ материализма много вліяетъ на степень притягательной силы къ своему дѣлу. Но едва ли одними только условіями денежнаго свойства можно объяснить замѣчаемое теперь охлажденіе къ военной карьерѣ среди молодыхъ людей, которые въ значительномъ большинствѣ прошли курсъ въ кадетскихъ корпусахъ и, слѣдовательно, съ первыхъ дней своей сознательной жизни должны бы, казалось, прочно и навѣки сжиться съ военной семьей, къ которой многие изъ нихъ принадлежать вѣдь памятью всѣхъ своихъ предковъ и молокомъ матери.

А затѣмъ военная служба сама по себѣ—развѣ такъ ужъ потускнѣли всѣ ея прелести въ глазахъ молодыхъ офицеровъ, чтобы съ такой легкостью сбросить съ себя мундиръ и эполеты изъ-за недоданной пары серебрянниковъ?

Нѣтъ, этого быть не можетъ! Прибавка содержанія является, строго говоря, потребностью хронической; не проходитъ нѣсколько лѣтъ послѣ одного увеличенія содержанія, какъ нарождается уже необходимость дальнѣйшихъ прибавокъ: потому что условія жизни находятъ въ вѣчномъ движеніи, непрерывно растутъ и развиваются, заставляя всѣхъ считаться съ расширенными требованіями. Во всѣхъ арміяхъ стараго и новаго свѣта почти не прекращается вопросъ о необходимости увеличенія жалованія. Но нигдѣ не говорятъ о „бѣгствѣ“ офи-

церовъ изъ арміи, принимающемъ характеръ болѣзненной эпидеміи, какъ это говорятъ въ послѣдніе годы о нашей арміи.

Если наша военная школа не умѣетъ вселить въ своихъ питомцахъ любовь къ своему дѣлу, если въ послѣдствіи и армія оказывается безсильной пригрѣть юную душу молодыхъ офицеровъ, то ясно, что причина переживаемаго недуга кроется въ самихъ этихъ учрежденіяхъ—въ ихъ, такъ сказать, постоянномъ составѣ, придающемъ окраску всей ихъ жизнедѣятельности, а не въ томъ перемѣнномъ составѣ офицерства, которое приливаетъ и отливаетъ изъ арміи. Рекомендовать въ подобныхъ случаяхъ прибавку жалованія, какъ панацею отъ всѣхъ золъ—все равно, что принимать гостей въ холодной рубинѣ, совѣтуя надѣвать имѣющуюся для этого случая лишнюю шубу. Да вы лучше протопите вашъ домъ и сдѣлайте его жильемъ и уютнымъ...

Офицерское жалованіе всегда и неизбѣжно будетъ *недостаточно*; оно всегда будетъ ниже вознагражденія, принятаго въ свободныхъ и несвободныхъ профессіяхъ. Тѣ, которые приравниваютъ офицерское жалованіе то къ заработку булочниковъ и приказчиковъ, то къ гонорарамъ адвокатовъ и инженеровъ—грѣшатъ въ основѣ, ибо трудъ офицера стоитъ совершенно особнякомъ и нигдѣ никогда не можетъ быть оплачиваемъ всей своей стоимостью. Недаромъ во многихъ арміяхъ и понинѣ офицерское званіе является удѣломъ лишь людей богатыхъ, которые отдають арміи всю свою энергію въ мирное время, жертвуютъ жизнью во время войны—отнюдь не за то ничтожное вознагражденіе, которое имъ выдается.

У всѣхъ народовъ армія признается учрежденіемъ государственнымъ, комплектуемымъ людьми, для которыхъ военное дѣло, въ видѣ защиты родины, считается либо священной обязанностью, либо дѣломъ призванія по преимуществу. Со своей стороны и государство бережно обходится со всѣми льготами и преимуществами военного сословія, сознавая невозможность оплачивать все только жалованіемъ и покупать защитниковъ родины цѣною звонкой монеты.

Высказываясь такъ, я далеко отъ мысли проповѣдывать медоточивыя пожеланія о необходимости въ служебномъ быту офицера оставить безъ вниманія вопросы матеріальнаго свой-

ства. Никакъ нельзя требовать отъ семейнаго офицера служить „за честь“ и питаться акридами и дикимъ медомъ. Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ. И если замѣчается теперь бѣгство офицеровъ изъ арміи, то, по моему крайнему разумнію, тутъ скрываются причины такого рода, которая едва ли могутъ быть устранены однимъ только улучшеніемъ матеріальной обстановки офицерской жизни: дайте хотя бы двойное содержаніе, бѣгство несомнѣнно ослабнетъ, но едва ли прекратится вовсе. Вѣдь недостаточность офицерскаго содержанія народилась не со вчерашняго дня, а тѣмъ не менѣе военная служба все же не теряла своего обаянія въ глазахъ военной молодежи, которая, очевидно, находила въ военной карьерѣ много такого, что возмѣщало собою матеріальную ограниченность.

Теперь взгляды, повидимому, мѣняются. Въ чемъ же причина?

На мой взглядъ тутъ скрываются причины двоякаго рода. Прежде всего тутъ сказался печальный исходъ минувшей злощастной войны съ Японіей. Общество какъ будто разочаровалось въ своей арміи, которой въ теченіе продолжительной войны суждено было почти непрерывно испытать на себѣ тяжесть постоянныхъ неудачъ и поражений. Подъ влияніемъ общества и пережитыхъ ударовъ судьбы и въ арміи поколебалась вѣра въ свои силы, гордость своими заслугами передъ родиной. Когда въ глазахъ окружающихъ, и своихъ собственныхъ, улетучился вдругъ ореолъ былой славы и померкъ нравственный престижъ военной службы, осталось... только одно получаемое содержаніе, которое по своей мизерности показалось еще меньше при возрастающихъ требованіяхъ службы. Обнаружившееся вдругъ—*больше кажущееся*, чѣмъ дѣйствительное—убожество моральное, рядомъ съ давно испытывавшимся до послѣдняго времени убожествомъ матеріальнымъ, развѣнчало военную службу въ глазахъ людей малодушныхъ и заставило ихъ повернуться спиной къ возрастившей и воспитавшей ихъ арміи.

Это явленіе, глубоко печальное не только съ точки зрѣнія интересовъ арміи, но и въ отношеніи моральной оцѣнки такихъ защитниковъ родины, которымъ ничего не стоитъ сбросить съ себя мундиръ офицерскій, какъ только онъ въ салонахъ не

встрѣчается уже съ такимъ вниманіемъ, какъ въ былое время. Для офицера подобное малодушіе граничитъ съ преступленіемъ. Въ жизни государствъ бываютъ такія минуты, когда отъ людей, призванныхъ на общественное или государственное служеніе, требуются искупительныя жертвы такого рода, которыя дороже жизни—требуется жертвовать самолюбіемъ, вкусами и призваніемъ. Какъ извѣстно, древніе римляне избрали своимъ главнокомандующимъ Теренція Варрона только за то, что онъ и въ критическую минуту не смущался понесенными пораженіями, не переставая вѣрить въ конечное торжество римскаго оружія надъ Карвагеномъ. Примѣръ противоположной спеси замѣчался въ Пруссіи, послѣ удачной для нея франко-прусской войны въ 1870 году: въ упоеніи славы все общество—и военное, и штатское—было взвинчено горделивымъ сознаніемъ своихъ побѣдъ; нѣмецкіе лейтенанты, со своей напускной лихостью и смѣхотворной надменностью, не сходили со страницъ юмористическихъ журналовъ всего міра.

И если теперь у насъ въ арміи находятся малодушные люди, которые носили головой подъ гнетомъ пережитыхъ неудачъ, то они безспорно достойны занять мѣсто на страницахъ юмористическихъ журналовъ рядомъ съ былыми (они давно уже вывелись) прусскими лейтенантами. Неразумно проявлять нескромность въ свѣтлые дни побѣдъ, но еще хуже, преступно, падать духомъ подъ вліяніемъ временныхъ неудачъ! А между тѣмъ это малодушіе въ рядахъ нашей арміи сказалось, къ сожалѣнію, не только среди молодыхъ офицеровъ, но и среди старшихъ начальниковъ, у которыхъ, благодаря временнымъ правиламъ о льготной пенсіи, проявлялось ущемленное самолюбіе по самымъ пустымъ иногда поводамъ, и они съ превеликой легкостью покидали армію, оставляя ее со всѣми свалившимися на нее горестями и печальми и унося съ собою... хорошую пенсію, дающую возможность послѣ сытаго обѣда и ничегондѣланія заниматься безпощадной и ѣдкой критикой существующихъ въ арміи порядковъ...

### III.

Необходимо отмѣтить также и то вліяніе, которое тутъ сказалося въ зависимости отъ измѣнившихся условій политической жизни

страны. Неподготовленность нашей офицерской среды обнаружилась при этомъ въ полной мѣрѣ—столько же, впрочемъ, какъ это оказалось и въ нашемъ обществѣ, вообще, какъ въ его интеллигентныхъ, верхнихъ слояхъ, такъ и въ темныхъ, низшихъ.

Всѣмъ до очевидности ясно, что во всѣхъ недочетахъ, обнаруженныхъ минувшей войной въ строѣ нашей арміи, нѣтъ ничего новаго, чего не видно было раньше задолго до нравственной встряски, испытанной нами въ послѣдніе годы; но взбалаченное до дна все море русской жизни вынесло на поверхность много такого, что раньше скрывалось въ низинахъ и не бросалось въ глаза массамъ.

Если вникнуть въ ту обездоленность, которая составляетъ удѣлъ армейскаго строевого офицера, рядомъ съ отжившими свое время привилегіями гвардіи, становится понятнымъ, почему тяжесть армейскаго строевого ярма усугубляется именно въ наше время; почему приниженность арміи и строя, о подъемѣ престижа которыхъ такъ много говорятъ, на самомъ дѣлѣ только рельефнѣе выступили въ послѣдніе годы.

Достаточно указать на введенное лишь въ 1908 г. впервые обязательное командированіе капитановъ гвардіи въ Офицерскую Стрѣлковую Школу. До сего времени для офицеровъ гвардіи наука и знанія считались предметами совершенно излишними. Взгляды этотъ унаслѣдованъ еще съ эпохи Императора Николая I, когда на гвардію смотрѣли какъ на школу чисто фронтовую, изъ которой выходили дѣйствительно образцовые инструкторы и виртуозы строевой муштры. Съ теченіемъ времени взгляды на военное дѣло измѣнились въ корнѣ: муштра отошла, во всякомъ случаѣ, на *задній планъ*; теперь прежде всего, какъ отъ офицера, такъ и отъ солдата, требуются научныя познанія, положительныя свѣдѣнія и расширенный кругозоръ въ своемъ дѣлѣ, выходящій далеко за предѣлы ружейныхъ приемовъ и ломки фронта. Такимъ образомъ, старая школа гвардіи испарилась сама собою, а въ отношеніи новыхъ требованій гвардія не только не ушла впередъ, но и отстала нѣсколько отъ арміи: въ то время, какъ въ этой послѣдней въ контингентъ штабъ-офицеровъ вливается значительная часть капитановъ, прошедшихъ курсъ въ Стрѣлковой Школѣ, капитаны и штабъ-офицеры гвардіи

остаются все съ тѣмъ же научнымъ багажемъ, вынесеннымъ когда-то со школьной скамьи, частью растеряннымъ и перебытымъ, а частью и устарѣлымъ, на протяжении долгихъ лѣтъ всей оберъ-офицерской службы.

Пусть не думаютъ, что въ теченіе 8-ми мѣсячнаго курса Офицерская Стрѣлковая Школа даетъ старымъ капитанамъ не Богъ вѣсть какую уйму свѣдѣній. Напротивъ,—даетъ очень много: помимо извѣстнаго количества знаній—сколько бы ихъ тамъ ни было—школа знакомитъ съ современными требованиями и взглядами въ военномъ дѣлѣ, а самое главное—даетъ *новый толчокъ* любознательности и мозговой дѣятельности въ такомъ періодѣ службы и житейскомъ возрастѣ, когда снарядь, уже, такъ сказать, на излетѣ, когда энергія подходить къ концу, когда умственная свѣжесть порядочно засорена уже жизнью. Кому неизвѣстно, что при свойственной намъ инертности и умственной лѣни ни одинъ капитанъ или генераль такъ въ арміи, такъ и въ гвардіи—не возьмется самъ собою за курсы тактики, артиллеріи или стрѣлковаго дѣла, чтобы освѣжить въ памяти старое или узнать что-нибудь новое. Въ этомъ именно отношеніи Офицерская Стрѣлковая Школа сослужила для арміи великую пользу, которой лишена была гвардія. Тѣмъ не менѣе гвардія поставляла для арміи командировъ частей, которые не могли быть выдающимися фронтовиками; а если и обладали познаниями въ этой области, то бесполезными и, во всякомъ случаѣ, они оказывались ниже по сравненію съ нѣкоторыми своими штабъ-офицерами, хотя бы на тотъ небольшой плюсъ, который даетъ Стрѣлковая Школа.

Когда три года назадъ въ первый разъ сдѣлано было распоряженіе о командированіи въ Стрѣлковую Школу капитановъ гвардіи, то для гвардейскихъ частей это оказалось тяжелой повинностью: охотниковъ совѣмъ не нашлось и пришлось уже приказаніемъ начальства командировать въ этотъ тяжелый нарядъ. Въ арміи капитаны рвутся всѣми силами, чтобы попасть въ Стрѣлковую Школу, считаютъ это за великое счастье, а въ гвардіи подневольное командированіе въ Школу явилось обременительнымъ нарядомъ, который современемъ будетъ примѣняться, пожалуй, для проштрафившихся капитановъ въ видѣ наказанія. Да и дѣйствительно, зачѣмъ этимъ капитанамъ учиться и что-

нибудь знать, когда и безъ того они получаютъ все, что причитается за одну только принадлежность къ гвардіи?!

И надо правду сказать: если хотѣли показать арміи всю ея приниженность и обездолженность, то это весьма нагляднымъ образомъ достигнуто командированіемъ гвардейскихъ капитановъ въ Стрѣлковую Школу: на общемъ фонѣ 160 капитановъ, частью застарѣлыхъ въ бояхъ, частью израненныхъ, согбенныхъ годами и нелегкой службой—появилось пять юныхъ капитановъ, показывавшихъ всей своей блестящей внѣшностью огромное различіе существующее между привилегированной гвардіей и трудовой арміей...

На сколько всѣ преимущества гвардіи стали анахронизмомъ въ наше время лучше всего доказывается тѣмъ, что за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ сами гвардейскіе полки *придумываютъ* для комплектованія своего офицерскаго состава свои особые законы по личному усмотрѣнію: въ одномъ полку отъ офицера требуется извѣстная сумма годового дохода, въ другомъ полку требуется особая знатность предковъ и т. д. Служба въ одномъ полку гвардіи становится непохожей на службу въ другомъ полку; начинаютъ еще и въ гвардіи различать *особую* гвардію; дѣленіе на черную и бѣлую кость прокрадывается въ самыя нѣдра этого привилегированнаго войска, внося извѣстную долю разлада въ семейные тайники самой гвардіи.

На что ужъ корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба, казалось бы, однородная и замкнутая каста, сплотившаяся изъ разныхъ родовъ оружія арміи и гвардіи; казалось бы, и мундиръ, и служебныя права, и дѣятельность, и подготовка одинаковы; а тѣмъ не менѣе тѣ офицеры генеральнаго штаба, которые вышли изъ гвардіи, этого долго забыть не могутъ; а тѣ, которые служатъ въ штабахъ гвардіи, становятся кастой въ кастѣ, отличаемою и на самомъ дѣлѣ особыми служебными преимуществами.

Сколько во всемъ этомъ нелѣпаго и вреднаго для подлиннаго дѣла, которому служимъ!..

Всѣ эти искусственныя, упорно поддерживаемыя, перегородки положительно отжили свое время. За гвардіей имѣются, безспорно, извѣстныя историческія заслуги. Нельзя съ легкимъ сердцемъ вычеркнуть и многія славныя традиции гвардіи. Но

нѣтъ разумныхъ основаній давать гвардіи огромныя служебныя преимущества передъ арміей; нѣтъ надобности въ такомъ большомъ числѣ гвардейскихъ частей. Надо пожалѣть и армію, на которую должны быть обращены *всѣ* заботы, какъ на самую основу опоры и могущества государства. Всѣ преимущества должны быть отданы не гвардіи, а арміи, которая, между тѣмъ, въ силу дѣйствующихъ законоположеній и установившейся практики превратилась теперь въ своего рода свалочное мѣсто, куда сваливаются въ видѣ наказанія тысячи завѣдомыхъ преступниковъ-матросовъ,—для укомплектованія даются отбросы новобранцевъ, остающіеся послѣ укомплектованія гвардіи, флота и всѣхъ родовъ оружія и т. п.

Во многихъ европейскихъ арміяхъ есть и гвардія наравнѣ съ арміей; но нигдѣ она не пользуется такими исключительными правами и преимуществами, какъ у насъ. Эти привилегіи гвардіи въ послѣдніе годы вызываютъ дружныя нареканія какъ въ печати, такъ и въ обществѣ, вызывая единодушное осужденіе во всѣхъ политическихъ лагеряхъ, не исключая даже и офицерскихъ круговъ гвардіи, чуткихъ къ требованіямъ справедливости.

## 6. Объ офицерскихъ аттестаціяхъ.

### I.

Временное положеніе объ аттестаціяхъ капитановъ, штабъ-офицеровъ и генераловъ представляетъ собою довольно яркій образецъ нерѣшительности и половинчатого характера тѣхъ мѣръ, которыя принимаются „для обезпеченія правильного подбора команднаго состава и выдвигенія впередъ людей выдающихся“, какъ объ этомъ возвѣщено было въ „Рус. Инв.“ при объявленіи этого положенія.

Поставленный въ свое время вопросъ о предпочтительности единоличной или коллегіальной аттестаціи попалъ въ нашу офицерскую среду, какъ искра въ кучу горячаго матеріала: всѣ воспылали горячимъ интересомъ къ возникшему спору, который время отъ времени подогрѣвался извѣще-

ніями о ходѣ работъ, исходившими изъ официальныхъ источниковъ. Едва ли есть надобность распространяться о томъ, на сколько то или иное рѣшеніе этого жгучаго вопроса чувствительнѣйшимъ образомъ затрагивало cadaго офицера, на всѣхъ ступеняхъ военно-іерархической лѣстницы; притомъ же рѣчь шла не о частичной реформѣ, а о *коренномъ измненіи* основного принципа аттестаціонной системы, обусловливающей собою все прохождение службы, предназначенной по существующему порядку быть кому матерью, а кому и мачехой—какъ у насъ принято выражать эту ядовитую истину. Понятно поэтому, что всѣ волновались предстоящимъ рѣшеніемъ важнаго вопроса.

При первомъ взглядѣ кажется, какъ будто, что въ новой аттестаціонной системѣ есть новое слово: отвергнуть старый принципъ единоличности и секретности аттестацій и принять новый принципъ. Но при ближайшемъ анализѣ оказывается, что всѣ эти нововведенія касаются только декоративной стороны, оставляя сущность дѣла отчасти при старыхъ недостаткахъ. Что собственно желательно было устранить изъ старой системы? Это—всѣми признанный вредъ, связанный съ произволомъ единоличной, келейной аттестаціи. Но теперь согласно ст. 3. Положенія единоличность аттестаціи сохранена въ основѣ, такъ какъ—„для опредѣленія служебныхъ достоинствъ и недостатковъ чиновъ, помянутыхъ въ ст. 1, аттестаціи составляются *непосредственными* начальниками сихъ чиновъ“,—т. е. составляются единолично начальникомъ, который отнюдь не обязанъ огласить составленную имъ аттестацію. Правда, эта аттестація восходитъ дальше на обсужденіе особаго совѣщанія; но въдь и по старой системѣ аттестаціонный листъ также можно разсматривать какъ своего рода совмѣстное совѣщаніе—развѣ съ тою лишь разницей, что для совѣщающихся тамъ отведены были отдѣльныя кѣлки. Если въ составъ аттестаціонныхъ совѣщаній, введенныхъ новымъ положеніемъ, входятъ еще помимо прямыхъ и другіе начальники, мнѣнія которыхъ не требовались вовсе старымъ аттестаціоннымъ листомъ, то въдь на практикѣ и въ новыхъ совѣщаніяхъ роль ихъ, какъ увидимъ ниже, будетъ равна нулю.



При опредѣленіи „служебныхъ достоинствъ и недостатковъ чиновъ“ мнѣніе ближайшихъ начальниковъ, конечно, никоимъ образомъ не можетъ быть игнорировано. Но если законодатель стремился съ одинаковою любовью, какъ и въ отношеніи престижа начальства, оградить неприкосновенность гласности и коллегіальности въ новой аттестационной системѣ, то—почему бы первоначальную основную аттестацию,—напримѣръ въ полку на ротныхъ командировъ,—не составлять въ аттестационномъ совѣщаніи изъ всѣхъ штабъ-офицеровъ, хотя бы и подъ предсѣдательствомъ командира полка, а не предоставить ее единоличному усмотрѣнію баталіоннаго командира? Такая комиссія дѣйствительно была бы въ состояніи всесторонне, и съ полнымъ знаніемъ, а не въ слѣпую, судить о служебныхъ достоинствахъ и недостаткахъ аттестуемыхъ ротныхъ командировъ, о которыхъ въ полку, у старшихъ товарищей, штабъ-офицеровъ, всегда уже сложилось опредѣленное мнѣніе о каждомъ, на основаніи многолѣтняго близкаго знакомства. Такая коллективная аттестация, представленная на разсмотрѣніе дивизионной комиссіи, могла бы дѣйствительно служить достаточной гарантіей отъ ошибокъ единоличныхъ усмотрѣній и дала бы комиссіи вполне вѣскій безпристрастный матеріалъ, чтобы судить о служебныхъ качествахъ аттестуемаго; въ то же время ничѣмъ не подрывается и престижъ командира полка, который могъ бы въ комиссіи оспаривать правильность аттестации, представивъ со своей стороны обоснованныя данныя.

Составленныя непосредственнымъ начальствомъ аттестации, по мысли „Временнаго положенія“ представляютъ собою лишь сырой матеріалъ, такъ какъ согласно ст. 8 „для обсужденія составляемыхъ указаннымъ выше порядкомъ аттестаций въ цѣляхъ обезпеченія правильности *окончательныхъ рѣшеній соотвѣтствующихъ высшихъ начальниковъ\**“ учреждаются аттестационныя совѣщанія“. Слѣдовательно все направляется къ „окончательному рѣшенію соотвѣтствующаго высшаго начальника“,—т. е. къ той же единоличности аттестаций, какъ и было до сего времени. Только съ этой стороны и понятенъ декоративный составъ аттестационнаго совѣщанія; напримѣръ въ пѣхотныхъ дивизіяхъ: согласно п. а ст. 8 въ этомъ совѣщаніи, при

\*) Курсивъ нашъ.

обсужденіи аттестаций на капитановъ участвуютъ начальникъ дивизіи, два бригадныхъ командира, четыре полковыхъ командира, старшіе члены судовъ общества офицеровъ и начальникъ штаба дивизіи. Но,—что могутъ сказать про ротнаго командира командира чужихъ полковъ дивизіи?—бригадные командиры?—начальникъ штаба и начальникъ дивизіи? Вѣдь, строго говоря, и свой командиръ полка, въ большинствѣ случаевъ, знаетъ хорошо лишь *служебныя* достоинства ротныхъ командировъ, а ихъ нравственныя и умственные качества ему не всегда вполне ясны: иногда, напримѣръ, офицеръ—домосѣдъ по характеру, знаетъ только свою роту и служебные наряды, въ гостяхъ и въ собраніи показывается рѣдко. Не угодно ли тутъ командиру полка судить объ умственной энергіи и нравственномъ обликѣ такого капитана, котораго видишь не иначе какъ при оружіи и застегнутымъ на всѣ пуговицы. Это даже въ томъ случаѣ, если командиръ полка самъ отличается неугомонной энергіей, ежедневно обходитъ всѣ роты, не пропускаетъ ни одного вечера въ офицерскомъ собраніи и обладаетъ при этомъ всевидящимъ окомъ, способнымъ уловить на лету и умственный кругозоръ и психику каждаго ротнаго командира въ казармахъ, за буфетомъ, въ карточной, или за танцами. Но вѣдь, какъ извѣстно, иногда и командиръ полка самъ любитъ больше сидѣть дома, а въ служебной дѣятельности признаетъ только канцелярію. Какими путями онъ можетъ изучить ротнаго командира, чтобы дать о немъ всестороннюю и вполне обоснованную аттестацию?

Если и собственный командиръ не всегда все знаетъ о своихъ капитанахъ, то что же о нихъ могутъ сказать остальные командиры полковъ дивизіи, вмѣстѣ съ командирами бригадъ и начальникомъ штаба? Неужели ихъ мнѣніе о лицахъ, которыхъ за рѣдкимъ исключеніемъ они совершенно не знаютъ, заслуживаетъ больше вниманія, чѣмъ, напримѣръ, отзывъ штабъ-офицеровъ своего полка, которые не могутъ не знать всѣхъ капитановъ своего полка со всѣхъ сторонъ?

Ясно само собою, что присутствующимъ въ совѣщаніи командирамъ, бригаднымъ и чужихъ полковъ, придется либо служить простымъ декорумомъ пока проходятъ аттестации чужихъ офицеровъ, или же—если они не пожелаютъ сидѣть простыми статистами—заранѣе собирать негласно свѣдѣнія объ аттесту-

емых, Не говоря уже о томъ, что тутъ могутъ возымѣть значеніе разныя сплетни, не подлежатъ сомнѣнію, что и въ глазахъ начальника дивизіи и всѣхъ остальныхъ членовъ совѣщанія, все же рѣшающій голосъ будетъ принадлежать аттестаціи, представленной своимъ полковымъ командиромъ. Кто изъ остальныхъ членовъ, включая и самого начальника дивизіи, рѣшится предложить со своей стороны на аттестуемаго ротного или батальоннаго командира аттестацію, противоположную той, которая представлена ихъ командиромъ полка? Для этого необходимо имѣть въ рукахъ такія данныя, которыми никто изъ членовъ совѣщанія располагать не можетъ,—за рѣдкими, конечно, исключениями.

Въ этомъ отношеніи установленный новый порядокъ разсмотрѣнія аттестацій въ особыхъ совѣщаніяхъ можетъ—въ виду своеобразнаго ихъ состава—привести къ еще болѣе отрицательнымъ послѣдствіямъ по сравненію съ тѣми, которыя неразлучны были съ произволомъ единоличныхъ аттестацій по старому порядку. Дѣло въ томъ, что до сего времени надъ единоличной аттестаціей командира части все же тяготѣлъ контроль высшаго начальства: представимъ себѣ, что исправный ротный командиръ при старой системѣ аттестацій, не угодилъ въ чемъ-нибудь своей полковой командиршѣ—не пришелъ на званый вечеръ и разстроилъ винтъ. Допустимъ, что это находить себѣ отраженіе въ аттестаціонномъ листѣ и капитанъ изъ „выдающихся“ изводитъ въ „хорошіе“\*. Начальникъ дивизіи можетъ, однако, (особенно, если штабъ дивизіи въ томъ же городѣ), хотя и совершенно случайно, узнать интимную сторону этой метаморфозы; и тогда онъ безъ всякихъ разговоровъ могъ обезпечить въ аттестаціонномъ листѣ торжество справедливости,—притомъ такъ, что и самъ командиръ полка не догадается, что его жало парализовано. Теперь же, при новыхъ аттестаціонныхъ порядкахъ, въ основу аттестаціи, представленной на разсмотрѣніе совѣщанія, можетъ также лечь въ основу разстроенный винтъ въ скрытомъ видѣ; но, если командиръ полка человѣкъ съ характеромъ, онъ всегда сумѣетъ отстоять свою аттестацію, которая, въ концѣ концовъ, будетъ санкціонирована безгласными голосами членовъ совѣщанія, и высшаго начальства, такъ какъ въ глазахъ всѣхъ

\*) Всѣ эти предположенія и выводы взяты изъ жизни.

этихъ постороннихъ участниковъ центръ тяжести все же останется въ аттестаціи непосредственнаго начальства. Притомъ же необходимо имѣть въ виду, что и по новому временному положенію аттестаціи не регламентируются ни съ какой стороны, и основнымъ ихъ ядромъ все же остается *личное усмотрѣніе*...

Приглашается еще на совѣщаніе вполнѣ компетентный судья—старшій членъ суда общества офицеровъ. Но безъ лишнихъ словъ понятно, что не много найдется смѣльчаковъ изъ этихъ старшихъ членовъ, которые возьмутъ на себя рѣшимость доказать своему командиру полка, въ присутствіи трехъ генераловъ и четырехъ полковниковъ, что капитанъ *N* безукоризненный служака, что въ данной ему аттестаціи звучитъ нотка злобы командирши за разстроенный винтъ.

Казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ при обсужденіи аттестацій на ротныхъ командировъ приглашать на совѣщаніе вмѣсто старшихъ членовъ судовъ общества офицеровъ, или вмѣстѣ съ ними,—основныхъ авторовъ аттестацій—т. е. батальонныхъ командировъ. Если законодатель не рискнулъ предоставить имъ совместную выработку аттестацій въ полку, то отъ присутствія ихъ въ дивизионномъ совѣщаніи едва ли пострадалъ бы чей-нибудь престижъ. Между тѣмъ непосредственное знакомство коммисіи съ авторами аттестацій дало бы ей возможность уяснить себѣ *личность* какъ самихъ авторовъ, такъ и цѣнность данныхъ ими аттестацій. То и другое было бы полезно какъ для окончательнаго опредѣленія аттестацій на ротныхъ командировъ, такъ и при обсужденіи аттестацій на батальонныхъ командировъ.

Есть еще одна вредная сторона въ приведенномъ выше составѣ аттестаціонныхъ совѣщаній: такъ какъ *три* командира полковъ въ обсуждаемыхъ аттестаціяхъ завѣдомо ничего не знаютъ и ничего сказать не могутъ, но, тѣмъ не менѣе, все же присутствуютъ съ правомъ голоса, то весьма естественно, что они будутъ всегда поддерживать мнѣніе заинтересованнаго четвертаго командира, хотя бы для того, чтобы такимъ же образомъ привлечь на свою сторону его голосъ, когда будутъ обсуждаться аттестаціи ихъ полковъ. Въ концѣ-концовъ создается молчаливое соглашеніе о круговомъ поручительствѣ всѣхъ командировъ полковъ, для вѣщаго торжества произвола единоличной аттестаціи...

Конечно, мы представляемъ здѣсь въ болѣе выпукломъ видѣ тѣ, можетъ быть, исключительные, случаи, которые возможны при новыхъ аттестационныхъ порядкахъ. Совершенно отвергать ихъ все таки нельзя, при желаніи сопоставить съ тѣмъ зломъ, которое было грѣхомъ прежнихъ аттестаций и отъ котораго мы желаемъ теперь избавиться. Вѣдь и при отжившемъ порядкѣ случаи злоупотребленія аттестацией были, конечно, тоже исключениями.

Наконецъ, согласно вновь введеннымъ аттестационнымъ порядкамъ вся переписка по этому предмету попрежнему „не подлежитъ оглашенію“. Нововведеніе заключается лишь въ томъ, что въ окончательной формѣ аттестация сообщается аттестуемому, но—опять-таки *секретно*. Такъ что аттестуемый можетъ узнать „по секрету“, что на основаніи п. д ст. 1 „Временнаго положенія“ онъ *подлежитъ увольненію отъ службы*, но при этомъ не будетъ знать въ чемъ именно усмотрѣна его негодность, такъ какъ ему сообщается аттестация лишь въ *конечномъ выводѣ*.

Итакъ, согласно вновь введеннымъ аттестационнымъ порядкамъ, первоначальная аттестация составляетъ единолично непосредственнымъ начальникомъ и представляется на обсужденіе особыхъ совѣщаній „въ цѣляхъ обезпеченія правильности окончательныхъ рѣшеній соответствующихъ высшихъ начальниковъ“. Другими словами,—аттестация начинается и кончается *единоличнымъ усмотрѣніемъ*.

Принципъ секретности изъ старой системы унаслѣдованъ также въ порядочной долѣ. Словомъ, судя по трехлѣтнему опыту примѣненія новой аттестационной системы, эта послѣдняя по настоящее время завоевала мало сторонниковъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ вызываетъ нареканія не только среди противниковъ, но и среди поклонниковъ принципа коллегіальности въ аттестацияхъ.

## II.

Новая система офицерскихъ аттестаций, введенная на началахъ коллегіальнаго сужденія, переживаетъ теперь уже третій годъ своего существованія,—опытъ, конечно, далеко недостаточный, чтобы можно было высказывать опредѣленные заключенія, обоснованныя на указаніяхъ практики. Прежде всего

мы имѣемъ дѣло съ практикой мирнаго времени, когда, вообще говоря, трудно судить о томъ, на сколько у насъ теперь командный составъ, подобранный новыми аттестациями, лучше или хуже, чѣмъ въ минувшую войну на Дальнемъ Востоку; притомъ же, въ теченіе 2—3 лѣтъ новыя правила не могли оказать своего влияния прямо и въ отношеніи физическаго подбора команднаго состава арміи, такъ какъ въ теченіе такого непродолжительнаго времени не могъ еще получиться полный обмѣнъ начальниковъ.

Но если нѣтъ данныхъ, чтобы судить о новой системѣ аттестаций на основаніи указаній опыта, то въ сужденіяхъ и умозрѣніяхъ теоретическаго свойства недостатка нѣтъ. За эти 2—3 года не мало высказано было въ печати мнѣній и отзывовъ о новыхъ аттестационныхъ правилахъ, и хотя всѣ эти сужденія носятъ, главнымъ образомъ, характеръ чисто теоретическій, тѣмъ не менѣе есть возможность составить себѣ понятіе объ оцѣнкѣ этой реформы общественнымъ мнѣніемъ большинства нашей военной среды. За эти 2—3 года примѣненія новой системы аттестаций выяснилось достаточно опредѣленно, что эта мѣра пока еще далеко не завоевала симпатій большинства корпуса офицеровъ. Отрицательные отзывы и суровая критика слышны со всѣхъ сторонъ и съ противоположныхъ лагерей, а сочувствующихъ голосовъ—или очень мало, или совсѣмъ нѣтъ.

Ближайшая причина этого явленія, какъ кажется, кроется, конечно, прежде всего въ замѣщаемомъ теперь повсюду разбродѣ общественнаго мнѣнія, въ общей расшатанности бывшихъ устоевъ всего нашего военнаго домостроя и—какъ естественное послѣдствие всего этого—недостаткѣ довѣрія къ законодательнымъ мѣрамъ, исходящимъ изъ руководящихъ круговъ нашей арміи. Кромѣ того, проявляющееся почти всеобщее недовольство новымъ порядкомъ движенія офицеровъ по службѣ находило, отчасти, оправданіе въ томъ, что вся эта реформа въ началѣ своего осуществленія въ 1906 году вылилась въ видѣ полумѣръ, которая въ такихъ случаяхъ никогда никого не удовлетворяютъ, привлекая на себя и въ данномъ случаѣ упреки какъ со стороны противниковъ, такъ и сторонниковъ принципа коллегіальныхъ аттестаций.

Не смотря, однако, на всеобщее ворчаніе печати, сами творцы новой системы аттестаций, повидимому, вполне до-

волны своимъ дѣломъ и неуклонно идутъ по пути дальнѣйшаго развитія и проведенія въ жизнь новаго принципа. Какъ извѣстно, новый порядокъ фильтрованія офицеровъ былъ введенъ приказомъ по военному вѣдомству за № 701 въ 1906 году и касался только строевыхъ капитановъ, штабъ-офицеровъ и генераловъ. Неувѣренность первыхъ шаговъ законодателя на новомъ пути сказалась особенно ярко въ этомъ приказѣ, гдѣ новорожденный принципъ постарались запеленать такъ туго примѣчаниями и оговорками въ пользу единоличныхъ усмотрѣній и начальническаго произвола, что именемъ новаго принципа въ дѣйствительной жизни распорягается старый порядокъ вещей.

Не довольствуясь этой чрезырною робкой предосторожностью, принято было въ 1906 году, при первоначальномъ введеніи коллегіальныхъ аттестаций, новый порядокъ признавать лишь временнымъ въ видѣ опыта до 1 января 1909 года, предполагая, на основаніи указаній этого опыта, выработать новыя постоянныя правила объ офицерскихъ аттестацияхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, два года опыта не дали никакихъ рельефныхъ указаній, на основаніи которыхъ можно было бы безошибочно судить о новой аттестационной системѣ. Что значить въ подобныхъ случаяхъ „указаніе опыта“, за которое мы въ послѣдніе годы такъ охотно цѣпляемся при всякой новой мѣрѣ? Въ дѣлѣ подбора команднаго состава и фильтрованія корпуса офицеровъ вообще „указаніе опыта“ получаетъ совершенно особый смыслъ, отъ котораго никоимъ образомъ нельзя было ожидать ясныхъ указаній въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ мирной жизни арміи. Это можетъ лишь показать боевой экзаменъ *на войнѣ*,—какъ минувшая война на Дальнемъ Востокѣ показала несостоятельность существовавашаго порядка комплектованія команднаго состава, считавшагося до того времени совершенно безупречнымъ.

Не получивъ никакихъ указаній опыта въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ примѣненія новаго закона, отсрочили (приказомъ по военному вѣдомству 1908 года за № 82) его дѣйствіе еще на два года, до 1 января 1911 года, предполагая къ тому времени внести въ Военный Совѣтъ вновь выработанныя постоянныя правила объ офицерскихъ аттестацияхъ. Какія

туть подразумеваются „указанія опыта“ сказать трудно, а тѣмъ временемъ новая идея, положенная въ основу движенія офицера по службѣ, со свойственной ей жизненной силой пробивается на свѣтъ Божій, расчищая себѣ путь по всѣмъ вѣдомствамъ и родамъ оружія въ нашей арміи. Въ 1907 году объявлены были выработанныя на новыхъ началахъ правила аттестованія генераловъ и офицеровъ, занимающихъ административныя должности; затѣмъ послѣдовательно объявлены были новыя правила объ аттестованіи младшихъ офицеровъ въ кавалеріи, пѣхотѣ, артиллеріи и инженерныхъ войскахъ.

Надо надѣяться, что при такомъ широкомъ развѣтвленіи новая система офицерскихъ аттестаций пустила уже достаточно глубокіе корни въ нашей арміи, и никакія „указанія опыта“, никакая злостная критика не заставятъ вернуться къ келейнымъ аттестациямъ, когда личный произволъ и настроенія случайнаго характера рѣшали иногда всю служебную карьеру офицера.

Значительную услугу упроченію популярности новыхъ аттестаций несомнѣнно окажутъ новыя правила, объявленные въ концѣ 1908 года (приказъ по военному вѣдомству № 341) въ отношеніи аттестованія младшихъ офицеровъ въ пѣхотѣ и кавалеріи, т. е. главной массы корпуса офицеровъ. Дѣло въ томъ, что если при первоначальномъ введеніи коллегіальныхъ аттестаций въ 1906 году, какъ замѣчено выше, мы встрѣчаемъ еще нѣкоторую неувѣренность на новомъ пути, то въ послѣднихъ правилахъ 1908 года новый принципъ выдержанъ достаточно заботливо. Въ этихъ аттестацияхъ заронена также и достаточная доля законнаго вліянія на младшаго офицера со стороны его ротнаго и баталіоннаго командировъ, которые до того времени являлись для него въ служебной жизни только старшими товарищами, а не начальниками.

Остается только пожелать, чтобы сдѣланы были измѣненія въ правилахъ для аттестаций согласно многократнымъ указаніямъ печати (въ особенности въ отношеніи состава дивизіонныхъ и корпусныхъ комиссій и въ смыслѣ предоставленія нѣкоторыхъ правъ по участію въ аттестации ближайшимъ сослуживцамъ аттестуемаго) и затѣмъ объявить, наконецъ,

эти временныя правила въ видѣ постоянно дѣйствующаго закона. Тогда будетъ конецъ всякой критикѣ и поглядываніямъ назадъ.

При дальнѣйшемъ нормальномъ развитіи и строгомъ примѣненіи новый постоянный законъ о коллегіальныхъ аттестаціяхъ принесетъ несомнѣнную пользу нашей арміи.

## 7. „Россія ждетъ какъ офицеры исполнять свой долгъ“.

Поднося арміи рождественскіе подарки, въ видѣ прибавки къ офицерскому содержанію, въ 1908 г., представители страны въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ, какъ въ Государственной Думѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, высказали по адресу арміи не мало горькихъ истинъ, указали много недостатковъ, устраненіе которыхъ зависитъ уже не отъ страны, а только отъ самой арміи.

Въ Государственной Думѣ арміи нашей пришлось выслушать косвенный упрекъ отъ партіи октябристовъ, руководитель которой А. И. Гучковъ закончилъ свой докладъ по вопросу объ увеличеніи содержанія весьма знаменательной фразой:— „*Россія ждетъ, какъ офицеры исполнятъ свой долгъ*“. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ: „государство дѣлаетъ для васъ, господа офицеры, все, что можетъ; напрягаетъ послѣднія усилія для улучшенія вашего матеріальнаго положенія, и въ правѣ ожидать отъ васъ также нѣкотораго напряженія воли въ отношеніи исполненія своего долга“.

Этотъ косвенный упрекъ по адресу нашего офицерства надо отнести всецѣло къ переживаемому нами кризису мирнаго времени, а никакъ не къ дѣятельности арміи въ минувшую войну на Дальнемъ Востокѣ. Въ глазахъ всего міра наши строевые офицеры вышли безупречными изъ печальной памяти минувшей войны; ни у кого не повернется языкъ, не поднимется рука, чтобы бросить камнемъ въ драгилей нашего военнаго ярма, умѣвшихъ иногда *до послѣдняго* истекать кровью на позиціяхъ и не отдавать ихъ врагу. Не ихъ вина если бездарные вожди не умѣли использовать всѣми при-

знанную стойкость нашего солдата и офицера. Поэтому обращенный къ офицерамъ призывъ къ исполненію долга долженъ быть отнесенъ только къ нынѣшнимъ особенностямъ мирной жизни, представляющей собою во многихъ отношеніяхъ своего рода боевую обстановку, куда болѣе сложную и чреватую послѣдствіями, чѣмъ на театрѣ войны. Мы убѣждены, что именно такъ понять и въ обществѣ и въ арміи громко прозвучавшій на всю Россію патриотическій призывъ:— „Россія ждетъ, какъ офицеры исполнять свой долгъ“ ...

Но въ томъ-то и кроется весь трагизмъ положенія, что рѣчь идетъ объ исполненіи долга не на театрѣ войны, передъ лицомъ врага, а въ длительное время мирной жизни, у себя дома, въ кругу родной семьи. Каждый изъ насъ готовъ тысячу разъ умереть въ бою, памятуя требованіе присяги не щадить послѣдней капли живота своего. Но оцѣнить значеніе переживаемой нами исторической эпохи внутренняго обновленія государства, отказаться отъ многихъ неприглядныхъ прищечекъ, глубоко впитавшихся въ нашу плоть и кровь со времени крѣпостнаго барства, отдаться теперь живительной работѣ для скорѣйшаго устраненія всѣми признанныхъ нашихъ недуговъ,—нѣтъ! на такое самоотверженіе мы не способны, точно сокровеннѣйшій смыслъ присяги и воинскихъ добродѣтелей обнимаетъ собою только войну и обстановку боевую, не касаясь вовсе также мирно-бытовыхъ отношений арміи при обыкновенныхъ условіяхъ мирнаго времени.

Мало того. Когда въ общей печати, или какъ въ приведенномъ выше случаѣ съ каедры Государственной Думы, раздается предостерегающій окликъ о тѣхъ или иныхъ обнаруженныхъ недочетахъ въ нашихъ военномъ вѣдомствѣ, сейчасъ же изъ среды нашего офицерства выступаютъ самозванные ратоборцы, готовые кричать „караулъ“ за это неумѣстное, по ихъ мнѣнію, вторженіе въ чуждую область военнаго дѣла. Эти близорукіе и фанатичные приверженцы отмирающихъ взглядовъ, берущіе на себя роль печальниковъ нашей арміи, ополчаются противъ всякой живой мысли или фактическихъ указаній, имѣющихъ цѣлью раскрыть и уврачевать наши застарѣлые недуги. По ограниченности своего умственнаго кругозора они не постигаютъ, на сколько измѣнилась кругомъ

обстановка въ мирной жизни и боевой подготовкѣ арміи послѣ введеннаго у насъ обновленнаго государственнаго строя. Какъ одно изъ важнѣйшихъ учреждений государственныхъ, армія неминуемо стала еще ближе и тѣснѣе къ народу; каждая ассигновка или законодательная мѣра, касающаяся арміи, неизбѣжно вызываетъ со стороны народныхъ представителей свободную критику всѣхъ нашихъ порядковъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что эта критика находитъ себѣ живой откликъ и въ политической печати. Армія обязана внимательно прислушиваться къ этому голосу страны, а не отвѣчать на это напускнымъ негодованіемъ.

Прошло то время, когда армія являлась обособленной кастой въ государствѣ, жившей своей отдѣльной жизнью, недоступной наблюденію посторонняго глаза; теперь трудно отдѣлить армію отъ своего народа; оба они живутъ одной общей матеріальной и духовной жизнью.

А нельзя не признать, что послѣдніе годы принесли немало огорченія и стыда всѣмъ искреннимъ друзьямъ арміи: цѣлый рядъ уличныхъ скандаловъ, въ которыхъ офицеры иногда играли неприглядную роль, указываетъ на то, что и въ корпусѣ молодыхъ офицеровъ пошатнулись нравственные устои дисциплинированныхъ добродѣтелей мирнаго времени. Это явленіе глубоко печально, которое можно объяснить только заразительностью общаго нравственнаго одичанія, знаменующаго собою характеристику нашего безвременья.

Впрочемъ, помимо молодыхъ офицеровъ и старшіе начальники подавали иногда примѣры такой нравственной разнузданности. Читателямъ извѣстенъ, вѣроятно, приказъ по одному изъ военныхъ округовъ, гдѣ высшій начальникъ незаконно воспользовался предоставленной ему дисциплинарной властью, подвергнувъ войсковыхъ начальниковъ дисциплинарнымъ взысканіямъ за то, что отъ явившагося посыльнымъ нижняго чина пахло чеснокомъ или лукомъ. А вслѣдъ затѣмъ былъ фактъ несравненно болѣе возмутительный: *корпусный командиръ позволилъ себѣ побить часового у денежнаго ящика.*

Это ли не примѣръ нравственнаго одичанія? Если корпусный командиръ не умѣетъ сдержатъ разнузданность своего характера передъ лицомъ неприкосновеннѣйшей личности ча-

сового, то чего же ждать отъ горячности молодого офицера при столкновенияхъ уличнаго характера?

Все это, несомнѣнно, симптомы болѣзненнаго свойства, присущаго только переживаемому нами смутному времени, и всеобщей разнузданности всѣхъ слоевъ населенія. Вотъ почему народные представители вправѣ были высказать пожеланіе чтобы наши офицеры выказали и въ мирное время искони присущую русскому воину дисциплинированную добродѣтель и самоотверженную скромность, требуемая въ настоящую минуту не на театрѣ войны, а у себя дома.

Правда! Это подвигъ труднѣе и сильнѣе, чѣмъ умереть въ бою; но зато это подвигъ болѣе славный, особенно необходимый въ переживаемое нами переходное время.

Не говорите, господа, что—«это проповѣдь непротивленія», обращающая война въ ягненка. Нѣтъ! *Тотъ, кто умѣетъ побѣждать самого себя, всегда сумѣетъ побѣдить врага.*

Весьма важно также внушить довѣріе къ себѣ какъ со стороны общества, такъ и солдата—нашего питомца, а для этого необходимо оглянуться и на самихъ себя. Какими воспитательными примѣрами могутъ служить приведенные выше факты? А между тѣмъ у насъ чаще говорятъ все о воспитательныхъ средствахъ въ отношеніи нижнихъ чиновъ,—что солдатъ нашъ некультурный, что для него поэтому больше всего нужна палка...

Это послѣднее предложеніе совсѣмъ не ново. У насъ не мало живы и здравствуютъ въ арміи понинѣ тоскливые вздыхатели по розгѣ, блаженной памяти, и по кулачной расправѣ. Развернуться имъ, правда, нелегко—не по сезону, да и законъ запрещаетъ; но кто же не знаетъ, что законъ тутъ послѣднее дѣло, а важно, какъ въ каждомъ случаѣ начальство посмотреть. Неудивительно, что въ поискахъ за разными снадобьями, чтобы урочевать одолѣвающій насъ недугъ, старые любители вспомнили и папину плетку, какъ испытанное средство, служившее нѣкогда панасеей отъ всѣхъ золъ. Казалось бы, если солдатъ нашъ некультуренъ—какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ,—то необходимо поднять его культурность; но это, вѣроятно, длинная канитель; а *воспитаніе* на службѣ, въ союзѣ съ сильной дисциплинарной властью и тѣлесными на-

казаніями, по мнѣнію многихъ, скорѣе приведуть къ цѣли. Но какъ же это воспитать некультурнаго солдата въ теченіе 3-хъ лѣтъ службы подъ знаменемъ, когда и безъ того огромный вопросъ,—успѣеть ли неграмотный солдатъ усвоить за свою теперь очень короткую службу требуемыя отъ него знанія—немалыя по нынѣшнимъ временамъ. Кромѣ того, надо еще раньше воспитать воспитателей, которые вѣдь тоже въ огородѣ не растутъ.

Вотъ здѣсь то зарыта собака,—какъ говорятъ нѣмцы. Надо сказать врачу—исцѣлился самъ. Мы многимъ грѣшны передъ нашимъ меньшимъ братомъ. Великъ исторической грѣхъ, унаслѣдованный и воспринятый нами отъ крѣпостнаго права, преуспѣвающій понинѣ въ нашемъ законодательствѣ,—не въ своемъ первобытномъ видѣ, конечно, какъ простая плетка, которая съ шумомъ изгнана отовсюду, а въ видѣ многихъ пережитковъ, чреватыхъ всѣми традиціями и взглядами крѣпостнаго права. Мы не привыкли и не хотимъ работать—простую будничную работу. Недавно я наблюдалъ въ Германіи, какъ безусый подпоручикъ обучалъ свою полуроту на плацу: битыхъ два часа онъ въюномъ носился около полуроты во время ея маршировки и ломки фронта, забѣгая впередъ и съ фланговъ, хлопалъ себя по ляшкамъ, теребилъ волосы, вгоняя и себя и полуроту въ десятый потъ... У насъ такое неблагородное дѣло большей частью препоручается фельдфебелю, или даже взводному; а если субалтернь-офицеръ самъ снизойдетъ для этихъ занятій, то это дѣлается съ такимъ душевнымъ томленіемъ и скукой, что за версту мухи дохнуть.

Вотъ гдѣ воспитательный корень. Мы должны начать воспитаніе съ самихъ себя, отрѣшиться отъ барства, которое глѣбеть въ насъ еще со временъ крѣпостнаго права.

А солдату нашему нужна не муштра и палка, а школа,—какъ мѣра подготовительная для: поднятія его умственнаго уровня, познанія воинскаго образованія и сознательнаго усвоенія требованія долга службы и присяги. Такъ это давно поставлено во всѣхъ арміяхъ, и этого, именно, недостаетъ нашей арміи. Я уже имѣлъ случай въ другомъ мѣстѣ доказывать примѣрами изъ минувшей войны, что армія наша полна доблестныхъ Рябовыхъ—по примѣру погибшаго славной смертью

ряд. Вас. Рябова, но одолѣваетъ нашего солдата неграмотность, темнота безпросвѣтная; настолько, что въ критическую минуту боя онъ вырѣзываетъ нашъ собственный телефонный проводъ, чтобы подвязать подметку; посланный для связи, онъ не можетъ разобрать цифры на погонахъ, чтобы различить наши части войскъ и т. п.

Оттого-то нашъ солдатъ въ бою теряется безъ поводыря-офицера, а въ одолѣвающее насъ теперь смутное время онъ легко поддается дикимъ сказкамъ и разнузданности, свойственной темнымъ людямъ.

## 8. Ротный и субалтерный.

Всѣма характерная полемика завязалась недавно въ военной печати между старшими офицерами—ротными командирами—съ одной стороны и непосредственно подчиненными имъ, младшими офицерами роты съ другой. Одинъ изъ ротныхъ командировъ выступилъ съ цѣлымъ ворохомъ упрековъ по адресу младшихъ офицеровъ, въ которыхъ, по его словамъ, нѣтъ достаточно служебнаго рвенія, нѣтъ желанія заниматься дѣломъ, а видно во всемъ лишь одно стремленіе „отбыть номеръ“—пробыть узаконенные часы на занятіяхъ, хотя бы ничего не дѣлая, а затѣмъ отряхнуть съ ногъ все, что связано со служебными обязанностями. Въ отвѣтъ на эти тяжкія обвиненія вырвался „Вопль молодого офицера“, выступившаго со статьей подъ такимъ заглавіемъ въ видѣ отповѣди ротнымъ командирамъ.

Суждено было Россіи испытать на себѣ тяжкіе удары судьбы при столкновеніи съ внѣшнимъ врагомъ на Дальнемъ Востока, и съ тѣхъ поръ возгорѣлась на Руси ожесточенная полемика, захватившая всѣхъ и каждого: обрушились сначала на дипломатію за то, что она завела Россію въ трясины; дипломатія сваливаетъ на армію, которая не оправдала ея пылкихъ надеждъ; отыскали затѣмъ корень всѣхъ золъ въ бюрократіи, а при дальнѣйшихъ розыскахъ стали всюду находить подгнившіе корни. Дошло до того, что полемическая бацилла обнаруживаетъ броженіе даже въ основной ячейкѣ нашей арміи: въ самой ротѣ заспорили ротный и его субалтернь...

Хочется напомнить спорщикамъ изъ исторіи древней Греціи

классическую полемику Аристиды иThemistокла при нашествии персов: „Мы давно споримъ другъ съ другомъ о разныхъ дѣлахъ; давай поспоримъ теперь, какъ лучше послужить родной странѣ въ виду нашествия врага“... такъ древніе моралисты порѣшили между собою свои хроническія несогласія. Наша родина переживаетъ теперь также эпоху исключительную въ своемъ историческомъ развитіи, и если въ настоящую минуту Россія не стоитъ лицомъ къ лицу съ нашествіемъ внѣшнихъ враговъ, то тѣмъ не менѣе, отъ насъ требуется напряженная дѣятельность въ виду провозглашеннаго съ высоты Престола обновленія и возрожденія внутренней жизни нашего отечества. Время ли теперь для подобныхъ взаимныхъ упрековъ и споровъ?

Да еще гдѣ? Въ нѣдрахъ самой роты, между ротнымъ командиромъ и его младшими офицерами!

Помимо всего въ этомъ спорѣ нѣтъ ни логики, ни смысла. Наши ротные командиры—тѣ же субалтерны вчерашняго дня, а младшіе офицеры—это будущіе ротные. Всѣ мы проходимъ по одной и той же дорожкѣ и отлично знаемъ и понимаемъ другъ друга; всѣ мы въ свое время преисполнены однихъ и тѣхъ же стремленій и помысловъ. Значитъ, отъ насъ самихъ зависитъ дать лучшее направленіе нашимъ благимъ намѣреніямъ. И если, тѣмъ не менѣе, все это съ теченіемъ времени тупится и выдыхается—значитъ, либо имѣются какія-нибудь внѣшнія причины стихійнаго свойства, либо у насъ самихъ не хватаетъ выдержки и силы воли, чтобы неуклонно держаться нами самими избранной дорожки.

Оставивъ въ сторонѣ внѣшнія причины, которыя, во всякомъ случаѣ, не всегда и не вездѣ служатъ непреодолимымъ тормазомъ, посмотримъ въ чемъ заключается нашъ собственный духовный багажъ, который мы приносимъ съ собою всюду. Наши младшіе офицеры жалуются, что со школьной скамьи они приносятъ съ собою искреннія стремленія къ труду и жажду дѣятельности и что съ первыхъ же шаговъ открыленные идеалы оказываются опаленными жгучей дѣйствительностью. Но нѣтъ у насъ привычки къ труду и дисциплинированной воли, намъ хочется съ первыхъ шаговъ службы перекроить все по-своему; намъ этого, разумѣется, не разрѣшаютъ, и мы сейчасъ же разочаровываемся въ жизни и начинаемъ болѣть мировой скорбью.

Недаромъ Тургеневъ въ романѣ „Дымъ“ изображаетъ русскаго студента, поглощеннаго не учебниками, а планомъ перекройки всего мірозданія. Во всемъ мірѣ студенты или учатся, или заняты развлеченіями, свойственными ихъ молодости; наши же студенты, какъ извѣстно, отнюдь не хотятъ довольствоваться такой скромной ролью.

Нѣчто аналогичное мы видимъ и въ нашей офицерской средѣ. Молодой офицеръ является въ роту богато одареннымъ выспренними намѣреніями, но со слабой мускулатурой (въ общемъ смыслѣ) для подлиннаго труда: онъ все смотритъ поверхъ своего маленькаго дѣла, выскивая воздушные замки въ туманной дали. Я указалъ выше какъ мнѣ однажды пришлось видѣть германскаго подпоручика, обучавшаго на плацу свой взводъ. Битыхъ два часа онъ вьюномъ носился около марширующаго взвода, забѣгалъ впередъ и въ сторону, билъ себя по ляжкамъ, тербилъ волосы на головѣ. Словомъ, въ эту нудную и скучную, съ точки зрѣнія нашего субалтерна, работу было вложено столько увлеченія и страсти, что зтотъ взводъ вмѣстѣ съ этимъ учебнымъ плацемъ служили, очевидно, всѣмъ смысломъ жизни для этого юнаго офицера. Недавно также намъ пришлось видѣть солиднаго французскаго поручика, усердно обучавшаго сигналамъ небольшую команду въ 7 человекъ трубачей. Снисходятъ ли у насъ когда-нибудь баталіонные адъютанты къ этой работѣ, которая обыкновенно возлагается на ихъ обязанность? А между тѣмъ въ многочисленныхъ жалобахъ младшихъ офицеровъ мы встрѣчаемся часто съ сѣтованіями, напримѣръ, такого рода, что „ротный командиръ предоставляет имъ лишь занятія съ нѣсколькими человекѣми старослужащихъ, не допуская къ занятіямъ съ новобранцами“ и. т. п. А вы научитесь, господа, съ рвеніемъ и любовью дѣлать то, что приходится,—вотъ какъ тотъ германскій подпоручикъ...

Но откуда ей взяться этой любви къ дѣлу, когда у насъ принято стыдиться ея какъ порока. Всѣмъ извѣстно, что во многихъ кружкахъ и собраніяхъ офицерскихъ, претендующихъ на изысканный тонъ, принято за правило избѣгать разговоровъ и споровъ на служебныя темы. Въ прежнее время (а можетъ быть и теперь) такая тенденція на изысканность тона существовала въ гвардіи, и оттуда позаимствована была арміей. Можно ли удивляться, что при такомъ направленіи служебныя занятія

обращаются въ „отбытіе номера“, который исчерпывается лишь формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу. При такой постановкѣ службы съ боевой подготовкой далеко не уйдешь.

Не болѣе смысла кроется и въ сѣтованьяхъ ротныхъ командировъ на своихъ помощниковъ. Еще задолго до послѣднихъ мѣропріятій по военному вѣдомству, которыми обязанности младшихъ офицеровъ поставлены въ болѣе опредѣленныя рамки и повышенъ служебный авторитетъ (благодаря аттестационнымъ правиламъ) ротныхъ командировъ, эти послѣдніе всегда могли, при желаніи, вліять на своихъ младшихъ офицеровъ и направлять ихъ служебную дѣятельность. А если это не дѣлалось, то чаще всего по собственной неустойчивости характера или въ силу какихъ-нибудь другихъ слабостей. Извѣстно, напримѣръ, что еще не такъ давно (отчасти и теперь) дѣлали, что называется, общественное мнѣніе младшіе офицеры, создавая служебную репутацію излюбленнымъ старшимъ товарищамъ и опорочивая другихъ. А чѣмъ больше всего у насъ можно купить любовь и расположение молодежи, это хорошо извѣстно безъ лишнихъ поясненій. Ни одинъ молодой офицеръ не будетъ проситься въ такую роту, гдѣ командиръ строгій и требовательный, не пропускаетъ занятій и проч.; наоборотъ,—командиры не „службисты“ приходятся всегда больше по душѣ младшимъ офицерамъ. Зная это, ротные (да и батальонные) командиры иногда постулаются требованиями службы лишь бы подладиться къ требованиямъ общественнаго мнѣнія. Но въ такомъ случаѣ нельзя упрекать и своихъ помощниковъ, что они проявляютъ лишь формальное отношеніе къ дѣлу. Будьте равны и тверды въ своихъ требованіяхъ, и это окажетъ благотворное вліяніе не только на самое дѣло, но и на воспитаніе вѣрнѣнныхъ вашему попеченію юныхъ помощниковъ.

Оправдывая однихъ и обѣляя другихъ или высказывая со своей стороны легкіе упреки по адресу тѣхъ и другихъ, мы отнюдь не дѣлаемъ это изъ желанія скользить по нейтральной срединѣ, а—въ виду глубокаго убѣжденія, что полемика въ этомъ случаѣ представляется намъ совершенно безпощадной. *Надо полюбить трудъ*, вотъ въ чемъ корень и разгадка успѣха въ любви дѣлѣ. Самыя лучшія намѣренія и выспренные стремленія положительно ни къ чему не послужатъ, если нѣтъ вкуса къ работѣ и упорному труду.

## 9. Будущій юбилей.

Въ 1911-мъ году исполнится сто лѣтъ существованія „Библиотеки Генеральнаго и Главнаго Штаба“. Оглядываясь на прошлое невольно бросается въ глаза печальное нынѣшнее существованіе библиотеки—это тоскливое мерцаніе, точно погребальнаго факела, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно блисталъ яркій свѣточъ нашей военной науки и былыхъ культурныхъ сокровищъ. Судьба этого культурнаго учрежденія весьма назидательна и служить лучшей характеристикой для нашего времени. Основанная около *ста лѣтъ* тому назадъ (въ 1811 году) и служа все время сокровищницей нашихъ книжныхъ богатствъ и научнымъ центромъ для всей арміи, эта библиотека, за время своего столѣтняго существованія, едва ли еще когда-нибудь была въ такомъ загонѣ и упадкѣ, какъ въ настоящее время. Точно вѣрная спутница взрослившей и воспитавшей ее арміи—эта библиотека пожелала раздѣлить общую съ ней участь, испытываемую послѣ злосчастной войны, и вмѣсто былого процвѣтанія облеклась въ трауръ прозябанія и упадка...

По примѣру нашей арміи, испытывавшей на себѣ стихійные удары внѣшняго врага и потрясенія внутренняго свойства, и библиотека ея подверглась стихійному нашествію пожара въ 1900 г., а затѣмъ реформы внутренняго свойства доканали ее окончательно въ 1903 г., когда библиотека по новымъ штатамъ низведена была на положеніе „стола“. Замѣчательно и то, что періодъ наибольшаго расцвѣта нашей библиотеки, какъ въ отношеніи роста ея внутренняго богатства, такъ и ея внѣшней служебной самостоятельности, относится къ началу шестидесятыхъ годовъ, т. е.—опять таки къ реформаторской дѣятельности Д. А. Милютина. По штатамъ того времени (1867 г.) Главный Штабъ состоялъ всего изъ *шести* отдѣленій, при чемъ библиотека занимала такое же служебное положеніе какъ военно-ученый комитетъ, военно-топографическій отдѣлъ и т. п. Съ теченіемъ времени штаты Главнаго Штаба росли и разбухали непрерывно, и точно обжорливья коровы Фараона проглатываютъ не только постоянно растущіе отпуска казны, но и цѣлыя учрежденія. Такимъ же путемъ въ эту ненасытную утробу попала и библиотека, ко-

торая из самостоятельного культурнаго учреждения, при реорганизации Главнаго Штаба въ 1903 году, была обращена въ „столь“.

Забавнѣ всего, что эта „реформа“ или, вѣрнѣе, разгромъ библіотеки предпринята были съ цѣлью сэкономить для казны 700 р. въ годъ. Въ дѣйствительности и тутъ допускалась завѣдомая иллюзія, потому что, низводя библіотеку на положеніе „стола“ и обративъ библіотекаря въ „столоначальника“, эта своеобразная реформа вызвала къ жизни существованіе новыхъ паразитовъ (особое отдѣленіе), прилѣпившихся къ библіотекѣ и поглощающихъ отъ казны лишнихъ 5400 руб. въ годъ.

Но дѣло не въ экономіи 700 или перепускѣ 5400 р., а въ томъ культурномъ *взглядѣ* на библіотеку Россійской Арміи, который служить вѣрнымъ показателемъ реформъ и одухотворяющихъ ихъ началъ, господствовавшихъ три года и тридцать лѣтъ тому назадъ; въ былое время въ дѣлѣ реформъ искали опоры въ культурныхъ начинаніяхъ, — библіотека пользовалась особымъ престижемъ, а теперь все подводится подъ одну канцелярскую мѣрку — „столь“ и „столоначальникъ“...

Давно извѣстно, что внутренне враги куда хуже внѣшнихъ. Реформа 1903 года нанесла нашей библіотекѣ несравненно болѣе сильный ударъ, чѣмъ предшествовавшей истребительный пожаръ въ 1900 году. Можно ли ожидать развитія и процвѣтанія этого культурнаго учрежденія, когда все его живое дѣло приравнивается къ обычнымъ бумажнымъ „исходящимъ“ и „входящимъ“, когда вся жизнедѣятельность библіотеки направляется не тѣмъ, кто непосредственно его вѣдаетъ, а совершенно чуждымъ ей начальникомъ отдѣленія, у котораго помимо библіотеки имѣется на плечахъ много другихъ „столовъ“, шкафовъ, исходящихъ и входящихъ.

Пора воздвигнуть нашу библіотеку на тотъ же пьедесталь, который она занимала въ теченіе цѣлаго вѣка ея существованія, какъ культурное учрежденіе и драгоцѣннѣйшее книгохранилище Всероссийской Арміи. Больно видѣть это запустѣніе и раззореніе, которое мы видимъ теперь въ этомъ заломъ роскошномъ дворцѣ книгъ и знаній всякаго рода. Многимъ памятно, что, не выходя изъ первой круглой залы библіотеки, можно было получить какія угодно справки не только по древней исторіи

нашей арміи, но и по текущимъ вопросамъ, касающимся вооруженныхъ силъ армій *всего міра*, — ибо тутъ, на длинномъ столѣ, можно было найти новѣйшіе военные газеты и журналы всѣхъ армій Стараго и Новаго свѣта. Нерѣдко встрѣчались здѣсь проводившими цѣлые дни за работой многие изъ нашихъ боевыхъ генераловъ-писателей, прославившихъ нашу военную литературу; люди науки прѣзжали даже изъ Америки и разныхъ городовъ Европы, чтобы пользоваться сокровищами нашей библіотеки. А теперь... точно въ раззоренномъ и опустошенномъ храмѣ, — изгнаны боги, низвергнуты кумиры, и... водворенъ „столоначальникъ“!...

Мы не сомнѣваемся, что наше высшее военное управленіе, которому черезъ безконечный лабиринтъ бюрократическихъ перегородокъ подчинена библіотека, воодушевлено прекраснѣйшими намѣреніями; но оно завалено собственными работами и заботами на столько, что не остается времени подумать о библіотекѣ и ея нуждахъ. Пусть этотъ самый „столоначальникъ“ станетъ опять самостоятельнымъ *библіотекаремъ*, какимъ онъ былъ встарь. Вѣдь, что можетъ быть нелѣпѣе такого положенія, когда богатѣйшая сокровищница Россійской Имперіи, имѣющая культурное значеніе болѣе высокое, чѣмъ добрая половина всѣхъ отдѣленій Главнаго Штаба, — низведена на положеніе какого-то „стола“, подвѣдомственнаго какому-то стулу или креслу.

## 10. Д. А. Милютинъ и П. С. Ванновскій.

Недавно армія наша вспомнила своего бывшаго военнаго министра Д. А. Милютину по случаю его 75 лѣтняго пребыванія въ офицерскихъ чинахъ, отмѣченнаго особымъ Высочайшимъ рескриптомъ, адресомъ нашей военной академіи, торжественными поздравительными телеграммами и рядомъ многихъ газетныхъ статей, восхвалявшихъ реформаторскую дѣятельность юбиляра на самыхъ верхнихъ регистрахъ поклоненія и восторженности.

Вотъ въ этомъ послѣднемъ фактѣ кроется все знаменіе нашего времени. Еще не такъ давно, въ бытность военнымъ министромъ П. С. Ванновскаго, о дѣятельности его предмѣстника говорили не иначе какъ о дѣлѣ, требующемъ, въ лучшемъ случаѣ, измѣненій и дополненій, а чаще всего — коренной пере-

работки. И этот взгляд проводился и в действительной жизни. Теперь, повидимому, судя по тому, что высказывалось в день 75-лѣтняго юбилея маститаго фельдмаршала—взгляды измѣнились кореннымъ образомъ. Это вѣрнѣйшій показатель творческаго безсилія и реформаторскаго пустоцвѣта слѣдовавшей за Милютинимъ эпохи. Когда сидятъ за столомъ, уставленнымъ изысканными гастрономическими яствами, едва ли вспомнить какое-то вкусное блюдо, которое давнымъ-давно было, да сплыло. И наоборотъ...

При повальномъ безлюдьи нашего времени, при хроническомъ недородѣ людей выдающихся и талантливыхъ, такъ сильно ощущаемомъ теперь на всѣхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія, охотно вспоминаются дѣятели давно минувшихъ дней, дающіе намъ лучъ надежды на лучшее будущее. Въ жизни народовъ бывають такія времена перемежающихся урожаевъ на живительныя реформы и на даровитыхъ людей, озаряющихъ своей геніальностью всю переживаемую ими эпоху. Бывали и въ нашей исторіи такія времена: періодъ государственнаго строенія при Царѣ-Преобразователѣ, „золотой вѣкъ“ Екатерины, эпоха великихъ реформъ при Царѣ-Освободителѣ и т. д.

Какъ все это чувствуется въ наше время всеобщаго оскуднѣнія!

„Не реформы, а люди“ необходимы намъ—говорятъ со всѣхъ сторонъ. Надо однако помнить, что и реформы не изготавляются механически, по шаблонамъ, а для нихъ нужны люди незаурядные. Нѣтъ людей, нѣтъ и реформъ, а найдутся люди, будутъ и реформы. Однако трагизмъ положенія заключается именно въ томъ, что реформы и люди, понимая, конечно, людей талантливыхъ, находятъ всегда въ такомъ взаимоотношеніи, что они вѣчно замкнуты въ заколдованномъ кругу: реформы не растутъ въ огородѣ, а представляютъ собою предметъ творчества людей геніальныхъ, одаренныхъ искрой божественности; съ другой стороны и люди талантливые всходятъ на родной нивѣ не иначе, какъ послѣ орошенія ея живительными реформами. Бывають времена засухливая, или несвоевременные заморозки, не способствующіе произрастанію талантовъ и способностей: имъ не даютъ хода, мѣшаютъ примѣнять на дѣлѣ плоды ихъ геніальности. Какъ часто въ морскомъ, напримѣръ, вѣдомствѣ вспоминають теперь покойнаго адмирала Макарова, который такъ бесплодно боролся съ

пустотой и бездушнымъ формализмомъ своего времени. Былъ, значитъ, человекъ, да безъ пользы для дѣла сгинулъ жертвой мертвящей рутины.

А теперь—развѣ действительно такъ-таки нѣтъ у насъ людей? Если они появлялись неоднократно перемежающимися періодами во всѣ вѣка тысячелѣтняго существованія Россіи, слѣдуя за реформами или возвѣщая собою появленіе реформъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что они продолжаютъ существовать и въ настоящее время, и могутъ появиться во всякую минуту, но лишь при благоприятной обстановкѣ. А для этого необходимы реформы. Въ противномъ случаѣ, подъ видомъ людей талантливыхъ, появляются искусственныя выгонки, представляющія собою лишь суррогатъ талантовъ, а иногда и простую фальсификацію.

Все сказанное лучше всего подтверждается нашимъ временемъ хроническаго недорода талантовъ. Минувшая война съ Японіей не дала намъ талантовъ; это теперь хорошо извѣстно и признается безспорной истиной. Ясно также, что этихъ талантовъ и быть не могло, если вдуматься въ характеристику предшествовавшей эпохи нашей государственной жизни. Тѣмъ не менѣе, когда мы начинали войну, чуть ли не вся Россія увѣровала въ таланты своего полководца А. Н. Куропаткина, хотя для этой славы имѣлись не дѣла, а предположенія, слѣпая вѣра,—необходимость создать себѣ кумирова, когда ихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Кто слыхалъ о Скобелевѣ, Гурко, Радецкомъ до турецкой войны? Извѣстенъ ли былъ Милютинъ до своихъ реформъ по военному вѣдомству? А рядомъ съ этимъ—сколько кричали про ген.-адъют. Куропаткина передъ войной!.

Подлинныя таланты познаются лишь по дѣламъ. И—горе, когда ихъ нѣтъ, а прилагаются старанія, чтобы создать таланты искусственной выгонкой. Это печальное явленіе наблюдается въ наше время всеобщаго оскуднѣнія. Война не дала намъ талантовъ, но мы не смущаясь создаемъ ихъ искусственно: въ отвѣтъ на крики „дайте движенія талантамъ“, мы безъ всякихъ колебаній взгромоздили на видныя мѣста командировъ корпусовъ и др. невидные таланты, чтобы всѣ кругомъ видѣли, что талантовъ намъ не занимать стать.

Но что изъ этого получится, когда придется примѣнить эти таланты къ дѣлу—показать будущее, хотя это достаточно ясно и изъ только что пережитого прошлаго.

Все это невольно вспоминается по случаю 75-лѣтняго юбилея Д. А. Милютина. Реформаторская дѣятельность этого подлинно талантливаго человѣка въ свое время создала въ армии животворное теченіе, вызвала къ жизни немало способныхъ работниковъ въ мирное время, а когда наступило время военное, появились и Скобелевы. При П. С. Ванновскомъ культурный ростъ нашей армии приступило раннимъ заморозкомъ, и многіе побѣги въ этомъ ростѣ быстро завяли, не успѣвши расцвѣсть. Нѣтъ надобности всѣ эти метафоры замѣнять словами для того, чтобы показать, какъ было при Милютинѣ и какъ стало при Ванновскомъ: это завело бы насъ слишкомъ далеко.

Достаточно указать на характерный фактъ для нашего времени, представляющаго собою прямое наслѣдіе эпохи Ванновскаго. Это приказъ одного высокопоставленнаго генерала, который не затруднился арестовать ротнаго командира, смѣстивъ съ должности фельдфебеля и арестовать другого фельдфебеля только за то, что присланные изъ роты ординарецъ и вѣстовой шокировали генерала запахомъ чеснока.

Покойный М. И. Драгомировъ приводитъ извѣстный рассказъ объ отжившемъ въ его время командирѣ, который недоволенъ былъ шевеленіемъ штыковъ при приѣмѣ „на-краулъ“, обусловливаемымъ дыханіемъ людей, и старался отучить людей, чтобы „не дышали“. Теперь, очевидно, эти типы воскресаютъ снова. У насъ все чаще начинаютъ вздыхать о „здоровой муштрѣ“, науку солдатскую хотятъ низвести къ искусству „вѣсть начальство глазами“; на инспекторскомъ смотру требуется только, чтобы всюду было тщательно посыпано песочкомъ, чтобы не дышали при приѣмѣ „на-краулъ“, а также и въ иныхъ случаяхъ и, наконецъ, чтобы не было запаха, не предусмотрѣннаго соответствующими параграфами.

Намъ кажется, что вмѣсто бесплодныхъ гаданій о томъ, что намъ больше всего необходимо въ настоящую минуту, реформы или люди, слѣдуетъ просто приняться за дѣло съ достаточной рѣшимостью и вѣрой въ свои силы. Этихъ

живительныхъ толчковъ недостаетъ намъ прежде всего, чтобы сдвинуть армию съ мертвой точки, на которую она стала послѣ неудачной войны. Потому-то именно мы и застряли теперь на этой точкѣ, что мы и по сіе время болѣемъ тѣмъ же недугомъ, который привелъ насъ къ пораженіямъ на поляхъ Маньчжуріи: какъ въ настоящее время, такъ и тогда, на войнѣ, намъ не доставало только рѣшительности и вѣры въ свои силы. При такомъ душевномъ недомоганіи всегда все изъ рукъ валится, какъ въ военное, такъ и въ мирное время.

## 11. Въ защиту Генеральнаго Штаба.

Время отъ времени въ нашей печати появляются не всегда обоснованныя нападки на нашъ генеральный штабъ, которому склонны приписывать всѣ причины неудачнаго исхода минувшей войны съ Японіей.

Мнѣ кажется, что въ этомъ вопросѣ кроется какое-то роковое недоразумѣніе. Что такое нашъ генеральный штабъ? Вѣдь это плоть отъ плоти нашей армии,—всѣхъ ея родовъ оружія, изъ которыхъ комплектуется корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба. Никто не станетъ оспаривать, что въ генеральный штабъ попадаютъ офицеры отборные, не только въ виду многостажной аттестаціи начальства, но и отборные по стойкости характера и твердой волѣ, которая только и могутъ привести къ достиженію нелегкаго цѣли, послѣ упорнаго труда и длиннаго ряда экзаменовъ. Какъ извѣстно, за рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ наши юные офицеры съ первыхъ же шаговъ службы носятся съ мыслью поступить въ академию. Но выпренныя стремленія встрѣчаются всегда лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью: съ одной стороны мечты о лучшемъ будущемъ, о познаніи сокровенныхъ тайнъ военнаго искусства, требующихъ, однако, тяжелой жертвы—предаться все тѣмъ же противнымъ книгамъ, которыя незадолго передъ тѣмъ при выпускѣ изъ училища сданы были въ архивъ, казалась, навсегда; а съ другой стороны—жажда жить, и всѣ прелести жизни, такъ манящая къ себѣ молодость и ея чары. Можетъ ли быть лучшей искусь для закалки ха-

рактера, чѣмъ въ такомъ единоборствѣ между тѣмъ, что „хочется“ и что „можетъ“. Не даромъ въ академію попадаютъ лишь единицы изъ тысячи алчущихъ.

А вѣдь сила воли, это—основаніе того квадрата (ума и воли), который Наполеонъ I требовалъ въ отношеніи качества военачальника.

Но можетъ быть эти отборные сыны армии портятся академическими науками и дальнѣйшей службой въ генеральномъ штабѣ? Не подлежитъ сомнѣнію, что постановка учебнаго дѣла въ академіи и подготовка офицеровъ генеральнаго штаба требуетъ коренныхъ реформъ; выработано новое положеніе объ Императорской Военной академіи; прошло уже два года какъ обѣщано новое положеніе о прохожденіи службы офицеровъ генеральнаго штаба. Все это давно назрѣвшій вопросъ, который, однако, не стоитъ въ тѣсной связи съ тѣми нападками, которымъ подвергается нашъ генеральный штабъ. Разъ коснувшись этого вопроса, требующаго сопоставленія офицеровъ генеральнаго штаба и строевыхъ, мы должны признать, что въ этой защитѣ первыхъ беремъ на себя задачу до нѣкоторой степени далеко не благодарную. Всѣмъ извѣстно, что еще задолго до минувшей войны, навлекшей на нашъ генеральный штабъ столько нареканій, въ армии—то есть среди строевыхъ офицеровъ—таилось замаскированное внѣшнимъ приличіемъ недружелюбное настроеніе въ отношеніи офицеровъ генеральнаго штаба, которое во время интимной товарищеской бесѣды или при иныхъ подходящихъ случаяхъ, прорывается наружу.

Начало этой отчужденности коренится въ обыкновенныхъ психологическихъ свойствахъ человѣческой природы. Толпа, общество, извѣстная среда, относятся всегда неодобрительно къ стремленію отдѣльныхъ своихъ единицъ выдѣлиться и подняться надъ общимъ уровнемъ: будь такой же какъ всѣ мы, и не смѣй помышлять быть лучше, образованнѣе насъ. Такая психика въ отношеніи офицера, начинающаго готовиться въ академію, должна со стороны окружающаго его среды вызвать такое же отчужденіе, съ какимъ отнеслись бы чернокожіе къ своему собрату, пытающемуся смыть съ себя черный цвѣтъ лица. Кромѣ того, начиная готовиться

въ академію, офицеръ невольно удаляется нѣсколько отъ товарищей, отъ общихъ развлеченій, и своими занятіями и помыслами расходится съ общимъ теченіемъ жизни своей среды, къ тому же представляя собою для другихъ непріятное напоминаніе сознаваемой слабхарактерности или неспособности самимъ взяться за серьезный трудъ.

Это начало нѣкотораго скрытаго разлада и взаимнаго отчужденія между офицерами строевыми и генеральнаго штаба получаетъ въ послѣдствіи дальнѣйшее развитіе въ службѣ штабной и специально генеральнаго штаба. Первой по существу принадлежитъ роль распорядительная; и тутъ недоразумѣнія съ исполнителями неизбежны всегда, кто бы ни наполнялъ штабы,—офицеры ли съ академическими знаками, или взятые прямо изъ строя: то выступленіе въ походъ назначено слишкомъ рано, то слишкомъ поздно;—только что усталые и голодные пришли и расположились на бивакѣ, какъ по распоряженію штаба, надо почему-то сниматься и переходить на новое мѣсто. Да и вообще, человѣческой природѣ не свойственно охотно подчиняться чужой волѣ. Всякія неудачи при исполненіи весьма легко и удобно приписать полученнымъ распоряженіямъ; тѣмъ болѣе, что всѣ разногласія такого рода между штабомъ и строемъ вращаются около такихъ вопросовъ, которые строевые офицеры считаютъ своей собственной специальностью. А такъ какъ начальство—источникъ приказаній и распоряженій—недоступно для нападковъ, то весьма подходящимъ козломъ отпущенія являются органы начальниковъ—ихъ штабы.

Что же касается специальной службы генеральнаго штаба, то таковая также—опять-таки по причинамъ психологическаго свойства—не можетъ содѣйствовать дружелюбному единенію между офицерами генеральнаго штаба и строевыми: нерѣдки случаи, когда офицеру генеральнаго штаба приходится на тактическихъ занятіяхъ или полевыхъ поѣздкахъ явиться въ роли руководителя и инструктора среди своихъ же прежнихъ однополчанъ, много старшихъ его годами и службой. Притомъ же теорія и практика военнаго дѣла весьма расплывчаты по своимъ положеніямъ, лишены опредѣленности наукъ точныхъ и даютъ всегда возможность

оспаривать тѣ или иные доводы, приводимые руководителемъ на основаніи научныхъ данныхъ. Все это, вдобавокъ ко всему сказанному, дѣлаетъ научный авторитетъ офицера генеральнаго штаба весьма шаткимъ.

Вотъ та почва, въ которой, по моему мнѣнію, коренится отчужденность и недружелюбное отношеніе между офицерами строевыми и генеральнаго штаба. Въ другихъ европейскихъ арміяхъ это не такъ сильно замѣтно, главнымъ образомъ потому, что тамъ нѣтъ такой разницы въ уровнѣ образованія всей массы офицеровъ, строевыхъ и генеральнаго штаба. Въ нашей арміи фактъ безспорный, что общій уровень образованія корпуса офицеровъ генеральнаго штаба значительно выше образовательной подготовки всей массы офицеровъ. Не касаясь вовсе огромной разницы между программами курса, хотя бы военныхъ училищъ и академій, важно то, что подавляющее большинство строевыхъ офицеровъ, разъ покончивъ съ книгами послѣ выпускныхъ экзаменовъ, разстается съ ними навсегда, и съ годами основательно забываетъ то, что вынесено со школьной скамьи; движеніе же по службѣ у насъ налажено такъ, что можно подвигаться впередъ по инерціи, безъ помощи какихъ бы то ни было книгъ, не исключая и родныхъ уставовъ. Офицеры же генеральнаго штаба, несомнѣнно, увеличиваютъ запасъ знаній и свою научную подготовку какъ во время приготвленія къ приемнымъ экзаменамъ, такъ и въ академіи. Правда, приобрѣтенныя познанія вполнѣ стираются временемъ, но не въ такой сильной степени, какъ при службѣ строевой, потому что особенности службы генеральнаго штаба таковы, что въ большинствѣ случаевъ заставляютъ офицеровъ этого корпуса, время отъ времени, освѣжать свои познанія и даже приобрѣтать новыя.

Едва ли въ полной мѣрѣ могутъ быть признаны основательными всеобщія сѣтованія на значительныя служебныя преимущества, которыя дѣйствующими законоположеніями у насъ предоставлены офицерамъ генеральнаго штаба. Въ эти привилегіи имѣютъ въ своемъ основаніи не какія-нибудь права первородства или заслуги предковъ, а высшее специальное образованіе, которое не можетъ не быть выдѣлено

извѣстными преимуществами въ воздаяніе за приобрѣтенныя познанія. Во всѣхъ вѣдомствахъ образовательному цензу у насъ отводится гораздо больше правъ, чѣмъ въ военномъ; различіе въ движеніи по службѣ, въ зависимости отъ полученнаго образованія, проведено тамъ несравненно рѣзче, чѣмъ у насъ. Въ министерствѣ путей сообщенія есть, напримѣръ, техники и инженеры; не смотря на то, что первые получили довольно основательную подготовку какъ общую, такъ и по своей специальности—и часто обладаютъ притомъ огромнымъ практическимъ опытомъ—они все же *никогда* не могутъ занять тѣхъ должностей, которыя предоставляются инженерамъ, какъ специалистамъ съ высшимъ образованіемъ. Мы уже не говоримъ о службѣ въ другихъ вѣдомствахъ, гдѣ не требуется вовсе специальныхъ познаній; и все же высшему общему образованію отводятся всѣ права; тогда какъ съ низшимъ и среднимъ образованіемъ нельзя вовсе занимать должностей выше, напримѣръ, извѣстнаго класса. У насъ же, въ военномъ вѣдомствѣ, съ общимъ образованіемъ не выше домашняго и убогими военными познаніями, вынесенными когда-то изъ юнкерскаго училища, можно корпусомъ командовать, предоставляя всю творческую часть начальнику штаба. Въдѣ у насъ установилось какъ правило, что офицеры генеральнаго штаба, или начальникъ штаба, для того и даютъ высшему начальнику, чтобы освободить его отъ всякой работы мысли. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что офицеры генеральнаго штаба приобрѣтаютъ влияние большее, чѣмъ они имѣютъ на то право. Это неизбежный законъ господства знанія надъ незнаніемъ.

Такъ было и такъ будетъ, до тѣхъ поръ пока не поднимется общій уровень образованія тѣхъ массъ нашихъ офицеровъ,—пока на командныхъ должностяхъ будутъ стоять начальники со слабой специальной подготовкой.

## 12. Денщикій вопросъ.

Какъ извѣстно, вопросъ этотъ съ неостывающимъ интересомъ обсуждается всегда въ военной печати, служа предметомъ вѣчныхъ споровъ и дебатовъ не только въ офи-

церскихъ кругахъ, но и среди дамъ офицерскихъ, мнѣнія и отзывы которыхъ въ этомъ случаѣ должны быть признаны безспорно вполне свѣдущими, вынесенными изъ самой жизни. Но и кромѣ военной печати и офицерскихъ круговъ—вопросъ о деньщикахъ въ послѣдніе годы удостаивался особаго вниманія и общей политической печати. Дѣло въ томъ, что подъ напоромъ ворвавшихся во внутреннюю жизнь страны новыхъ событій, новыхъ понятій и взглядовъ, подъ вліяніемъ лихорадочной переоцѣнки прежнихъ цѣнностей, и денщикій вопросъ, касавшійся до того времени только бытовой стороны офицерской жизни, получилъ неожиданно совершенно новое освѣщеніе въ глазахъ общественнаго мнѣнія. По незнакомству съ военнымъ бытомъ общая печать, даже умѣренная и правая, возставала противъ самаго назначенія солдата въ качествѣ казенной прислуги, доказывая, что назначеніе солдата совершенно иное. На это напомнимъ, что институтъ денщиковъ въ томъ или иномъ видѣ существуетъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, не исключая даже и англійской, комплектуемой вербовочнымъ порядкомъ. Тѣмъ болѣе въ нашей арміи, въ виду особыхъ условій народной жизни, неумѣстно было бы приплетать къ денщикьему вопросу совершенно несвойственная ему „правовая“ измышленія. Тѣмъ не менѣе наше военное министерство вполне справедливо ушло голосъ общественнаго мнѣнія, и въ своемъ новомъ Положеніи о денщикахъ откликнулось на запросы времени, установивъ определенную норму, что генераль, какъ и подпоручикъ, имѣютъ право только на *одного денщика*. Мѣру эту нельзя не привѣтствовать. Если новое Положеніе будетъ строго проводиться въ жизни, и если начальствующія лица, сами подавая примѣръ законности, не будутъ брать къ себѣ солдатъ подъ разными замаскированными названіями ординарцевъ, вѣстовыхъ и т. п., то мы на будущее время не увидимъ развращающей картины многочисленной дворни солдатъ на квартирахъ начальниковъ.

Надо признать, что именно съ этой стороны денщикій вопросъ у насъ давно уже нуждался въ неотложныхъ поправкахъ; но установленной въ настоящее время нормой одного денщика, независимо отъ чиновъ, вопросъ этотъ все-таки рѣшенъ лишь отчасти. Всѣмъ извѣстно, что въ

большинствѣ случаевъ у ротныхъ командировъ, въ особенности семейныхъ, фактически жили всегда не одинъ, а два денщика; у командира полка можно было иногда найти на квартирѣ цѣлую дворню солдатъ, *вполнѣ незаконныхъ*, а именно: два денщика законныхъ, ординарецъ и вѣстовой (или только одинъ вѣстовой) по ежедневному наряду, конюхъ, а иногда еще и помощникъ конюха въ томъ случаѣ, если командиръ части казенныхъ лошадей и экипажъ держать при своей квартирѣ, что закономъ не возбраняется. Итого,—дворня изъ *шести человекъ*.

Еще болѣе многочисленный штатъ казенной прислуги встрѣчается иногда при казенныхъ квартирахъ высшихъ начальствующихъ лицъ. Нѣскольکو лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ казачьихъ войскъ азіатской Россіи былъ фактъ такого рода: чрезмѣрный и незаконный нарядъ казенной прислуги изъ казаковъ, назначавшейся много лѣтъ даже артиллерійскимъ и землемѣрнымъ чиновникамъ, неимѣющимъ никакого права на казенную прислугу, обратилъ на себя вниманіе областного штаба; возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ этого незаконнаго наряда, встрѣченный сначала весьма сочувственно и мѣстнымъ наказнымъ атаманомъ. Но когда чиновники и офицеры, которымъ грозило лишеніе казенной прислуги, подняли всеобщій вопль и стали указывать, что гораздо справедливѣе сокращеніе наряда начать съ „атаманской дворни“, то давленіемъ свѣше новая мѣра была сразу отодвинута назадъ въ долгій ящикъ, откуда едва ли извлечена и по настоящее время. На повѣрку оказалось, что общій штатъ прислуги при высшемъ мѣстномъ начальникѣ состоялъ изъ цѣлой команды нижнихъ чиновъ: три штатныхъ денщика, два конюха, старшій урядникъ, завѣдывающій атаманскимъ домомъ и при немъ три казака въ видѣ дворниковъ и два садовника. Затѣмъ ежедневно смѣняемые ординарецъ и два вѣстовыхъ. Итого,—дворня въ четырнадцать человекъ.

Конечно, мы не касаемся вовсе области злоупотребленій, когда начальникъ требуетъ къ себѣ наряда людей, на которыхъ онъ не имѣетъ права. Въ приведенныхъ примѣрахъ указываются случаи образованія дворни изъ нижнихъ чиновъ

путем вполне законнымъ, на основаніи существующихъ положеній. Правда, по закону ординарцы и вѣстовые никакъ не могутъ быть причислены къ категоріи казенной прислуги, такъ какъ наряжаются для опредѣленной цѣли; но всѣмъ извѣстно, что теорія—одно, а жизнь—другое. Помнится, что недавно дошелъ даже до главнаго военнаго суда пересмотръ рѣшенія полковаго суда, осудившаго нижняго чина за то, что, будучи назначенъ вѣстовымъ въ управленіе воинскаго начальника, онъ отказался исполнить приказаніе воинскаго начальника поставить самоваръ, Безъ лишнѣхъ словъ ясно, что это случай 1 изъ 1.000; а въ 999 случаяхъ вѣстовые безпрекословно ставятъ самоваръ не только для воинскаго начальника, но и для дежурнаго писаря.

Весь вопросъ именно въ той легкости, съ которой мы устанавливаемъ наряды „казенныхъ людей“ иногда по совершенно гадательнымъ потребностямъ. Встрѣтилась надобность начальнику, совершенно невзначай, послать однажды экстренную бумажку въ штабъ и—сейчасъ же постоянный суточный нарядъ вѣстового „для посылокъ“ и т. п. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ военной печати всплылъ вопросъ о верховыхъ лошадяхъ офицеровъ генеральнаго штаба: почему эти офицеры мало ѣздятъ верхомъ и не держатъ верховыхъ лошадей, получая фуражныя деньги, а иногда и „вторыя фуражныя“ во время лагерныхъ сборовъ? Откровенно и правдиво посовѣстились сказать: что „фуражъ“ поѣдаетъ самъ хозяинъ или идетъ на шляпку для хозяйки, а выставили причину сочиненную: трудно, дескать, держать верховую лошадь и ухаживать за нею отъ неопытныхъ руки деньщика. И что же? Сейчасъ же послѣдовало распоряженіе назначать офицерамъ генеральнаго штаба особыхъ кавалеристовъ для ухода за лошадьми. Прибавилось ли отъ этой мѣры число верховыхъ лошадей, содержимыхъ офицерами генеральнаго штаба—большой вопросъ. Зато не подлежитъ сомнѣнію, что созданъ былъ новый значительный нарядъ нижнихъ чиновъ изъ наиболѣе дорогаго рода оружія; потому что тотъ, кто раньше держалъ лошадь и обходился услугами деньщика конечно требовалъ себѣ потомъ гусара...

Слѣдовательно, весь вопросъ съ новымъ Положеніемъ

о деньщикахъ сводится къ тому—какъ оно проводится въ жизнь. Всѣмъ извѣстно, что установленныя закономъ фуражныя деньги на 3—4 лошади начальника отдѣльныхъ бригадъ и дивизій имѣли цѣлю дать имъ возможность держать собственныхъ лошадей, и тѣмъ прекратить незаконныя „позаимствованія казеннаго экипажа“ изъ подчиненныхъ войсковыхъ частей. А на самомъ дѣлѣ внушительныя фуражныя не вызвали, конечно, обзаведенія новыми „выѣздами“ тамъ, гдѣ ихъ не было; фуражныя обратились, такимъ образомъ, въ простую прибавку къ содержанію, а „позаимствованія казеннаго экипажа“ остались попрежнему, въ томъ или иномъ видѣ, тамъ, гдѣ онѣ существовали до введенія новыхъ фуражныхъ.

Вотъ почему намъ кажется крайне необходимымъ, вслѣдъ за введеніемъ новаго Положенія о деньщикахъ, во-первыхъ, пересмотрѣть и ограничить до послѣдней степени, всякіе наряды нижнихъ чиновъ, наряжаемыхъ изъ войскъ къ начальствующимъ лицамъ, а также въ штабы и управленія; во-вторыхъ установить строгую и болѣе опредѣленную отвѣтственность за употребленіе нижнихъ чиновъ не по ихъ прямому назначенію.



## Глава II.

### Боевая подготовка офицера, солдата и подрастающей молодежи.

#### I. Грамотность в армии.

Каждая война возвращает нас неминуемо к коренному вопросу, ставшему для нас положительно роковым. Начиная с Крымской войны, мы постоянно убеждаемся в умственной слепоте, неграмотности и отсталости нашего солдата по сравнению с нашими противниками,—начиная от турок и кончая японцами. Надвигаясь от природы, а также и историческим складом социально-экономического быта русской жизни богатыми духовными и физическими силами, наш солдат, к глубочайшему несчастью нашей родины, обречен судьбою уступать другим в отношении умственного кругозора и образовательной подготовки; а без этой первоосновы какой бы то ни было жизнедеятельности современного человека—в мирное ли, военное ли время—богатые духовные силы задыхаются и глоснуть. Кровавым опытом мы убеждаемся в этом в каждой войне и горячо принимаем за врачевание нашего хронического недуга, но—или мы беремся за это святое дело, не проникнутые пламенной верой в сердца, или надвигаются стихийные препятствия внешнего свойства, а в конце концов за полвека, пережитого со времени Севастополя и до последней войны с Японией, мы весьма мало продвинулись в решении этого вопроса. Как пятьдесят лет тому назад, так и поныне мы все еще стоим лицом к лицу с этим постыдным для нашего времени вопросом.

Хуже того: мы в настоящее время не только не продвинулись к решению этого вопроса, а как будто отодвинулись назад:—нѣтъ, по крайней мѣрѣ, того воодушевления, съ какимъ офицерскій кадръ въ былое время принялся за восполне-

ние образовательной подготовки нашего солдата, какъ это было послѣ Крымской войны. Въ этомъ отношеніи невольно обращаетъ на себя вниманіе замѣчательное явленіе. Въ то время, какъ послѣ Крымской войны въ дѣлѣ просвѣщенія солдата выступило по собственному почину офицерское общество, а за нимъ уже на буксирѣ потянулось затѣмъ высшее военное управленіе арміей,—мы въ настоящее время видимъ обратное явленіе: военное министерство принимаетъ мѣры, чтобы повысить грамотность въ войскахъ, но командный составъ, судя по нѣкоторымъ фактамъ повседневной жизни, не всегда относится съ сердечнымъ сочувствіемъ къ этимъ мѣрамъ.

Не вдаваясь въ мелочи затронутого вопроса, достаточно указать на историческое просвѣтительное теченіе, которое стремительнымъ потокомъ ворвалось въ нашу армію въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Еще тѣлесныя наказанія не были отменены, служба солдатская еще была закабалена чуть ли не на всю жизнь, а тѣмъ не менѣе въ арміи быстро народилась масса ланкастерскихъ школъ грамотности для первоначального обученія солдата. Только 10—15 лѣтъ спустя послѣ этого благодѣтельного высоко-патріотическаго порыва нашихъ офицеровъ, именно въ 1875 году, откликнулся и главный комитетъ по образованію войскъ, выработавшій тогда „положеніе о ротныхъ школахъ“, которымъ требовалось обязательное обученіе грамотности ежегодныхъ контингентовъ молодыхъ солдатъ—всѣхъ поголовно, независимо отъ того числа, которое потребуетъ для подготовки къ унтеръ-офицерскому званію. Это законоположеніе встрѣтило живой откликъ въ арміи: назначаемые для обученія грамотности младше офицеры въ ротахъ, увлекаясь своимъ сьятымъ дѣломъ, не довольствовались только обученіемъ грамотности молодыхъ солдатъ, но обучали иногда также и всѣхъ неграмотныхъ въ ротѣ. Въ военныхъ и юнкерскихъ училищахъ усердно принялись за преподаваніе методики, съ цѣлю облегчить будущимъ офицерамъ дѣло обученія грамотности. Многимъ, вѣроятно, памятно, какъ въ училища приводились изъ сосѣднихъ частей партіи новобранцевъ для практическаго обученія ихъ грамотности.

Къ сожалѣнію, весьма недолго держалось у насъ въ арміи просвѣтительное теченіе. Уже въ 1880 году, всего лишь нѣ-

сколько лѣтъ спустя послѣ приведеннаго положенія главнаго комитета по образованію войскъ, приказомъ по военному вѣдомству за № 375, уже отмѣнено было обязательное обученіе грамотности всѣхъ молодыхъ солдатъ и, такимъ образомъ, едва взшедшіе молодые побѣги культурнаго роста нашей арміи отцвѣли быстро, не успѣвши расцвѣсть. Наконецъ, въ позднѣйшее время новымъ приказомъ по военному вѣдомству опять вводится обязательное обученіе грамотности всѣхъ нижнихъ чиновъ роты. На сей разъ о необходимости поднять образовательный уровень убѣдились на верхахъ арміи, но странно довольно, что мѣра эта, повидимому, не встрѣтила такого оживленнаго сочувствія въ массѣ офицеровъ, какъ въ 1875 году, а среди начальствующихъ лицъ проглядываетъ уже иногда скрытое неодобреніе къ этой мѣрѣ, проявляющееся или въ игнорированіи успѣха въ дѣлѣ обученія грамотности, или въ открытомъ осужденіи такихъ успѣховъ подъ предлогомъ, что они достигаются, будто бы, въ ущербъ другимъ отраслямъ солдатскаго образованія.

Теперь судьбѣ угодно было нанести самый тяжкій ударъ нашему національному самолюбію. Въ борьбѣ на Дальнемъ Востокѣ солдатъ нашъ оказался болѣе отсталымъ даже при столкновеніи съ противникомъ изъ глубокой Азіи. Въ настоящее время на этотъ счетъ нѣтъ двухъ мнѣній. Всѣ согласны въ томъ, что именно это обстоятельство является родоначальной причиною всѣхъ причинъ нашихъ поражений. И что же, гдѣ этотъ святой порывъ и жгучее увлеченіе, которыми послѣ Крымской войны воспламенились сердца всѣхъ любящихъ нашу армію? Напротивъ, въ самый разгаръ нашихъ поражений, когда вся Россія была потрясена небывалой въ нашихъ лѣтописяхъ катастрофой подъ Цусимой, появился удивительный приказъ покойнаго адмир. Чухнина по Черноморскому флоту; въ этомъ приказѣ, съ которымъ намъ пришлось знакомиться случайно на театрѣ войны, причиной нашихъ поражений указывались увлеченіе грамотностью и книжнымъ образованіемъ солдата, вредно влияющими, будто бы, на воинскія добродѣтели и воинственность нижнихъ чиновъ. Едва ли стоитъ останавливаться на опроверженіяхъ противъ подобныхъ заблужденій. Японскіе матросы и солдаты,

какъ извѣстно, поголовно всѣ грамотны; и это обстоятельство, къ стыду нашему, не помѣшало имъ выйти съ честью изъ столкновенія съ нашимъ флотомъ и арміей, которымъ, очевидно, мало помогла ихъ непроходимая безграмотность. Распространяться объ этомъ нѣтъ желанія, да и нѣтъ надобности; это значило бы ломиться въ открытую дверь. Вѣдь объяснять наши пораженія увлеченіемъ книжнаго образованія солдата,—это значить на мѣсто только что сгорѣвшаго зданія строить новое со всѣми задатками сдѣлать его легкой добычей новаго пожара.

Въ то время, когда у насъ еще возможны толки и колебанія о пользѣ и вредѣ образованія и грамотности въ боевой подготовкѣ солдата, во всѣхъ западно-европейскихъ арміяхъ съ лихорадочнымъ рвеніемъ принялись за поднятіе общеобразовательнаго уровня солдата; и принялись за это—именно на основаніи опыта Русско-Японской войны. Выработывается организация особыхъ профессиональныхъ лекцій въ арміяхъ германской, бельгійской, французской и итальянской; въ послѣдней посѣщеніе лекцій (по обученію земледѣлію) сдѣлано обязательнымъ, а во французской арміи къ лекціямъ по земледѣлію присоединены еще чтенія по исторіи, географіи, политической экономіи и проч. Мы знаемъ, кромѣ того, что во французской арміи, въ гарнизонахъ университетскихъ городовъ, организованы еще курсы общеобразовательныя для офицеровъ. Въ Японіи, повидимому, также вполне постигли секретъ неожиданнаго для всего міра исхода минувшей войны на Дальнемъ Востокѣ, и немедленно по окончаніи военныхъ дѣйствій принялись по министерству народнаго просвѣщенія за упроченіе и организацию подготовки юношества въ образовательномъ отношеніи въ дѣлѣ защиты родины.

Словомъ, отъ Дальняго Запада до Дальняго Востока,—всѣ прониклись поучительнымъ значеніемъ урока нашей злосчастной войны. Эффектъ по своей неглядности получился, дѣйствительно, разительный: во время франко-прусской войны 1870 года говорили обыкновенно, что французскіе побѣдилъ прусскій школьный учитель; это положеніе приходилось подтверждать цифровыми выкладками и привходящими сужденіями разнаго рода, потому что, во-первыхъ, французы, какъ и нѣмцы, мнятъ себя знаменосцами европейской цивилизаціи, затѣмъ разница въ грамотности

въ арміяхъ французской и прусской была уже не такъ значительна и т. п. Теперь же, на поляхъ Маньчжуріи, судьба устроила небывалое зрѣлище, которое должно было поразить міръ такой яркой наглядностью, которая свойственна только неотвратимымъ явленіямъ мировыхъ законовъ.

Дѣйствительно, въ этой войнѣ на нашей сторонѣ было все: боевая слава, завоеванная вѣками; неисчерпаемые боевые ресурсы всякаго рода; лучшее вооруженіе (артиллерія); всѣ военнотехническія новинки нашего времени и проч. Но армія, живая сила на войнѣ, оказалась съ одной стороны поголовно грамотной, а потому и умственно-развитой, живой, самостоятельной и энергичной, а съ другой—безграмотной или малограмотной, а потому бездѣятельной и апатичной. Пусть не говорятъ, что мы проиграли войну, благодаря безхарактерности или бездарности главнокомандующаго, неподготовленности команднаго состава, ошибкамъ генеральнаго штаба и т. п. Развѣ у японцевъ все ужь было такъ гладко, безъ сучка и задоринки? Но основная ячейка боевой силы—подготовка, умственная слѣпота или зрѣлость отдѣльнаго солдата—вотъ въ чемъ корень вопроса. Въ японской арміи было также не мало ошибокъ и главнокомандующаго, и команднаго состава, и генеральнаго штаба, и проч., и проч. (достаточно сказать, что японцы настолько недовольны своей артиллеріей, что считаютъ ее какъ бы несуществующей въ минувшую войну, будто они воевали безъ помощи артиллеріи противъ новѣйшей артиллеріи противника), но вездѣ выручала основная ячейка арміи—самодѣятельность одиночнаго бойца. У насъ же всякая неудача по ошибкѣ главнокомандующаго, нераспорядительности начальника, или по ошибкѣ генеральнаго штаба, приобрѣтала характеръ стихійнаго бѣдствія, вслѣдствіе повальной бездѣятельности, обусловливаемой умственной слѣпотой нашего солдата.

Все это ясно стало всему міру послѣ первыхъ боевъ на поляхъ Маньчжуріи. Не успѣли еще замолкнуть послѣдніе выстрѣлы, какъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ принялись за усиленныя занятія въ дѣлѣ умственнаго развитія солдата. У насъ же по этому вопросу сейчасъ же ссылаются на 3-лѣтній срокъ службы, лишашій, будто бы, возможности урвать время для занятій образовательныхъ. Но вѣдъ рѣчь идетъ не о за-

бавахъ, а о наиболѣе важной подготовкѣ солдата, для которой въ западно-европейскихъ арміяхъ находятъ время даже при 2-лѣтнемъ срокѣ службы... Наконецъ, тутъ въ принципѣ дѣло: увѣровать въ эту истину и искренно полюбить ее всѣмъ сердцемъ; остальное приложится само собою.

## II.

Но, какъ поднять образовательную подготовку солдата, при подавляющей безграмотности и слабомъ культурномъ развитіи массы населенія—въ особенности теперь послѣ введенія 3-хъ лѣтняго срока дѣйствительной службы? Само собою разумѣется, что до введенія у насъ всеобщаго обязательнаго обученія пройдетъ еще немало времени; а до той блаженной поры, когда скажутся плодотворные результаты всеобщей грамотности—еще больше. Между тѣмъ, армія и сейчасъ, *въ каждую минуту*, должна стоять на стражѣ своей родины, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ, обусловливающимъ собою успѣхъ въ современной войнѣ; поэтому, если государству теперь не по силамъ организовать всеобщее обязательное обученіе для всего населенія, необходимо, такъ или иначе, рѣшить этотъ вопросъ, хотя бы въ отношеніи ограниченной категоріи подростковъ призывнаго возраста.

При всей сложности этой задачи удовлетворительное ея рѣшеніе все же возможно, если потребность эта будетъ признана имѣющей первостепенное значеніе государственной важности и, если для этой цѣли будутъ сосредоточены заботы и средства всѣхъ вѣдомствъ, а не одного лишь военнаго министерства. Весьма подходящимъ временемъ для образовательной подготовки призывныхъ, поступающихъ на дѣйствительную службу, можетъ служить промежутокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ между призывомъ и отправленіемъ на службу, проектированный комиссіей по пересмотру устава о воинской повинности. Конечно, годъ или около того,—не слишкомъ много времени для того, чтобы безграмотнаго научить грамотѣ, да еще поднять его образовательный уровень. Но необходимо имѣть въ виду, что нашъ простолюдинъ, и безъ того жадный всегда къ познанію грамотности, готовясь быть солдатомъ, возьмется

за это дѣло еще съ большимъ усердіемъ, сознавая вполне все значеніе грамотности на военной службѣ, которая для человѣка грамотнаго проходитьъ легче и занятѣе, чѣмъ для неграмотнаго; и то, чему въ начальной школѣ, при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ выучивается въ годъ, онъ наканунѣ поступленія на службу одолѣетъ въ мѣсяцъ. Это первое. Затѣмъ важно не только комплектовать армию по возможности исключительно грамотными новобранцами, но и расширить умственный кругозоръ тѣхъ, которые выучились уже грамотѣ, а также ознакомить ихъ съ элементарными свѣдѣніями изъ солдатской науки.

Все это, какъ сказано, можетъ и должно быть достигнуто въ тотъ періодъ времени между призывомъ и поступленіемъ на службу, который проектируется въ будущемъ уставѣ о воинской повинности. Остается только воспользоваться этимъ временемъ для подготовки и улучшения матеріала, отобраннаго для пополненія войскъ, что едва ли идетъ въ разрѣзъ и со всѣми прочими мотивами, которые привели комиссію, работавшую надъ пересмотромъ устава о воинской повинности, къ отдѣленію призыва отъ начала службы значительнымъ промежуткомъ времени въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Организація дѣла въ общихъ чертахъ, какъ намъ кажется, могла бы быть легко достигнута, *во первыхъ*: устройствомъ особыхъ *подвижныхъ школъ*, принаровненныхъ для призывныхъ, подлежащихъ поступленію на дѣйствительную службу; школы эти могутъ открываться въ каждой волости, непосредственно послѣ окончанія призыва, при волостныхъ правленіяхъ или при центральныхъ сельскихъ училищахъ; главное условіе—тщательный выборъ учительскаго персонала, что не трудно достигнуть, если не скупиться на отпускъ средствъ. Школы должны быть *богато* снабжены соответствующими учебными пособиями, служащими какъ для быстрого и нагляднаго обученія грамотности, такъ и для расширенія умственнаго кругозора грамотныхъ учениковъ. Конечно, весь курсъ подвижныхъ школъ, разработанный по особымъ программамъ, долженъ быть рассчитанъ на подготовку учениковъ къ воспріятію воинскаго образованія.

*Во-вторыхъ*: необходимо всѣми мѣрами стремиться къ широкому распространенію свѣдѣній изъ солдатской науки среди массы населенія, а главнымъ образомъ—среди призывныхъ, подлежащихъ поступленію на дѣйствительную службу. Съ этой цѣлью слѣдуетъ создать особую спеціальную литературу изъ популярно изложенныхъ необходимыхъ свѣдѣній въ маленькихъ брошюркахъ, которыми время отъ времени *насыщать населеніе даромъ*. Не подлежитъ сомнѣнію, что каждый грамотный крестьянскій парень полюбопытствуетъ заглянуть въ „военныя книжки“, а подлежащій поступленію на военную службу возьмется за ихъ изученіе съ особымъ рвеніемъ.

Необходимо признать, что, въ противоположность всѣмъ другимъ западно-европейскимъ государствамъ, у насъ ничего не дѣлается для подготовки населенія къ успѣшному отбыванію воинской повинности, къ созданію не только выученныхъ, но и осмысленныхъ защитниковъ родины. Неожиданное сокращеніе дѣйствительной службы до 3-хъ лѣтъ еще болѣе усложнило боевую подготовку армии. Тѣмъ болѣе представляется намъ цѣлесообразнымъ обратить упомянутый выше періодъ времени отъ призыва до поступленія на службу въ *учебно-подготовительный* для дѣйствительной службы. Для населенія это не будетъ обременительно; а для арміи мѣра эта, помимо всего, явится спасительнымъ средствомъ, чтобы до нѣкоторой степени парализовать вредныя послѣдствія, вытекающія изъ введенія 3-хъ лѣтняго срока службы.

### III.

Не ограничиваясь подготовкой призывныхъ въ отношеніи поднятія ихъ образовательнаго уровня и расширенія умственнаго кругозора, необходимо стремиться къ распространенію среди населенія такихъ предметовъ воинскаго образованія, которые безъ особыхъ затрудненій могутъ быть легко восприняты и усвоены среди дѣтей и подростковъ всѣхъ школьныхъ возрастовъ.

Эта потребность становится также болѣе чувствительной и жгучей послѣ введенія въ нашей арміи 3-хъ лѣтняго срока дѣйствительной службы, обусловливающаго собою неминуемо рядъ соответствующихъ мѣропріятій, которыя необходимы для возмѣще-

нія сокращеннаго срока службы качеством матеріала, поступающаго въ кадры для обработки. Необходимость эта сознана была во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ одновременно съ переходомъ къ сокращеннымъ срокамъ службы под знаменами. Благодаря, отчасти, мѣрамъ правительственнаго характера, отчасти при посредствѣ частной инициативы, тамъ получили широкое распространѣніе всевозможныя общества: стрѣлковыя, гимнастическія, атлетическія и другія, содѣйствующія косвеннымъ образомъ къ наилучшей подготовкѣ населенія къ воспріятію впоследствии воинскаго образованія во время прохожденія дѣйствительной службы.

Достаточно вспомнить и непосредственное участіе французскихъ „вольныхъ стрѣлковъ“ въ дѣлѣ обороны страны во время франко-прусской войны въ 1870 году, когда половина Франціи была занята нѣмцами. Въ Японіи, послѣ перехода въ минувшемъ году къ 2-хъ лѣтнему сроку дѣйствительной службы, взялись съ особой энергіей за военное воспитаніе гражданскаго населенія: во всѣхъ правительственныхъ школахъ введены воинскія упражненія, которыя постепенно вводятся и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Физическимъ упражненіямъ и военнымъ играмъ удѣляется много времени и вниманія; въ городахъ школамъ отводятся особыя мѣста для воинскихъ упражненій, которыя заключаются въ производствѣ разныхъ строевыхъ построений, и даже двухстороннихъ маневровъ, подъ руководствомъ офицеровъ. Во всѣхъ школахъ принято со второго года обученія вести параллельно разныя физическія упражненія, а съ третьяго года начинаютъ уже заниматься и воинскими упражненіями. Въ старшихъ классахъ ученикамъ начали во многихъ училищахъ выдавать ружья; не далѣе конца минувшаго года, военный министръ разрѣшилъ отпускъ ружей стараго образца (системы Мурата) для выдачи въ школы съ цѣлью упражненія учениковъ въ стрѣльбѣ и фехтованіи.

Не подлежить сомнѣнію, что эта система воинскаго воспитанія населенія содѣйствуетъ могущественнымъ образомъ боевой подготовкѣ армии и въ высшей степени облегчаетъ усвоеніе воинскаго образованія во время прохожденія дѣйствительной службы. При такихъ условіяхъ сокращенный до двухъ лѣтъ срокъ службы не внушаетъ, конечно, никакихъ опасеній. Почему бы

намъ не позаимствовать отъ нашихъ счастливыхъ соперниковъ на Дальнемъ Востокѣ, послѣ введенія у насъ сокращеннаго срока службы, хотя бы часть принятой у нихъ системы воинской подготовки гражданскаго населенія. У кого и учиться, какъ не у побѣдителей? Въ былое время мы не погнушались наукой у нашихъ побѣдителей шведовъ, и результатами довольны по сіе время. Скажутъ, конечно, что военное дѣло въ Японіи несравненно болѣе популярно, чѣмъ у насъ. Это правда. Но съ другой стороны у насъ все школьное дѣло сосредоточено почти цѣлкомъ въ рукахъ правительства, а въ той части школъ и училищъ, которыя состоятъ въ вѣдѣніи земствъ или частныхъ лицъ, правительственный контроль и воздѣйствіе гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Японіи. Благодаря этому обстоятельству, въ значительной степени, облегчается проведеніе необходимой реформы въ дѣлѣ военного воспитанія гражданскаго населенія.

Говорятъ также, что переживаемый нами въ настоящее время „политическій моментъ“ не благоприятствуетъ въ школьномъ дѣлѣ нововведеніямъ въ военномъ духѣ,—когда подростающее поколѣніе увлекается разными „платформами“ и миражемъ гражданскихъ добродѣтелей противоположнаго характера. Но въ вопросахъ о государственной безопасности нельзя руководствоваться соображеніями, пріуроченными къ мимолетнымъ политическимъ моментамъ. Вспомнимъ, что идея всеобщей воинской повинности и полнаго расцвѣта милитаризма, которымъ теперь живетъ и держится гражданственность во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, зародилась и выросла въ Пруссіи, въ разгаръ освободительнаго движенія, подъ крылышкомъ народной свободы.

Искра здороваго патріотизма никогда не гложетъ въ самосознаніи народа, хотя бы и придушенная цѣлымъ ворохомъ „платформъ“ и безконечными политическими наслоеніями. Во всякомъ случаѣ, отвѣтственные руководители дѣломъ обороны страны должны во всякіе переживаемые „политическіе моменты“ имѣть передъ собою лишь одну единственную и постоянную цѣль—безопасность государства. Изъ этой точки зрѣнія важная реформа въ отбываніи воинской повинности—сокращеніе срока службы до 3-хъ лѣтъ—не можетъ остаться одинокой: она обязательно требуетъ принятія соответствующихъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью косвеннымъ путемъ усилить боевую подготовку армии, ослаблен-

ную сокращеннымъ срокомъ дѣйствительной службы.

Указанныя выше мѣры подготовительнаго характера въ значительной степени облегчили бы работу кадровъ, на которые теперь ложится непосильная задача въ дѣлѣ боевой подготовки при чрезвычайной краткости срока дѣйствительной службы. Поэтому необходимо стремиться также къ упрощенію воинскаго образования, выбросивъ изъ него ненужный хламъ, накопившійся годами. Простая истина—учить въ мирное время лишь тому, что придется дѣлать на войнѣ—у насъ часто растягивается такими привходящими разсужденіями и соображеніями, что отъ самой истины ничего не остается. Какъ извѣстно, большая половина времени въ подготовкѣ новобранцевъ и въ занятіяхъ старослужащихъ посвящается такъ называемой „словесности“. Казалось бы, что каждый новобранецъ безъ помощи какихъ-нибудь постороннихъ разъясненій самъ знаетъ, зачѣмъ онъ призванъ для отбыванія воинской повинности, что такое солдатъ, зачѣмъ ему дается винтовка и т. п. Весьма вѣроятно, что входя первый разъ въ казарму, новобранецъ приноситъ съ собою вполнѣ отвѣчающее сути дѣла ясное представленіе о многихъ простыхъ предметахъ, относящихся къ солдатской наукѣ; вмѣсто того, чтобы взяться непосредственно за обученіе солдата, за его боевую подготовку, начинается вдалбливаніе въ голову новобранца сухихъ формулъ изъ „свѣдѣній обязательныхъ для рядового“, которыми постепенно засоряется принесенное въ казарму ясное представленіе по тому же предмету.

Точно такъ же не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ первой же получки хлѣба, жалованья или годовыхъ вещей и предметовъ обмундированія солдатъ будетъ *практически* знать, что ему отъ казны положено; а между тѣмъ сколько времени тратится на бездушное зазубриваніе мало понятныхъ новобранцу и солдату разныхъ дробей, долей, золотниковъ, лотовъ и т. п. Если эти „пунктики“ удерживаются въ программахъ солдатской „словесности“ для того, чтобы ротный командиръ не могъ утаить отъ солдата какія-нибудь казенныя выдачи, то—это контроль плохой, который цѣли достигнуть не можетъ.

Вообще, существующій у насъ въ настоящее время характеръ словесныхъ занятій съ нижними чинами едва ли можетъ способствовать ихъ умственному развитію, которое при нынѣш-

нихъ условіяхъ боя является важнымъ факторомъ въ дѣлѣ боевой подготовки солдата, какъ это безспорно доказано опытомъ минувшей войны. Къ этой послѣдней цѣли необходимо стремиться всѣми мѣрами, вводя въ обученіе нижнихъ чиновъ, вмѣсто нынѣшней словесности, выработанный по особой программѣ курсъ образовательныхъ чтеній, обставленныхъ необходимыми пособиями.

При всей краткости нынѣшняго срока дѣйствительной службы, разумно поставленные чтенія могутъ въ значительной степени расширить умственный кругозоръ нижнихъ чиновъ и содѣйствовать поднятію ихъ образовательнаго уровня. Что дѣлать!—при слабомъ культурномъ развитіи народа, нашей арміи по-неволѣ приходится выполнять двойную задачу: служить для солдата школой не только военной, но и общеобразовательной. Горькій опытъ минувшей войны доказалъ намъ убѣдительноѣшимъ образомъ, что одной изъ главныхъ причинъ нашихъ пораженій на Дальнемъ Востокѣ была умственная слѣпота нашего солдата, нуждающагося на каждомъ шагу въ поводырь и руководитель; тогда какъ при современныхъ условіяхъ боя больше, чѣмъ когда либо требуется, чтобы каждый воинъ понималъ свой маневръ и могъ проявить способность личнаго почина и работу мысли.

## 2. О воспитаніи солдата.

Непобѣдимая стойкость русскаго солдата была когда-то весьма мѣтко охарактеризована Фридрихомъ Великимъ, у котораго подъ Цорндорфомъ неволью вырвалась историческая фраза: „недостаточно *убить* русскаго солдата, его надо еще потомъ *повалить*“...

Эта великая нравственная упругость, неистощимая живучесть моральной силы не разъ выручали русскій народъ въ тяжелыя минуты его исторической жизни. Японцы больно побили насъ въ минувшую злосчастную войну; но и здѣсь послѣ cadaго тяжкаго пораженія, какъ фениксъ изъ пепла, возрождался свѣточъ непоколебимой стойкости русской арміи. Одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ иностранныхъ наблюдателей русско-японской войны, полковникъ Гедке, подвергая беспощадной критикѣ бывшаго главнокомандующаго нашими маньч-

журскими арміями, упрекаетъ его больше всего за то, что послѣ каждаго пораженія—послѣ Ляояна, Шахэ, Мукдена—онъ черезъ нѣсколько дней забывалъ совершившееся прошлое, и какъ ни въ чемъ не бывало стоялъ на позиціи, готовый для новаго сраженія, чувствуя себя совсѣмъ не побитымъ, а *наканунъ* неизвѣданной новой ставки и забывая только что проигранную важную ставку. То же самое повторилось послѣ заключенія мира: послѣ безконечнаго ряда неслыханныхъ поражений на сушѣ и на морѣ русская рать снова стояла на Сыпингайской позиціи, готовая къ новой длительной войнѣ; и теперь, нѣсколько лѣтъ спустя, почитается чуть ли не великимъ преступленіемъ несвоевременное, будто бы, заключеніе мира, когда армія стояла во всеоружіи съ непоколебимой вѣрой отомстить за прежнія пораженія, подтверждая фридриховскую фразу, что ее „мало убить, а надо еще повалить“. А разъ не повалили, то мы еще посмотрим...

Какой неизсякаемый натуральный источникъ подлинной животворной силы таитъ въ себѣ такая армія, если только она надлежащимъ образомъ, на основаніи указаній науки и опыта, будетъ подготовлена къ своему боевому дѣлу! Неужели такая армія нуждается еще въ какихъ-то ходулочныхъ доблестяхъ, въ ревнивомъ обереганіи давно поблекшихъ мишурныхъ доспѣховъ и въ то же время—въ боязливомъ, даже оскорбительномъ, недовѣріи къ сознанию долга и вѣрности присяги? А между тѣмъ, какъ только заходитъ рѣчь объ указаціяхъ разныхъ недочетовъ, обнаруженныхъ минувшей войной въ боевой подготовкѣ нашей арміи—сейчасъ же слышны съ разныхъ сторонъ упреки за святотатственное посягательство на дѣдовскіе завѣты, хотя они давнымъ-давно отжили свое время. Опытъ пережитой войны показалъ намъ, напимѣръ, убійственное значеніе современнаго огня и непригодность принятыхъ у насъ многихъ боевыхъ порядковъ; но когда хотятъ соответствующимъ образомъ наладить подготовку солдата, требуя признанія въ извѣстныхъ случаяхъ рѣшающаго значенія нынѣшняго огня, выдвигаютъ сейчасъ съ другой стороны завѣщанный стариной обветшалый принципъ „пуля дура—штыкъ молодецъ“, и послѣ этого ничего признавать не хотятъ, и спорить не смѣй. Нужды нѣтъ,

что при дѣдушкѣ Суворовѣ современная пуля существовала лишь въ зародышѣ, что физиономія боя въ наше время и сто лѣтъ назадъ такъ же мало похожи другъ на друга, какъ и вся окружающая жизнь въ эти отдаленныя между собою эпохи,—что, наконецъ, Суворовъ сказалъ много другихъ умныхъ вещей, которыя остаются забытыми или примѣняются плохо.

Но намъ просто дороги сами по себѣ изреченія безсмертнаго полководца, ставшія для насъ реликвіями, а потому и признаваемые неприкосновенными наперекоръ всѣмъ кровавымъ указаніямъ горькаго опыта. Единственная уступка времени, которая допущена слѣпыми поклонниками старины, заключается въ томъ, что слова Суворова перефразировали такъ, что по нынѣшнимъ временамъ „штыкъ молодецъ, но и пуля не дура“. За поль-вѣка послѣ Крымской войны, гдѣ мы впервые заплатились жестокимъ образомъ за пре небреженіе силой огня, за буквоѣдственное исповѣданіе устарѣвшихъ символовъ, мы продвинулись впередъ такимъ черепашинымъ шагомъ, что послѣ послѣдней войны, снова напомнившей намъ нашу отсталость, мы великодушно снисходимъ на признаніе пули въ качествѣ лишь терпимаго фактора на войнѣ.

А рядомъ съ такой приверженностью къ старинѣ проявляютъ постоянно оскорбительное недовѣріе къ давно испытанной самоотверженной стойкости нашего солдата и его готовности умереть во имя дисциплины и принятой присяги: когда говорятъ, что опытъ русско-японской войны настоятельно требуетъ учить отступленію бѣгомъ, то увѣряютъ, что нашъ солдатъ бѣжитъ такъ, что его потомъ не остановишь; когда для уменьшенія потерь рекомендуется система „просачиванія“—наступленіе поодиночкѣ, прикрываясь мѣстными предметами,—то отпугиваютъ отъ такихъ пріемовъ тѣмъ, что предоставленный самому себѣ нашъ солдатъ заляжетъ въ ямкѣ такъ, что потребуются особый поводырь, чтобы извлечь его оттуда и двинуть дальше; обнаружилась слабость тактической подготовки нашихъ войскъ въ отношеніи маневренной способности, требуется умѣннее сочетать стремительность движенія вмѣстѣ со скрытостью, а намъ возра-

жають, что не слѣдуетъ потворствовать чувству самосохраненія, которое и безъ того сильно говоритъ у человѣка...

Сколько чернилъ было пролито въ нашей военной литературѣ по вопросу о томъ, имѣть ли щиты въ нашей полевой артиллеріи или не имѣть, и сколько излишней драгоценной крови нашего солдата было пролито въ минувшую войну безъ пользы для дѣла только благодаря фальшивой щепетильности, не допускавшей щитовъ изъ боязни ущерба воинской доблести среди артиллерійской прислуги; батарейнымъ командирамъ даже запрещалось обзаводиться щитами во время войны на собственный счетъ. Въ свое время, еще не такъ давно, у насъ вышучивалось и самоокапываніе, необходимость магазиннаго ружья, скорострѣльной артиллеріи—все подъ вліяніемъ ложной идеи воспитать въ солдатѣ какія-то сверхчеловѣческія свойства, чуждыя самому воспитателю.

Удивительно, сколько лукавыхъ мудрствованій и фальшивыхъ противорѣчій припутались къ немудреной солдатской наукѣ, къ простой воинской подготовкѣ, приуроченной къ условіямъ современнаго боя и вполне безспорнымъ, испытаннымъ (и, еще какъ наглядно!) свойствамъ нынѣшняго оружія! Въ глазахъ всего міра солдатъ нашъ давно заслужилъ себѣ незапятнанную даже и въ минувшую войну репутацію безропотнаго страстотерпца, стойкаго въ бою и при всѣхъ невзгодахъ и лишенияхъ; таковы врожденныя свойства русскаго солдата. А у насъ дома считаютъ необходимымъ во время дѣйствительной службы подвергнуть солдата еще какой-то особой воспитательной обработкѣ для притупленія старыхъ и прививки новыхъ, какихъ-то особыхъ, сверхчеловѣческихъ качествъ. И это при нынѣшнихъ трехлѣтнихъ срокахъ службы, когда нашъ малограмотный солдатъ съ трудомъ и крайнимъ напряженіемъ своихъ умственныхъ способностей можетъ одолѣть необходимая ему для солдатскаго дѣла простыя знанія.

Конечно, воспитательная подготовка сама по себѣ имѣетъ важное значеніе, но она должна проводиться въ общей системѣ народнаго воспитанія, которое обнимаетъ собою образованіе и воспитаніе юношества до поступленія на службу для отбыванія воинской повинности, какъ это дѣлается въ настоящее время во всѣхъ европейскихъ арміяхъ послѣ введенія сокращенныхъ сроковъ службы.

Пора отказаться отъ совершенно непосильной для нашихъ кадровъ задачи перевоспитанія солдата въ теченіе его кратковременной службы; да и надобности въ этомъ нѣтъ никакой, потому что врожденные моральныя качества нашего солдата таковы, что лишь бы ихъ не портить на службѣ, а со смысломъ и умѣло пользоваться ими. Но чего недостаетъ солдату,—это простыхъ положительныхъ знаній, свѣдѣній изъ обыденной солдатской науки, безъ которыхъ всѣ его чудныя нравственныя силы остаются втулѣ лежащими и не приносятъ никакой пользы. Сколько яркихъ, въ высшей степени поучительныхъ, примѣровъ даетъ въ этомъ отношеніи минувшая война! Вспомните доблестную смерть рядового Василія Рябова, посланнаго на развѣдку къ японцамъ; онъ погибъ смертью героя, показавъ всему міру, какъ умираетъ русскій солдатъ. Но если бы Василю Рябову удалось высмотрѣть все у японцевъ и вернуться благополучно изъ развѣдки къ своему начальству,—что могъ бы онъ рассказать изъ того, что видѣлъ? чѣмъ могли бы воспользоваться пославшіе его изъ добытыхъ имъ свѣдѣній, когда это человѣкъ *сильной* въ смыслѣ необходимой для этого подготовкой? Въ чѣмъ больше нуждался доблестный Рябовъ, представляющій собою такое вѣрное олицетвореніе нашего солдата,—въ воспитательной обработкѣ, или въ сообщеніи ему необходимыхъ свѣдѣній?..

Отвѣтъ ясенъ. А если такъ, то необходимо разъ навсегда отказаться отъ всякихъ потугъ съ воспитательными опытами, памятуя, что солдату просто нужно знать, что и какъ дѣлать. Поэтому необходимо, не мудрствуя лукаво, вести подготовку войскъ такъ, какъ учить непосредственный опытъ минувшей войны, не притягивая за жабры члѣны вораха военно-психическихъ силлогизмовъ о вредѣ въ воспитательномъ отношеніи и т. д. Если дознано опытомъ, что полезно учить отступленію бѣгомъ, то надо это дѣлать безъ опаски и съ полнымъ довѣріемъ къ стойкости нашего солдата; губительность нынѣшняго огня привела къ необходимости скрытнаго движенія и наступленія просачиваніемъ, надо научить солдата какъ это дѣлается, не приплетая сюда экскурсіи въ область психики. Японскій солдатъ почти всю войну зналъ лишь одно наступленіе; но, когда нужно было, не стыдились отступать бѣгомъ; наступая всегда скрытно не опасаясь, что обострится чувство самосохраненія, и лѣзли въ атаку

через трупы своих товарищей. Нашъ солдатъ не хуже японскаго въ отношеніи его моральной стойкости. Это доказала минувшая война: начальство только было плохо. Но вооруженіе нашего солдата оружіемъ *знанія*, ибо знаніе—сила...

А вмѣстѣ съ тѣмъ пора сдать въ архивъ—въ нашу военную сокровищницу, знаменитое изреченіе Суворова „пуля дура—штыкъ молодецъ“. Отъ генія Суворова при этомъ ничего не убудеть и не прибудеть, а посплатиться мы уже достаточно посплатились за это пережевываніе историческихъ афоризмовъ, ставшихъ анахронизмомъ въ наше время.

### 3. Военное воспитаніе учащейся молодежи.

#### 1.

Вотъ вопросъ, который дѣйствительно долженъ бы сосредоточить на себѣ вниманіе всѣхъ вѣдомствъ еще въ большей степени, чѣмъ созданіе флотовъ воздушныхъ или подводныхъ.

Во всѣхъ безъ исключенія государствахъ, гдѣ серьезно озабочены вопросами государственной обороны, принялись теперь энергично за военное воспитаніе юношества. Это вызывается не только развитіемъ идеи превращенія армии въ вооруженный народъ, но также и крайнимъ сокращеніемъ срока службы подъ знаменами.

Безъ лишнихъ словъ ясно, что въ теченіе нынѣшней 2-хлѣтней дѣйствительной службы нѣтъ возможности надлежащимъ образомъ образовывать и воспитать солдата. Приходится волеяневолей обратиться къ учащейся молодежи, т. е. подготовкѣ сырого матеріала, поступающаго въ кадры для обработки.

Въ Японіи этотъ вопросъ давно уже поставленъ на практическую почву. Подготовка юношества въ военномъ отношеніи входитъ тамъ въ программы почти всѣхъ гражданскихъ учебныхъ заведеній. Особенно широкое развитіе эта подготовка получила тамъ послѣ минувшей русско-японской войны, когда воинскія упражненія и военныя игры изъ предмета „полезной забавы“ обратились въ строго разработанную научную программу, обнимающую собою полный курсъ солдатскаго образованія, начиная отъ одиночной выправки и кончая маневрированіемъ отрядовъ

гимназистовъ и студентовъ изъ трехъ родовъ оружія подъ руководствомъ строевыхъ офицеровъ.

Въ Германіи военная подготовка юношества еще не достигла такихъ размѣровъ какъ въ Японіи. Но для насъ важно то, что нѣмцы круто принялись теперь за это дѣло. Не подлежитъ сомнѣнію, что если нѣмцамъ въ какихъ-нибудь 10 лѣтъ удалось создать такой флотъ, изъ-за котораго англичане, эти „владыки морей“, лишились теперь сна и аппетита, то военная подготовка юношества, представляющая собою задачу несравненно болѣе простую и не требующую почти никакихъ денежныхъ затратъ, будетъ достигнута еще быстрѣе и полнѣе.

Если въ Японіи и Германіи (а также и въ другихъ государствахъ), гдѣ на службу поступаютъ новобранцы поголовно грамотные, такъ стараются надъ восполненіемъ образованія солдата подготовкой учащейся молодежи, то не трудно представить, насколько это важно въ нашей армии, въ которую ежегодно поступаетъ около 70% людей неграмотныхъ съ весьма ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ, туго поддающимся усвоенію довольно сложной въ наше время солдатской науки.

Какъ извѣстно, у насъ теперь также проявляются попытки—хотя и разрозненныя и рѣдкія,—къ введенію въ школы кое-какихъ воинскихъ упражненій съ цѣлью подготовки учащейся молодежи въ военномъ отношеніи. Дѣло это, однако, у насъ настолько не выяснено, что въ первоначальномъ своемъ развитіи можетъ легко попасть на ложный путь и обратиться въ совершенно пустую забаву въ видѣ „игры въ солдатки“. Поэтому необходимо теперь же выяснить, въ какомъ именно направленіи слѣдуетъ вести военную подготовку учащейся молодежи.

Но какъ это сдѣлать, если собственнаго опыта въ этомъ отношеніи у насъ нѣтъ никакого, такъ какъ о военной подготовкѣ юношества у насъ, въ Россіи, никогда не заботились? Единственно, что остается—это обращеніе къ опыту другихъ народовъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи необходимо поставить Пруссію, гдѣ военная подготовка юношества имѣетъ за собою столѣтній опытъ, давшій уже такіе блистательные результаты какъ объединеніе всѣхъ нѣмцевъ въ могущественную Германскую имперію. Правда, практическая постановка военнаго воспитанія молодежи достигла въ Японіи большаго развитія,

чѣмъ у нашихъ западныхъ сосѣдей. Но для насъ въ настоящемъ случаѣ важно то, что въ Германіи давно уже разработана теорія этого вопроса и надлежащимъ образомъ продумана программа подготовки юношества къ военному дѣлу.

Постараюсь дать краткій очеркъ постановки этого вопроса въ Германіи и практическаго его рѣшенія въ Японіи. Все это вмѣстѣ можетъ послужить канвой для разработки этого вопроса и у насъ, въ Россіи.

## II.

Посмотримъ, какъ дѣло военнаго воспитанія учащейся молодежи поставлено въ Германіи.

При обсужденіи военнаго бюджета текущаго года въ германскомъ рейхстагѣ въ третій разъ былъ затронутъ животрепещущій вопросъ о военномъ воспитаніи юношества. Со всѣхъ сторонъ народными представителями выражалось единодушное мнѣніе, что необходимо круто взяться за военную подготовку учащейся молодежи въ виду доведенныхъ до предѣла сокращенныхъ сроковъ дѣйствительной службы и необходимости, вслѣдствіе этого, подготовить юношей къ выполненію патріотической задачи при отбываніи воинской повинности. Противъ такой постановки вопроса въ рейхстагѣ возражали только съ одной стороны, потому что упорядоченіе этого вопроса является какъ бы препятствіемъ для извѣстныхъ стремленій социаль-демократовъ. Въ лицѣ военнаго министра правительство заявило со своей стороны, „что оно проникнуто живѣйшимъ интересомъ къ вопросу о военной подготовкѣ юношества и надѣется въ близкомъ будущемъ, путемъ повѣрительныхъ школъ, достигнуть того, что молодежь усердно будетъ заниматься гимнастикой и интересоваться военнымъ дѣломъ; въ видахъ этого правительство готово поощрять всякія гимнастическія прогулки и вообще занятія спортомъ, полезнымъ и пріятнымъ для всего нѣмецкаго юношества“.

Историческое развитіе этого вопроса представляется въ слѣдующемъ видѣ: сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, знаменитые преобразователи всего строя нѣмецкой жизни Штейнъ, Фихте, Гнейзенау и Янъ ратовали за прощѣтаніе физическихъ упражненій въ нѣмецкой школѣ; въ противоположность мнѣнія, высказаннаго во многихъ учебникахъ педагогики, что гимнастика есть

только одно изъ средствъ школьной гигиены для сохраненія здоровья юношества, упомянутые дѣятели придерживались взгляда, что гимнастика является отраслью нравственнаго воспитанія; физическое здоровье и выносливость они разсматривали какъ символъ и основу храбрости и другихъ военныхъ добродѣтелей. Въ особенности въ ученияхъ Яна—основателя нѣмецкой гимнастики—всюду сквозитъ мысль, что молодежь должна заниматься гимнастикой не ради собственнаго здоровья, а для того, чтобы подготовить себя быть дѣльнымъ и безстрашнымъ воиномъ на военной службѣ. Такъ надо понимать слѣдующія его слова: „только тогда государство въ безопасности, когда всѣ призванные носить оружие стануть способны къ отбыванію этой обязанности путемъ заблаговременныхъ физическихъ упражненій съ оружіемъ и будутъ готовы къ бою, благодаря частому повторенію военныхъ игръ, и стануть безстрашными воинами подъ вліяніемъ любви къ родинѣ. Только тогда народъ можетъ считаться дѣйствительно вооруженнымъ“ \*).

Среди людей, поработавшихъ послѣ 1806 года надъ возрожденіемъ прусской арміи, Гнейзенау больше всѣхъ другихъ имѣлъ въ виду воспитаніе молодежи съ цѣлью боевой подготовки. Онъ выработалъ обширный планъ военнаго воспитанія народа, въ которомъ наиболѣе почетное мѣсто было отведено физическимъ упражненіямъ учащейся молодежи. Гнейзенау требовалъ, чтобы школьное юношество, предназначенное также и для военной службы, проходило обязательно различныя *военныя* ученія, тогда какъ программа военно-педагогической гимнастики, введенная по настоянію Яна, какъ обязательный предметъ обученія во всѣхъ нѣмецкихъ школахъ для мальчиковъ, совершенно основательно противилась малѣйшей попыткѣ ввести въ общеобразовательныя учебныя заведенія подготовительную школу для новобранцевъ съ преждевременной муштрой.

Кромѣ Гнейзенау и Яна, еще два педагога выступили поборниками идеи воспитанія молодежи для цѣлей государственной обороны,—это Гутсъ-Мутсъ, руководитель извѣстнаго учебнаго заведенія въ Шнейфенталѣ и Адольфъ Шписсъ, основатель нѣмецкой школьной гимнастики. Въ первыхъ своихъ трудахъ о гимнастикѣ для юношества, обнародованныхъ въ 1793 и 1804 гг..

\*) Militär-Woch. № 64.

Гутсъ-Мутсъ довольно робко касается идеи воспитанія юношества въ цѣляхъ государственной обороны; зато въ двухъ другихъ трудахъ, появившихся послѣ войнъ за освобожденіе—„о воспитаніи для родины“ (1814 г.) и „гимнастика для сыновей отечества“ (1817 г.) Гутсъ-Мутсъ даетъ отличную программу военной подготовки учащейся молодежи. Въ предисловіи къ послѣднему труду слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія характерныя мысли автора: „гимнастическія упражненія, разсматриваемыя съ патріотической точки зрѣнія всеобщей воинской повинности, являются необходимой подготовительной школой для будущаго защитника отечества.“

Свобода и самостоятельность народа и отечества должны быть защищены отъ всякихъ посягательствъ.

Надо стремиться къ тому, чтобы эту задачу—стать защитникомъ родины—сдѣлать легкой и пріятной.

Армію слѣдуетъ увеличивать и совершенствовать не только количественно, но по возможности и въ отношеніи ея внутреннихъ достоинствъ.

Если хотите имѣть сильную армію, то дайте молодежи патріотическое воспитаніе для ума и физическое для тѣла, направленное для воинской службы“.

Въ то же время Гутсъ-Мутсъ является противникомъ слишкомъ ранняго воинскаго воспитанія юношества. Онъ выставляетъ требованіе не военнаго воспитанія молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ, а особенной, приспособленной для юношества, гимнастики, направленной для цѣлей военной службы. Кромѣ того онъ рекомендуетъ упражненія для глазомернаго опредѣленія разстояній, для развитія зрѣнія и слуха, разныя военныя игры, причѣмъ однако слѣдуетъ по его мнѣнію избѣгать всякихъ занятій, напоминающихъ „игру въ солдатики“.

Адольфу Шписсу школа обязана созданіемъ метода преподаванія школьной гимнастики. Въ своихъ статьяхъ по этому вопросу—„обученіе искусству гимнастики“ и „гимнастика какъ подготовительная школа будущаго солдата“—онъ особенно подчеркиваетъ то, что гимнастика является прежде всего подготовкой молодежи для военной службы. Принципами Шписса продолжительное время руководствовались въ прусскихъ школахъ, желая поставить на должную высоту физическія упражненія.

Въ очеркѣ историческаго развитія вопроса военнаго воспитанія нѣмецкаго юношества нельзя пройти молчаніемъ короля Вильгельма I, этого великаго дѣятеля въ дѣлѣ реорганизациі прусской арміи. Если Вильгельмомъ въ этомъ дѣлѣ и не были введены непосредственно особыя правила для военнаго воспитанія юношества, то идея этой подготовки выдвигалась королемъ во всѣхъ случаяхъ и особенно, сильно выражена въ его непосредственномъ обращеніи къ юношеству, требующемъ принять участіе въ сохраненіи наслѣдія Вильгельма I тѣмъ, чтобы стать готовыми къ бою душой и тѣломъ. Нигдѣ такъ ясно не сказываются планы великаго устроителя арміи, какъ въ манифестѣ короля къ прусскому народу передъ коронованіемъ въ Кенигсбергѣ въ 1861 г.: „назначеніе Пруссіи состоитъ не въ томъ, чтобы жить, только наслаждаясь прибрѣтенными благами. Необходимыми условіями ея господства является *напряженіе всѣхъ духовныхъ и моральныхъ силъ и увеличеніе ея обороноспособности*“.

Въ новѣйшее время по затронутому вопросу о военной подготовкѣ учащейся молодежи слѣдуетъ указать на заслуги Густава фонъ-Гесслера, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ по собственному опыту былъ знатокомъ важнаго значенія физическихъ упражненій для школы, поэтому его распоряженія въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія открывали въ этомъ вопросѣ новые пути. Благодаря его указаніямъ, что занятіе гимнастикой подъ открытымъ небомъ имѣетъ огромное преимущество передъ занятіями въ залахъ, вновь вспомнили про прежніе гимнастическіе плацы, имѣвшіе по большей части прекрасное мѣстоположеніе и служившіе для этой цѣли еще при Янѣ. Кромѣ того, до того времени полагали, что для занятія гимнастикой достаточно двухъ часовъ въ недѣлю; благодаря Гесслеру, въ прусскихъ школахъ гимнастикѣ удѣлили три еженедѣльныхъ урока. Были введены въ школѣ такія важныя для боевой подготовки упражненія, какъ бѣгъ, состязанія по стрѣльбѣ, борьба и т. п. Гесслеръ удѣлялъ свое вниманіе не только гимнастикѣ, но и прочимъ видамъ физическихъ упражненій: такъ, онъ горячо ратовалъ за то, чтобы ученики въ школахъ упражнялись въ греблѣ, бѣгѣ на конькахъ, въ плаваніи и т. п. Онъ указывалъ также на необходи-

мость физического развитія женской молодежи, исходя изъ того, что разъ государство требуетъ отъ подрастающаго мужского поколѣнія, чтобы оно въ свои физическія силы предоставило на пользу государства и готовилось на случай войны, то нельзя не поставить такого вопроса: какъ не заботиться о физическомъ развитіи тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ здоровье будущихъ поколѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ будущность государства?

Министръ фонъ-Гесслеръ поощрялъ и въ университетахъ не только занятія гимнастикой, но и всѣ виды физическихъ упражненій, въ томъ числѣ и съ оружіемъ. Онъ выказывалъ особенное вниманіе всякимъ академическимъ и гимнастическимъ союзамъ (ферейнамъ). Его стремленіе направить прежде всего воспитаніе юношества для цѣлей боевой подготовки видно ясно изъ того интереса, который онъ выказалъ основавшемуся при немъ въ Германіи „комитету для поощренія боевой годности населенія посредствомъ воспитанія юношества“, гдѣ министръ Гесслеръ состоялъ почетнымъ членомъ. Дѣятельность этого комитета въ настоящее время приобретаетъ выдающееся значеніе въ вопросѣ о воинскомъ воспитаніи юношества въ Германіи, поэтому коснемся нѣсколько подробнѣе дѣятельности этого комитета.

Названный комитетъ является отдѣломъ „центрального комитета народныхъ и юношескихъ игръ въ Германіи“. Оба эти учрежденія состоятъ подъ предсѣдательствомъ одного лица. Характернымъ для цѣлей „комитета обороны“ является выработанное имъ въ мартѣ 1900 г. руководство, изъ котораго приведемъ слѣдующія выдержки:

„Основной задачей комитета является собираніе всѣхъ фактовъ, указывающихъ на необходимость направить воспитаніе юношества въ интересахъ военной подготовки молодежи, имѣя въ виду убѣдить и привлечь на свою сторону кругъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе всѣхъ сопряженныхъ съ этой задачей вопросовъ.

Главной задачей дѣятельности комитета обороны заключается въ стремленіи заложить въ подрастающемъ юношествѣ прочный фундаментъ тѣхъ качествъ, которыя новобранецъ долженъ принести на службу.

Для достиженія этой цѣли слѣдуетъ заботиться, чтобы

поощрять любовь нашей молодежи къ физическимъ упражненіямъ и направить эту любовь на тѣ именно виды упражненій, которые особенно пригодны для развитія боевой подготовки“.

Далѣе въ руководствѣ подробно останавливаются на тѣхъ началахъ, которыхъ слѣдуетъ придерживаться при использовании физическихъ упражненій для воинской подготовки (отдѣльные отрасли гимнастики въ тѣсномъ смыслѣ: игры, маршировка, плаваніе, бѣгъ на конькахъ, гребля, гимнастика для дѣвочекъ, состязаніе въ борьбѣ и играхъ). Въ заключеніе руководство обращается съ просьбой содѣйствовать проведенію рекомендованныхъ правилъ въ жизнь: ко всѣмъ лицамъ, занимающимся преподаваніемъ, къ высшимъ властямъ, которыя вѣдаютъ дѣломъ обученія, а въ особенности къ военнымъ властямъ—помочь стремленіямъ комитета обороны кто, чѣмъ, и какъ можетъ во всѣхъ указанныхъ выше направленіяхъ.

Для проведенія въ жизнь этихъ указаній потребовалась разработка важныхъ вопросовъ, при чемъ были собраны всѣ наблюденія, чтобы на основаніи всего этого составить новый планъ воинской подготовки учащейся молодежи, или устранить существующіе недочеты. Къ этой работѣ были привлечены извѣстные дѣятели по военно-народному воспитанію, какъ, напр., Е. фонъ-Шенкендорфъ, предсѣдатель комитета и депутатъ рейхстага, директоръ реальной гимназіи въ Кведлинбургѣ д-ръ Лоренцъ, проф. Шторенбергъ изъ Дрездена, членъ училищной комиссіи въ Мюнхенѣ д-ръ Кершенштейнеръ и др. Труды этой комиссіи были отъ имени комитета обнародованы въ превосходной книгѣ подъ заглавіемъ „Воспитаніе народа, какъ средство обороны государства“, вышедшей въ 1904 г. въ первомъ и въ 1905 г. во второмъ дополненномъ изданіи.

Этотъ трудъ можно рекомендовать для изученія каждому интересующемуся даннымъ вопросомъ. Въ немъ собраны также мнѣнія свѣдущихъ военныхъ людей, какъ, напр., фельдмаршала графа Мольтке, ген. Гольца, ген. Богуславскаго, графа фонъ-Хезелера, ген. фонъ-Блуме, д-ра Мейсснера, отставного подполковника Йенса и другихъ, работавшихъ надъ проведеніемъ въ жизнь идей подготовки учащейся молодежи къ военному дѣлу.

Необходимо замѣтить, что не только мнѣнія упомянутыхъ

военных людей, но также отзывы гражданских дѣятелей и педагоговъ, приведенные въ названной выше книгѣ о военной подготовкѣ юношества, или же высказанные ими въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ, сходятся единогласно относительно подготовки юношества для воинской повинности путемъ поощренія физическихъ упражненій попутно съ обученіемъ въ школахъ; но всѣ они высказываются противъ устройства ученическихъ баталіоновъ и юношеской милиціи, какіе существовали нѣкоторое время во Франціи послѣ войны 1870—1871 г., а въ послѣднее время въ единичныхъ случаяхъ появлялись и въ Германіи.

Фельдмаршалъ графъ Мольтке выразился слѣдующимъ образомъ о брошюрѣ проф. д-ра Штюренберга „о воспитаніи юношества для отбыванія воинской повинности“:

„Авторъ справедливо дѣлаетъ точное различіе между физическимъ развитіемъ путемъ гимнастики, подготовляющей естественнымъ образомъ къ службѣ въ арміи, и тѣми играми маршировку съ оружіемъ, которыя по представленію массы народной допускаютъ даже сокращеніе срока службы въ войскахъ“.

Гр. Мольтке, такимъ образомъ, высказывается противъ всякихъ ученическихъ баталіоновъ и милиціи изъ юношей и въ то же время высоко ставитъ значеніе гимнастики и другихъ физическихъ упражненій въ школахъ, которыя являются превосходной подготовкой для службы въ арміи.

Еще рѣшительнѣе графъ Мольтке высказалъ свое мнѣніе въ октябрѣ 1890 г. въ письмѣ, адресованномъ члену центрального комитета Райдту по поводу извѣстной его книги: „Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“. Заслуженный ученый высказываетъ слѣдующее: „не то важно, что мальчики изучаютъ въ школахъ, а то, какое моральное имъ дается воспитаніе. Для физическаго развитія путемъ гимнастики и игръ, со времени императорскаго указа по этому вопросу заботятся все болѣе и болѣе. Я бы желалъ, чтобы дѣтямъ была дана подготовка пробужденіемъ въ нихъ патріотическаго духа главнымъ образомъ въ возрастѣ съ 16-ти лѣтъ до 21-го года, т. е. со времени окончанія образовательной школы до вступленія въ великую военную школу—въ армію, чтобы

молодежи стала понятна безсмыслица и преступность стремленій социаль-демократовъ. Въ этотъ именно опасный періодъ, какъ показываетъ опытъ, юноши слишкомъ легко поддаются этимъ ученіямъ“.

Въ такомъ же духѣ высказываются и многіе другіе дѣятели относительно воспитанія юношества для боевой подготовки въ упомянутомъ трудѣ „комитета обороны“. Извѣстный военный писатель генераль Богуславскій писалъ по тому же вопросу слѣдующее:

„Всѣ виды ученическихъ баталіоновъ или милиціи я считаю негодными для военнаго дѣла, даже опасными, но вполне согласенъ съ руководителями „центрального комитета“, что обученіе гимнастикѣ для школьнаго юношества можетъ быть въ школахъ проведено вполне планомѣрно; при чемъ съ одной стороны должно быть отдано предпочтеніе всему, что служить къ развитію храбрости, а съ другой стороны физическимъ упражненіямъ на свѣжемъ воздухѣ,—обычнымъ въ народѣ упражненіямъ въ бѣгѣ и прыганьи, дѣтскимъ играмъ, греблѣ и плаванію“.

Генераль фонъ-Блуме въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „основы нашей обороноспособности“ высказываетъ мысль, что физическія упражненія являются существенной и непосредственной задачей высшихъ и народныхъ школъ. Не достигающими своего назначенія надо считать, по его мнѣнію, военныя упражненія школьнаго юношества, если они не ведутся такъ, какъ это принято въ высшихъ классахъ кадетскихъ корпусовъ и во всѣхъ пригготовительныхъ школахъ унтеръ-офицерскихъ, т. е. вполне серьезно и съ полнымъ знаніемъ дѣла, какъ это происходитъ въ арміи, безъ излишняго боязливаго отношенія къ физическому развитію юношей. Безумно думать, что можно облегчить обученіе на военной службѣ игрой въ солдатки. Это ничего не даетъ, а только легитимизировать учащейся молодежи и внушаетъ юношамъ легкомысленное отношеніе къ военному дѣлу и воинскому долгу.

Въ 1902 г. извѣстный военный писатель подполковникъ Іенсъ прочиталъ въ Кенигсбергѣ, по случаю основанія „комитета обороны“, лекцію подъ заглавіемъ „Забавы и дѣло“. Сдѣлавъ очеркъ взаимнаго отношенія между воин-

ским воспитаниемъ въ школахъ и дѣтскими играми, онъ указалъ на то, что въ настоящее время на плацу для игръ нельзя обучиться надлежащимъ образомъ владѣть оружіемъ. То же можно сказать и о тактическомъ обученіи. Іенсъ также противникъ ученическихъ ротъ и баталіоновъ и ссылается на примѣръ Швейцаріи, гдѣ опытъ показалъ, что войска, приученныя въ юности играть въ „солдатики“, въ рѣшительную минуту плохо подчиняются командѣ, желая продолжать игру. Такіе воины на свое начальство смотрятъ какъ на товарищессю по игрѣ и никакъ не могутъ привыкнуть къ мысли, что подъ знаменами это уже не игра, когда люди призваны на дѣйствительную службу. Въ этомъ то и заключается большая опасность игры въ солдатики во время пребыванія въ школахъ и гимназіяхъ. Іенсъ также стоитъ за поощреніе всѣхъ видовъ физическихъ упражненій въ связи со школою.

Изъ сказаннаго выше ясно, что для военнаго воспитанія юношества важны исключительно: специальная гимнастика, приуроченная для подготовки учащейся молодежи къ отбыванію воинской повинности и разныя физическія упражненія подъ открытымъ небомъ,—прогулки всей школою для гимнастическихъ упражненій, спортъ разнаго вида, плаваніе, гребля, бѣгъ на конькахъ и т. п. При этомъ необходимо стараться на каждомъ шагѣ предоставить самимъ ученикамъ возможный починъ и самостоятельность, чтобы выработать инициативу и самостоятельность характера.

Самымъ важнымъ періодомъ въ дѣлѣ военнаго воспитанія юношества слѣдуетъ считать годы пребыванія въ среднихъ классахъ нашихъ гимназій, вообще—предшествующіе отбыванію воинской повинности.

Вотъ что по этому поводу говоритъ фельдм. гр. Хезелеръ: „время послѣ окончанія народной школы передъ призывомъ на военную службу является наиболѣе важнымъ періодомъ для развитія характера, моральныхъ качествъ и убѣжденій юноши. А между тѣмъ эти именно годы протекаютъ для него большей частью безъ руководительства и воспитанія. Это сказывается явно при поступленіи молодыхъ людей въ армію, куда попадаютъ новобранцы, для которыхъ понятія родина, вѣрность и долгъ—непонятныя слова“.

Графъ Хезелеръ затѣмъ обращается съ увѣщаніемъ къ родителямъ, школамъ и работодателямъ, обратить вниманіе на военное воспитаніе юношества.

Въ послѣдніе годы въ Германіи сильно укоренилось убѣжденіе, что для дальнѣйшаго военнаго воспитанія юношей, окончившихъ народную школу, должны быть предприняты какія нибудь весьма основательныя мѣры. Однако до сихъ поръ не перешли къ практическому осуществленію разныхъ предложеній, сдѣланныхъ съ различныхъ сторонъ въ этомъ направленіи. Причина этого заключается главнымъ образомъ въ томъ, что не могутъ остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи: цѣлесообразнѣ ли стремиться къ осуществленію дѣла путемъ основанія вольныхъ спортивныхъ обществъ, союзовъ для учениковъ, ремесленниковъ и т. п.; или же организовать это въ связи съ принудительными школами для дальнѣйшаго обученія и усовершенствованія. По мнѣнію свѣдущихъ лицъ слѣдуетъ предпочесть это послѣднее, въ виду того, что въ общей массѣ окончившіе народную школу едва ли безъ нѣкотораго давленія сдѣлаютъ что-либо для своего дальнѣйшаго физическаго воспитанія; поэтому вполне основательно за послѣднее время общественное мнѣніе въ Германіи требовало имперскаго закона относительно организаци дѣла военнаго воспитанія для окончившихъ народную школу, какъ переходную ступень между школою и арміей. Приведенный въ началѣ настоящей статьи отвѣтъ военнаго министра на соответствующій запросъ въ рейхстагѣ даетъ возможность вывести заключеніе, что такой именно проектъ закона и готовится въ настоящее время.

Какъ видно изъ изложеннаго выше, въ Германіи вопросъ о военномъ воспитаніи юношества теоретически разрабатывается въ теченіе уже около ста лѣтъ; но практические еще собираются только теперь осуществить его въ жизни. Въ Японіи, наоборотъ, начали прямо съ практической стороны дѣла. Послѣ послѣдней войны съ Россіей японцы безъ устали продолжаютъ работать надъ своимъ военнымъ усовершенствованіемъ. Болѣе чѣмъ когда-либо они стремятся теперь къ тому, чтобы въ армію попадали такіе новобранцы, которые уже въ общеобразовательной школѣ имѣли возмож-

ность получить хорошую военную подготовку.

Имѣя въ виду эту цѣль, министр народного просвѣщенія издалъ недавно особую инструкцію для приготовительной, средней и нормальной школы, въ которой даются обстоятельныя указанія и специальная программа, приуроченныя къ требованіямъ военной подготовки учащейся молодежи.

### III.

Въ Японіи подготовка молодежи поставлена на иныхъ условіяхъ.

*Народная школа*, которую въ Японіи обязаны посѣщать всѣ мальчики 6-лѣтняго возраста, распредѣляется на два курса: подготовительный курсъ 4-хъ лѣтній и старшій курсъ продолжительностью въ 2 года. Слѣдовательно, къ 12-ти годамъ школа пройдена. Въ программу подготовительнаго курса входитъ: этика, японскій языкъ, ариѳметика, гимнастика, рисованіе, музыка и ручной трудъ (последніе три предмета необязательны). Кромѣ этихъ предметовъ на старшемъ курсѣ еще проходятъ: японскую исторію, физику, сельское хозяйство, коммерческія науки и англійскій языкъ, при чемъ послѣдніе 4 предмета необязательны.

Въ своей учебной программѣ министр удѣляетъ особенное вниманіе физическому воспитанію юношества, высказывая по этому вопросу слѣдующее: „Въ тѣ времена, когда на нашей родинѣ еще были въ употребленіи лукъ и стрѣлы, у насъ отнюдь не пренебрегали гимнастикой; только въ послѣднее время стали меньше обращать вниманіе на этотъ предметъ, напрасно предпочитая науку и ученость физическимъ упражненіямъ. Для того же, чтобы нашъ народъ сталъ снова на прежнюю высоту своего политическаго могущества, крайне необходимо—теперь больше, чѣмъ когда-либо—заняться въ школахъ физическимъ развитіемъ молодыхъ людей. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду главную цѣль: подготовить юношей къ отбыванію воинской повинности путемъ гимнастики и всевозможныхъ физическихъ упражненій. Не нужно требовать строгой равномѣрности движеній, что однако не должно вести къ небрежности при исполненіи пріемовъ. Необходимо избѣгать переутомленія мальчиковъ,

что можетъ явиться, напр., тогда, когда требуется, чтобы ученики стояли „смирно“, когда учитель объясняетъ или показываетъ самъ какое-нибудь упражненіе. Если у мальчиковъ появится нелюбовь къ гимнастикѣ, тогда и цѣль ея не можетъ быть достигнута. Кромѣ гимнастики ученики старшаго курса народной школы и въ прочихъ школахъ должны заниматься военными упражненіями, плаваніемъ и другими видами спорта; нужно, чтобы они знали и военныя пѣсни. Въ школахъ на занятіяхъ гимнастикой желательно, чтобы ученики носили европейское платье; тамъ же, гдѣ это недостижимо, нужно по крайней мѣрѣ носить при національной одеждѣ укороченные по европейскому образцу рукава\*).

На подготовительномъ курсѣ въ народной школѣ на гимнастику удѣляютъ 4 урока; на старшемъ курсѣ военныя занятія бывають по 3 раза въ недѣлю.

Учебный годъ считается съ 1-го апрѣля по 31-е марта слѣдующаго года и распредѣляется на три періода: 1-й—съ 1-го апрѣля по 20-е іюля, 2-й—съ 1-го сентября по 25 декабря и 3-й—съ 7-го января по 27-е марта. Въ каждомъ классѣ подготовительнаго курса допускается не свыше 70, а въ старшемъ курсѣ не свыше 60 учениковъ.

Кромѣ воскресныхъ дней, въ теченіе всего года бываетъ неучебныхъ дней въ общей сложности не болѣе 90. За право ученія на подготовительномъ курсѣ вносится 20 центовъ (около 20 коп.) въ мѣсяцъ, на старшемъ курсѣ 80 центовъ. При этомъ многосемейные родители вносятъ такую плату полностью только за старшаго ребенка, за всѣхъ же остальныхъ дѣтей на обоихъ курсахъ взимается только по 10 центовъ въ мѣсяцъ.

Курсъ средней школы продолжается 5 лѣтъ. Въ программу входитъ этика, японская и китайская литература, англійскій, нѣмецкій и французскій языки, исторія Японіи и всеобщая исторія, географія, ариѳметика, естественная исторія, физика, химія, законовѣдѣніе Японіи, рисованіе, музыка, гимнастика и военныя упражненія въ объемѣ курса ротной школы.

Число учащихся въ средней школѣ колеблется отъ 400 до 600 чел., но въ каждомъ классѣ не должно быть болѣе 50 учениковъ. Военное обученіе (три раза въ недѣлю) распредѣляется

\*) „Neue mil. Bl.“.

такъ, что изъ году въ годъ программа увеличивается. Въ первомъ году упражненія производятся безъ оружія одиночное или по-взводно; во 2-мъ году—то же самое съ прибавленіемъ всего, что проходится въ ротной школѣ; въ 3-мъ году упражняются въ командованіи, а на 4-мъ и 5-мъ году всѣ упражненія продѣлываются съ оружіемъ. Для этой цѣли въ каждой средней школѣ требуется имѣть: винтовки и штыки, ранцы, солдатское снаряженіе и всѣ приспособленія для гимнастики: кобылки, лѣстницы, трапедии, параллельные брусья и т. п.

Въ нормальной школѣ проходятъ: этику, педагогичку, японскую и китайскую литературу, японскую и всеобщую исторію, географію, ариѳметику, физику и химію, естественную исторію, каллиграфію японскую, музыку и гимнастику. Курсъ продолжается 4 года при 34-хъ урокахъ въ недѣлю. Въ классѣ допускается не больше 45 учениковъ. Какъ въ средней школѣ, такъ и въ нормальной, на военныя упражненія обращено особое вниманіе; имъ удѣляется 6 уроковъ. Въ 1-мъ году приходится одиночное обученіе и по-взводно, при оружіи; во 2-мъ году все положенное по программѣ ротной школы, при оружіи; бой штыковой, полевая служба и знакомство съ практикой и теоріей военного искусства; на 3-мъ году повтореніе всего пройденнаго; на 4-мъ году: повторительный курсъ и, кромѣ того, ученики упражняются въ роли инструкторовъ.

Для веденія военного обученія при каждой школѣ въ Японіи состоятъ въ прикомандированіи нѣсколько человекъ унтеръ-офицеровъ дѣйствующей арміи и резерва. Общій контроль порученъ офицерамъ, которые изрѣдка назначаютъ смотровыя ученія, въ которыхъ принимаютъ участіе также и молодые люди, уже окончившіе школу. Нерѣдки случаи, когда въ отдѣльныхъ городскихъ или сельскихъ общинахъ бывшіе одноклассники какой-нибудь школы по собственному почину составляютъ отдѣленія и взводы съ цѣлью освѣжить свои строевыя познанія и упражняться въ военномъ дѣлѣ.

Даже дѣти 6—7 лѣтъ въ Японіи охотно въ благоприятную погоду становятся въ строй и маршируютъ за своимъ предводителемъ съ знаменемъ „восходящаго солнца“ въ рукахъ, совершая строевыя прогулки на цѣлыя мили, не страшась жгучаго солнца. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ 670 учениковъ одной извѣст-

ной частной школы Кейвъ Гигикнъ, отправились въ деревню въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Токио, гдѣ производили маневры совершенно правильно по выработанному плану при участіи нѣсколькихъ офицеровъ.

Въ настоящее время японское правительство озабочено ухудшеніемъ физическаго развитія учащейся молодежи. Какъ видно изъ недавно опубликованнаго официальнаго донесенія, физическое состояніе молодыхъ людей, достигшихъ призывнаго возраста для несенія воинской повинности, изъ году въ годъ становится все хуже. Такъ, напр., за послѣднія 10 лѣтъ средній вѣсъ новобранцевъ упалъ на 2 килограмма; выдающійся японскій военный врачъ, авторъ этого отчета, утверждаетъ, что изъ 10 человекъ новобранцевъ восемь или девять обязательно имѣютъ какіе-нибудь физическіе недостатки. Это обстоятельство объясняется отчасти привычкою японцевъ съ малолѣтства сидѣть на корточкахъ. При врачебномъ осмотровѣ новобранцевъ въ районѣ Токио только 20% обладали вполне безупречнымъ тѣлосложеніемъ...

Вызванная въ обществѣ этими отчетами тревога повела къ обнародованію императорскаго указа, чтобы во всѣхъ школахъ имперіи были назначены особые врачебные инспекторы и производились періодическіе врачебные осмотры учениковъ. Этими, а также и другими мѣрами—главнымъ образомъ введеніемъ во всѣхъ школахъ физическихъ упражненій военного характера—японское правительство надѣется улучшить физическое развитіе юношей, и въ то же время обработать и подготовить тотъ матеріалъ, который идетъ на укомплектованіе арміи.

Итакъ, система военного воспитанія юношества, принятая въ Японіи, нѣсколько отличается отъ той, которая принята въ Германіи. Въ этой послѣдней тщательно преслѣдуется все, что напоминаетъ „игру въ солдатики“; тогда какъ въ Японіи игра эта доведена до маневрированія учениковъ въ видѣ отрядовъ изъ трехъ родовъ оружія. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣмцы стоятъ на болѣе правильномъ пути, чѣмъ японцы, національный характеръ и историческія преданія которыхъ допускаютъ „игру въ солдатики“ безъ вреда для дѣла. У насъ же, въ Россіи, такая игра принесла бы несомнѣнный вредъ. Поэтому весьма важно, чтобы теперь же были выработаны основныя принципы военного воспитанія нашей учащейся молодежи на

тотъ случай, если будутъ хоть одиночные благіе примѣры со стороны начальниковъ какихъ-нибудь учебныхъ заведеній, чтобы они могли дѣйствовать не ощупью, а по строго обдуманной программѣ.

Когда же у насъ появится свой министръ фонъ-Гесслеръ?

Къ несчастію, у насъ каждый министръ преслѣдуетъ иногда свою собственную политику. Развѣ можно себѣ представить, чтобы министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи подумалъ о какомъ-нибудь касательствѣ его заботъ къ вопросамъ государственной обороны, развѣ эта послѣдняя составляетъ предметъ вѣдѣнія чужого министерства? А между тѣмъ безъ общей дружной работы всѣхъ вѣдомствъ въ этой области одно военное министерство совершенно безсильно.

#### IV.

Въ минувшемъ году образовано было междувѣдомственное совѣщаніе, имѣвшее въ виду лишь низшія народныя школы, тогда какъ было бы весьма желательно подумать о военномъ воспитаніи молодежи также и въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по примѣру того какъ это принято во многихъ государствахъ западной Европы и Японіи.

Такъ какъ по нынѣшнимъ временамъ, принимая во вниманіе общественныя настроенія и теченія, трудно разсчитывать на то, что студенты университетовъ и великовозрастные гимназисты въ выпускныхъ классахъ будутъ охотно заниматься военными артикулами въ силу одной лишь отвлеченной идеи—готовиться быть искусными защитниками Родины, то необходимо придумать болѣе реальныя стимулы, которые заставили бы молодежь относиться серьезно къ этому вопросу въ своихъ собственныхъ интересахъ. Вѣрнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи, какъ мнѣ кажется, могло бы служить опредѣленіе сроковъ дѣйствительной службы для воспитанниковъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ зависимости не получения только диплома, но и въ зависимости отъ нѣкоторой военной подготовки, полученной въ учебныхъ заведеніяхъ.

При введеніи устава всеобщей воинской повинности въ 1874 году у насъ установлена была дѣйствующая понынѣ обширная система льготъ по образованію, имѣвшая цѣлью поощрять

просвѣщеніе народное. Въ настоящее время, 35 лѣтъ спустя послѣ введенія всеобщей воинской повинности, едва ли встрѣчается особая необходимость въ изысканіи какихъ-нибудь особыхъ мѣръ для поощренія стремленія къ образованію: студентъ и гимназистъ отдаются книгамъ отнюдь не ради общанныхъ сокращенныхъ сроковъ дѣйствительной службы, а преслѣдуя совершенно инья опредѣленная цѣли. Зато, съ другой стороны, вполне ясно обозначилась новая потребность въ дополненіи дѣйствующаго устава по воинской повинности: сроки дѣйствительной службы сокращены вдвое—съ 6 лѣтъ въ 1874 году до 3 лѣтъ въ настоящее время; рядомъ съ этимъ сокращеніемъ срока службы подъ знаменами, военное дѣло, наоборотъ, усложнилось по крайней мѣрѣ вдвое; является поэтому настоятельная необходимость предварительной военной подготовки молодыхъ людей, поступающихъ въ кадры для отбыванія дѣйствительной службы, а съ этой цѣлью—дополнить систему разныхъ льготъ по отбыванію воинской повинности введеніемъ особой льготы за предварительную военную подготовку, полученную въ стѣнахъ учебныхъ заведеній.

Прекраснымъ образцомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить порядокъ, принятый во Франціи. Не касаясь весьма разнообразныхъ мѣръ, принятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для поощренія занятій военными предметами въ учебныхъ заведеніяхъ всевозможныхъ разрядовъ, достаточно указать, что во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ постановка этихъ занятій стоитъ такъ высоко, что воспитанники держатъ при выпускѣ экзамену даже на „подпоручика резерва“, соотвѣтствующій у насъ экзамену на прапорщика запаса. Такъ, срокъ дѣйствительной службы для воспитанниковъ высшей нормальной школы, лѣснаго института, академіи искусствъ и мануфактуры, національной горной академіи, школы постройки мостовъ и шоссе, и горной академіи въ С.-Этьеннѣ установленъ въ два года; при чемъ, одинъ годъ они служатъ въ войскахъ до поступленія въ эти учебныя заведенія или послѣ окончанія въ нихъ курса, а за второй годъ засчитывается самое пребываніе въ этихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ воспитанники получаютъ основательную военную подготовку подъ наблюденіемъ военнаго министра.

На сколько велико вмѣшательство военного вѣдомства въ прохожденіе курса военныхъ предметовъ въ упомянутыхъ выше учебныхъ заведеніяхъ видно изъ объявленной недавно особой „Инструкціи по устройству и организаціи военной подготовки воспитанниковъ въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, зарегистрированныхъ закономъ 23-го марта 1905 года“.

Согласно этой Инструкціи, военная подготовка ведется офицерами по назначенію военного министра и заключается въ себѣ сообщеніе общихъ свѣдѣній по военной администраціи, топографіи, артиллеріи, тактикѣ, фортификаціи, гигиенѣ, физическаго воспитанія солдата и военного дѣлопроизводства. По всѣмъ этимъ предметамъ программа рассчитана такъ, чтобы не загроузить балластомъ научныхъ свѣдѣній, а дать элементарную подготовку въ предѣлахъ знаній, необходимыхъ для подпоручика резерва. Практическая подготовка дополняется, какъ сказано, дѣйствительной службой въ войскахъ въ теченіе одного года, до или послѣ прохожденія курса въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Сообразно этому послѣднему, воспитанники дѣлятся на два яруса при допущеніи къ выпускнымъ экзаменамъ, послѣ которыхъ, въ зависимости отъ успѣшности усвоенія военныхъ предметовъ, военный министръ опредѣляетъ, кто изъ выпускныхъ воспитанниковъ имѣетъ право на полученіе чина подпоручика резерва. Декретомъ отъ 19-го іюня 1906 года установлено, что изъ высшей нормальной школы, лѣснаго института и горной академіи въ С.-Этьенѣ выходятъ резервные подпоручики въ пѣхоту; изъ школы постройки мостовъ и шоссе— въ инженерную войска, а изъ національной горной школы и академіи искусствъ и мануфактуры— въ артиллерію.

Изъ вышеизложеннаго видно, что во Франціи гражданскія высшія учебныя заведенія приобщены даже для подготовки офицеровъ. Трудно разсчитывать, чтобы нѣчто подобное могло бы установиться у насъ въ университетахъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но можно быть увѣреннымъ, что военная подготовка въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ упрочится очень скоро, если только въ Уставѣ о воинской повинности будутъ введены какія-нибудь дополнителныя льготы при отбываніи дѣйствительной службы за военную подготовку, полученную въ стѣнахъ гражданскихъ учебныхъ заведеній.

Тогда и матеріальныя средства найдутся, и кружки родительскіе или воспитанниковъ сами будутъ стремиться къ полученію военной подготовки въ стѣнахъ своихъ учебныхъ заведеній.

#### 4. „Къ оружію!“ (Die Waffen hoch!).

Подъ этимъ заглавіемъ появилась въ минувшемъ году небольшая брошюра, принадлежащая перу подполк. австрійской службы Оскара Мусцинскаго фонъ-Аренгорть. Какъ видно изъ заглавія, основная идея автора является антитезою извѣстному сочиненію Берты фонъ-Сутнеръ „Долой оружіе!“ („Die Waffen nieder!“). По мѣрѣ того какъ старѣетъ человѣчество, идея о всеобщемъ разоруженіи становится все болѣе химеричной и вмѣсто буржуазнаго клика „долой оружіе!“ приходится избрать теперь противоположный лозунгъ— „къ оружію!“.

Мы даемъ ниже словами автора краткое извлеченіе изъ упомянутой брошюры, въ виду значительнаго интереса, представляемаго ею содержаніемъ.

„Сколько бы мы ни перелистывали лѣтописи войнъ всѣхъ временъ и народовъ, намъ бы не удалось найти ничего аналогичнаго русско-японской войнѣ.“

Россия,—этотъ великанъ, покрывающій своими владѣніями половину Европы и половину Азіи, съ 147 мил. подданныхъ, эта сильнѣйшая военная держава, къ которой всегда прибавлялся эпитетъ „непобѣдимой“, во что вѣрилось непоколебимо, побѣждена Японіей, небольшимъ государствомъ, съ 48 мил. жителей. Это потрясающее зрѣлище заставляетъ глубоко задуматься.

По удивительному капризу судьбы Японія въ свое время была лишена возможности воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, когда она впервые выступила на сцену, нанеся ударъ родственной націи; теперь же, когда она побѣдила представительницу кавказской расы въ Вост. Азіи, справедливая судьба исправила то зло, которое она причинила прогрессирующей Японіи; теперь Японія, если и не стала въ самые первые ряды великихъ державъ, она все же можетъ считать себя равноправной съ ними.

Еще ни разу, съ тѣхъ поръ какъ челоѣчество записываетъ хронику войнъ, расчеты постороннихъ зрителей о силахъ и шансахъ противниковъ не были такъ грубо опрокинуты, какъ въ минувшую войну. Не смотря на всѣ похвалы, которая съ 1900 г. расточались по адресу японцевъ, никто не хотѣлъ вѣрить въ окончательный и рѣшительный ихъ успѣхъ, имѣя въ виду только однѣ цифры вооруженныхъ силъ. Напротивъ,—господствовало почти единодушное убѣжденіе всѣхъ европейскихъ державъ, съ Россіей, конечно, во главѣ, что маленькая слабая Японія можетъ достигнуть частичныхъ успѣховъ, но никто не вѣрилъ въ ея окончательную побѣду, благодаря неисчислимымъ, почти неизсякаемымъ боевымъ средствамъ Россіи. Такимъ образомъ стратеги учитывали возможность для Японіи, выражаясь ихъ собственнымъ языкомъ, быть придавленной, если не уничтоженной въ конце. Но увы, не тутъ-то было. *Карликъ Давидъ побѣдилъ великана Голиава!*

Пораженные и почти ослѣпленные блестящими успѣхами японцевъ, мы, посторонніе зрители грандіозной кровавой борьбы, задаемся вопросомъ, откуда японцы почерпнули таинственную, магическую силу, съ которой они, нанося ударъ за ударомъ, опрокинули такую могучую соперницу.

Можетъ быть японцы превосходятъ въ стратегіи и тактикѣ наши новыя европейскія арміи? можетъ быть они придумали новую стратегію и тактику или же пустили въ ходъ новыя неизпримѣнявшіяся до сихъ поръ боевыя средства? Нѣтъ, ничего подобнаго! Они не примѣнили ни новыхъ соображеній въ стратегіи, не изобрѣли новыхъ правилъ въ тактикѣ, но взявъ за образецъ нѣмцевъ, наилучшихъ стратеговъ и тактиковъ, прониклись духомъ этихъ неопровержимыхъ ученій и сумѣли ихъ примѣнить на практикѣ. Въ этомъ весь секретъ!

Пока мы можемъ утверждать, что существующія ученія тактики останутся тѣми же и впредь, въ особенности относительно боя пѣхоты. Ни русскіе, ни японцы не дали ничего новаго относительно боя вообще и пѣхоты въ особенности. Но японцы намъ показали, что эти ученія вошли у нихъ въ плоть и кровь и, перенесенныя на практику, они являются залогомъ успѣха.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что улучшеніе

качества нашихъ новѣйшихъ боевыхъ средствъ едва ли можетъ быть увеличено, такъ какъ ихъ усовершенствованіе почти достигло своего апогея и. что въ дѣлѣ магазинныхъ ружей, скорострѣльныхъ пушекъ, митральезъ, полевыхъ гаубицъ, бронированныхъ автомобилей и самодвижущихся пушекъ сказано, пожалуй, послѣднее слово, то при непрекращающейся въ этомъ направленіи конкуренціи государствъ, мы должны предположить, что будущіе противники будутъ обладать одинаковыми по качеству боевыми средствами. Въ такомъ случаѣ возникаетъ убѣжденіе, что шансы на окончательный успѣхъ, если они не лежатъ на сторонѣ превосходства боевыхъ средствъ одного изъ противниковъ, мы должны искать и найдемъ въ нѣчто иномъ,—именно въ совершенствованіи основного элемента боя—живой силы.

Нужно поэтому стремиться къ поднятію и улучшенію того матеріала, который способенъ еще къ усовершенствованію, а именно—живой силы, людей, у которыхъ умственная и нравственная сторона играетъ такую важную роль. Для достиженія желаемой цѣли намъ слѣдуетъ пойти по новому пути, какъ въ совершенствованіи живой силы, такъ и матеріальныхъ средствъ. Вопроса о второмъ факторѣ мы коснемся ниже; что же касается поднятія уровня нравственного элемента, то нужно помнить, что это было и навсегда останется однимъ изъ главныхъ требованій.

Въ этомъ отношеніи мы только тогда безъ страха можемъ смотрѣть въ будущее, если воспитаніе всего народа будетъ направлено на любовь къ военному дѣлу.

Въ школьной молодежи мы замѣчаемъ какъ бы прирожденное пристрастіе ко всему военному; съ малыхъ лѣтъ она всякимъ играмъ предпочитаетъ игру „въ солдаты“, эту склонность мы всевозможными средствами обязаны поощрять и поддерживать.

Недурнымъ средствомъ было бы въ низшихъ, городскихъ, а также среднихъ и профессиональныхъ школахъ формировать изъ учениковъ роты и батальоны.

Какъ велико значеніе на войнѣ важнѣйшаго фактора живой силы и тѣсной связи его съ подготовкой, въ обширномъ смыслѣ всего народа, видно изъ минувшей войны. Въ Россіи среди 147 мил. жителей, 100 мил., т. е. 68%, неграмотныхъ; изъ троихъ—2 не умѣютъ ни читать ни писать. Можно ли удивляться, имѣя

передъ глазами такія ясныя данныя, что въ русско-японской войнѣ болѣе сильный по числу былъ побѣжденъ болѣе слабымъ, но болѣе сильнымъ умственно.

Давно уже говорятъ о томъ, что въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимы на войнѣ такіе люди, которые въ совершенствѣ могли бы выполнить то, что отъ нихъ требуется.

Отъ солдата требуется теперь и физическая работоспособность, и умственная самостоятельность, чтобы создать изъ него хорошей боевой матеріалъ; въ теченіе короткаго срока службы въ народныхъ арміяхъ нашихъ дней, едва ли возможно воспитать въ солдатѣ все то, что требуется, въ особенности теперь, когда повсемѣстно замѣчается стремленіе еще сократить сравнительно короткое время ученія.

Служба въ полѣ предъявляетъ къ каждому въ отдѣльности требованія, граничащія съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ, безъ чего немислимо достиженіе намѣченной цѣли.

Выполнить эти требованія возможно лишь при закалываніи организма съ ранняго дѣтства, при чемъ въ послѣдующіе годы это должно дѣлаться не менѣе систематично. Единственнымъ способомъ, на который можно разсчитывать безошибочно,—это японская система *джи-джитсу*.

Она составляетъ секретъ японской „физики“ и „психики“, она является первоисточникомъ ихъ могучей силы.

Происходя изъ Китая, эта система, приблизительно 300 лѣтъ тому назадъ, была позаимствована японцами, разработана и усовершенствована на столько, что теперь считается продуктомъ Японіи и выразительницею чисто японскаго духа. Не вдаваясь въ подробности этого спорта—если не сказать особой науки—мы ограничимся только ея краткой характеристикой.

Джи-джитсу не походитъ ни на борьбу, ни на боксъ; это не гимнастика, не фехтованіе, но взвѣвъ отъ каждаго кое-что, представляетъ собою больше каждаго въ отдѣльности. Развивая равномерно всѣ части тѣла, джи-джитсу пробуждаетъ не только грубую физическую силу, но въ такой же степени и даже больше дѣлаетъ ловкимъ, находчивымъ, закаляетъ нервы и мѣшцы. Она приучаетъ къ присутствію духа, и умѣнью распознавать слабыя стороны противника, пользоваться ими и побѣждать посредствомъ собственной физической силы. При упражненіи въ джи-джитсу

приобрѣтается цѣлый рядъ самыхъ неожиданныхъ средствъ и уловокъ, которыя полезны не только солдату, но и мирному обывателю. Кромѣ того, джи-джитсу еще отличается отъ всѣхъ атлетическихъ упражненій тѣмъ, что онъ не составляетъ цѣли самъ по себѣ, а имѣетъ въ виду практическую цѣль подготовить каждаго въ отдѣльности къ бою, развивая физическое усовершенствованіе, приучая къ необходимости обладать въ высшей степени умѣньемъ владѣть собой, и держаться образа жизни, соотвѣтствующаго гигиеническимъ требованіямъ.

По приведеннымъ выше причинамъ каждый солдатъ въ Японіи, не только офицеръ, а также каждый полицейскій и стражникъ обязанъ пройти курсъ джи-джитсу.

Знаменитому мастеру и учителю этого искусства Инуэ-Санъ много лѣтъ тому назадъ удалось привить джи-джитсу въ Америкѣ. Практичные американцы, прійдя въ восторгъ отъ результатовъ джи-джитсу, обучаютъ ему свою молодежь, предназначенную для арміи и флота. Въ Лондонѣ полицейскіе и стражники обязаны тоже пройти курсъ джи-джитсу.

Такимъ образомъ, джи-джитсу, или борьба слабого противъ сильнаго, учить искусству добиться успѣха и поборотъ сильнаго и обладаетъ тѣми необычайными качествами, которыя ему приписываютъ. На практикѣ уже во время похода въ Китай въ 1900 г. японскіе войска доказали, на сколько они превосходили остальные націи въ выносливости и въ способности совершать длинные переходы. Маленькіе, желтые, но жилистые, мускулистые и нервные японскіе солдаты оставили далеко за собой всѣхъ товарищей по оружію другихъ націй, выставившихъ болѣе рослыхъ изъ самыхъ лучшихъ избранныхъ полковъ.

Нѣтъ надобности доказывать неосцѣнимое значеніе джи-джитсу для военнаго дѣла; въ Англіи и Америкѣ, гдѣ сильно развиты всѣ виды спорта, онъ очень скоро нашелъ примѣненіе.

Намъ тоже слѣдуетъ рѣшиться примѣнить это средство, цѣлесообразность котораго показалъ послѣдній опытъ войны, для достиженія усовершенствованія физическаго развитія, необходимаго каждому солдату, а особенно пѣхотинцу. Государству закономъ слѣдуетъ ввести его въ школы. Именно потому, что по принципамъ джи-джитсу болѣе слабый долженъ научиться атаковать болѣе сильнаго и побѣдить, не смотря на превосходство

силы, въ ней есть тотъ наступательный элементъ, котораго мы требуемъ отъ нашего современнаго солдата, хотя бы онъ чувствовалъ себя болѣе слабымъ, чѣмъ противникъ.

Факты подтверждаютъ, что японцы шли въ атаку, сознавая ясно численное превосходство противника. Мы не ошибемся, если припишемъ удивительные успѣхи атаки *à tou prix* упражненіямъ въ джи-джитсу. Этотъ выводъ мы основываемъ на слѣдующемъ соображеніи. Возьмемъ двухъ противниковъ, одинаково сильныхъ числомъ, ловкихъ и умѣлыхъ, находящихся въ одинаковыхъ позиціяхъ. Оба стрѣляютъ хорошо, укрыты одинаково удачно отъ выстрѣловъ противника. Если они по истеченіи многихъ часовъ, дней и недѣль не могутъ рѣшить бой посредствомъ огня, то это можетъ быть сдѣлано и должно быть достигнуто только примѣненіемъ холоднаго оружія. Въ этомъ рукопашномъ бою, какъ послѣднемъ средствѣ, физическая сила, ловкость, умѣнье и находчивость *каждою отдѣльнаго бойца* играетъ громадную роль и рѣшаетъ дѣло. Кому же не ясно, что тотъ противникъ долженъ побѣдить, чья живая сила болѣе закалена, болѣе умѣла и ловка, кто лучше дерется и бьется. Когда сошлись вплотную, нѣтъ болѣе стратегіи и тактики, есть только кулакъ!

Мы установили значеніе физическаго воспитанія въ бою, когда противники сошлись грудь съ грудью,—когда остаются ловкость и физическая сила, вмѣсто стратегіи и тактики. Если прибавимъ къ этому, что такое воспитаніе бойца достигается упражненіями въ японской системѣ *джиу-джитсу*, то понятны будутъ и успѣхи японцевъ въ минувшую войну: когда стрѣлокъ такъ мѣтко стрѣляетъ, что ни одна пуля его не пропадаетъ,—когда онъ своей лопатой прекрасно и ловко укрывается подь огнемъ противника и, сойдясь въ штыки, онъ умѣетъ, благодаря джиу-джитсу, ловко и искусно вести бой, то этимъ вполне объясняются требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ современной пѣхотѣ.

Японцы неоднократно показали свою способность повторять атаки много разъ и добиться своей цѣли черезъ груди своихъ собственныхъ труповъ. Счастливы тотъ народъ, который сумѣлъ воспитать своихъ солдатъ такъ, что они идутъ навстрѣчу смерти, преисполненные гордости и счастья, что могутъ принести свою жизнь въ жертву на алтарь отечества! Таковы именно воины

Японіи: какъ раньше „самураи“, такъ и современные солдаты Японіи въ смерти на войнѣ видятъ достойнѣйшій финалъ для жизни. Въ образѣ дѣйствій японцевъ,—какъ въ кровопролитныхъ штурмахъ укрѣпленій Портъ-Артура, такъ и въ яростныхъ атакахъ позицій во время наступленія арміи—постоянно оказывался великій импульсъ, толкавшій ихъ на подвиги, и склонность къ наступательнымъ дѣйствіямъ; и этому вполне соотвѣтствовало какъ моральное, такъ и физическое воспитаніе, которое получаетъ японскій солдатъ.

Необходимо признать, что современная пѣхота въ особенности должна состоять изъ отборнаго матеріала людей, крѣпкихъ физически, тренированныхъ въ походныхъ движеніяхъ, не знающихъ усталости. Ростъ людей не долженъ играть никакой роли, потому что отъ этого нѣсколько не зависитъ крѣпость ногъ, что для пѣхоты важнѣе всего. Это обстоятельство должно быть принято теперь во вниманіе при комплектованіи пѣхоты, которой, при современныхъ условіяхъ боя, нужны не гиганты, а борцы, атлеты и акробаты,—хотя бы и маленькаго роста. Болѣе слабые физически новобранцы должны быть—въ противоположность теперешнимъ взглядамъ—предоставлены другимъ родамъ оружія, гдѣ верхомъ или въ ѣздѣ они могутъ дѣлать свое дѣло при другихъ условіяхъ боя, но нѣ въ пѣхотѣ.

Весьма опредѣленные указанія дала намъ минувшая война и по вопросу о значеніи штыкового удара. Какъ извѣстно, сильно укрѣпленныя позиціи русскихъ на Шахѣ и подь Мукденомъ, послѣ предшествовавшаго огневого боя, въ нѣсколько дней взяты \*) были затѣмъ японцами ударомъ въ штыки. Поэтому не правы тѣ, которые утверждаютъ, что при современномъ развитіи огня штыковой бой потерялъ свое прежнее значеніе. Въ началѣ войны японцы чуждались, или не знали штыкового боя, но они все же не задумались съ теченіемъ войны, руководствуясь указаніями опыта и характеромъ противника, усвоить эту систему боя. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что при нынѣшней силѣ огня обѣ стороны стремятся зарываться въ землю, чтобы не нести потерь отъ огня, и это въ особенности достижимо для обороняющагося, который заранее располагается на позиціи; такимъ образомъ для наступающаго

\*) Нѣмецкій авторъ, очевидно, совершенно не знакомъ съ фактической стороной этихъ событій.

боя, въ концѣ концовъ, штыковой ударъ остается единственнымъ средствомъ, чтобы выбить противника и овладѣть его позиціей. Разумѣется, этому удару предшествуетъ подготовка огнемъ. Какъ долго должна продолжаться такая подготовка—сказать трудно: опытъ минувшей войны указалъ, что такая подготовка можетъ продолжаться не минуты и часы, какъ въ прежнія войны, а—дни, недѣли и даже мѣсяцы.

То положеніе, которое русскія и японскія войска заняли на Шахъ послѣ продолжительнаго сраженія въ сентябрѣ и октябрѣ, является типичнѣйшимъ для будущихъ войнъ. Не желая перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, по разнымъ соображеніямъ, обѣ стороны, принявъ оборонительный образъ дѣйствій, стали укрѣплять свои позиціи, возводить укрѣпленія, искусственныя препятствія, умножая и улучшая ихъ количественно и качественно. Въ такомъ видѣ обѣ арміи въ близкомъ сосѣдствѣ простояли другъ противъ друга нѣсколько мѣсяцевъ.

Это обстоятельство указываетъ на важное значеніе въ будущей войнѣ шанцеваго инструмента и умѣнья укрѣплять свою позицію. Необходимо, чтобы каждый солдатъ обязательно снабженъ былъ лопатой, а упражненія по самоокапыванію должно вести въ мирное время такъ, чтобы въ солдатѣ само собою укрѣплялось убѣжденіе въ необходимости этого дѣла какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи. Въ японской арміи это сознаю давно: тамъ каждая рота имѣетъ при себѣ 68 лопатъ, 17 мотыгъ, 8 топоровъ и 5 кирокъ—все съ удобными для носки короткими черенками; кромѣ того, за каждымъ баталіономъ на выючныхъ животныхъ, или подвижныхъ двухколесныхъ тележкахъ, или на корейскихъ кули слѣдуетъ еще шанцевой инструментъ въ четверномъ количествѣ противъ указанного сейчасъ для роты, а за полкомъ—въ видѣ резерва—тройное количество противъ баталіоннаго запаса. Помимо того, что всѣ люди роты всегда тщательно упражняются въ самоокапываніи и знакомы съ дѣломъ укрѣпленія позицій—въ каждомъ полку имѣются еще офицеры и нижніе чины, специально изучавшіе это дѣло въ соотвѣствующихъ школахъ. Японцы постигли, что боевая пѣхота должна теперь не только обладать всѣми техническими усовершенствованіями, но и умѣть пользоваться ими безъ посторонней помощи.

Точно такъ же въ войнѣ будущаго видную роль будутъ играть и техническія усовершенствованія другого рода. Моторы и автомобили для боевыхъ цѣлей и вспомогательнаго назначенія найдутъ себѣ широкое примѣненіе; сигнализация оптическая и акустическая, телеграфы и телефоны, моторы и воздушные шары—все это явится необходимой принадлежностью въ бою для службы связи и иныхъ цѣлей, такъ же какъ и теперь—съ той лишь разницей, что въ будущемъ, пожалуй, придется портативнымъ телефономъ снабдить чуть ли не каждое отдѣленіе въ ротѣ. Понятно, напримѣръ, значеніе фотографіи при развѣдкахъ, поэтому придется, пожалуй, имѣть въ каждой ротѣ нѣсколько портативныхъ фотографическихъ аппаратовъ.

Главнымъ требованіемъ, которое должно быть предъявлено пѣхотѣ, это—искусство стрѣльбы и все, что такъ или иначе связано съ этой отраслью военнаго дѣла. Необходимо нижнимъ чинамъ не разрѣшать никакихъ отпусковъ во время ихъ состоянія на службѣ, пока они не достигли извѣстнаго совершенства въ стрѣльбѣ; надо снабдить каждаго стрѣлка дальномѣромъ и биноклемъ. Государство должно принять мѣры для развитія стрѣлковыхъ обществъ и союзовъ, устройства тировъ и разныхъ другихъ упражненій, для того, чтобы состоящіе въ резервѣ время отъ времени упражнялись въ стрѣльбѣ.

Въ войнѣ будущаго важное значеніе будутъ имѣть дѣйствія ночью, къ которымъ такъ часто прибѣгали японцы въ минувшую войну въ собственности тамъ, гдѣ встрѣчали упорное сопротивленіе днемъ; поэтому они обыкновенно днемъ продвигались впередъ, сколько возможно было, затѣмъ съ наступленіемъ темноты приближались до дистанціи дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла, въ теченіи ночи окапывались, а съ разсвѣтомъ открывали убійственный огонь, которымъ старались выбить противника; если это не помогало, то, дождавшись слѣдующей ночи, придвигались къ позиціи еще ближе, и т. д. Для этой цѣли японцы часто имѣли съ собою мѣшки, которые наполнялись землею на мѣстѣ, или приносились наполненными землей, когда это требовалось условіями грунта; изъ такихъ земляныхъ мѣшковъ они чрезвычайно быстро и искусно устраивали себѣ закрытія, благодаря тому, что такія упражненія часто дѣлались въ мирное время.

Рядомъ съ значеніемъ огневого и штыкового боя въ наше время приобретаетъ исключительное значеніе подвижность и маневренная способность пѣхоты. Всѣ войсковые начальники должны быть убѣждены въ томъ, что, когда обстоятельства потребуютъ, командуемая ими пѣхота всегда поспѣетъ куда нужно. Значеніе этого фактора видно уже теперь въ народненіи новаго рода оружія — „ѣздящей пѣхоты“, или пѣхоты, посаженной на коней. Все это вытекаетъ изъ общаго значенія пѣхоты и силы современного огня: когда требуется быстро проявить въ извѣстномъ пунктѣ огневую силу, то безразлично какимъ путемъ это будетъ достигнуто — спѣшенной кавалеріей, или ѣздящей пѣхотой, на коняхъ или автомобиляхъ, или быстрыми переходами цѣлыхъ полковъ и баталіоновъ. Все это вопросъ только денегъ; но важно, чтобы пѣхота — эта царица всѣхъ родовъ оружія — при нынѣшнихъ условіяхъ боя могла бы во всѣхъ случаяхъ быть увѣрена въ самой себѣ, что — когда обстоятельства потребуютъ — она разовьетъ наибольшую подвижность и маневренную способность, какія только достижимы въ предѣлахъ возможнаго.

Изъ всего сказаннаго ясно, что русско-японская война весьма богата цѣнными указаніями, которыми мы должны воспользоваться немедленно. Не будемъ убаюкивать себя Гаагскими конференціями и другими выпренными стремленіями идеалистовъ. Пока люди созданы изъ крови и нервовъ, они будутъ неминуемо драться и воевать, и война какъ была, такъ еще долго будетъ служить этапомъ для совершенствованія нашей культуры, хотя — къ несчастью, совершенство это требуетъ жертвъ искупительныхъ. Поэтому должно постоянно помнить девизъ — *ка оружію!* и безъ усталости готовиться къ войнѣ.

## 5. Подготовка унтеръ-офицеровъ.

Несомнѣнно, унтеръ-офицерскій вопросъ одинъ изъ наиболее важныхъ въ нашей армии, нерѣшенный понынѣ, не смотря на все вниманіе и значительныя жертвы, которыя на этотъ предметъ удѣляются военнымъ министерствомъ.

При слабомъ развитіи грамотности въ нашихъ войскахъ, при ограниченномъ умственномъ кругозорѣ главной массы на-

селенія, изъ которой комплектуется армія — подготовка хорошихъ унтеръ-офицеровъ у насъ всегда была большимъ мѣствомъ, съ тѣхъ поръ, какъ послѣ введенія всеобщей воинской повинности стали примѣняться сокращенные сроки службы. Послѣ же введенія 3-лѣтняго срока дѣйствительной службы этотъ хроническій вопросъ, конечно, снова обострился, и мы стоимъ теперь лицомъ къ лицу съ все еще не уложеннымъ какъ слѣдуетъ краеугольнымъ камнемъ основной задачи, улучшения команднаго состава\*, провозглашенной послѣ минувшей войны. Какой толкъ, въ самомъ дѣлѣ, отъ наилучшей тактической подготовки ротнаго командира, когда ближайшіе помощники и исполнители его распоряженій понимаютъ и знаютъ не больше заурядныхъ рядовыхъ и сами на каждомъ шагу нуждаются въ поводахъ и указкѣ?

Нельзя сказать, чтобы у насъ удѣлялось недостаточно вниманія этому вопросу. Напротивъ, въ военномъ министерствѣ прилагаются усиленныя заботы къ образованію хорошаго кадра унтеръ-офицеровъ, и для этого щедрой рукой дѣлаются весьма солидныя денежныя затраты. Такъ, согласно основнымъ положеніямъ, отъ 6-го декабря 1905 года, установлены новыя широкія нормы довольствія сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ; затѣмъ, приказомъ по военному вѣдомству 1907 года за № 410, введена замѣна деньгами той части натуральнаго довольствія, которая является добавкою къ общимъ нормамъ довольствія нижнихъ чиновъ срочной службы. Въ результатъ, эта замѣна по провіантскому, приварочному, чайному и вещевому довольствію даетъ унтеръ-офицерамъ добавочный отпускъ жалованья въ размѣрѣ не менѣе 102 рублей въ годъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ строевые сверхсрочные унтеръ-офицеры получаютъ:

	Фельдф.	Унт.-оф.
Въ 1 и 2 годы по . . . . .	354	330 р.
„ 3, 4 и 5 годы по . . . . .	414	390 р.
„ 6-й и послѣдующіе . . . . .	474	450 р.

Къ этимъ окладамъ надо прибавить упомянутый выше добавочный отпускъ въ 102 рубля, да еще квартирное довольствіе, которое отводится натурою; — такъ что сверхсрочному унтеръ-офицеру не приходится приплачивать при наймѣ квартиры, какъ огромному большинству офицеровъ, или въ размѣрѣ половины

квартирного оклада, установленного для младших офицеров. Наконец, еще существуют единовременные денежные пособия: послѣ двухъ лѣтъ сверхсрочной службы по 150 рублей, а послѣ десяти лѣтъ сверхсрочной службы по 1000 рублей и, наконец, особая должности по разнымъ вѣдомствамъ по истечении 10—15 лѣтъ сверхсрочной службы съ окладами до 1083 рублей въ годъ, предоставляемая теперь подпрапорщикамъ.

Все это вмѣстѣ взятое даетъ въ общемъ выводъ для сверхсрочнаго унтеръ-офицера послѣ 6—7 лѣтъ службы не менѣе 50 рублей въ мѣсяцъ жалованья, при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи, пищѣ, одеждѣ, прислугѣ и разныхъ другихъ льготахъ. Если взять во вниманіе сложившіяся у насъ условія быта офицера и унтеръ-офицера, сравнительную обстановку ихъ жизни и проч., то нельзя будетъ не признать, что въ матеріальномъ отношеніи сверхсрочнослужащіе унтеръ-офицеры обставлены на службѣ безусловно лучше, чѣмъ младшіе офицеры.

Но что же, имѣемъ ли мы хорошихъ унтеръ-офицеровъ взаменъ такихъ щедрыхъ затратъ? Кажется, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы не услышимъ двухъ мнѣній. За рѣдкимъ исключеніемъ ротный командиръ довольствуется своими сверхсрочными унтеръ-офицерами только скрѣпя сердце, — по пословицѣ „на безрыбьи и ракъ рыба“. Въ чемъ же причина неудовлетворительности рѣшенія этого вопроса?

Намъ кажется, что тутъ корень зла кроется въ организаціи подготовки кадра унтеръ-офицеровъ, въ самой постановкѣ этого вопроса, — въ оцѣнкѣ того матеріала, изъ котораго мы въ настоящее время выводимъ фундаментъ нашего команднаго состава. Если вникнуть въ суть дѣла, то не трудно убѣдиться, что подготовка унтеръ-офицерскаго кадра сложилась у насъ вполне хаотическимъ образомъ, безъ всякой системы или какой-нибудь руководящей идеи. Въ прежнее время, когда солдатъ служилъ десятки лѣтъ, когда вся его внутренняя и внѣшняя жизнь, до преклонныхъ лѣтъ, вращалась исключительно около военной службы, унтеръ-офицеры формировались сами собой, благодаря надежной воинской закваскѣ, которая таилась въ самомъ солдатѣ; о подготовкѣ унтеръ-офицеровъ не надо было думать вовсе. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны усложнялась солдатская наука, а съ другой стороны

сокращались сроки дѣйствительной службы, все болѣе и болѣе стала обрисовываться острота унтеръ-офицерскаго вопроса. Стали вопить отовсюду — нѣтъ унтеръ-офицеровъ. Долго отмахивались отъ этого вопроса, какъ отъ надѣлливой мухи, а затѣмъ рѣшили просто, не мудрствуя лукаво: „солдатъ получаетъ копѣйку въ день? — дать унтеру *два*, и у насъ будутъ сверхсрочные унтеръ-офицеры“. Дали по второй копѣйкѣ. Но вопли о недостаткѣ унтеръ-офицеровъ не прекращаются. „Ну, — прибавить имъ еще по копѣйкѣ“, рѣшило начальство, „авось позарятся“ ...

Такимъ образомъ, копѣйку за копѣйкой понабавили цѣлый ворохъ, но все же нашъ кадръ унтеръ-офицеровъ заключаетъ въ себѣ одну труху. Обратитесь къ основной ячѣйкѣ, изъ которой слагается этотъ кадръ и убѣдитесь, что ничего иного и получиться не можетъ. Дѣйствительно, согласно дѣйствующей у насъ инструкции узѣднымъ воинскимъ начальникамъ, въ армию попадаетъ лишь худшая часть ежегоднаго призывнаго контингента: сначала отбираютъ все лучшее въ гвардію, болѣе сильныхъ и грамотныхъ въ артиллерію, остатокъ грамотныхъ и ремесленниковъ въ специальные роды оружія, болѣе смѣтливыхъ и проворныхъ въ стрѣлки и т. д., а затѣмъ уже то, что осталось послѣ такого выбора, отдается пѣхотѣ, т. е. „самому ядру армии“. По прибытіи въ роту этихъ убогихъ остатковъ начинается новое хищничество: разбираются по командамъ тѣ жалкія годныя крупницы, которыя дошли до полка; такъ что въ концѣ концовъ, въ ротахъ, въ общей массѣ, остается довольно убогій физически и умственно составъ.

Изъ такого матеріала трудно получить хорошихъ унтеръ-офицеровъ, ихъ никогда не будетъ, хотя бы продолжали улучшать ихъ матеріальное положеніе до безконечности, потому что при нынѣшнихъ 3-лѣтнихъ срокахъ службы нѣтъ физической возможности подготовить дѣльнаго, знающаго унтеръ-офицера даже изъ сноснаго новобранца, а подавать это немислимо изъ того элемента, которымъ пополняются учебныя команды.

Между тѣмъ, при тѣхъ расходахъ, которые въ настоящее время нашъ военный бюджетъ несетъ на содержаніе унтеръ-офицерскаго кадра, военное министерство можетъ и должно получить удовлетворительныхъ унтеръ-офицеровъ. Россія не Америка или Англія: *пятьдесятъ* рублей жалованья на семь гото-

вомъ, да еще обезпеченная старость хорошими спокойными мѣстами съ окладами до 1083 рублей въ годъ, кромѣ 96 рублей пенсїи,—это такая приманка, которая не можетъ не привлекать порядочныя силы въ унтеръ-офицерскія кадры. Посмотрите, какое перепроизводство интеллигентныхъ силъ мы замѣчаемъ всюду. Не считая столицъ, мы видимъ, что въ провинціи, гдѣ расположена главная масса войскъ, съ аттестатами зрѣлости годами дожидаются и считаютъ за счастье получить мѣсто съ окладомъ въ 30—40 рублей въ мѣсяцъ. Почему на унтеръ-офицерскихъ мѣстахъ, такъ хорошо обезпеченныхъ, армія такъ покорно довольствуется второсортнымъ матеріаломъ, несмотря на непрекращающіяся жалобы на совершенное несоотвѣтствіе унтеръ-офицеровъ своему назначенію?

Ясно, что корень зла кроется въ самой организаціи дѣла подготовки унтеръ-офицеровъ. Намъ кажется, что для комплектованія корпуса унтеръ-офицеровъ слѣдуетъ создать особый типъ военнотруженика, который долженъ представлять собою среднее между солдатомъ и офицеромъ; для этого онъ долженъ, съ одной стороны, быть родственнымъ солдату по условіямъ службы и быта, а съ другой стороны—приближаться къ офицеру по своимъ познаніямъ.

Съ этой цѣлью необходимо прежде всего при разбѣлкѣ новобранцевъ отмѣнить узаконенное расхищеніе всѣхъ хорошо грамотныхъ по специальнымъ родамъ оружія, въ особенности окончившихъ элементарныя учебныя заведенія, а смотрѣть на эту категорію новобранцевъ, какъ на контингенты для комплектованія унтеръ-офицеровъ. Затѣмъ, реорганизовать кореннымъ образомъ полковыя учебныя команды, обративъ ихъ въ унтеръ-офицерскія школы съ расширенными программами. Въ школы должны приниматься, какъ новобранцы, обладающіе извѣстной научной подготовкой и желающіе на опредѣленныхъ условіяхъ посвятить себя службѣ унтеръ-офицерами, такъ и со стороны, неподлежащія призыву къ отбыванію воинской повинности.

Мы намѣчаемъ эту мысль въ общихъ чертахъ, не вдаваясь въ подробности.

Намъ кажется, что настоящая минута для этой реформы представляется вполне благоприятной. Предпринимается въ обширныхъ размѣрахъ опытъ хозяйственной реформы въ арміи;

говорять о необходимости освобожденія войскъ отъ хозяйственныхъ заботъ, чтобы заниматься только строевымъ дѣломъ. Что можетъ быть ближе сердцу строевыхъ начальниковъ, какъ подготовка для себя унтеръ-офицеровъ! Поэтому представляется вполне умѣстнымъ соединить опытъ хозяйственной реформы съ дѣломъ подготовки унтеръ-офицеровъ на новыхъ началахъ; съ этой цѣлью слѣдуетъ выработать основы реорганизаціи комплектованія корпуса унтеръ-офицеровъ и произвести одновременно соотвѣтствующій опытъ въ тѣхъ же частяхъ войскъ, въ которыхъ производится опытъ и съ хозяйственной реформой.

## 6. Подготовка офицеровъ.

### I.

Понинѣ, какъ и прежде, остается неразрѣшеннымъ вопросъ о необходимости ввести въ подготовку офицеровъ предварительную выслугу въ солдатскихъ рядахъ.

Удивительно, какъ эта важная сторона военной науки у насъ совершенно забыта. Огромное большинство нашихъ офицеровъ является послѣ производства съ первымъ визитомъ въ казарму, никогда не видавъ раньше въ жизни какъ живетъ и служить солдатъ, что онъ ѣстъ, какъ и чему учится, не говоря уже про то, чтобы имѣть какое-нибудь представленіе о внутреннемъ міровоззрѣніи солдата, о его взглядахъ, вкусахъ и т. п. А между тѣмъ эти офицерскія птенцы въ новенькихъ погонахъ являются съ первыхъ же шаговъ въ роли начальниковъ и руководителей, призванныхъ наставлять невѣдомыхъ имъ людей въ еще менѣе вѣдомой имъ жизни. Надо ли доказывать, что никогда военные рассказы изъ солдатскаго быта, хотя бы очень талантливо написанные, не могутъ пополнить этотъ пробѣлъ въ подготовкѣ офицера. Чтобы имѣть хотя бы элементарное понятіе о военномъ дѣлѣ, нельзя не знать его основного атома—солдата, и прежде чѣмъ быть офицеромъ надо, хоть сколько-нибудь, побывать въ солдатской шкурѣ, пожить съ солдатомъ одной жизнью, т. е. не только поносить сѣрую шинель съ юнкерскими погонями, но пожить среди солдатъ.

Если эта наука не будетъ узнана готовящимися въ офи-

церы до того времени, какъ они одѣнуть офицерскіе погоны, то *послѣ* они этого уже никогда не постигнуть. Всѣ мы знаемъ, что въ силу дисциплины солдатъ въ присутствіи офицера говорить не такъ, стоить не такъ, поворачивается не такъ,—словомъ во всемъ, даже въ обращеніи съ другимъ солдатомъ или съ посторонними, солдатъ держитъ себя не такъ, какъ онъ это дѣлаетъ, когда предоставленъ самому себѣ. Мы должны признать непреборимую силу вещей: какъ только мы облакемся въ офицерскіе погоны, между нами и солдатомъ ложится густая завѣса, скрывающая отъ насъ всю—настоящую, а не казовую—жизнедѣятельность солдата. Многіе ли изъ насъ такіе тонкіе психологи, чтобы могли свободно пробраться въ самое нутро солдатскаго міровоззрѣнія черезъ непроницаемыя переборки въ видѣ „такъ-точно“, „никакъ-нѣтъ“. Стоить подслушать иногда солдата со стороны и невзначай, чтобы убѣдиться, до какой степени это для насъ чуждый человѣкъ и по разговору, и по взглядамъ, и отчасти даже по складу мысли, такъ какъ въ присутствіи офицера и мысль солдата скована дисциплиной. Бываетъ, правда, что и офицеру удается иногда стать близко, вплотную, къ солдату, сродниться съ его душой, чувствовать его сердцемъ; но это даръ Божій, который дается немногимъ. Недаромъ военная исторія знаетъ такихъ феноменовъ въ видѣ рѣдкихъ исключеній. А между тѣмъ, развѣ знать солдата—т. е. сущую основу всего нашего военного дѣла,—развѣ это уже такая бездѣлица?...

Но если изученіе солдата представляетъ собою для офицера науку почти недосягаемую, то необходимо поставить дѣло такъ, чтобы онъ сколько-нибудь ознакомился своевременно съ этимъ „предметомъ“; а это возможно только тогда, когда для производства въ офицеры будетъ требоваться извѣстный цензъ предварительной выслуги въ строю и жизни въ казармѣ въ нижнемъ званіи. Когда, прежде чѣмъ стать офицеромъ, молодой человѣкъ сначала поживетъ подъ однимъ кровомъ съ солдатомъ, будетъ дышать однимъ воздухомъ, ѣсть изъ одной миски и шагать рядомъ въ походѣ, то тутъ не потребуется для изученія солдата глубокой наблюдательности, или тонкаго анализа окружающей жизни; тутъ само собою, цѣликомъ, претворяешься въ общемъ горнилѣ солдатскаго житья-бытья и затѣмъ впоследствии, будучи офицеромъ, безъ лишнихъ словъ,—не по книжкѣ, а соб-

ственнымъ опытомъ—угадаешь, когда солдатъ усталъ, какъ ему удобнѣе, что ему вкусно и т. п. Намъ кажется, что по этому важному вопросу не можетъ быть двухъ мнѣній, и если онъ до сихъ поръ забыть, то только въ силу нашей дворянской вольности: не въ примѣръ пріятнѣе одѣть сразу офицерскіе погоны и обойтись, по возможности, безъ необходимости жить въ казармахъ, питаться подлинными солдатскими щами и т. п.

Нельзя пренебрегать и строевой подготовкой, которая дается только въ солдатскихъ рядахъ. Необходимо помнить, что въ глазахъ солдата авторитетъ офицера измѣряется не программами по логарифмамъ и тригонометри, а твердостью тѣхъ именно познаній, который составляютъ солдатскую науку, и для которой каждый офицеръ обязанъ во всякое время явиться профессоромъ. Многимъ офицерамъ, не стоявшимъ въ нижнемъ званіи въ солдатскихъ рядахъ, памятно, вѣроятно, жгучія минуты, пережитыя ими во время первыхъ шаговъ строевой офицерской службы, когда, подходя къ строю, не знаешь, какъ подойти, какъ стать, какъ держать себя съ этой массой людей, съ которой сталкиваешься впервые. Жаль, что и въ этомъ случаѣ мы отступили отъ завѣтовъ старины: когда-то Суворовъ въ свое время добровольство выстаивалъ на часахъ, и въ солдатской шинели проводилъ не на шутку всю нелегкую въ то время муштру солдатскую вмѣстѣ со всѣми нижними чинами. Многіе ли, напримѣръ, изъ членовъ комиссій, обсуждающихъ разные вопросы объ упрощеніяхъ въ караульной службѣ, стояли когда-нибудь сами на часахъ? А вѣдь, когда возникаетъ вопросъ, напримѣръ, о смѣнѣ часовыхъ черезъ такіе или иные промежутки времени и тому подобнымъ упрощеніямъ, то путемъ умозрительнымъ, трудно, конечно, прийти къ правильному рѣшенію; но мы всегда въ состояніи будемъ судить объ этомъ вопросѣ съ большей увѣренностью, если въ свое время сами доподлинно стояли на разныхъ постахъ, при разныхъ условіяхъ. И такъ во всемъ.

Обращаясь къ контингенту офицеровъ, поставляемыхъ нашими кадетскими корпусами, нельзя не признать, что они являются въ войска офицерами, т. е. готовыми наставниками солдатъ въ жизни, не будучи сами знакомы не только съ солдатской жизнью, но и безъ всякаго житейскаго опыта вообще. Откуда имъ знать жизнь, которую они видятъ впервые только облачив-

шись въ офицерскіе мундиры? А, казалось бы, чтобы быть руководителемъ массы, и въ мирное время, и въ бою, требуется хоть какая нибудь житейская школа и знаніе людей. У насъ давно признано неоспоримой истиной, что наши женскіе институты выпускаютъ своихъ питомицъ въ видѣ „наивныхъ институтокъ“, мало подготовленныхъ къ жизни. А чѣмъ наши закрытыя военно-учебныя заведенія отличаются въ этомъ отношеніи отъ институтовъ? Разница лишь въ томъ, что институтка впоследствии шагаетъ въ жизни подъ крылышкомъ папаша или мужа, а юные офицеры призваны сразу стать учителями и наставниками взрослыхъ людей, иногда гораздо болѣе ихъ умудренныхъ опытомъ и знаніемъ жизни.

А въ служба наша, въ концѣ концовъ, сколокъ все той же жизни...

У насъ существуетъ теперь принципъ строеваго ценза, который требуется и отъ офицеровъ генеральнаго штаба, и при назначеніи на разныя должности и т. п. А забыли самое главное,—выдержать въ этомъ „строевомъ разсолѣ“ основную ячейку офицерскаго кадра. Безъ этой первоосновы всѣ прочіе строевыя цензы представляютъ собою зданіе на пескѣ,—ничего больше.

## II.

Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ первостепенной важности о комплектованіи офицерскаго состава и прохожденіи службы въ настоящее время какъ будто совершенно заглохъ. Поднятый три года тому назадъ много нашумѣвшей комиссіей генераль-адъютанта Зарубаева этотъ вопросъ встряхивался и рассматривался со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, а затѣмъ... такъ и бросили опять въ общую кучку накопившихся у насъ вопросовъ. Тѣмъ временемъ неожиданно извлеченъ былъ наружу другой вопросъ—объ улучшеніи матеріальнаго состоянія офицеровъ, который быстро поставленъ былъ на практическую почву; тогда какъ о необходимости урегулировать сложное дѣло комплектованія корпуса офицеровъ и упорядоченія прохожденія офицерской службы, повидимому, у насъ начинаютъ забывать совсѣмъ.

Это видно изъ объявленныхъ въ послѣдніе годы новыхъ законоположеній, касающихся прохожденія курса и правъ по вы-

пуску изъ прежнихъ юнкерскихъ, нынѣ военныхъ училищъ. Исходя изъ замѣченнаго въ послѣдніе годы значительнаго притока молодыхъ людей въ юнкерскія училища, превышающаго установленную норму ежегоднаго пополненія, наше военное министерство рѣшило повысить требованія въ научной подготовкѣ для поступающихъ въ училища. Новыя измѣненія въ составѣ курса приемныхъ требованій и правъ по выпуску изъ юнкерскихъ училищъ были объявлены приказомъ по военному вѣдомству за № 665 въ самомъ концѣ 1907 года—почти одновременно съ послѣдовавшимъ рѣшеніемъ о необходимости увеличить офицерское содержаніе. И это совпаденіе не случайное: цѣлый рядъ мѣропріятій по военному вѣдомству, какъ и приведенныя сейчасъ, сами по себѣ безусловно важныя законоположенія по измѣненію комплектованія юнкерскихъ училищъ и улучшенію быта офицеровъ, все затрогиваютъ лишь внѣшнюю сторону офицерскаго вопроса, робко обходя самыя основы комплектованія корпуса офицеровъ, принципиальную постановку этого важнаго государственнаго дѣла.

Когда въ нашей арміи и во флотѣ проявились печальная вспышки революціоннаго характера, со всѣхъ сторонъ раздалась единодушная и вполне обоснованная указанія, что причины этихъ болѣзненныхъ симптомовъ кроются въ отчужденности офицеровъ отъ солдатъ; вѣрность этихъ заключеній подтверждалась безспорными фактами: что размѣры безпорядковъ въ войскахъ были прямо пропорціональны степени отчужденности солдатъ и офицеровъ, и проявились поэтому особенно широко во флотѣ, гдѣ, какъ извѣстно, эта отчужденность проявляется особенно замѣтно. Поэтому отовсюду слѣдовали указанія и совѣты офицерамъ *стать ближе къ солдату*. Эта необходимость указана была и Верховнымъ Вождемъ нашей арміи. Но до сихъ поръ въ этомъ направленіи у насъ еще не сдѣлано ни шагу для осуществленія этого сближенія.

Для того, чтобы офицеръ дѣйствительно сталъ ближе къ солдату, чтобы они вездѣ и всюду понимали другъ друга, необходимо, чтобы офицеры *вождались изъ нѣдръ солдатскихъ*, чтобы „каждый солдатъ носилъ въ своемъ ранцѣ фельдмаршальскій жезлъ“. Это идеальное требованіе, осуществлявшееся въ первобытныя времена, при дѣвственной простотѣ военнаго дѣла—не-

примѣнимо, конечно, въ наше время, по многимъ причинамъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что это основное требованіе должно оставаться неприкосновеннымъ подъ стекляннмъ колпакомъ, въ видѣ чистой теории, безъ всякаго примѣненія на практикѣ.

И мы дѣйствительно видимъ, что во всѣхъ правильно организованныхъ арміяхъ этотъ основной принципъ примѣняется въ большей или меньшей степени: вездѣ для достиженія офицерскаго званія установлены извѣстные сроки предварительной выслуги въ рядахъ солдатъ; въ нѣкоторыхъ арміяхъ это сближеніе съ солдатомъ проводится до поступленія въ военныя училища, въ иныхъ—во время пребыванія въ школѣ, въ другихъ—передъ производствомъ въ офицеры; но, такъ или иначе, требованіе это осуществляется въ той или иной формѣ; во французской арміи недавно представленъ былъ въ палату депутатовъ разработанный законопроектъ, въ силу котораго для производства въ офицеры воспитанниковъ военныхъ школъ будетъ установлена предварительная выслуга въ рядахъ солдатъ въ теченіе *двухъ лѣтъ*.

До 1874 года, т. е. до введенія всеобщей воинской повинности, корпусъ офицеровъ комплектовался у насъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, все же изъ нѣдръ солдатскихъ, хотя и привилегированныхъ по рожденію, потому что въ офицеры производились юнкера только послѣ выслуги извѣстныхъ сроковъ въ рядовомъ званіи. Отъ 1874 до 1901 года у насъ все также оставалось неизмѣннымъ основное требованіе для производства въ офицеры предварительной выслуги извѣстнаго времени въ солдатскихъ рядахъ. Наконецъ, въ 1901 году у насъ открыты были доступъ въ военныя училища *со стороны*; и такимъ образомъ въ настоящее время въ офицеры попадаютъ молодые люди, никогда не побывавшіе въ солдатскихъ рядахъ, имѣющіе слабое понятіе о возрѣніяхъ солдата, его житьѣ-бытьѣ, потребностяхъ и нуждахъ. Въ противоположность прежнему порядку офицеры, призванные быть руководителями солдата, рождаются не въ солдатскихъ рядахъ, а выращаются искусственнымъ образомъ въ школьныхъ тепличкахъ. Весьма естественно, что такіе руководители столь же чужды солдатамъ, какъ искусственные брилліанты и рубины чужды тѣмъ породамъ, въ которыхъ кристаллизируются эти подлинныя драгоцѣнные камни. Сколько тутъ ни проповѣдывать офицерамъ стать ближе къ солдату, какъ близко-

они ни подошли бы другъ къ другу, они все же останутся чуждыми между собою.

Необходимо во главѣ офицерскаго вопроса воскresить забытое у насъ въ послѣдніе годы основное правило, что для производства въ офицеры требуется обязательно предварительная выслуга извѣстнаго срока въ рядахъ солдатъ. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ то самое время, когда у насъ открыты были доступъ въ военныя училища „со стороны“—когда гимназисты, реалисты, студенты и семинаристы дѣлались сразу офицерами и становились въ роли руководителей солдата—въ это самое время установлено было обязательное требованіе, что студенты медико-хирургической академіи должны непременно отбывать лагерный сборъ въ полкахъ... Чтобы стать лекаремъ, имѣющимъ дѣло въ войскахъ съ тѣми же болѣзнями, которыя свойственны всему человѣческому роду, надо знать науку солдатскую и знакомиться съ солдатскимъ бытомъ, а чтобы стать офицеромъ, т. е. быть начальникомъ, инструкторомъ и воспитателемъ солдата—это признается совершенно лишнимъ!

Въ свое время, среди многихъ другихъ, этого вопроса коснулась также и комиссія ген.-адъют. Зарубаева, которая, какъ сказано выше, оплела его со всѣхъ сторонъ кудреватыми словопреніями, а затѣмъ сдала его въ общую братскую могилу, прикрывъ цѣлымъ ворохомъ витѣватыхъ протоколовъ. Но если мы пожелаемъ не на словахъ только, а на дѣлѣ рѣшить этотъ важный вопросъ, если мы дѣйствительно признаемъ необходимымъ сроднить офицера съ солдатомъ, надо соотвѣтственно вести и подготовку офицера. Эта важная сторона вопроса упорно оставляется безъ вниманія во всѣхъ пересмотрѣнныхъ послѣ 1901 года законоположеніяхъ, касающихся подготовки офицеровъ. Въ послѣднемъ приказѣ по военному вѣдомству, устанавливающимъ новыя измѣненія въ программахъ военныхъ училищъ, опять нѣтъ ни звука о самомъ корнѣ этого вопроса. Между тѣмъ, руководящая мысль, кототорая была положена въ основу реорганизации юнкерскихъ училищъ, заключалась въ томъ, чтобы „*приблизить преподаваемыя въ училищахъ знанія къ войсковой жизни*“.

Да приблизьте людей другъ къ другу, вмѣсто того, чтобы приближать знанія! Неужели мы стали бы ближе къ жителямъ

Марса, хотя бы из книжек знали въ совершенствѣ, какъ они тамъ живутъ? Если эта истина была забыта въ 1901 году, когда начата была реорганизация юнкерскихъ училищъ, то пора объ этомъ вспомнить теперь, послѣ того, какъ печальныя событія минувшихъ лѣтъ напомнили намъ жестокимъ образомъ о взаимной отчужденности офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

### III.

Скажутъ, пожалуй, что нынче солдатъ не тотъ. Пренный солдатъ, при 12—15 лѣтней службѣ, крѣпко сживался какъ со своимъ мѣстомъ въ ротѣ, такъ и съ офицерами роты,—въ противоположность нынѣшнему солдату, который, при 2-хъ—3-хъ лѣтней службѣ, смотритъ на роту какъ на почтовую станцію. Но именно потому, что при нынѣшнихъ короткихъ срокахъ службы подъ знаменами армія являетъ собою нѣчто вѣчно преходящее и перемѣнчивое, необходимо создать въ ней такой кадръ, который таилъ бы въ нѣдрахъ своихъ подлинную душу солдатскую, чѣмъ жива и дѣйствуетъ армія въ мирное и военное время, чтобы при первомъ вступленіи новобранца въ роту онъ видѣлъ въ офицерѣ родного и близкаго служебнаго товарища, дѣлающаго свои первые шаги по службѣ не иначе, какъ рядомъ съ солдатомъ,—что единственное мѣсто, гдѣ выковываются офицеры и начальники,—это въ горниль самой солдатской службы.

Такова моральная сторона дѣла—нравственная спайка,—которая обусловливается первыми шагами совмѣстной службы офицера и солдата. Но не менѣе важна и практическая сторона вопроса—познать солдатскую науку не изъ умныхъ книжекъ, а по собственному опыту. Надо удивляться, какъ далеко мы отстали въ этомъ отношеніи отъ офицерской подготовки, существовавшей у насъ 100—150 лѣтъ тому назадъ.

Теперь все это считается совершенно излишнимъ. Согласно установившейся системѣ подготовки офицеровъ командиры и начальники надъ нижними чинами вырабатываются въ настоящее время въ учебныхъ заведеніяхъ, по особымъ программамъ, гдѣ предусматривно все, что имѣетъ хотя бы отдаленное отношеніе къ военному дѣлу, но гдѣ нѣтъ ни той обстановки, среди которой предстоитъ примѣнять свои познанія—да и самому жить и служить,—ни самого солдата, т. е. именно того матеріала,

надъ которымъ предстоитъ работать. Вѣдь нѣтъ той страницы въ многочисленныхъ учебникахъ, которыми набиваютъ головы нынѣшнихъ юнкеровъ, гдѣ не говорилось бы объ арміи и солдатахъ, а между тѣмъ огромное большинство юнкеровъ, если не всѣ, видятъ армію и солдата впервые лишь тогда, когда одѣваютъ офицерскіе погоны, т. е. являются уже въ роли патентованныхъ руководителей и начальниковъ. Призванные быть ответственными наставниками они сами должны начинать только присматриваться и учиться.

Хуже всего то, что значительную часть всѣхъ тѣхъ программныхъ наукъ, на которыя пришлось затратить столько времени, съ первыхъ же шаговъ офицерской службы, приходится сдать въ архивъ; тогда какъ со стороны подлинной солдатской науки офицеръ ощущаетъ сразу полную свою неподготовленность: подходя къ ротѣ, онъ чувствуетъ нѣкоторую неловкость, не можетъ взять вѣрный тонъ въ обращеніи съ солдатомъ, не можетъ дать вѣрныхъ практическихъ указаній въ такомъ дѣлѣ, которое для него самого совершенно ново и незнакомо; онъ прекрасно изучилъ по уставу тѣ пункты, когда часовой можетъ употребить въ дѣло оружіе, но самъ онъ никогда не стоялъ на часахъ (на посту настоящемъ, а не воображаемомъ, какъ это продвывается въ училищѣ), а потому и не можетъ дать совѣтовъ по указаніямъ личного опыта. Солдатъ видитъ и учитываетъ эти первые шаги молодого офицера, и довѣріе къ начальнику надорвано съ самаго начала.

Крайне необходимо пополнить подготовку нашего офицера пріобщеніемъ его къ подлинной солдатской наукѣ, заставивъ его нѣкоторое время прослужить обязательно въ солдатскихъ рядахъ простымъ рядовымъ, *до того времени*, какъ онъ явится въ эти ряды въ офицерскихъ погонахъ, какъ признанный повелитель и учитель.

Это благоразумное требованіе, какъ замѣчено выше, исполконъ вѣковъ существовало въ нашей арміи и строго проводилось въ жизни, не допуская исключеній ни для кого. Самъ великій основатель русской арміи, Петръ I-й, призналъ для себя обязательнымъ начать службу рядовымъ, чтобы доподлинно *заслужить*, а не получить только, чинъ офицера. Впослѣдствіи мы видимъ Румянцева, Суворова и другихъ добросовѣстно вы-

стаивающими на часахъ, вытягивая на собственныхъ плечахъ очень нелегкую лямку солдата того времени.

Съ теченіемъ времени это разумное требованіе стало глухнуть и забываться. Увлечлись подъемомъ образовательнаго уровня. Стараются привлечь въ офицерскіе ряды побольше громкихъ дипломовъ, чтобы не отстать отъ Европы. Съ этой цѣлью доступъ въ военныя училища, а затѣмъ въ офицеры, открыть дипломамъ прямо съ улицы. Можно съ соотвѣтствующимъ дипломомъ стать сразу офицеромъ, не побывавъ не только въ солдатскихъ, но и въ юнкерскихъ рядахъ. Получаются начальники, совершенно чуждые той среды, для которой они призваны служить воспитателями, руководителями, учителями и инструкторами. Неужели это можетъ быть признано нормальнымъ?

Мы видимъ кругомъ въ настоящее время, что во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности отдается должная дань практической подготовкѣ. И только въ нашемъ военномъ дѣлѣ пренебрегаютъ этимъ требованіемъ, не смотря на то, что именно у насъ, въ арміи, оно имѣетъ большее значеніе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что приходится имѣть дѣло съ такой областью человѣческой работы, гдѣ верхоглядство или невѣжество начальника приводитъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Кромѣ того, необходимость въ нашемъ военномъ дѣлѣ окунуть офицера предварительно въ солдатское житье-бытье обуславливается еще тѣмъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ профессіямъ, вершителемъ дѣла во всѣхъ случаяхъ является исключительно офицеръ. Отъ инженера-путейца требуется, напримѣръ, обязательное ознакомленіе на практикѣ съ обязанностями машиниста на паровозѣ, но на практикѣ собственно поѣздъ ведетъ всегда не инженеръ, а машинистъ. У насъ же отъ начала до конца солдатъ является лишь орудіемъ въ рукахъ офицера, и при всемъ томъ считается возможнымъ, чтобы офицеръ знакомился съ солдатомъ лишь на службѣ, присматриваясь къ нему съ теченіемъ времени. Ясно, что тутъ неминуемо должно получиться верхоглядство и невѣжество въ отношеніи подлиннаго знанія жизни и службы солдата.

Нельзя сказать, чтобы у насъ не признавали вовсе необходимости для офицера познанія солдатской науки. Съ юнкерами продѣлываютъ, съ внѣшней стороны, все, что дѣлаетъ солдатъ

на службѣ: юнкера маршируютъ, стрѣляютъ, даже ходятъ въ караулъ и стоятъ на часахъ—*показомъ* лишь, конечно, какъ дѣти играютъ въ солдатки. И на основаніи такой-то завѣдомой поддѣлки подлиннаго солдатскаго житья-бытья этихъ юнкеровъ считаютъ уже вполне подготовленными къ роли офицера, и они ставятся сразу въ положеніе руководителей и воспитателей!

Неудивительно, что, являясь въ роту, молодой офицеръ чувствуетъ себя первое время въ крайне неловкомъ положеніи, видя солдата первый разъ въ жизни, а между тѣмъ приходится съ перваго шага выступить его наставителемъ и руководителемъ. Съ теченіемъ времени офицеръ привыкаетъ къ своему положенію—ничего нѣтъ проще привыкнуть къ апломбу начальника. Но своеобразныя особенности солдатскаго житья-бытья, сокровенныя тайники солдатской души—всѣ эти важнѣйшія стороны нашего военнаго дѣла остаются чуждыми и непонятными современному офицеру во всю его службу. Оттого-то въ наше время нѣтъ той близости между офицеромъ и солдатомъ, которая замѣчалась въ былое время.

Практическія послѣдствія этого пробѣла въ подготовкѣ офицера имѣютъ огромное значеніе въ нашемъ военномъ дѣлѣ, отражаясь не только въ бою, но и въ мирное время, на каждомъ шагу. О чемъ бы не возникалъ вопросъ, касающійся жизни и службы солдата и требующій рѣшенія со стороны офицера,—вездѣ офицеръ оказывается невольно въ ложномъ положеніи, такъ какъ со всѣми этими вопросами онъ знакомъ лишь въ теоріи или, въ лучшемъ случаѣ, испробовалъ ихъ на себѣ въ видѣ фальсификаціи въ стѣнахъ военнаго училища. Возникаетъ, напримѣръ, вопросъ о солдатскомъ снаряженіи:—что лучше, вещевоѣ мѣшокъ или ранецъ. Судить и рядить комиссія, среди которой навѣрное ни одинъ офицеръ не испыталъ на собственныхъ бокахъ—не въ юнкерскомъ, а въ солдатскомъ походѣ—удобства и неудобства мѣшка или ранца. Остается демонстрировать солдатъ-манекеновъ, одѣтыхъ въ мѣшки и ранцы. Члены комиссіи присматриваются со всѣхъ сторонъ, щупаютъ ремешки и подхваты, и на основаніи этихъ наблюденій выносятъ свое рѣшеніе, что для солдатскихъ плечъ и спиць будетъ удобнѣе—мѣшки или ранцы... Развѣ такое рѣшеніе можетъ быть признано вполне обоснованнымъ? Нѣтъ, господа,—вы потаскайте

въ свое время на собственныхъ плечахъ мѣшки и ранцы, и тогда ваше рѣшеніе будетъ дѣйствительно рациональное, какъ основанное на собственномъ опытѣ.

Или—заходить рѣчь, напримѣръ, о продолжительности смѣны часовыхъ зимою и лѣтомъ: держать ли на постахъ 3 или 2 часа? когда можно и когда нельзя входить въ будку, одѣвать тулупъ и кенги? и т. п. И такіе вопросы рѣшаютъ люди, которые сами-то на часахъ никогда не стояли.

Такихъ примѣровъ не оберешься на каждомъ шагу.

Нѣтъ! Офицерское и солдатское дѣло слишкомъ близки и родственны другъ другу. Поэтому существующее у насъ правило, что никто не можетъ быть офицеромъ безъ извѣстнаго военно-образовательнаго ценза надо дополнить установленіемъ также *солдатскаго ценза*, т. е. требованіемъ предварительной службы въ солдатскихъ рядахъ до производства въ офицеры.

Намъ кажется, что нѣтъ вопроса болѣе важнаго въ подготовкѣ команднаго состава, какъ восполненіе этого крупнаго пробѣла въ принятой у насъ теперь системѣ подготовки офицеровъ. Вотъ почему мы привѣтствуемъ съ особымъ удовольствіемъ промелькнувшее было въ газетахъ коротенькое извѣстіе, что „военное министерство, по примѣру Германіи, проектируетъ всѣхъ воспитанниковъ выпускныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ, передъ назначеніемъ ихъ въ военныя училища, назначать вольноопредѣляющимися въ полки; подобный опытъ былъ произведенъ въ Вольскомъ кадетскомъ корпусѣ и далъ хорошіе результаты; военное министерство находитъ, что эти воспитанники, будучи опредѣлены въ полки, живя среди нижнихъ чиновъ въ качествѣ вольноопредѣляющихся, ближе изучать солдатскій бытъ и будутъ содѣйствовать укрѣпленію нынѣ ослабленной связи между офицерами и ихъ подчиненными“.

Какъ мы упомянули выше, до введенія Устава о всеобщей воинской повинности производство въ офицеры было привилегіей дворянскаго сословія. Послѣ 1874 г. установленъ былъ основной принципъ, что *никто не можетъ быть произведенъ въ офицеры не выдержавъ соотвѣтствующаго экзамена по научнымъ предметамъ*. Надо установить теперь второй основной принципъ: *никто не можетъ быть произведенъ въ офицеры, безъ предварительной службы извѣстнаго срока въ солдатскихъ рядахъ*.

Только тогда между офицеромъ и солдатомъ будетъ та связь, которая дѣлаетъ армію единымъ живымъ организмомъ.

## 7. Подборъ команднаго состава.

### I.

Въ общемъ хорѣ причитаній по случаю проигранной нами войны на Дальнемъ Востокѣ громче всѣхъ раздавались сѣтованія на нашъ командный составъ, за обновленіе котораго и принялись весьма энергично, немедленно по окончаніи войны. Длинной вереницей слѣдоваль рядъ уволенныхъ начальствующихъ лицъ вслѣдствіе перехода дѣйствующей арміи съ военного положенія на мирное, а затѣмъ пришлось рѣшиться и на массовое увольненіе штабъ-офицеровъ въ силу рѣшеній аттестационныхъ комиссій. Но при этомъ, по нашему мнѣнію, не отнеслись достаточно вдумчиво къ выработкѣ надлежащей цѣлесообразной системы комплектованія команднаго состава, которая отвѣчала бы своеобразнымъ условіямъ жизнедѣятельности нашей арміи,— совершенно отличной у насъ отъ жизни и службы другихъ европейскихъ армій.

Мы имѣемъ въ виду здѣсь, главнымъ образомъ, комплектованіе высшаго команднаго состава, которое уже нѣсколько лѣтъ изъято изъ непосредственнаго вѣдѣнія военнаго министра и передано высшей аттестационной комиссіи.

*Выборъ людей* представляетъ собою задачу въ высшей степени сложную и трудную въ любомъ дѣлѣ, и въ большинствѣ случаевъ дается только избранныкамъ судьбы, какъ особый даръ Божій. Еще труднѣе представляется рѣшеніе этого вопроса въ выборѣ начальниковъ для командованія войсками, потому что тутъ требуется иногда совмѣщеніе многихъ крайне разнородныхъ требованій и качествъ. Все это указываетъ на то, что такое живое дѣло весьма трудно подчинить мертвымъ параграфамъ и пунктикамъ писанныхъ правилъ. Эта безспорная истина постоянно подтверждается фактами повседневной жизни. Мы не станемъ, конечно, перечислять эти факты и ставить точки на і, тѣмъ болѣе, что не въ отдѣльныхъ фактахъ дѣло, а въ общей

системѣ, которая при настоящихъ условіяхъ иныхъ результатовъ и дать не можетъ.

Какимъ образомъ высшая аттестационная комиссія можетъ сдѣлать надлежащій выборъ кандидата для замѣщенія отвѣтственной должности, напримѣръ, на окраинѣ, имѣя передъ собою лишь мертвые послужные списки и не зная вовсе скрывающихся за ними живыхъ людей со всѣми ихъ разнородными свойствами служебными, боевыми, или административными? Правда, къ этимъ послужнымъ спискамъ приложены „аттестациі ближайшаго начальства“, дающія возможность судить о свойствахъ кандидата. Но что можетъ высшій строевой начальникъ, напримѣръ, въ Киевскомъ или Одесскомъ округѣ, никогда не бывавшій на нашихъ азіатскихъ окраинахъ, сказать что-нибудь объ *административныхъ* способностяхъ данного кандидата, котораго онъ никогда не видѣлъ въ этой роли. Да если при томъ аттестациі ближайшаго начальства является главнымъ вершителемъ подбора высшаго команднаго и военно-административнаго состава, то къ чему тогда сводится роль высшей аттестационной комиссіи? Стоило ли устранять отъ этого дѣла военнаго министра, который вѣдь тоже считался и съ аттестациями ближайшаго начальства?...

Во время портъ-артурскаго дела бывшій военный министръ, ген.-адъют. Куропаткинъ, далъ весьма назидательное показаніе по вопросу о назначеніи ген.-лейт. Смирнова комендантомъ Портъ-Артура. Сущность этого показанія заключалась въ слѣдующемъ: „если бы мы хорошо знали своихъ кандидатовъ, то выборъ нашъ долженъ былъ бы остановиться, конечно, на покойномъ Кондратенко“... Но выборъ приходилось дѣлать въ слѣпую, а „о ген. Смирновѣ имѣлась отличная аттестациі ближайшаго начальства“, поэтому онъ и былъ назначенъ... Если во время разразившейся войны, въ единственную крѣпость, являющуюся главнымъ фокусомъ этой войны, ожидающую осады со дня на день, коменданта приходится назначать наугадъ, совершенно такъ, какъ барышни гадаютъ въ „любишь не любишь“, то ясно, на сколько гадательны были другія, менѣ видныя, назначенія. И результаты ялицо: достаточно было бывшему ген.-адъют. Стесселю придать передъ фронтомъ войскъ своему лицу грозное воинственное выраженіе и подкупить начальство

нѣсколькими фразами напускной храбрости, какъ оно оказалось обманутымъ даже такимъ недалекимъ челоѡкомъ, какъ Стессель и выдало также и ему отличную аттестацию...

Такая система личнаго усмотрѣнія говоритъ сама за себя и прибавляетъ тутъ нечего. Для устранения такого порядка и установленія системы назначенія на иныхъ началахъ учреждена особая высшая аттестационная комиссія. Но, какъ мы замѣтили выше, факты повседневной жизни указываютъ на то, что и при новой системѣ всѣмъ руководитъ старый поводирь—„аттестациі ближайшаго начальства“, которое раньше всего оцѣниваетъ подчиненнаго съ точки зрѣнія „такта“ и „уживчивости характера“. Но кто же и когда, наконецъ, будетъ у насъ подбирать служителей государства съ точки зрѣнія ихъ главнаго назначенія—пригодности къ дѣлу государственнаго служенія?..

Замѣчательно, что и въ этомъ вопросѣ у насъ принялись прежде всего за ротнаго командира. Обыкновенно всѣ безъ исключенія ѣздятъ на этомъ дрягилѣ строевого ярма; но когда рѣчь идетъ объ изысканіи новыхъ путей, о выработкѣ новой системы комплектованія команднаго состава, то ротный командиръ долженъ служить пробнымъ камнемъ для созиданія и вышшихъ начальниковъ. Такое заключеніе напрашивается въ виду учрежденныхъ штабъ-капитанскихъ курсовъ для подготовки ротныхъ командировъ. Словъ нѣтъ, боевая подготовка роты, какъ основной ячейки армии, имѣетъ важное значеніе. Но развѣ надлежащій выборъ и полная увѣренность въ соответствующей подготовкѣ командира полка, начальника дивизіи и командира корпуса имѣетъ меньшее значеніе? Вѣдь всѣмъ хорошо извѣстно, что у насъ начальникъ дивизіи норовитъ непременно командовать четырьмя полками, а командиръ полка непременно будетъ вмѣшиваться въ дѣло ротнаго командира—этого не вытравить никакими проповѣдями значенія инициативы и личнаго почина.

Гдѣ же увѣренность, въ такомъ случаѣ, что высшее начальство, свободное отъ всякихъ штабъ-капитанскихъ курсовъ, не будетъ уродовать дѣло подготовки роты? Или предполагается, быть можетъ, что высшее начальство уже обезпечено надлежащей теоретической и практической подготовкой и не нуждается уже ни въ какихъ курсахъ? Въ дѣйствительности, однако, весь укладъ нашей службы и жизни налаженъ такъ, что отнюдь не

поощряют заниматься школьным дѣломъ, трудиться надъ книгой, не способствуютъ приросту знаний, а скорѣе наоборотъ; поэтому мы часто видимъ нашихъ высшихъ военныхъ начальниковъ, живущихъ отжившимъ свѣтомъ давно померкшихъ знаний... Не даромъ послѣ минувшей войны установилось какъ общее правило, что пока въ столкновенияхъ съ противникомъ приходилось командовать ротнымъ командирамъ, успѣхъ бывалъ на нашей сторонѣ, но какъ только въ роли начальства являлись генералы—имъ приходилось уступать японскимъ генераламъ. Значитъ, въ чемъ-то хромаютъ у насъ подготовка и подборъ генераловъ, а не ротныхъ командировъ.

Да и помимо всего нельзя и сравнивать вредныя послѣдствія отъ несоотвѣтствующей подготовки ротнаго командира или высшаго начальника; ошибки перваго могутъ быть парализованы 15 разъ остальными 15 ротами въ полку, или указаніями безконечной вереницы высшихъ начальниковъ; но ошибки высшаго начальника,—кто осмѣлится ихъ указать ему? Извѣстенъ фактъ, что одинъ начальникъ дивизіи изъ ротнаго ученья запомнилъ только старую команду— „рота строй карре“, и онъ нѣсколько лагерныхъ сборовъ упражнялъ роты въ этомъ „ротномъ ученьи“, пока ему не открыли его заблужденіе. А другой начальникъ—окружный интендантъ въ важномъ пограничномъ округѣ, обязанный имѣть наготовѣ разработанный планъ продовольствія войскъ своего округа въ случаѣ мобилизаци и при наступленіи—чисто-сердечно заявилъ, что онъ съ картой пограничнаго пространства совершенно не знакомъ, такъ какъ „это дѣло офицеровъ генеральнаго штаба“...

## II.

Обращаясь къ установившейся у насъ системѣ назначеній на высшія должности, надо указать на слѣдующее.

Хотя въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ по этому вопросу имѣются иногда опредѣленные указанія—кто избираетъ и кто назначаетъ на каждую должность, но на практикѣ выработались нѣкоторые обычаи, узаконенные временемъ, низводящіе значеніе дѣйствующаго закона почти къ мертвой буквѣ. Какъ извѣстно, еще покойный военный министръ П. С. Ванновскій

указывалъ обыкновенно, что военныхъ округовъ въ Россіи однимъ меньше, чѣмъ обыкновенно считаютъ,—потому что въ Петербургскомъ округѣ есть свой самостоятельный хозяинъ и свое военное министерство. Не только всѣ назначенія на должности, но иногда и капитальные вопросы по перевооруженію и снабженію войскъ, системѣ обученія и воспитанію проводились въ Петербургскомъ округѣ, не считаясь съ указаніями военнаго министра въ отношеніи остальныхъ округовъ, а часто—и вопреки этимъ указаніямъ. Такъ этотъ порядокъ, отчасти въ силу традицій, отчасти по соображеніямъ иного рода, унаслѣдованъ и нынѣшнимъ временемъ.

Но то, что 20—25 лѣтъ тому назадъ военный министръ высказывалъ лишь въ отношеніи одного округа, сознавая себя полновластнымъ хозяиномъ во всѣхъ остальныхъ, весьма слабо примѣнимо къ нашему времени: теперь не одинъ лишь Петербургскій округъ, но и всѣ прочіе военные округа шагъ за шагомъ; все больше и больше оттягиваютъ на свою сторону разныя прерогативы власти, начавъ съ наиболѣе важной—назначенія на разныя должности.

Теперь при назначеніяхъ на должности Главный Штабъ обыкновенно справляется—не имѣется ли уже кандидатъ на эту должность со стороны окружнаго начальства, и если такіе кандидаты есть, то, конечно—вопреки существующимъ законамъ, вопреки, иногда, всѣмъ соображеніямъ пользы службы, требованіямъ справедливости и проч.—высшее военное управленіе въ большинствѣ случаевъ уклоняется отъ замѣненія открывшейся должности собственнымъ усмотрѣніемъ, предоставляя это свое законное право командующему войсками округа. Мало того,—центральная власть остается безвластной и въ томъ случаѣ, если въ Главномъ Штабѣ ничего неизвѣстно о кандидатахъ со стороны окружнаго начальства: при замѣненіи открывающейся вакансіи принято обязательно запрашивать командующаго войсками округа—„не встрѣчается ли препятствій“ и т. д., и если будутъ выставлены какія-нибудь препятствія хотя бы эфемернаго свойства, иногда плохо маскирующія какіе-нибудь личные счеты, то все же очень рѣдко рѣшатся въ Петербургѣ на назначеніе законнаго кандидата наперекоръ прихотливымъ желаніямъ командующаго войсками округа. Бываетъ и такъ, что

со стороны окружного начальства и „препятствій“ нѣтъ, и кандидатовъ въ данную минуту не имѣется, но командующій войсками все же противится немедленному замѣщенію открывшейся вакансіи, которая—какъ говорилъ еще Фамусовъ—„еще не родила, но по моимъ расчетамъ родить должна“ кандидата; а подъ давленіемъ житейской мудрости, высшее военное начальство не всегда рѣшается обострять свои отношенія съ командующимъ войсками округа, особенно изъ числа пользующихся большимъ вліяніемъ.

Всѣ эти разсужденія имѣютъ своимъ исходнымъ положеніемъ конкретные факты изъ дѣйствительной жизни, относящіяся притомъ даже не къ Петербургскому округу, а къ другимъ, менѣе привилегированнымъ.

На практикѣ подобный порядокъ назначенія на разныя должности приводитъ къ слѣдующимъ нежелательнымъ результатамъ: *во-первыхъ*—въ ущербъ объединяющему началу сознанія полнаго единства нашей арміи и пріобрѣтенныхъ службой одинаковыхъ правъ на занятіе той или иной должности въ разныхъ округахъ, получаютъ какія-то особыя, непредусмотрѣнныя закономъ, привилегіи службы въ томъ или иномъ округѣ. Каждый изъ военныхъ округовъ—въ ряду одинаковыхъ должностей командныхъ или штабныхъ—имѣетъ свои вакансіи перваго сорта и похуже: первая обязательно замѣщаются собственными кандидатами, а вторыя иногда великодушно предоставляются въ распоряженіе Главнаго Штаба. Неудобно ли получить назначеніе въ одинъ изъ крупныхъ центровъ европейской Россіи помимо ходатайства или желанія соответствующаго командующаго войсками округа,—хотя бы на вашей сторонѣ были всѣ права старшинства, заслугъ и т. п. Установился даже своего рода особый боевой кличъ въ военныхъ округахъ:—„этой вакансіи изъ округа выпускать нельзя“. Есть ли, нѣтъ ли въ предѣлахъ округа вполне соответствующій кандидатъ для замѣщенія открывшейся вакансіи, но допустить назначенія „постороннихъ“ кандидатовъ на лучшія въ округѣ вакансіи нельзя, потому что по понятіямъ узко-приходскаго патриотизма, это значить отказать отъ завоеванныхъ временемъ нѣкоторыхъ правъ. На сколько это не совпадаетъ съ требованіями пользы службы понятно само собою.

*Во-вторыхъ*: установившійся порядокъ назначеній на долж-

ности выдвиненіемъ въ первую очередь мѣстныхъ кандидатовъ по представленію окружного начальства ведетъ къ протекціямъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ эти неприглядныя поползновенія желательно было бы обезвредить, насколько это только возможно. Въ прежнее время знали, что назначеніе зависитъ отъ Главнаго Штаба или военнаго министра, передъ лицомъ котораго соискателей не мало—поэтому протекція безсилна; нынѣшняя система поощряетъ этихъ зловредныхъ двигателей прохожденія службы, такъ какъ въ нихъ кроется иногда вся сила.

*Въ-третьихъ*, наконецъ, нельзя не принять во вниманіе интересы служащихъ на отдаленныхъ окраинахъ. Прослуживъ иногда много лѣтъ въ далекомъ краѣ, испытавъ на себѣ всѣ тягости обездоленной жизни, неизбежныя вдали отъ большихъ центровъ государства,—дослуживъ, наконецъ, до долгожданной очереди полученія соответствующей должности въ Европейской Россіи,—приходится затѣмъ еще имѣть дѣло съ необходимостью заручиться ходатайствомъ какого-нибудь окружного начальства, безъ чего являешься чужакомъ въ своей родной арміи, и въ лучшемъ случаѣ можно надѣяться на „Картузъ-Березу“, или какіе-нибудь Закаталы, гдѣ и найти „оскорбленному чувству уголокъ“, а въ худшемъ случаѣ—прیدется вооружиться терпѣніемъ „въ ожиданіи вакансіи“...

Обращаясь къ вопросу—откуда „бысть пошла“ установившаяся система, вопреки дѣйствующимъ на сей предметъ законоположеніямъ, необходимо будетъ признать, что тутъ возымѣли дѣйствіе причины двоякаго рода: съ одной стороны центральная власть въ послѣднее десятилѣтіе размякла подъ давленіемъ панической боязни отвѣтственности, шагъ за шагомъ уступая власть подъ натискомъ угрожающей формулы—„иначе я не отвѣчаю“. Власть робкая, плохо вѣрующая въ собственные силы, желая снять съ себя отвѣтственность за все и во всемъ, дѣлала уступку за уступкой—„на! бери все, только отвѣчай самъ и за себя, и за меня“. Эта робость и нерѣшительность вкоренились у насъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ и нашли себѣ на нашу гибель живое выраженіе и въ минувшую войну съ японцами: посмотрите приказанія и распоряженія главнокомандующаго въ критическую минуту,—вездѣ мы встрѣчаемся съ расплывчато выраженными формулами „казалось-бы“, „желательно“, „не своевременно ли“

и т. д.—въ то время, когда требовалось категорически и определенно отдать приказание и—конечно принять и ответственность за послѣдствія. То же самое мы видим и въ другой разновидности обезсиленія центральной власти—осуществленія разныхъ мѣропріятій по образованію и воспитанію войскъ не иначе, какъ послѣ послышки выработанныхъ проектовъ „на заключеніе“ командующихъ войсками округовъ.

Можетъ быть, установившаяся система назначеній на должности представляетъ и нѣкоторая положительныя стороны, но въ такомъ случаѣ весь этотъ порядокъ долженъ быть регулированъ дѣйствующимъ закономъ, которымъ слѣдуетъ объединить многочисленныя, иногда другъ другу противорѣчащія, циркулярныя распоряженія, накопившіяся за послѣдніе годы.

## 8. Выработка инициативы.

Очевидно, по настоящивому настоянію практики жизни выдвинуть въ послѣдніе годы важный вопросъ объ инициативѣ и правѣ почина младшихъ начальниковъ;—вопросъ старый, достаточно извѣденный молю мирнаго и военнаго времени и все же долго покоившіяся въ общей свалкѣ многихъ нашихъ полузабытыхъ, но тѣмъ не менѣе глубоко жизненныхъ и вполне животрепещущихъ вопросовъ, неотступно зывающихъ о немедленномъ рѣшеніи.

А задача, между тѣмъ, дѣйствительно трудная со всѣхъ сторонъ. Неудобно ли создать и родить въ арміи инициативу, когда мы испоконъ вѣковъ привыкли только къ единственной формулѣ „какъ прикажете“, когда и весь народъ нашъ вѣками воспитанъ подъ охраной правительственной опеки, когда всей практикой жизни самодѣятельность и самопомощь у насъ атрофировались въ долготу вѣковъ, изо дня въ день!..

Военный Совѣтъ рѣшилъ эту задачу просто: „поручить комитету по образованію войскъ выработать для преподаанія высшему командному составу арміи руководящія указанія для принятія неотложныхъ (!) мѣръ къ развитію у частныхъ начальниковъ инициативы“. Коротко и ясно. Что бы было!—подать сюда инициативу! и никакихъ.

Впрочемъ, ничего больше не остается, какъ приказать *водить* дисциплину. А приказаніе начальства надо исполнить; это прежде всего. Тема благодарная, потому что о значеніи инициативы у насъ говорятъ и пишутъ, начиная съ франко-прусской войны 1870 г. Возможно и теперь, во исполненіе приказанія начальства, насочинить весьма красивыя и мудрыя инструкции и законоположенія для проведенія въ жизни арміи почина и инициативы частныхъ начальниковъ; но въ какой мѣрѣ удастся осуществить все это на практикѣ покажетъ будущее. Все въ этомъ случаѣ зависитъ отъ общей окружающей насъ атмосферы дѣятельности. Увы! законы и принципы, принятые у насъ въ дѣлѣ боевой подготовки арміи, были всегда, въ большинствѣ случаевъ, вполне цѣлесообразныя и нисколько не хуже, чѣмъ во всѣхъ другихъ благоустроенныхъ арміяхъ; но всего важнѣе создать въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ здоровую бодрящую атмосферу, способную животворнымъ образомъ вліять на всякое полезное начинаніе, окрылять личный починъ и воспитать начальнической составъ въ духъ законности и проникновенія тѣми прекрасными принципами, которые положены въ основу давно уже существующихъ законовъ. Для этого требуется только отрѣшиться отъ деспотизма собственныхъ усмотрѣній и взглядовъ, и отнестись хоть съ нѣкоторой долей уваженія и довѣрія къ работѣ своихъ подчиненныхъ.

А у насъ, къ сожалѣнію, въ плоть и кровь всосался дурманъ начальническаго самовластия. Законъ предоставляетъ огромную власть командиру полка; но тѣмъ не менѣе начальникъ дивизіи иногда и въ грошъ не ставитъ права полковыхъ командировъ и старается командовать четырьмя полками; починъ и инициатива парализуются въ корнѣ, или же, смотря по темпераменту, рождаются столкновенія, взаимное недоувѣріе, вредно отражающіяся на службѣ мирнаго, а главнымъ образомъ—военнаго времени.

Наиболѣе могучимъ стихійнымъ тормазомъ къ воспитанію у насъ личнаго почина и самодѣятельности является стремленіе къ общей нивелировкѣ и равенію всего, что подвернется подъ руку,—будь то въ области внѣшнихъ формъ службы, или же выработки внутренняго ея содержанія: унаслѣдовали мы, напримѣръ, когда-то отъ нѣмцевъ косички и парики для сол-

дать; и до каких только кунштюковъ мы собственнымъ умомъ не дошли въ этомъ маскарадѣ, перешеголявъ самихъ нѣмцевъ. Сами мы сейчасъ же стали равнять косички по длинѣ и комлю, придумали особая лекала для париковъ и т. п. Вырабатывается въ настоящее время реформа войскового хозяйства въ арміи; и получимъ навѣрное новую организацію, совершенно тождественную для всѣхъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей всей арміи. А между тѣмъ, развѣ можно сравнить условія жизни и службы, строевой и хозяйственной, какой-нибудь части, расположенной, напримеръ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, гдѣ квартируетъ много частей войскъ разныхъ родовъ оружія, или—расположенной въ какомъ-нибудь урочищѣ Анучинѣ, Бѣлый Ключъ и тому подобныхъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ полки въ отношеніи хозяйства не только не должны подлаживаться къ окружающей жизни, но сами создаютъ для себя обстановку?

Недавно въ японской арміи, по инициативѣ командира кавалерійскаго полка, введенъ былъ новый способъ снабженія арміи разными видами довольствія, добывая ихъ изъ первыхъ рукъ производителей, устрояя, всякихъ подрядчиковъ и посредниковъ, и этотъ новый способъ сократилъ расходы арміи на продовольствіе сразу на 26%, т. е.—на цѣлую четверть! Все это по почину одного полка, командиру котораго вздумалось вмѣсто интендантства обратиться къ какому-то сельско-хозяйственному обществу. Казалось бы, что въ какой-нибудь Японіи, Германіи или Франціи, равняющихся по территоріи порознь какой-нибудь одной нашей губерніи, экономическія условія жизни должны быть болѣе или менѣе однообразныя. Иное дѣло въ Россіи, раскинувшейся отъ Камчатки до Вислы, гдѣ еще болѣе умѣсто было бы предоставить починъ и самостоятельность начальникамъ въ хозяйственной жизни войсковыхъ частей, расположенныхъ въ такихъ глубоко различныхъ условіяхъ, какъ, напримеръ, Сахалинъ, Кіевъ или Термезъ? Но тѣмъ не менѣе у насъ командиру части вѣдь и шагу ступить не дадутъ безъ указки начальника. Вѣдь нельзя же думать, что у насъ такъ-таки никому ни на грошъ вѣрить нельзя, что ни у кого нѣтъ за душой ни способностей, ни рвенія. Это безусловно не такъ! Но воспитаніе, примѣръ начальства и окружающая атмосфера жизни—великое дѣло. Когда привыкаютъ весь вѣкъ ходить за поводыремъ, не-

вольно сдѣлаешь стойку, какъ только очутишься безъ постоянной опеки. А починъ, самостоятельность—откуда имъ взяться, когда васъ хлопаютъ на каждомъ шагу.

Великую задачу предстоитъ рѣшить по заданію Военнаго Совѣта! Какъ этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ, предсказывать, конечно, трудно. Важно хоть и то, что этотъ вопросъ извлеченъ, наконецъ, изъ области академическихъ умозрѣній и поставленъ на практическую почву. Армія, можно сказать, задыхается отъ путаницы границъ правъ и обязанностей младшихъ и старшихъ. Никакая работа не спорится, когда нѣтъ увѣренности, что на мой же дворъ, на мою ниву, упитанную потомъ и кровью и отмежеванную мнѣ закономъ, не придетъ nagyobbій и не скажетъ „все это вонь! все это не годится, а нужно вотъ какъ“...

## 9. Офицерскія занятія.

### I.

Вотъ вопросъ, который уже много лѣтъ крѣпко сидитъ на мертвой точкѣ, не смотря на всѣ усилія сдвинуть его съ мѣста

Сколько въ нашей военной литературѣ ходили вокругъ да около этого предмета, сколько комиссій тужились, налегая мозгами и плечами въ надеждѣ вытащить изъ загадочной трясины этотъ глубоко завязнувшій возъ. Но тѣмъ не менѣе „возъ и нынѣ тамъ“.

Въ настоящее время, вмѣсто прежней Инструкціи, у насъ дѣйствуетъ новое „Наставленіе для занятій съ офицерами“. Удастся ли при помощи этого вновь придуманнаго рычага сдвинуть это дѣло съ мертвой точки—вопросъ огромной важности. Слѣдуетъ помнить, что въ концѣ концовъ всѣ причины постигшихъ насъ неудачъ въ минувшую войну на Дальнемъ Востокѣ сходятся, какъ въ главномъ фокусѣ, въ отсталости и слабой подготовкѣ нашего команднаго состава. Естественно, что значительная доля вины приписывается дѣйствовавшей у насъ „инструкціи для занятій съ офицерами“, изданія 1882 года.

Новая постановка офицерскихъ занятій въ арміи должна привлечь усиленное вниманіе всѣхъ и cadaго; поэтому съ нашей стороны не будетъ нескромностью, если коснемся критической

оцѣнки проекта новаго Наставленія, вполне сознавая, что критиковать чужой трудъ, чужую мысль, гораздо проще чѣмъ предложить что-нибудь свое.

Хочется вѣрить, что офицерскія занятія наладятся, наконецъ, при новомъ Наставленіи, но вѣрится съ трудомъ, если всѣ надежды будутъ возложены только на эту замѣну старой Инструкции новымъ Наставленіемъ.

Дѣло въ томъ, что корпусъ офицеровъ представляетъ собою давно сформировавшійся живой организмъ, жизнедѣятельность котораго протекаетъ при извѣстныхъ, давно сложившихся, условіяхъ жизни и службы. А условия эти таковы, что всѣмъ укладомъ нашихъ служебно-бытовыхъ требованій у насъ отсутствуетъ уваженіе къ труду, нѣтъ спроса на занятія военно-научнаго характера; нѣтъ поэтому и предложенія. Само начальство не всегда проявляетъ вкусъ и интересъ къ научнымъ свѣдѣніямъ по специальностямъ военнаго дѣла и поэтому мало цѣнитъ такіа наклонности у своихъ подчиненныхъ; вполне естественно, что эти послѣдніе, въ свою очередь, предпочитаютъ занятія болѣе интересныя и занимательныя, чѣмъ скучное изученіе тактики и стратегіи. А время и привычки поддѣлываютъ все остальное: познанія, пріобрѣтенныя на школьной скамьѣ, мало-по-малу забываются и стираются, вкусъ къ серьезному чтенію притупляется, и въ концѣ-концовъ подчиненные становятся похожими на начальниковъ, начальники на подчиненныхъ... Прекрасно разработанныя инструкціи и наставленія остаются сами по себѣ, а все прочее—само по себѣ; а посредникомъ во всѣхъ этихъ взаимоотношеніяхъ теоріи и жизни является формальное отношеніе къ дѣлу: разъ или два раза въ недѣлю раскладываются традиціонные планы Скугаревского и Энгельгарда, одинъ видъ которыхъ (т. е. плановъ) уже наводитъ скуку; лѣнливо собираются офицеры изъ бильярдной и читальни, гдѣ велись оживленные дебаты о мертвящей скукѣ подневольныхъ занятій; у всѣхъ на лицахъ томительное ожиданіе скорого конца. Начальство, за рѣдкимъ исключеніемъ, вполне раздѣляетъ это—выражаясь мягко—холодное отношеніе офицеровъ къ скучнымъ занятіямъ и рѣдко удостаиваетъ эти занятія своимъ присутствіемъ, ограничиваясь просмотромъ журнала занятій, который, конечно, всегда въ порядкѣ.

Что это все такъ, что тутъ нѣтъ ничего преувеличеннаго,

ясно, кажется намъ, безъ лишнихъ поясненій. Тѣмъ не менѣе, чтобы не витать въ области отвлеченныхъ предположеній, сошлемся на общеизвѣстные факты: не только начальство не проявляетъ особой склонности присутствовать на скучныхъ занятіяхъ съ металлическими шашками на планахъ, но не удостаиваетъ своимъ присутствіемъ и военныя сообщенія, которыя дѣлаются офицерами на заданныя темы. Бываютъ и въ этомъ случаѣ исключенія, но не очень часто. Новымъ наставленіемъ на этотъ отдѣлъ обращено, повидимому, преимущественное вниманіе. И это взглядъ совершенно правильный: дѣйствительно, нѣтъ средства болѣе могущественнаго заставить молодого офицера зарыться въ книги, какъ общающъ ему, что трудъ его не пропадетъ даромъ, что онъ будетъ услышанъ и оцѣненъ не только всѣми товарищами, но и начальствомъ. Но, если это послѣднее ограничивается только просмотромъ списка: кто о чемъ читаетъ? Развѣ это не способно поддѣйствовать охлаждающимъ образомъ на лекторовъ? Что дѣлать,—рѣдко кто способенъ заниматься наукой ради самой науки; для молодого офицера маленькое тщеславіе является чувствомъ вполне понятнымъ. Есть ли въ новомъ Наставленіи хотя бы малѣйшій намекъ на какія-нибудь поощрительныя мѣры, чтобы пріохотить офицеровъ дѣлать сообщенія на избранныя темы?

Какимъ могущественнымъ поощреніемъ въ этомъ случаѣ служить одно только присутствіе начальства, видно изъ слѣдующаго примѣра. Всѣмъ памятно когда-то въ высшей степени интересныя сообщенія, которыя устраивались Н. И. Бобриковымъ и дѣлались въ штабѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа въ присутствіи военнаго начальства. Сравнительно просторная зала никогда не могла вмѣстить половины слушателей, чаявшихъ попасть туда, такъ что приходилось ограничиться допускомъ только генераловъ, командировъ отдѣльныхъ частей и офицеровъ генеральнаго штаба. Теперь всѣ эти сообщенія отошли въ область преданій. Что же—вывелись лектора всѣ? Некому дѣлать сообщенія? Конечно, нѣтъ. Но остылъ интересъ къ сообщеніямъ; высшее начальство перестало присутствовать, и постепенно перевелись, разумѣется, желающіе дѣлать сообщенія.

А вотъ и другой примѣръ. По окончаніи минувшей войны

на Дальнемъ Востокѣ въ здании академіи генеральнаго штаба прочитанъ былъ рядъ блестящихъ сообщенийъ объ этой войнѣ. Но рѣдко-рѣдко когда эти сообщения достаивались присутствія высшаго начальства, которое, несомнѣнно, услышало бы тамъ немало отвѣтовъ на многіе жгучіе вопросы...

Да! Вѣкъ нашъ не воспитываетъ теперь людей труда. Повсюду видно стремленіе отрицать свою работу цѣною получаемыхъ взаимнѣ земныхъ благъ. Нѣтъ главнаго стимула, одухотворяющаго любое дѣло,—нѣтъ *любви* и привычки къ труду. Этимъ грѣшить не одно только наше военное, но и всѣ прочія вѣдомства государственнаго организма; въ этомъ грѣхѣ коснѣеть и вся жизнь народная. Недаромъ у насъ и житейская мудрость выработала такую развращающую поговорку: «дѣло не дѣлай и отъ службы не бѣгай».

Вотъ почему при видѣ прекрасно разработаннаго новаго Наставленія для офицерскихъ занятій невольно закрадывается опасливая мысль,—оживить ли оно это мертвое дѣло; не останется ли новое Наставленіе такой же красивой теоретической формулой, какой была и прежняя инструкція.

Весь укладъ жизни молодого офицера не способствуетъ процвѣтанію научныхъ занятій. Нужны они для успѣшнаго прохожденія службы? Тоже нѣтъ. Всѣмъ извѣстно, что для безобиднаго исполненія несложныхъ обязанностей младшаго офицера требуется, въ сущности, немного: приходи своевременно на занятія безъ опозданій, отбуди въ ротъ положенное число часовъ и затѣмъ уходи вмѣстѣ съ ротнымъ командиромъ, и—блага тебѣ будетъ на землѣ; отличная аттестація обезпечена.

Подъ влияніемъ такихъ требованій и складывается служба апатичная, худосочная, которая сочтется по казенному капельнику съ чисто формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Гдѣ эта любовь къ труду, которая рождаетъ вдохновеніе, окрыляетъ и благословляетъ нашу работу? Я упомянулъ уже какъ безусый подпоручикъ въ Германіи обучалъ свою роту на плацу: битыхъ два часа онъ вьюномъ носился около полуроты во время маршировки и ломки фронта, забѣгая впередъ и съ фланговъ, хлопалъ себя по ляжкамъ, тербилъ волосы, вгоняя и себя, и полуроту въ десятый потъ. У насъ такое неблагородное дѣло препоручается фельдфебелю или даже взводному; а если субалтернъ-офи-

церъ самъ снизойдетъ для этихъ занятій, то это дѣлается съ такою же живостью, съ какой передвигаются шашки на планахъ Скугаревскаго...

Итакъ, научныя занятія не являются для офицера необходимою, обусловливаемой ни собственными привычками, ни взглядами своей среды, ни поощреніемъ начальства, ни, наконецъ, условіями прохожденія службы. Надо очень сильно любить науку, чтобы при такомъ положеніи дѣла все же проводить вечера надъ изученіемъ предстоящихъ или только-что оконченныхъ маневровъ, или, зарывшись въ книги, готовить сообщеніе, зная заранѣе, что едва ли именитые слушатели придутъ даже послушать.

Конечно, мы въ затронутыхъ здѣсь вопросахъ встрѣчаемся со многими препятствіями стихійнаго свойства. Побороть ихъ сразу трудно, но бороться съ ними слѣдуетъ обязательно. Поэтому вмѣстѣ съ новымъ Наставленіемъ для офицерскихъ занятій необходимо всѣми мѣрами культивировать любовь къ труду и уваженіе къ научнымъ занятіямъ, а не пренебреженіе къ книгамъ, какъ это было до сего времени. Проводить это приходится не снизу, а сверху. Мы не имѣемъ въ виду, конечно, необходимости засадить корпусныхъ командировъ за изученіе курсовой тактики; достаточно съ ихъ стороны, если хоть они будутъ относиться поощрительно къ занятіямъ подобнаго рода. Пусть начальство усвоитъ хоть роль мененовъ въ отношеніи научныхъ занятій меньшій братіи.

А затѣмъ,—сочетаніе экзаменовъ съ системой чинопроизводства будетъ, по нашему мнѣнію, имѣть болѣе могущественное вліяніе на офицерскія занятія, чѣмъ самое совершенное Наставленіе.

## II.

Необходимо положительно приняться за увеличеніе продуктивности офицерской работы. Не обольщая себя никакими выпренными взглядами на нашъ корпусъ офицеровъ, позволю себѣ высказать увѣренность, что въ огромномъ большинствѣ своемъ офицеры охотно напрягали бы энергію и рвеніе, если бы у насъ существовало *уваженіе къ труду*, если бы видна была продуктивность работы, если бы существовала увѣренность, что работой

воспользуются такъ или иначе для пользы службы. Самымъ лучшимъ поощреніемъ труда служить очевидная плодотворность работы, когда видишь воочию, что труды твои кому-нибудь принесутъ пользу. Но—согласитесь сами—сколько нужно самоотверженной любви къ труду, даже съ примѣсью извѣстной доли героизма, чтобы ревностно работать надъ своимъ дѣломъ, зная заранѣе, что не только тебѣ никто за это спасибо не скажетъ, но что такое рвеніе даже не въ особомъ почетѣ въ глазахъ начальства и, во всякомъ случаѣ, пользы никому не принесетъ.

Именно такъ у насъ наладился и крѣпко сформировался весь укладъ нашей жизни и службы. Трудъ не пользуется уваженіемъ, а если кто, наперекоръ всему, отдается труду изъ любви къ дѣлу, то его работа обречена на бесплодность. Этотъ основной недугъ, какъ замѣчено выше, поѣдаетъ не только всѣ вѣдомства нашего государственнаго механизма, но и всю нашу общественную жизнь. А то, что этой болезнью вызывается въ нашемъ военномъ быту—у всѣхъ на глазахъ.

Прибываетъ въ полкъ юный офицеръ всегда съ наилучшими свѣтлыми намѣреніями отдаться какой-нибудь работѣ, полезному дѣлу, помимо обыденныхъ служебныхъ обязанностей—готовиться, наконецъ, въ академію. Кто изъ молодыхъ офицеровъ прибываетъ въ полкъ, не привозя съ собою программы для приготовления въ академію и твердое намѣреніе засѣсть за книги? И это весьма естественно, потому что, независимо отъ всякихъ видовъ на будущее, каждому понятно, что при totalmenteмъ разнообразіи офицерской жизни въ глухой провинціи благотворный животворящій трудъ является первымъ спасительнымъ убѣжищемъ отъ заѣдающей скуки, охватывающей какъ паутина всю физику и психику человѣка.

И вотъ, тутъ сразу приходится имѣть дѣло съ вкоренившимися взглядами и обычаями, въ силу которыхъ формальное исполненіе обязанностей, бездѣліе и праздность возведены въ культъ и законъ, а трудъ и серьезное отношеніе къ дѣлу могутъ вызвать косые взгляды начальства и ироническое отношеніе товарищей. Представьте себѣ, что приѣзжаютъ въ полкъ одновременно только что выпущенные изъ училища два юныхъ офицера, изъ коихъ одинъ рѣшилъ отдаться всецѣло танцамъ, уживанію и веселой компаніи, а другой взялся круто за службу,

книги, готовится къ академію и т. д. Можно сказать заранѣе, что успѣхъ перваго обезпеченъ; успѣхъ не у дамъ—это само собою—а успѣхъ по службѣ; второго же ждетъ на службѣ немало разочарованій и испытаній. Обусловливается это тѣмъ, что въ то время, когда первому ставятся требованія снисходительныя и многое прощается, второму все поставится въ счетъ. Съ одной стороны тутъ сказывается обычный законъ житейской морали: мы охотнѣе всегда скаазываемъ поддержку беззаботнымъ и слабымъ, предоставляя характерамъ устойчивымъ обходиться собственными силами; но въ большей степени тутъ вліяютъ установившіеся обычаи и взгляды среды.

Такое формальное отношеніе къ дѣлу объясняется крѣпко засѣвшими у насъ пережитками барства, унаслѣдованными со времени крѣпостного права, когда цѣнился благородный „просвѣщенный вкусъ“, а не подлинное трудовое дѣло. Вѣдь надо признать, что если бы мы замѣтили, что среди прибывшихъ изъ училища въ полкъ юныхъ офицеровъ одинъ выдѣляется любовью къ книгамъ, трудолюбіемъ, остается въ ротѣ лишній часъ послѣ ухода ротнаго командира, то къ нему, по меньшей мѣрѣ... стали бы присматриваться, на столько онъ показался бы выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго, а если бы онъ еще вздумалъ отдаться всецѣло, скажемъ, обученію грамотности нижнихъ чиновъ своей полуроты или увлекся бы на плацу повѣркой на практикѣ новаго строеваго устава, то ему навѣрное сказали бы—„бросьте все это и не мудрствуйте лукаво“...

Оттого-то у насъ офицеръ можетъ свободно дослужиться до степеней высокыхъ, довольствуясь тѣми архаическими свѣдѣніями, которыя вынесъ со школьной скамьи, не заглядывая въ книжку во всю свою службу. Кому у насъ въ арміи неизвѣстны юмористическіе анекдоты объ архивныхъ требованіяхъ иногда разныхъ инспектирующихъ, помнящихъ только то, что они учили въ юные годы! Мы часто жалуемся на молодыхъ офицеровъ, что они мало читаютъ; но вѣдь надо правду сказать: у насъ въ большемъ почетѣ не „читающіе“, а именно тѣ, которые ничего не читаютъ и ничѣмъ не интересуются, но зато съ интересомъ дирижируютъ танцами, развлекаютъ гостей у начальника и т. п.

Оттого-то мы и видимъ такое богатство спеціальной лите-

ратуры всякаго рода за границей и полное убожество такой литературы у насъ. Нѣмецкій булочникъ, столяръ и парикмахеръ не могутъ обойтись теперь безъ своего профессиональнаго журнала, по которому они слѣдятъ за новостями по своему дѣлу, а у насъ, какъ сказано, можно и войска инспектировать, пользуясь знаніями со временъ Очакова и завоеванія Крыма. Никакая цензура въ этомъ отношеніи никогда помѣхой не служила, а просто дѣйствующими узаконеніями и обычаями воспитывается въ средѣ офицерской *отсутствіе спроса* къ такой литературѣ.

Говорятъ теперь о расплодившихся у насъ военныхъ газетахъ и журналахъ; но вѣдь *ни одинъ* изъ нихъ не занимается исключительно вопросами своей военной спеціальности, посвящая почти все вниманіе вопросамъ бытовымъ—увеличенію содержанія, чинопроизводству, аттестациямъ и т. п. Пусть у насъ найдется журналъ, занимающийся только вопросами сухой тактики \*)—ужь на что кажется чисто наше профессиональное дѣло!—и посмотримъ, много ли у него будетъ читателей; попробуйте, на примѣръ, лишить казенной поддержки журналы Инженерный или Медицинскій, и—долго ли они продержатся, хотя и разрабатываютъ вопросы, обязательные для обширнаго круга читателей.

Все это объясняется тѣмъ, что трудолюбіе и знанія у насъ не въ большомъ почетѣ, что во всемъ требуется лишь формальное отношеніе къ дѣлу. Съ горечью надо признаться, что мы въ этомъ отношеніи даже ушли впередъ—только въ скверную сторону—по сравненію съ давно минувшими временами. Вотъ факты, являющіеся вѣрными показателями справедливости только что сказаннаго. Полстолѣтія тому назадъ, по инициативѣ бывшаго военнаго министра гр. Д. А. Милютина, предпринято было офицерами генеральнаго штаба подъ руководствомъ Н. Н. Обручева составленіе военно-статистическаго описанія Россійской имперіи; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы появились многотомные научные труды, столь основательно разработанные, что они по сіе время являются единственными въ области отечествовѣдѣнія и служатъ важнѣйшимъ источникомъ для всевозможныхъ научныхъ изысканій. Заключающіяся въ этомъ описаніи статистическія данныя съ теченіемъ времени, конечно, устарѣли и народилась потребность составить новое описаніе; и вотъ прошло уже лѣтъ 15—

Въ родѣ французскаго „Revue d'Infanterie“ или новаго журнала ген. Лангла и мн. друг.

20,—*ассигнованныя на этотъ предметъ суммы давно уже израсходованы, но пользоваться все еще приходится старыми военно-статистическими описаніями, а тамъ, гдѣ появились новыя, нагляднѣе всего видна разница прежняго серьезнаго отношенія къ дѣлу и нынѣшняго, чисто формальнаго.*

А вотъ еще примѣръ. Лѣтъ 20 тому назадъ народился журналъ „Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, издававшійся бывшимъ „военно-ученымъ комитетомъ Главнаго Штаба“. Въ настоящее время на мѣстѣ этого комитета выросло обширное главное управление генеральнаго штаба со штатами въ *десять* разъ больше прежняго комитета; но продуктивность работы, судя по числу выпусковъ этого „сборника“, оказывается ровно во столько разъ обратно пропорціоальной штатамъ.

И такъ во всемъ. Ежегодно во всѣхъ военныхъ округахъ у насъ производятся поѣздки офицеровъ генеральнаго штаба въ пограничныхъ районахъ, на которыя отпускается отъ казны немало средствъ. Цѣлью этихъ поѣздокъ служить собраніе военно-статистическихъ матеріаловъ, производство рекогносцировокъ, составленіе описаній пройденныхъ мѣстъ и т. п. Много лѣтъ, изъ года въ годъ, направляются все новыя и новыя группы офицеровъ, за рѣдкими исключениями все въ тѣ же старые районы, много разъ описанные и переписанные; и невольно приходитъ въ голову, что цѣлью поѣздки является иногда не заполненіе необходимаго пробѣла въ пограничномъ пространствѣ, а израсходование отпущенной на сей предметъ суммы. Такая безплодность работы объясняется только формальнымъ къ ней отношеніемъ: если бы труды офицеровъ генеральнаго штаба печатались въ упомянутыхъ сборникахъ вмѣсто того, чтобы сваливать ихъ въ штабные шкафы, то продуктивность работы была бы совершенно иная: *во-первыхъ*, результаты поѣздокъ и описаній стали бы доступными для пользованія тѣхъ, кто въ этомъ встрѣчаетъ надобность, и не пришлось бы ежегодно колесить безъ конца по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ; *во-вторыхъ*, качество работъ будетъ неизмѣримо выше, когда извѣстно, что труды твои *увидятъ свѣтъ*, вызовутъ критическую оцѣнку и кому-нибудь пригодятся,—вмѣсто того, чтобы никѣмъ нечитанными стать пищей для штабныхъ крысъ.

Нельзя не согласиться, что всѣ эти недочеты представля

ють собою цѣльную систему отрицательнаго характера, такъ какъ основой ея служить чисто формальное отношеніе къ дѣлу, завѣщанное еще благоденствующимъ Фамусовымъ—„подписаль и съ плечъ долой“...

Вотъ почему представляется необходимымъ ввести у насъ при прохожденіи службы *систему экзаменовъ*. Это заставило бы наше начальство относиться съ уваженіемъ къ труду и знаніямъ, а также вылечило бы и наше офицерство отъ присущей многимъ хронической болѣзни—книгобоязни.

### 10. Наши „дядьки“.

Со всѣхъ сторонъ слышны жалобы на крайнюю неудовлетворительность контингента учителей молодыхъ солдатъ.

Но откуда имъ взяться—учителямъ? изъ чего ихъ готовить? Возьмите списочный и наличный составъ роты осенью послѣ ежегоднаго увольненія въ запасъ и средній неизбѣжный расходъ людей: состоитъ по списку 65—75 чел.; необходимо назначить въ ротную школу, учебную, охотничью и музыкантскую команды 20—25 чел.; въ швальню и сапожную мастерскія 3—5 чел., домашній караулъ, расходъ и разныя вѣсполковыя командировки—всегда не менѣе 8—12 челов.; казенной прислуги 3—4 чел.; при штабѣ полка 1—2 чел.; подъ арестомъ 1—2 чел. \*). Изъ остающихся налицо 25—30 человѣкъ *всѣхъ сроковъ службы*, для выбора учителей молодыхъ солдатъ надо еще отбросить двѣ трети,—потому что нельзя же назначать учителей, на роль дядекъ-воспитателей, рядовыхъ изъ младшихъ сроковъ службы, которые сами еще нуждаются въ руководствѣ и въ упрощеніи своихъ шаткихъ познаній; да и возможна еще потребность наряда въ городской караулъ.

Вотъ тутъ и выбирай 5—6 учителей съ мягкимъ характеромъ и педагогическими способностями, твердо знающихъ и любящихъ солдатскую науку, изъ жалкаго *остатка въ 8—10* нижнихъ чиновъ, представляющихъ собою людей „отборныхъ“, но съ другою концю—потому что все, что было лучшее въ ротѣ, уже расхищено въ разныя команды и командировки. Намъ кажется,

\*) Полагаемъ, что приведенныя цифры близки къ среднимъ.

что недостаточно констатированія факта давно всѣмъ извѣстнаго, а указать мѣры, какъ рѣшить такую квадратуру круга, какъ выбрать изъ 8—10 ротныхъ поскребышей 5—6 челов. пригодныхъ для подготовки изъ нихъ соответствующихъ своему назначенію учителей молодыхъ солдатъ.

Всѣмъ извѣстно, что подготовкой учителей, согласно § 6 отдѣла II положенія объ обученіи нижнихъ чиновъ пѣхоты, за рѣдкимъ исключеніемъ, занимаются сами ротные командиры. Мы отнюдь не склонны преувеличивать работу ротныхъ командировъ, которая хорошо всѣмъ извѣстна. Всѣ они люди смертные; есть среди нихъ, конечно, служаки ретивые, отдающие себя службѣ цѣликомъ безъ остатка; но есть и такіе, которые поистратили уже весь свой зарядъ энергіи, службу несутъ черезъ пень въ колоду, занятые мыслью сколько выслужено и сколько осталось. Однако, въ дѣлѣ подготовки учителей молодыхъ солдатъ всѣмъ знающимъ закулисную сторону жизни и службы роты извѣстно, что ни одинъ ротный командиръ не отваливаетъ отъ этой работы. Все же пріѣзжающему съ налета инспектору всегда покажется, что „не видно офицерской работы“, потому что при „выборѣ“ 5—6 человѣкъ изъ жалкаго остатка роты въ 8—10 чел., достается такой матеріалъ, который плохо поддается обработкѣ, и сколько надъ нимъ ни работай, трудно замѣтить эту работу со стороны,—особенно, если скользнуть взглядомъ по поверхности, не заглядывая въ корень.

Но намъ кажется, что прошло время *требовать*, а надо и *указать* какъ слѣдуетъ наладить дѣло. Почему бы не устранить вовсе отъ обученія молодыхъ солдатъ традиционныхъ дядекъ—этотъ хотя и славный, но архаическій пережитокъ доброй старины. Развѣ обученіе молодыхъ солдатъ не должно быть чисто офицерскимъ дѣломъ? Странно видѣть обыкновенно, послѣ прихода новобранцевъ въ роту, что подготовка ихъ и первоначальная завкаса, столь важная для всей послѣдующей ихъ службы, находится на рукахъ у невѣжественныхъ полуграмотныхъ учителей—дядекъ (хотя бы и подъ руководствомъ ротнаго командира); а младшіе офицеры роты, если таковые имѣются налицо, „занимаются со старослужащими“,—т. е. вѣрнѣе говоря—не находятъ себѣ никакого дѣла; потому что много ли можно набрать теперъ въ ротѣ старослужащихъ для ежедневныхъ зимнихъ занятій?

Да и какіе теперь дядьки при 3-хъ лѣтнихъ срокахъ службы? Въ былое время, когда солдатъ служилъ 10—15 лѣтъ, дѣйствительно вырабатывался своеобразный типъ дядьки, незамѣнимаго при воспитаніи и образованіи молодого солдата. Но теперь, еслибы даже при помощи какой-нибудь алхиміи можно было возсоздать стараго дядьку, то онъ не годился бы для своей роли, — потому что вся обстановка современной службы иная, да и солдатская наука уже не такъ проста. Теперь истиннымъ кадромъ арміи, носителями всѣхъ боевыхъ традицій, а съ ними и солдатской науки, является только офицерскій составъ. Только офицеры могутъ и должны быть учителями молодыхъ солдатъ; и если мы до сихъ поръ все же не можемъ разстаться съ „дядьками“, то лишь въ силу законныхъ привычекъ стараго барства времени крѣпостничества, когда офицеры были заняты дѣлами „по-благороднѣ“, а служба сдавалась на руки фельдфебелю и дядькамъ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что составители положенія объ обученіи нижнихъ чиновъ пѣхоты, устранивъ младшихъ офицеровъ въ ротѣ отъ занятій съ молодыми солдатами, считали невѣжественныхъ дядекъ болѣе соотвѣтствующими этому назначенію. А если признать, что младшіе офицеры дѣйствительно не могутъ справиться съ этой задачей, то на что же они годятся?

Но откуда взять младшихъ офицеровъ въ ротѣ, которыхъ налицо обыкновенно почти никогда не бываетъ?

Вотъ тутъ-то, какъ говорятъ нѣмцы, и зарыта собака. Надо возвратитъ офицеровъ къ ихъ офицерскому дѣлу, къ которому они готовились съ первыхъ классовъ кадетскаго корпуса, и не допускать разныхъ отхожихъ промысловъ и командировокъ офицеровъ для исполненія такихъ обязанностей, которыя совершенно чужды назначенію офицера. Сколько разнородныхъ должностей у насъ отвлекаетъ офицеровъ изъ строя, остающагося какимъ-то послѣднимъ второстепеннымъ дѣломъ, сданнымъ на руки „заурядамъ“ и завѣдомо непригоднымъ работникамъ, въ то время, когда специалисты дѣла несутъ такія обязанности, съ которыми отлично справился бы любой чиновникъ. Намъ показалось бы страннымъ, если-бы мы увидѣли, что фабрикантъ, взявъ къ себѣ на службу инженеръ-технолога, посадилъ его за бухгалтерскія книги или въ потребительскую лавку, какъ мы

это видимъ сплошь и рядомъ въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ. Почему, напримѣръ, въ каждомъ полку нужны непременно офицеры на должностяхъ казначея, завѣдывающихъ оружіемъ, шальной, лазаретомъ,—иногда и дѣлопроизводителя по хозяйственной части (закономъ допускается), теперь только замѣняемые чиновниками. Затѣмъ, мы встрѣчаемъ офицеровъ въ видѣ дѣлопроизводителей воинскихъ начальниковъ, столоначальниковъ, бухгалтеровъ, эскуперовъ, экономовъ, госпитальныхъ комиссаровъ, интендантскихъ чиновниковъ, завѣдывающихъ складами, мукольнями, конюшнями, капеллами и т. д.,—имъ же нѣсть числа. А вѣдь всѣ эти офицеры, въ свое время, зачѣмъ-то проходили курсъ военныхъ наукъ въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ, воспитывались, учились и готовились къ извѣстному призванію. Сколько строевыхъ офицеровъ у насъ такимъ образомъ распылено Богъ знаетъ гдѣ; всюду мы видимъ офицерскіе погоны: и за прилавкомъ, и въ канцеляріяхъ, и за грязнымъ бѣльемъ кадетскимъ; а для подготовки молодыхъ солдатъ, для первоосновы всего нашего военного мірознанія, есть только полуграмотные невѣжественные дядьки. Когда намъ говорятъ про офицеровъ генеральнаго штаба, что волей-неволей приходится привлекать ихъ на службу по разнымъ вѣдомствамъ, потому что Россія бѣдна высшимъ образованіемъ и не изъ чего выбирать—то всѣ это понимаютъ, какъ неизбежное зло. Но въ данномъ случаѣ, когда офицера отвлекаютъ отъ его прямого назначенія для исполненія крайне незамысловатыхъ обязанностей, не имѣющихъ ничего общаго съ его подготовкой, стоившей государству не малыхъ затратъ, мы видимъ обратное явленіе—несуразное расходованіе образовательныхъ силъ и средствъ, при явномъ ихъ общемъ недостаткѣ и скудости тамъ, гдѣ онѣ необходимы.

## 11. Есть ли пьянство въ арміи?

Мы можемъ смѣло сказать, не обольщая себя елейными увѣреніями, что у насъ нѣтъ въ арміи никакихъ вопросовъ о *пьянствѣ*. Мало того: всѣмъ близко стоящимъ къ жизни солдата хорошо извѣстно, что потребленіе спиртныхъ напитковъ среди нижнихъ чиновъ распространено значительно меньше, чѣмъ

среди тѣхъ же элементовъ населенія, изъ которыхъ тѣ же нижніе чины поступили на службу. Объясняется это очень просто тѣмъ, что въ массѣ народной крѣпко засѣла давно привившаяся мысль, что „служба—не свой братъ“, поэтому—будь-то крестьянинъ, мастеровой, фабричный, готовясь поступить на военную службу стараются подтянуться, взять себя въ руки, и если даже кто и пилъ „на волѣ“, будетъ крѣпиться на сколько характера хватить, чтобы воздержаться и не пить на службѣ. Тѣмъ заблудивше, казалось бы, мы должны стремиться къ тому, чтобы поддерживать въ солдатѣ это старательное отвращеніе къ пьянству. А на самомъ дѣлѣ у насъ укоренились, между тѣмъ, въ арміи такіе обычаи, поддерживаемые существующими законами, которые способны низвести на-нѣтъ усилія солдата воздержаться отъ спиртныхъ напитковъ, или могутъ толкнуть на путь пьянства такого, который раньше никогда и не пилъ. Наибольшій вредъ тутъ приносятъ узаконенныя у насъ въ арміи „винныя порціи“.

Давно всѣмъ извѣстно, что пьяныхъ нижнихъ чиновъ въ ротѣ бываетъ больше въ табельные дни, когда выдается казенная получарка, чѣмъ даже въ дни большихъ праздниковъ, когда нѣтъ спеціальнаго отпуска казенной водки. Объясняется это тѣмъ, что непьющие считаютъ своей обязанностью поднести свою получарку пьющимъ товарищамъ, и такимъ образомъ, многимъ достается уже не одна, а нѣсколько порцій, отъ которыхъ можно и охмелѣть; тѣ же, которые выпили только одну порцію, находятъ для себя тоже законный предлогъ выпить еще покупной водкой до пьяна, увѣряя начальство, что это казенная водка такая хмельная. Бываетъ и такъ, что иногда новобранецъ, никогда не пившій до службы, считаетъ для себя своего рода удаляю опрокинуть казенную получарку, чтобы не показать себя „красной дѣвицей“ передъ всѣмъ строемъ роты, а тамъ „лиха бѣда начало“—стоитъ лишь начать, и привыкнуть недолго.

Такимъ образомъ узаконеннымъ положеніемъ о хозяйствѣ въ ротѣ винныя порціи являюща, несомнѣнно, проводниками пьянства и, во всякомъ случаѣ, не содѣйствуютъ проповѣди трезвости среди нижнихъ чиновъ. Войсковые начальники нерѣдко ополчаются противъ этой узаконенной выпивки, но требуется слишкомъ много энергіи и самостоятельности характера, чтобы добиться замѣны водки какимъ-нибудь отпускомъ, или вообще болѣе ос-

мысленнаго приложенія къ жизни этого давно отжившаго закона. Во время минувшей войны, въ началѣ ноября 1904 г., послѣдовало распоряженіе главнокомандующаго объ отпускѣ винныхъ порцій въ войска по случаю наступившихъ холодовъ; интендантская стоимость одной чарки, составлявшей суточную дачу для каждаго солдата, доходила, кажется, до 25—30 копѣекъ; на эти деньги солдатъ могъ имѣть цѣлый день чай и сахаръ вдоволь, что, сидя въ окопахъ непрерывно день и ночь, было гораздо важнѣе, чѣмъ опрокинуть въ одинъ моментъ чарку водки. Но не смотря на то, что я при содѣйствіи начальника дивизіи и командира корпуса ходатайствовалъ объ отпускѣ, по суммѣ соотвѣтствующей стоимости, чаю и сахара вмѣсто спирта, или объ отпускѣ стоимости винныхъ порцій деньгами для покупки упомянутыхъ предметовъ почетомъ войскъ—добиться разрѣшенія интендантства никакъ нельзя было; точно по мановенію волшебнаго жезла спиртъ оказался заготовленнымъ едва лишь послѣдовало приказаніе, а потомъ предлагали—или берите натурой, или ничего не получите. Вполнѣ сознавая ужасный вредъ, приносимый водкой, все же невозможно было отказатья вовсе отъ этой пагубной даровщинки, потому что нижніе чины, въ особенности пьющие, громко заявляли претензію, видя, что въ сосѣднихъ частяхъ войскъ люди пьютъ, а имъ не даютъ. Приходилось, волей-неволей, благодаря существованію нелѣпаго отпуска отъ казны, служить самому проводникомъ явнаго вреда въ свою собственную часть.

Результаты появленія казенной чарочки не замедлили обнаружиться: появились самовольныя отлучки въ обозъ, въ тылъ, которыхъ не было раньше, потому что у многихъ нижнихъ чиновъ, склонныхъ къ пьянству, выпитая казенная чарка пробуждала дремлющій въ нихъ порокъ, который никогда не могъ бы проявиться на позиціи при боевой обстановкѣ, если бы само начальство не позаботилось доставленіемъ водки въ боевую линію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря установленію казеннаго отпуска спирта въ войска, появилась и въ обозѣ тайная торговля водкой, и это послужило источникомъ многихъ преступленій, а вмѣстѣ съ ними и безысходнаго горя и несчастья для многихъ и многихъ нижнихъ чиновъ. Многимъ, пережившимъ отступленіе подъ Мукденомъ, останутся памятными на всю жизнь сцены дикаго

пьяного разгула, которому предавались иногда бродившіе въ одиночку нижніе чины, находившіе на полѣ сраженія брошенные цѣлыми ящиками коньякъ, спиртъ, богатая вина и т. п. Безъ лишнихъ словъ понятно, что многіе изъ этихъ нижнихъ чиновъ стали добычей врага только потому, что не могли оторваться отъ этихъ никогда ими невиданныхъ питій и яствъ. Между тѣмъ, кому и для чего нужны на войнѣ такіе обильные запасы винъ, когда требуется постоянно быть во всеоружіи всѣхъ своихъ умственныхъ силъ? Что можетъ быть преосудительнѣе такого „пира во время чумы“, устраиваемаго при пособіи начальства! Вѣдь бывало даже, что у насъ легко предоставлялись вагоны подъ ящики винъ для экономическихъ обществъ, въ то время, когда каждое колесо подвижного состава плуце жизни нужно было для перевозки войскъ и боевыхъ запасовъ.

Мы такъ много хлопочемъ теперь о воспитаніи солдата въ духѣ воинскихъ доблестей и вѣрности присягѣ. Конечно, это необходимо внушать солдату на каждомъ шагу его кратковременной службы. Но можетъ ли быть рѣчь о *воспитаніи*, или даже перевоспитаніи, зрѣлаго человѣка 21—22-лѣтняго возраста въ теченіе *трехъ* лѣтъ службы. Да если бы это и возможно было, то все же не подлежитъ сомнѣнію, что привито на службѣ испортится во время продолжительнаго состоянія въ запасѣ.

Но, если армія, при нынѣшнихъ срокахъ службы, не можетъ служить воспитательнымъ домомъ для солдата, то она должна и можетъ служить *школой народной*, въ широкомъ значеніи слова. Поэтому необходимо изгнать изъ арміи все, что такъ или иначе извращаетъ здоровый взглядъ солдата на жизнь, или способно привить на службѣ вредныя привычки. Для этого ближайшей мѣрой должна служить отмѣна установленныхъ у насъ въ табельные дни винныхъ порцій. А въ военное время необходимо не только упразднить узаконенныя выдачи спирта, но воспретить вовсе провозъ на театръ войны спиртныхъ напитковъ подъ какими бы то ни было наименованіями.



## Глава III.

### Изъ указаній опыта минувшей войны.

#### 1. Теорія и практика подготовки къ войнѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что во всѣхъ нашихъ теперешнихъ начинаніяхъ по рѣшенію разныхъ назрѣвшихъ вопросовъ въ военномъ дѣлѣ обращаемся постоянно къ „указаніямъ опыта минувшей войны“. Въ этомъ жгучемъ позорѣ, поразившемъ нашу родину великимъ испытаніемъ, Россія познала не только свою слабость, но и свою силу; поэтому весьма естественно, что для распознанія дальнѣйшихъ путей приходится черпать совѣтъ и указанія изъ только-что пережитыхъ кровавыхъ уроковъ, точно такъ же какъ сказочные богатыри земли русской возобновляли свою силу, прикасаясь рукой къ родной землѣ.

До сего времени, котораго послѣ минувшей войны прошло, правда, слишкомъ мало, мы еще не извлекли изъ выстраданныхъ уроковъ какія-нибудь вполнѣ опредѣленныя указанія, а еще менѣе проведены въ жизнь вполнѣ выношенныя окончательныя реформы. Тѣмъ не менѣе появляются уже ироническіе голоса, склонные вышучивать это частое обращеніе къ указаніямъ опыта минувшей войны, пытаясь противопоставить имъ такія причины нашихъ пораженій, которыя всецѣло лежатъ внѣ досягаемости мѣропріятій со стороны военного ведомства. Словъ нѣтъ: война представляетъ собою явленіе настолько сложное, что при желаніи приурочить удачный или неудачный исходъ ея къ какому-нибудь однороднымъ, хотя бы и главенствующимъ причинамъ, мы неизбѣжно рискуемъ впасть въ крайность; это въ дѣйствительности всеобъемлющій экзаменъ всей жизнѣтельности народной, въ которомъ государство пожинаетъ на войнѣ то, что посеяло задолго передъ тѣмъ во многихъ предшествовавшихъ поколѣніяхъ. Наша минувшая война съ Японіей дала въ этомъ отношеніи примѣръ въ высшей степени яркій и

поучительный. Весь мир был удивлен неслышанным провалом былой славы наиболее грозной в Европе военной державы, обладающей и в мирное время армией равной по своей численности всем европейским армиям вместе взятым, гордой не только заслуженной многовековой славой, но также подготовкой и организацией по последнему слову военной науки. И все это—хотя бы и не в жизненных центрах России, а на далекой окраине—было подкошено и опрокинуто маленьким народом, который в общение с Европой и со всем миром вошел, так сказать, со вчерашнего дня.

Въ чемъ же оказалась наша слабость и сила японцевъ?

Сводя въ общий итогъ что высказано было по этому вопросу въ печати, военной и общей, можно прийти къ заключенію, что причина нашихъ поражений кроется, во-первыхъ, въ недостаточности патриотическаго воодушевленія цѣль войны и, во-вторыхъ, въ слабой подготовкѣ команднаго состава и низкомъ уровнѣ культурнаго развитія нижнихъ чиновъ.

Не будемъ останавливаться на подробномъ выясненіи значенія въ современной войнѣ причинъ войны, представляющихъ собою самую душу народнаго предпріятія, дающую ему жизнь и смыслъ. Въ нашей войнѣ съ японцами въ дѣйствующей арміи замѣтно было съ самаго начала отсутствіе воодушевленія какъ среди нижнихъ чиновъ, такъ и среди офицеровъ. Не даромъ бывшій главнокомандующій генераль-адъютантъ Куропаткинъ неоднократно объяснялъ наши поражения эфемерностью причинъ и поводовъ, вызвавшихъ эту войну. И дѣйствительно: на сколько каждому японскому солдату безъ лишннихъ поясненій были понятны причины войны, на столько же у насъ—не только солдату, но и офицеру—цѣль войны рисовалась въ непроглядномъ туманѣ. А въ результатъ было то, что въ то время какъ у насъ наблюдались полная апатія и почти равнодушное отношеніе къ дѣлу войны, въ японской арміи замѣтенъ былъ необычайный подъемъ моральныхъ силъ; мнѣ пришлось на войнѣ видѣть письмо, найденное при убитомъ японскомъ офицерѣ, незадолго передъ тѣмъ полученное имъ отъ молодой жены: въ противоположность нашимъ письмамъ съ родины, въ письмѣ японки не было никакихъ жалобъ на продолжительность войны; напротивъ,—жена требовала отъ мужа подвига, закончивъ письмо словами: „ты

долженъ побѣдить, хотя бы это стоило тебѣ жизни”...

Оставляя въ сторонѣ значеніе такого фактора, какъ цѣль войны, опредѣленіе и вліяніе котораго совершенно независимы отъ военнаго управленія, необходимо признать, что роль другой слагаемой—подготовка личнаго состава—зависитъ уже цѣликомъ отъ руководителей и наставниковъ нашего военнаго дѣла. Какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи военнымъ министерствомъ приняты были обширныя мѣры по омоложенію и комплектованію команднаго состава и упорядоченію прохожденія службы всей массой офицеровъ. Но какъ бы цѣлесообразны ни были эти мѣры—еще важнѣе обстановка и весь строй жизни, при которыхъ принятая реформа получать дальнѣйшее развитіе. Это вполне подтверждается опытомъ недавняго прошлаго: почти во все время восьмидесятихъ и девяностыхъ годовъ боевая подготовка нашей арміи, за однимъ лишь единственнымъ исключеніемъ (легкое пренебреженіе грамотностью и умственнымъ развитіемъ солдата), зиждилась на вполне здоровыхъ общепризнанныхъ началахъ. Ни въ чемъ наша армія не уступала въ этомъ отношеніи ни одной первоклассной арміи западно-европейскихъ государствъ: мы позаимствовали даже изъ республиканской арміи наиболее демократическій законъ о предѣльномъ возрастѣ; на критическихъ разборахъ маневренныхъ операцій старшіе начальники всегда считали своимъ долгомъ расшаркиваться передъ уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ, передъ принципомъ личнаго почина и инициативы.

Словомъ,—въ теченіе длиннаго періода, предшествующаго минувшей войнѣ съ Японіей, положительно не въ чемъ упрекнуть наше военное вѣдомство въ отсталости дѣйствующихъ законовъ или даже—господствующихъ взглядовъ въ дѣлѣ боевой подготовки арміи.

Но—такова была теорія; а на дѣлѣ законодательныя нормы расходились съ дѣйствительной жизнью, которая не для одного только военнаго вѣдомства, но и для развитія всего государственнаго организма протекла въ условіяхъ, противорѣчащихъ прекраснѣйшимъ принципамъ, положеннымъ въ основу дѣйствующихъ законовъ. Поэтому, при фактическомъ господствѣ произвола и личныхъ усмотрѣній, весьма цѣлесообразный законъ о предѣльномъ возрастѣ стали примѣнять лишь тогда, когда это

допускалось начальством, а когда оно признавало нужным, оно имело возможность *ходатайствовать* о дальнейшем оставлении на службѣ. Изданъ былъ прекрасный законъ о предоставлении большей самостоятельности командирамъ полковъ въ дѣлѣ внутренняго управленія частью; но начальники дивизій, желающіе проявить свою дѣятельность, понимаютъ ее не иначе, какъ властное вмѣшательство въ права командира полка, и вмѣсто командованія дивизіей стремятся командовать четырьмя полками. Прилаживаясь съ особеннымъ удовольствіемъ къ господствовавшему режиму личнаго усмотрѣнія, высшее начальство нашло себѣ лазейку и въ законодательномъ намекѣ—что „всѣ права, предоставленныя низшему начальнику, подавно принадлежатъ высшему“, и на этомъ основаніи являлась всегда полная возможность обезличивать подчиненныхъ, что, разумѣется, душило въ нихъ всякіе порывы къ инициативѣ и личному почину.

Все это, какъ сказано, расцвѣло вопреки существующимъ законамъ, только благодаря всей окружающей душевной атмосферѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ. Наше военное вѣдомство въ этомъ отношеніи плыло только по общему теченію, не желая или не умѣя проложить себѣ собственное русло,—какъ это было во время министерства Д. А. Милютина: какъ извѣстно, послѣ великихъ реформъ 60-хъ годовъ русская жизнь весьма быстро была охвачена реакціей во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, и только одно военное вѣдомство сумѣло отмежеваться тогда отъ общаго настроенія не только въ смыслѣ теченія обычнаго законодательства, но и фактическаго примѣненія его въ жизни; достаточно указать на всеобщую воинскую повинность, гласный военный судъ, реформу военно-учебныхъ заведеній и пр. Все это было проведено тогда, когда вся окружающая атмосфера далеко не благоприятствовала проведенію такихъ реформъ. Преемникъ Д. А. Милютина, покойный П. С. Ванновскій, держался иныхъ взглядовъ и ввелъ военное вѣдомство въ общее русло нашей внутренней жизни. Именно въ эту эпоху и заронены были сѣмена нашихъ будущихъ пораженій въ войнѣ съ японцами,—если причину этихъ пораженій видѣть тамъ же, гдѣ ихъ усмотрѣлъ А. Н. Куропаткинъ, преемникъ и послѣдователь П. С. Ванновскаго, бывшій главнокомандующимъ нашими арміями въ эту злосчастную войну, познавшій на дѣлѣ кровавыя указанія

нашихъ недочетовъ и оповѣстившій это откровенно въ своемъ извѣстномъ прощальномъ приказѣ войскамъ 1-й Маньчжурской арміи, а затѣмъ и въ извѣстномъ „отчетѣ“.

Итакъ—законы и принципы, принятые у насъ въ дѣлѣ боевой подготовки арміи, были въ большинствѣ случаевъ вполне цѣлесообразны во все время, предшествовавшее минувшей войнѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вырабатываемая теперь реформа въ военномъ вѣдомствѣ будутъ также не менѣе цѣлесообразны. Но всего важнѣе создать въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ здоровую бодрящую атмосферу, способную животворнымъ образомъ вліять на всякое полезное начинаніе, окрылять личный починъ и воспитать начальнический составъ въ духѣ законности и проникновенія тѣми прекрасными принципами, которые положены въ основу давно уже существующихъ и вырабатываемыхъ теперь цѣлесообразныхъ законовъ.

## 2. Былые грѣхи.

Всѣ недочеты въ жизнедѣятельности арміи во время мира выступаютъ всегда на войнѣ съ особой рельефностью и часто даютъ себя знать цѣною кровавыхъ жертвъ и недостигнутыхъ результатовъ. Какъ въ зеркалѣ, отразились и въ минувшую войну многие недостатки въ воспитаніи и образованіи нашей арміи—какъ въ отношеніи боевой подготовки офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Многія причины нашихъ пораженій были на театрѣ войны ясны до очевидности, даже для близорукихъ и упорствующихихъ; и всѣмъ казалось, что поль-дѣла сдѣлано, когда язва обнаружена и остается только лечить указанное мѣсто. Пусть мы дошли къ этому сознанію путемъ тяжелой Голгофы, по заливымъ нашей кровью полямъ Маньчжури; но воскресеніе арміи видимо свѣтилось въ близкой дали, когда такъ ясенъ былъ путь къ возрожденію. Но едва лишь затихла война и военное дѣло съ „опытнаго поля“ втянулось въ кабинетъ и казарму, какъ быстро исчезли бьющіе въ глаза кровавые примѣры и безспорныя истины, такъ недавно навязшія у всѣхъ на зубахъ. Опять все подернуто дымкой сомнѣній, рождающихъ неувѣренность и двойственность въ проводимыхъ реформахъ.

Въ періодъ внѣшняго расцвѣта могущества нашихъ вооруженныхъ силъ, предшествовавшей послѣдней войнѣ съ Японіей, въ нѣкоторыхъ военныхъ округахъ, подъ видомъ законной заботливости о „сѣрой скотинѣ“, господствовала система заигрыванія съ нижними чинами, которыхъ высшее начальство почему-то считало необходимымъ оберегать отъ произвола ближайшаго начальства, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Въ погонѣ ли за популярностью, или вслѣдствіе недовѣрія къ младшимъ начальникамъ, принималась на вѣру каждая жалоба солдата на своего ротнаго командира, который всегда и во всемъ являлся козломъ отпущенія за всѣ прегрѣшенія, учиненныя въ ротѣ, и свыше и снизу. Весьма часто среди безнравственныхъ нижнихъ чиновъ существовалъ вѣрный способъ напакоотить ротному—стоило только при случайной встрѣчѣ съ высшимъ начальствомъ прикинуться невинной овечкой и заронить что-нибудь о неаккуратности ближайшаго начальника.

Не удивительно, что при такой системѣ воспитанія дисциплина въ войскахъ видимо пошатнулася. Среди нижнихъ чиновъ заронены были сѣмена недовѣрія къ ихъ ближайшимъ начальникамъ, которымъ, какъ казалось, не довѣряли и свыше.

Эта система ухаживаній продолжалась и на войнѣ, и весьма естественно привела къ дикимъ уродливымъ явленіямъ, которыя въ корнѣ подтачивали самыя основы воинскаго долга и святости присяги: невидимыми путями среди нижнихъ чиновъ проводилось понятіе, что они дѣлаютъ свое дѣло кому-то въ личное одолженіе, которое такъ или иначе должно быть вознаграждено. Какъ только солдатъ раненъ и ушелъ въ госпиталь—онъ уже получалъ изъ рукъ высшаго начальства георгіевскій крестъ и денежное вознагражденіе (иногда)—часто даже въ двойной порціи: при эвакуаціи— въ Ляоянѣ встрѣчаетъ ген.-адъют. Куропаткинъ и раздастъ кресты; далѣе, въ Мукденѣ, встрѣчаетъ адм. Алексѣевъ и раздастъ кресты. Каждому ясно, что, отправляясь на войну, можно быть раненымъ или убитымъ; но это все же само по себѣ не представляетъ собою подвига, заслуживающаго особой награды. Зато тѣ раненые, которые съ перевязочнаго пункта вернулись назадъ въ строй и не имѣли счастья попасть на глаза высшему начальству, лишены уже награды вполнѣ заслуженной и вопреки закону. Точно также главнокомандующимъ

установлено было за правило выдавать нижнимъ чинамъ денежное вознагражденіе въ 100 руб. за каждаго плѣннаго японца, даже раненаго. Конечно, число плѣнныхъ японцевъ у насъ не увеличилось при помощи этого денежнаго „бешкеша“, который не только офицерамъ, но и нижнимъ чинамъ казался глубоко противнымъ \*) съ точки зрѣнія общепризнанной морали при открытой войнѣ между двумя равноправными воюющими сторонами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутыя сейчасъ мѣры, а также и многія другія, имъ подобныя, представляющія собою продолженіе господствовавшей въ мирное время системы ухаживаній, дѣйствовали растлѣвающимъ образомъ на сознаніе святости присяги, обязанности передъ родиной и т. п. Въ сумрачной области психическихъ явленій всѣ эти мѣры въ скрытомъ видѣ принесли, можетъ быть, не меньше вреда, чѣмъ какой-нибудь неудачно рассчитанный стратегическій маневръ подъ Мукденомъ или въ иномъ мѣстѣ.

Теперь война кончилась, и недавнее прошлое отступаетъ все глубже въ даль подъ напоромъ мирныхъ вѣяній, благодаря которымъ скоро, пожалуй, забудутъ вовсе кровавые уроки минувшей войны, купленные такой дорогой цѣной. Подъ вліяніемъ внутреннихъ неурядицъ, система заигрываній съ нижними чинами, существовавшая до войны въ чисто платоническомъ видѣ, стала проводиться путемъ законодательнымъ. Военный бюджетъ увеличенъ былъ сразу на 20 слѣшкомъ миллионовъ рублей и— притомъ не для увеличенія боевой готовности, а на лишній кусокъ мяса, простыни, наволочки, носовые платки и тому подобные предметы, безъ которыхъ нашъ солдатъ прекрасно обходится дома, до службы и послѣ службы; сокращенъ дѣйствительный срокъ службы сразу до 3-хъ лѣтъ; становится тяжелой единственная въ мирное время караульная служба, и говорятъ о необходимыхъ „упрощеніяхъ“; говорятъ и о необходимости переработки дисциплинарнаго устава въ духъ болѣе соответственнаго „требованіямъ времени“ и нарождающагося „правосознанію“ нижнихъ чиновъ.

И все это выросло подъ давленіемъ „экономическихъ требованій“, которыя изъ общаго сумбура появлялись и исчезали, какъ пузыри подъ дождемъ на поверхности воды. Всѣмъ теперь

\*) Вслѣдствіи главнокомандующій самъ созналъ ошибочность этой мѣры, которая и была отменена.

видно, что въ жизни нашей арміи эти легендарныя „экономическія требованія“ имѣли дѣйствительно не больше значенія, чѣмъ пузыри на поверхности воды. И—однако...

При умственной слѣпотѣ и массовой безграмотности наша сѣрая армія, едва ли, и оцѣнила эту тяжкую жертву государства въ 20 слишкомъ миллионѣвъ рублей въ годину бѣдствій и всякихъ невзгодъ; а если и оцѣнила, то—пожалуй, совсѣмъ въ другую сторону. Если бы эти 20—30 миллионѣвъ, потонушіе какъ ничтожная капля въ нашемъ военномъ бюджетѣ, были бы *въ интересахъ арміи* отданы специально на дѣло народной школы, то они современемъ принесли бы гораздо больше пользы, чѣмъ носовые платки и наволочки. Мы уже однажды высказали, что для оздоровленія нашей арміи ей раньше всего и больше всего необходима народная школа, построенная на здоровыхъ началахъ. А пока это осуществится необходимо—отбросивъ заигрыванія всякаго рода—стремиться всѣми мѣрами къ поднятію и укрѣпленію дисциплины въ войскахъ, къ сознанию воинскаго долга и святости присяги. Солдатъ долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что онъ призванъ на службу священной для всѣхъ воинской повинностью, а не приманками всякаго рода.

Аналогично тому, что нами сказано выше относительно нижнихъ чиновъ, мы встрѣчаемъ и въ отношеніи офицеровъ. И здѣсь наша воспитательная система стоитъ на ложномъ пути, ударившись изъ одной крайности въ другую: во время русско-турецкой войны условія офицерской жизни въ походѣ почти совершенно не принимались во вниманіе; зато въ послѣднюю войну съ Японіей нормированнымъ закономъ „походный багажъ“ офицерскій выросъ въ нѣсколько пудовъ и отягчалъ иногда до крайности войсковые обозы. Недаромъ въ военной печати, въ послѣднее время, все громче слышны упреки по адресу чрезмѣрной прихотливости и изнѣженнаго воспитанія офицера, обнаружившихся въ минувшую войну. Даже главнокомандующимъ отмѣчена было въ одномъ изъ приказовъ сравнительно большая склонность офицеровъ къ болѣзненности и нервозности, порождаемымъ суровыми условіями войны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эти недочеты являются послѣдствіемъ нашей воспитательной системы, начиная отъ первой подготовки, получаемой въ корпусахъ, и кончая затѣмъ въ годы

офицерской жизни примѣрами окружающей среды и господствующими среди нея взглядами.

Въ корпусахъ теперь комфортъ кадетской обстановки сталъ своего рода предметомъ спорта: корпуса соревнуютъ другъ передъ другомъ, придумывая всякія тонкости, чтобы побить рекордъ. Всѣ эти старанія направлены, конечно, раньше всего для достиженія блестящей внѣшней оболочки: но этимъ путемъ прививаются и питомцамъ корпусовъ такія привычки, которыя не соотвѣтствуютъ суровымъ требованіямъ военно-бытовой жизни. Въмѣсто того, чтобы въ военной школѣ готовить къ суровымъ условіямъ жизни, къ выносливости,—приохотить къ труду и военнымъ наукамъ, обращаютъ много вниманія на усвоеніе изящныхъ манеръ и новыхъ танцевъ; даже выучка ручного труда, введенная въ послѣднее время, направлена къ тому, чтобы офицеръ умѣлъ беззвѣдно „убивать время“...

Какое значеніе могутъ имѣть при этомъ проповѣдуемая на словахъ всѣ прописныя морали о готовности самопожертвованія, воинскомъ долгѣ и т. п.—когда вся система воспитанія направлена къ тому, чтобы представить жизнь сплошнымъ праздникомъ, на который надо вступить лишь подготовленными манерами и новыми танцами. Весьма естественно, что эта первоначальная закваска, полученная въ корпусахъ, кристаллизируется въ послѣдствіи въ типическія формы „дамскаго кавалера“ и „добраго малага“, являющихся въ истинномъ смыслѣ синонимомъ пустоты и бездарности.

А продолженіемъ такой воспитательной системы явилась практика войны. Вопреки всякимъ законамъ установилось правило, что за простое участіе въ бою полагается орденъ, за полученную рану полагается еще денежная награда; даже „понесенные труды“, ставшіе въ арміи своего рода крылатымъ словомъ,—такъ какъ означали собою продолжительное и законное бездѣліе—тоже принято было вознаграждать сверхъ нормы. Такое размѣниваніе служебнаго долга на ордена и денежные награды является только логическимъ развитіемъ той же системы заигрыванія съ нижними чинами, которую мы привели выше.

Армія національная, организованная по принципу всеобщей воинской повинности, должна быть сильна своимъ великимъ призваніемъ исполненія долга передъ Родиной. Тутъ нѣтъ мѣста

никакимъ задабриваніямъ, приличествующимъ лишь арміи вербовочной, составленной изъ наемниковъ.

### 3. Реформы и „реформы“.

Въ послѣдніе годы всѣхъ обуюло чаяніе реформъ по переустройству нашей арміи во всей ея мирной жизнедѣятельности. Какъ будто и обыкновенная наша текущая работа потекла замедленнымъ ходомъ, все въ ожиданіи „реформъ“ и обновленій. Зудъ реформаторскій, проникающей теперь въ нашу армію сверху до низу, положительно мѣшаетъ спокойной сосредоточенной работѣ, отвлекая мысль, трудъ и энергію отъ близкаго подлиннаго дѣла, которое всегда будетъ плодотворно даже и не въ реформированномъ видѣ, если только отдаться ему добросовѣстно.

Дошло до того, что одинъ военный журналъ предпринялъ даже особую „анкету“ по всей арміи, призывая всѣхъ высказываться, какія нужны реформы для того, чтобы поднять нравственный духъ и личный составъ арміи; притомъ общается, что весь добытый этой „анкетой“ матеріалъ будетъ доставленъ военному министру; не сказано только, для какой цѣли будетъ представленъ этотъ матеріалъ прямо военному министру: для принятія къ свѣдѣнію или просто для немедленнаго осуществленія. Тутъ невольно сказалась извѣстная доля нашей самобытности; въ западно-европейской периодической литературѣ давно уже существуетъ для читателей такая удочка, какъ „анкета“; но тамъ этотъ „запросъ“ ставится въ видѣ какихъ-нибудь замысловатыхъ ребусовъ, шарадъ, отгадываніемъ которыхъ можно заниматься на досугѣ, между дѣломъ, а тутъ хотя бы взять быка за рога, и предлагается военнымъ читателямъ придумать реформы, которыя бы намъ дали въ результатѣ не пораженіе, какое мы испытали въ минувшую войну, а надъ всѣми врагами побѣду и одолженіе...

Вмѣсто поплеыванія въ потолокъ или запойной игры въ винтъ гораздо полезнѣе, конечно, использовать свой досугъ на отгадываніе такого спасительнаго ребуса, какъ ключъ къ побѣдамъ, или изобрѣтеніе какого-нибудь жизненнаго эликсира и т. п. Но безусловно вредно искусственно возбуждать и расчесывать въ массѣ этотъ реформаторскій зудъ, который и безъ

того многимъ мѣшаетъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, точно такъ же, какъ въ свое время обезцвѣтилась человѣческая мысль, когда она ушла въ схоластику и метафизику, вмѣсто того, чтобы интересоваться повседневной жизнью и ея запросами. Для военнаго журнала есть и безъ того свой кругъ литературныхъ работниковъ, которые уже отъ природы, такъ сказать, подвержены, въ большей или меньшей степени, писательскому зуду. Имъ и перо въ руки. Пусть ихъ, время отъ времени, занимаютъ составленіемъ проектовъ, хотя бы и фантастическихъ. Но манить къ этимъ занятіямъ массу рядовыхъ работниковъ, отвлекая ихъ отъ своей повседневной работы, которая, повѣрьте, и поднесъ необходима и плодотворна, даже и въ настоящемъ своемъ видѣ—значить будить не дѣло, а бездѣлье. Представьте себѣ, что мы будемъ стараться вселить въ чело-вѣкъ убѣжденіе, что все, что онъ ни дѣлаетъ сейчасъ, представляетъ собою лишь толченіе воды, что вся работа должна быть устроена на иной ладъ, что—„давайте вмѣстѣ думать, какъ иначе устроить нашу работу“... Какъ тутъ не бросить то, что дѣлаешь сейчасъ, когда проникаешься мыслью, что выполняешь лишь работу Пахомія-Отшельника, перетаскивая камни съ мѣста на мѣсто!

А вѣдь это неправда! Заурядная работа въ воспитаніи и образованіи арміи, въ ея боевой подготовкѣ, столь же плодотворна и въ своемъ настоящемъ нереформированномъ видѣ, и вовсе не требуетъ такой коренной перекройки, чтобы съзвать для этого „чрезвычайное общее собраніе“. Нужны ли реформы? Конечно нужны. Но когда онѣ *не* были нужны? Развѣ и передъ минувшей войной, въ каждое данное время, можно было сказать про армію, что все обстоитъ благополучно и „до послѣдней пуговицы“ ничто не требуетъ никакихъ измѣненій? Развѣ это можетъ сказать про себя въ настоящую минуту, хотя бы, даже и наиболѣе благополучная германская армія, послѣ того, какъ въ самой ея сердцевинѣ обнаружено несомнѣнное гнѣздилище социаль-демократической червоточины?

Армія, какъ живой организмъ, неизмѣнно растетъ и развивается вмѣстѣ со всѣмъ государственнымъ организмомъ и время отъ времени перерастаетъ нѣкоторыя свои отживающія формы и учрежденія, требуя въ каждую данную эпоху извѣстныхъ ре-

формъ и обновления, соответствующихъ нарождающимся новымъ требованиямъ въ духъ времени. Но—это текущая работа тѣхъ, которые призваны постоянно стоять „на вахтѣ“ и направлять жизнедѣятельность нашего вѣдомства. Минувшая злосчастная война съ Японіей въ этомъ отношеніи выбила насъ изъ колеи. Позоръ тяготящихся надъ нами поражений заставляетъ всѣхъ метаться въ разныя стороны въ поискахъ за реформами, мѣшая сосредоточиться надъ своей повседневной, тоже необходимой и плодотворной, работой. О чемъ ни зайдетъ рѣчь—по вопросамъ ли обмундирования и снаряженія, о выработкѣ ли новыхъ тактическихъ приемовъ, формъ строя, обновления личного состава и т. п.—во всемъ замѣчается какое-то выжидательное положеніе, чаяніе реформъ, напоминающее некрасовское „вотъ прійдетъ баринъ, баринъ насъ расудитъ“...

А пока-что, дѣло стоитъ. Масса офицеровъ точно заворожена ожиданіемъ реформъ. Между тѣмъ, иногда при желаніи войсковые начальники не скупаются у насъ на реформы собственного измышленія, отнюдь не считаясь съ тѣмъ, допускается это или не допускается дѣйствующими законами. Пришло, напримѣръ, начальнику дивизіи въ голову, что наилучшимъ средствомъ обновления личного состава въ корпусѣ офицеровъ могла бы служить система экзаменовъ, и онъ ничто же сумняся вводитъ у себя въ дивизіи сейчасъ же систему экзаменовъ по имъ самимъ придуманнымъ программамъ, предъявляя результаты экзаменовъ какъ матеріалъ для сужденія аттестационныхъ комиссій. Мы не говоримъ о томъ хорошо это или дурно; но вотъ можетъ же быть реформа и домашняго изготовленія. Другой начальникъ бригады, недолюбливающій, вѣроятно, борща и варенаго мяса, рѣшилъ приучить нашего солдата къ гороху и котлетамъ, и мало-по-малу все отошло на задній планъ, уступая мѣсто гороху и котлетамъ: ротные командиры поняли, что вмѣсто пособій къ стрѣлковому дѣлу гораздо важнѣе, чтобы начальству бросились въ глаза мудренныя приспособленія для рубки котлетъ. Установлено для нижнихъ чиновъ чайное довольствіе; но вотъ начальникъ дивизіи, привыкшій, должно быть, пить по утрамъ не чай, а кофе—увѣряетъ, что вмѣсто чаю солдатъ съ большимъ удовольствіемъ будетъ пить кофе, и въ ротахъ изощряются надъ приготовленіемъ какой-то солодовой бурды, которую приказано

назвать кофе. И такъ во многомъ.

Значитъ, иногда мы на реформы очень тароваты, отнюдь не дожидаясь ихъ свыше, если только это наши излюбленные коньки. И надо замѣтить, что *эти-то* реформы отнюдь не двигаютъ впередъ наше военное дѣло, направляя его, въ лучшемъ случаѣ, по весьма извилистымъ окольнымъ путямъ къ поставленной цѣли, а чаще всего отодвигая его далеко въ сторону и назадъ отъ этой цѣли. Кому неизвѣстно, что при всякомъ новомъ назначеніи командныхъ начальниковъ раньше всего интересуются насущнымъ вопросомъ: а на что больше всего налагаетъ новый начальникъ?... Узнали, что начальство больше всего уважаетъ церемониальный маршъ, и—безъ малѣйшихъ колебаній вызываютъ къ жизни давно канувшій въ вѣчность „учебный шагъ“ въ три приема, изощряются въ тонкостяхъ равненія и трагятъ на эту отрасль солдатской лженауки добрую половину и безъ того краткаго времени современной солдатской службы. Увлекается новый начальникъ теоріей умственного развитія солдата, и—съ легкимъ сердцемъ отодвигаются на задній планъ стрѣлковое дѣло и все прочее строевое образование, урывая сколь возможно больше времени на лекціи, волшебный фонарь и т. п.

Почему же теперь мы такъ часто отовсюду слышимъ томительныя вздыханія въ ожиданіи грядущихъ реформъ, которыя и до сихъ поръ проводились часто самолично, по личнымъ усмотрѣніямъ, нисколько не считаясь съ преподаанными свыше руководящими указаніями?

Необходимо помнить что никакія реформы, затрогивающія лишь наше военное вѣдомство, не могутъ обезпечить намъ обязательную побѣду въ будущемъ. Современная національная армія представляетъ собою кость отъ кости и плоть отъ плоти своего народа, воспринимая отъ него силу и слабость, жизнь или смерть; точно такъ же какъ военное вѣдомство являетъ собою часть государственнаго организма, питаясь его жизненными соками, или хирѣя отъ развѣдающихъ его тлетворныхъ недуговъ. Если въ настоящее время армія наша несетъ на себѣ тягость пережитыхъ поражений, то не ея въ томъ вина по преимуществу, а причины этихъ поражений, развѣтвляясь далеко за предѣлы военнаго вѣдомства, а если въ злосчастную войну съ Японіей родина наша потерпѣла провалъ при испытаніи своихъ воору-

женных силъ, то это потому только, что видимымъ образомъ на войнѣ выступаетъ армія, которая, какъ въ общемъ фокусѣ, отражаетъ въ себѣ все, что натворилъ и нагрѣшилъ народъ. Но это все же экзаменъ не арміи только и военному вѣдомству, а всему народу и его государственному организму. Мы уже неоднократно высказывали здѣсь наше сокровенное убѣжденіе, что въ минувшую войну нагляднѣйшимъ образомъ сказалось все значеніе основной ячейки арміи — подготовка отдѣльнаго рядового бойца, которая обрисовалась весьма рельефно вслѣдствіе значительной разницы въ уровнѣ общей подготовки и умственного развитія рядовыхъ бойцовъ японскаго и нашего. Японская армія поголовно грамотная, а наша на 70% безграмотна. Чѣмъ тутъ можетъ помочь военное министерство при нынѣшнихъ трехлѣтнихъ срокахъ службы?

Вотъ почему намъ кажется, что упомянутая выше „анкета“ задается весьма нескромнымъ, на нашъ взглядъ, вопросомъ — какъ поднять нравственный духъ арміи. Ни больше, ни меньше!.. И это въ три года дѣйствительной службы, когда солдатъ надо помимо нравственности приобрести весьма изрядный запасъ положительныхъ свѣдѣній. Одно изъ двухъ: если армія комплектуется народомъ безнравственнымъ, то никакой арсеналъ боевыхъ мѣропріятій не поможетъ въ три года дѣйствительной службы поднять ея нравственный духъ: ибо армія живетъ и служитъ среди своего народа, заражаясь его жизнью и его нравственными началами. Да если бы даже и удалось безнравственного солдата въ три года службы очистить отъ всякой скверны, то онъ несомнѣнно опять напитается ею вдоволь за 12 лѣтъ пребыванія въ запасѣ, такъ что, въ концѣ-концовъ намъ пришлось бы на войну выступить все же съ порочной арміей. А если армія комплектуется не столь ужъ нравственно испорченнымъ народомъ, то о чемъ же и хлопотать?

Повторимъ еще разъ то, что мнѣ пришлось высказать здѣсь по вопросу о воспитательной подготовкѣ нашего солдата: пора отказаться отъ совершенно непосильной для нашихъ кадровъ задачи перевоспитанія солдата въ теченіе его кратковременной службы; да и надобности въ этомъ нѣтъ никакой, потому что его природенныя моральныя качества таковы, что лишь бы ихъ не портить на службѣ, а со смысломъ и умѣло пользоваться

ими. Армія наша полна доблестныхъ Рябовыхъ. Все это яркіе нравственные образы, и безъ того стоящіе на высокомъ нравственномъ уровнѣ; но, къ нашему несчастью, умственный кругозоръ ихъ ничтоженъ, образовательная подготовка весьма убога, а поэтому и всѣ ихъ моральныя доблести остаются втунѣ лежащими и не поддаются использованію.

Вотъ въ чемъ горе, вотъ въ чемъ помогайте и „анкетуйте“, а нравственность не трогайте.

#### 4. Боевыя награды.

Среди многихъ жгучихъ вопросовъ, наболѣвшихъ во время пережитой войны, не лишне отмѣтить и вопросъ о боевыхъ наградахъ. Пусть онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ печальному исходу войны и боевой подготовкѣ войскъ вообще, но, какъ боевой стимулъ, хотя-бы слабого свойства, онъ все-же проявляется въ скрытомъ состояніи положительнымъ или отрицательнымъ факторомъ.

Нѣтъ надобности скрывать, что по затронутому вопросу въ офицерскихъ кругахъ Маньчжурскихъ армій вся атмосфера кругомъ этого вопроса насыщена была самой злой, ядовитой критикой. Довольныхъ, удовлетворенныхъ мало.

Строго говоря, всеобщей удовлетворенности въ этомъ отношеніи и быть не можетъ, и гнаться за этимъ не слѣдуетъ. Въ военной исторіи всѣхъ временъ и народовъ вопросъ о боевыхъ наградахъ всегда представлялъ немало затрудненій, а иногда даже приводилъ и къ междоусобнымъ распрямъ и кровопролитіямъ, какъ это случалось въ эпоху рыцарства, когда боевыя награды осуществлялись въ видѣ дѣлежъ военной добычи.

Теперь минуло уже пять лѣтъ мира послѣ пережитой печальной войны на Дальнемъ Востоке, а въ „Русскомъ Инвалидѣ“ нынѣ встрѣчаемся съ приказами о награжденіяхъ „за боевыя отличія“ или „за понесенные труды“ въ эту минувшую войну съ японцами. Вопросъ этотъ, слѣдовательно, не теряетъ своей остроты и въ настоящую минуту и стоитъ того, чтобы остановить на себѣ вниманіе одной изъ многихъ комиссій, занятыхъ перестраиваніемъ нашего военного домостроя.

А вопрос действительно важный. Необходимо помнить, что система боевых наград имѣет воспитательное значение, главным образом, для командного состава армии, т. е. для важнѣйшаго одухотворяющаго двигателя боевой силы, и весьма желательно, чтобы въ чемъ только возможно—всѣми мѣрами и во всѣхъ отношеніяхъ—путь къ успѣху былъ заранѣе расчищенъ, а не засоренъ, какъ мы это видѣли въ минувшую войну. То, что на самомъ дѣлѣ должно служить средствомъ поощрительнымъ на войнѣ, двигающимъ навстрѣчу славы, подвигамъ самоотверженія,—то, что должно было создавать героевъ, у насъ, къ сожалѣнію, приводило какъ-разъ къ обратнымъ результатамъ: парализовало часто всякіе благородные порывы, выдвигая впередъ низменныя качества человѣческой души. Какая-то печать проклятія легла въ эту проклятую войну на всѣхъ начинаніяхъ нашей армии, на всѣхъ ея питомникахъ, призванныхъ питать ее живой силой. Нашъ бессмертный славный „бѣлый крестикъ“, столь священный для нашей армии, и тотъ померкъ въ эту войну во время судоговореній по случаю сдачи Портъ-Артура...

Въ своихъ предсмертныхъ мемуарахъ на островѣ св. Елены Наполеонъ I хвастается учрежденіемъ ордена почетнаго легіона въ самый разгаръ господства республиканскихъ наклонностей, отвергавшихъ всякія внѣшнія отличія; онъ доказываетъ, что французы изъ кожи лѣзли, чтобы получить ленточку почетнаго легіона; теперь этотъ орденъ считаетъ уже второе столѣтіе своего существованія, переживъ во Франціи разныя формы правленія, снова процвѣтаетъ при республиканскомъ строѣ, и несмотря на то, что эта ленточка почетнаго легіона въ разнovidныхъ формахъ является достояніемъ даже и невоенныхъ людей—она все же и до сихъ поръ не потеряла въ своемъ обаяніи далеко за предѣлами даже своей родины. Когда лѣтъ 20 тому назадъ неожиданно обнаружилась скандальная исторія съ продажей за деньги столь прославленной ленточки почетнаго легіона, то французы на глазахъ всего міра постарались вымести обнаруженную грязь и гласнымъ судомъ возстановили честь своей традиціонной ленточки. Мы убѣждены, что и нашъ „бѣлый крестикъ“ возсіяетъ снова своей былой незапятнанной бѣлизной; но чтобы на будущее время его, какъ жену Цезаря, не могли коснуться никакіе разговоры и нареканія, должна быть установлена

соотвѣтствующимъ образомъ тщательно разработанная система боевыхъ наградъ, такъ какъ положиться на безошибочность сужденій хотябы и гениальнаго главнокомандующаго весьма рискованно. Еще при Наполеонѣ I выражалось сомнѣніе—всегда ли ленточка почетнаго легіона украшала истинныя боевыя заслуги, хотябы при оцѣнкѣ этихъ заслугъ гениальной прозорливостью величайшаго полководца и при сравнительной малочисленности армій того времени и характерѣ военныхъ дѣйствій, когда полководецъ часто и самъ могъ быть очевидцемъ и лично оцѣнивать поведение въ бою большей части своихъ войскъ.

Словомъ, оцѣнка и награжденіе по заслугамъ—задача крайне трудная и въ мирное время, требующая идеальнаго уравновѣшенія всѣхъ слабыхъ и сильныхъ сторонъ человѣческой природы—еще болѣе осложняется въ военное время, когда событія и обстановка, вмѣстѣ со всѣми дѣйствующими лицами, не исключая и самого полководца, ближайшаго цѣнителя боевыхъ заслугъ, кружатся въ общемъ кровавомъ ураганѣ, лишающемъ всякой возможности ориентироваться и присмотрѣться ближе къ лицамъ и событіямъ.

Но если это задача трудная сама по себѣ—слѣдуетъ ли еще усложнять этотъ вопросъ искусственно созданными побочными обстоятельствами, которыя во всякомъ случаѣ не содѣйствуютъ успѣшному его рѣшенію?

Обратимся ранше всего къ самой идеѣ учрежденія статута боевыхъ наградъ. Тутъ, очевидно, имѣлось въ виду создать своего рода импульсъ къ боевымъ подвигамъ, рассчитывая на легкомысліе, честолюбіе и другія слабости человѣческой природы, съ которыми, пожалуй, нельзя не считаться: приходится руководствоваться не идеалами, а „среднимъ человѣкомъ“. Однако, тотъ же „средній человѣкъ“ таитъ въ себѣ зародыши и патріотизма, и сознанія долга, и другихъ добрыхъ качествъ, которыя, казалось бы, тоже заслуживаютъ поощренія; умѣстно ли искусственными мѣрами муссировать и безъ того не дремлющія слабыя стороны въ ущербъ сильнымъ? Притомъ же, при современномъ національномъ характерѣ вооруженныхъ силъ и основныхъ импульсахъ, присущихъ нынѣшнимъ воинамъ, мы должны реагировать именно на положительныя качества „средняго человѣка“ и искать опору въ нихъ, а не въ отрицательныхъ его свой-

ствахъ. Да и помимо того, вступая въ союзъ съ человѣческими слабостями, достигается ли цѣль, имѣющая въ виду поощреніе боевыхъ добродѣтелей учрежденіемъ орденовъ за боевыя отличія?

Присмотрѣвшись близко къ поведенію офицеровъ во многихъ бояхъ въ минувшую войну, положительно утверждаю, что эта цѣль отнюдь не достигается, даже въ слабой степени. Начать съ того, что, согласно Положенію о полевомъ управленіи, у насъ установилось за правило, что послѣ *каждаго* генеральнаго сраженія (Вафангоу, Ляоянъ, Шахъ, Мукденъ—какъ было въ минувшую войну) слѣдовало обыкновенно приказаніе представить къ наградамъ *всѣхъ* участниковъ. Значить, поведеніе, каждаго въ отдѣльности, офицера въ бою, во всякомъ случаѣ, не обуславливается ожиданіемъ награды—разъ онъ знаетъ, что если живъ останется, то все равно получитъ что нибудь наравнѣ со всѣми; поэтому двигателями бойца являются тутъ его моральныя силы, совершенно независимыя отъ перспективы орденовъ, о которыхъ положительно мало кто думаетъ во время боя, а вѣрнѣе, что и *никто не думаетъ*.

Тѣмъ не менѣе казалось бы, что существованіемъ закона, предоставляющаго лишь власти главнокомандующаго опредѣлить время представленія къ наградамъ, служить хотя бы нѣкоторой гарантіей равномѣрности наградъ. Но на самомъ дѣлѣ и это не осуществляется, потому что упомянутый законъ въ дѣйствительности не соблюдается: дѣло въ томъ, что время между генеральными сраженіями, какъ извѣстно, заполняется рекогносцировками, стычками, поисками и т. п. боевыми эпизодами. И тутъ опять открывается широкій просторъ для боевыхъ отличій съ точки зрѣнія оцѣнки уже не главнокомандующаго, а всѣхъ войсковыхъ начальниковъ, до командировъ частей включительно, такъ какъ никому изъ нихъ не возбраняется ходатайствовать о награжденіи отличившихся, и все дѣло сводится къ умѣлому составленію реляцій, въ зависимости отъ эластичности усмотрѣній, взглядовъ, даже—изобрѣтательности, и оцѣнки самой операціи съ точки зрѣнія релятора. Тутъ уже боевыя награды являются дѣйствительно двигателемъ, но не боевыхъ подвиговъ, а... не всегда добрыхъ побужденій, открывающихъ собою возможность злоупотребленія дѣломъ наградъ: какъ извѣстно, иногда, особенно въ отдѣльныхъ отрядахъ, удаленныхъ

отъ контроля начальства, придумываются боевыя предпріятія, которыя затѣмъ облекаются въ форму искусно составленныхъ реляцій и—при благодушномъ отношеніи начальства—реализуются въ послѣдствіи въ формѣ орденовъ и отличій, что и требовалось доказать. Все это становится извѣстнымъ сосѣднимъ частямъ войскъ и отрядамъ, поощряя ихъ къ подобнымъ же операціямъ, чтобы не отстать отъ сосѣдей не только въ отношеніи наградъ, но и въ отношеніи боевой инициативы. Нѣтъ сомнѣнія, что роль боевыхъ наградъ въ подобныхъ случаяхъ, являющихся чуть ли не преобладающими, принести скорѣй вредъ, чѣмъ пользу.

Затѣмъ въ принятой у насъ системѣ боевыхъ наградъ существуетъ еще одно слабое мѣсто.

Дѣйствующими законоположеніями командующимъ арміями предоставляется право награждать отличившихся орденами до св. Анны 2-й степени включительно,—то есть исчерпываетъ собою всю систему боевыхъ наградъ для массы оберъ и штабъ-офицеровъ, если не считать случаевъ исключительныхъ. Между тѣмъ, командующихъ арміями въ минувшую войну было *три* (а ихъ можетъ быть четыре, пять и болѣе); у каждаго изъ нихъ свой критеріумъ боевыхъ подвиговъ и свой взглядъ на дѣло боевыхъ наградъ: одинъ, наприимѣръ, того мнѣнія, что, при ужасающей смертности нынѣшнихъ боевъ, каждый изъ участниковъ имѣетъ право на боевую награду; а другой командующій арміей придерживается того взгляда, что боевыя отличія должны служить наградой именно только для наиболѣе отличившихся,—что ордена слѣдуетъ давать скупо, чтобы этимъ поддерживать престижъ боевыхъ наградъ.

Въ результатѣ получается слѣдующее: изъ двухъ армій, участвующихъ о-бокъ въ одномъ и томъ же сраженіи, въ одной награды сыпятся какъ изъ рога изобилія, и—смотришь въ концѣ войны—всѣ офицеры этой арміи поголовно „герои“, увѣшанные орденами; а въ другой арміи лишь кое-что красуется у нѣкоторыхъ избранныхъ...

Напрашивается еще одинъ вопросъ. Слѣдуетъ ли въ частяхъ войскъ считать чиновъ хозяйственнаго управленія *участвующими* въ военныхъ дѣйствіяхъ. Всѣмъ извѣстно, что, находясь при обозѣ II-го разряда, чины хозяйственные, строго говоря, прямого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимаютъ, и даже подъ

случайные выстрѣлы попадаютъ крайне рѣдко и совершенно незначай. Поэтому рождается вопросъ: при огульномъ представленіи къ наградамъ всѣхъ участниковъ, слѣдуетъ ли чинамъ хозяйственнаго управления давать награды съ мечами или безъ мечей. Да и, вообще, имѣютъ ли они право, находясь въ безопасности и лучшихъ условіяхъ жизни, на награды огульныя, наравнѣ со строевыми офицерами, которые иногда днемъ и ночью стоятъ лицомъ къ лицу со смертью, живя притомъ въ невѣроятныхъ условіяхъ жизни.

Вопросъ этотъ рѣшался различно не только въ разныхъ арміяхъ, но и въ различныхъ частяхъ войскъ. Между тѣмъ, рѣшеніе это имѣетъ значеніе не только въ отношеніи наградъ, но и для внесенія въ послужной списокъ.

По аналогіи вопросъ этотъ касается также и многочисленныхъ у насъ штабныхъ чиновъ во всѣхъ учрежденіяхъ армій, обитающихъ въ еще болѣе глубокомъ тылу. Фактически вопросъ этотъ рѣшенъ такъ, что штабные чины—офицеры и чиновники—надѣялись въ минувшую войну наградами въ общемъ, конечно, щедрой рукой, иногда съ мечами, иногда безъ мечей,—но не въ силу участія или неучастія въ бояхъ, а въ зависимости отъ каждаго даннаго случая безъ предвзятой системы, а просто по усмотрѣнію. Ясно, однако, само собою, насколько соотвѣтствуетъ идеѣ боевыхъ наградъ роздача ихъ лицамъ, которая абсолютно не принимали никакого прямого участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ. Не слѣдуетъ забывать, что такое представленіе въ наградномъ листѣ всегда сопровождается ходячей формулой—„за мужество и храбрость“, которая вѣдь звучитъ и комично, и фальшиво даже въ отношеніи штабныхъ офицеровъ, работающихъ вдали отъ всякихъ выстрѣловъ, а про офицеровъ и чиновниковъ, подвизающихся въ глубокомъ тылу, и говорить нечего. Не мало по этому поводу циркулируетъ въ арміи ядовитыхъ анекдотовъ, смѣшанныхъ съ дѣйствительными фактами, которые во всякомъ случаѣ не содѣйствуютъ поднятію престижа боевыхъ наградъ.

Нельзя не коснуться въ затронутомъ вопросѣ еще одной аномалии, выступившей слишкомъ рельефно въ минувшую войну. Согласно приказанію главнокомандующаго, представлены были къ наградамъ „за понесенные труды“ многочисленные офицеры и

чиновники, прибывшіе на театръ войны и одиночнымъ порядкомъ, и въ составѣ маршевыхъ баталіоновъ, и двухъ армейскихъ корпусовъ,—не видѣвшие никакихъ военныхъ дѣйствій и никакихъ особыхъ трудовъ, хотя бы походной жизни. На практикѣ это привело къ тому, что награждены многіе, прокатившіеся съ достаточнымъ комфортомъ въ Харбинъ и обратно, получивъ за эти „понесенные труды“ весьма существенныя пособія военнаго времени съ прибавкой еще орденовъ и отличій чинами.

Спрашивается, есть ли тутъ не только какой нибудь обснованный принципъ, а хотя бы капля здраваго смысла? Вѣдь вѣсьмъ извѣстно, что если въ мобилизованной части и были какіе нибудь понесенные труды, то они кончились съ минуты посадки въ вагонъ. Никакихъ особыхъ трудовъ эти части не встрѣчали и по прибытіи на театръ войны; да если и были труды, то войсковые начальники, до подпоручиковъ включительно, получили за это весьма достаточное вознагражденіе въ видѣ пособій, суточныхъ и т. п.,—не говоря уже про то, что едва ли умѣстно фактами дѣйствительной жизни укоренять въ чуждъ ли не каждый служебный шагъ офицера въ военное время знаменуетъ собою „понесенный трудъ“, требующій еще спеціальныхъ за это наградъ. Что же въ такомъ случаѣ остается на долю исполненія долга и присяги? Что же, въ такомъ случаѣ, причитается нижнимъ чинамъ, призваннымъ изъ запаса, *участвовавшимъ во многихъ кровопролитныхъ бояхъ* и возвращающимся домой ни съ чѣмъ—даже иногда искалѣченными на всю жизнь—къ своимъ бѣдствующимъ семействамъ?...

И такъ,—огульное дредставленіе къ боевымъ наградамъ всѣхъ участвовавшихъ въ генеральныхъ сраженіяхъ отнюдь не служитъ поощреніемъ боевыхъ добродѣтелей, а отдѣльное награжденіе наиболѣе отличившихся въ періоды общаго затишья за отдѣльныя мелкія операциі часто дискредитируетъ самую идею наградъ по заслугамъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что можно было бы совершенно отказаться отъ системы наградъ орденами за боевыя отличія въ военное время?

Такая радикальная мѣра, пожалуй, едва ли умѣстна, хотя бы потому, что во всѣхъ арміяхъ, европейскихъ и азіатскихъ, одинаково существуютъ ордена и отличія всевозможныхъ ранговъ

и видовъ. Необходимо, однако, регулировать дѣла боевыхъ награждъ строгими законодательными мѣрами, стремясь достигнуть въ этомъ отношеніи единства взглядовъ и критериума боевыхъ заслугъ. Это можно бы достигнуть слѣдующими мѣрами:

1) Въ основу системы боевыхъ наградъ должно быть признано для офицера непреложнымъ главное правило—служить не за награды, а за совѣсть, во имя сознанія долга и принятой присяги. Поэтому право на боевыя награды должно быть предоставлено только избраннымъ, наиболѣе отличившимся, но не за простое лишь участіе въ сраженіи.

2) До окончанія войны не слѣдуетъ допускать вовсе никакихъ боевыхъ наградъ; но семейства убитыхъ воинскихъ чиновъ имѣютъ право на особое вниманіе государства и на безотлагательную матеріальную помощь.

3) По окончаніи войны при каждой дивизіи образуется особая коммиссія, въ составъ которой входятъ участвовавшіе въ бояхъ командиры отдѣльных частей и представители отъ младшихъ офицеровъ, ротныхъ, баталіонныхъ и батарейныхъ командировъ. На разсмотрѣніе этихъ коммиссій поступають ходатайства о боевыхъ наградахъ, исходящія отъ соотвѣтствующихъ командировъ частей, при чемъ въ этихъ представленіяхъ вмѣсто стереотипныхъ фразъ „за выдающееся мужество и храбрость“ слѣдуетъ просто изложить факты, въ чемъ именно проявились мужество и храбрость.

Слѣдуетъ, однако, помнить, что людямъ всегда свойственны человѣческія слабости, какъ въ одиночку такъ и въ составѣ коммиссій, и дабы въ будущемъ въ дѣлѣ наградъ не могли повториться такія вопіющія ошибки, въ которыхъ печатно каялся нашъ бывшій главнокомандующій въ Маньчжуріи, и наоборотъ—чтобы истинные заслуги и подвиги самоотверженія не остались забытыми и обойденными, необходимо, чтобы засѣданія коммиссій были гласныя и доступныя для всѣхъ желающихъ сдѣлать какія нибудь заявленія. Предварительныя постановленія коммиссій, подробно мотивированныя, объявляются въ приказахъ по дивизіи и по истеченіи двухъ недѣль подвергаются вновь окончательному рѣшенію въ новомъ засѣданіи, гдѣ разсматриваются также всѣ поступившія заявленія. Постановленія коммиссій, вмѣстѣ съ заключеніемъ начальника дивизіи и командира корпуса, посту-

пають на утвержденіе командующаго арміи, для объявленія въ приказѣ по арміи.

4) Тѣмъ же коммиссіямъ должно быть вмѣнено въ обязанность разсмотрѣніе поступковъ офицеровъ, противорѣчащихъ требованіямъ чести и достоинства офицера. Минувшая война богата подвигами самоотверженія и примѣрами славныхъ боевыхъ добродѣтелей, проявленныхъ офицерами; но были, къ сожалѣнію, случаи и обратнаго свойства: ни для кого не секретъ, что по окончаніи войны многимъ офицерамъ закрыто было возвращеніе въ свою часть, гдѣ они служили до войны или во время войны; этимъ офицерамъ удалось перевестись на службу въ другія части и они продолжаютъ теперь службу какъ ни въ чемъ не бывало. Этого не должно быть, такъ какъ такимъ офицерамъ совѣсть не должно быть мѣста въ арміи. Мы говоримъ здѣсь о случаяхъ мелкихъ и о мелкихъ сошкахъ, но—увы! такіе грустные примѣры дала минувшая война и въ отношеніи высокыхъ чиновъ, которые еще болѣе благополучно продолжали командовать крупными частями. Для нихъ тоже необходимы безпощадные ареопаги въ видѣ какихъ-нибудь коммиссій.

5) Необходимо упростить систему боевыхъ наградъ, придавъ имъ строгое отличіе отъ наградъ мирнаго времени; поэтому ордена св. Станислава, св. Анны и св. Владимира—разъ они существуютъ за отличія мирнаго времени—не должны быть выдаваемы въ награды боевыя приданіемъ къ нимъ мечей. За подвиги въ бою должны быть установлены награды, существующія только во время войны.

6) Чины хозяйственнаго правленія въ частяхъ войскъ, а также служащіе въ штабахъ и управленіяхъ не только не имѣютъ права на полученіе боевыхъ наградъ, но не должны считаться *участвующими* въ бояхъ и сраженіяхъ; поэтому въ приказѣ по части, въ противоположность нынѣ принятому порядку, должно быть указано, что такіе-то участвовали, а такіе-то несли хозяйственныя обязанности въ тылу. Мѣра эта послужитъ кстаті наилучшимъ средствомъ дорожить хоть сколько-нибудь строемъ и не стремиться въ тылъ съ такимъ пыломъ, какъ теперь. А то у насъ въ настоящее время все налажено прямо-таки преступнымъ образомъ: въ строю—смерть и терновый вѣнецъ, а въ тылу все—миръ и покой, высокіе оклады и—даже побѣдныя

лавры, ордена и отличія! Мудрено ли, если стремятся всѣми мѣрами перебраться изъ строя въ тылъ! Слѣдуетъ воздать каждому свое: кто дорожитъ безопасностью своей персоны въ тылу, тотъ не долженъ претендовать на боевыя заслуги.

7) Наконецъ, независимо отъ боевыхъ наградъ, выдвиженіе наиболѣе талантливыхъ должно достигаться немедленнымъ назначеніемъ ихъ на высшія командныя должности, по мѣрѣ открывающихся вакансій; а для этого эвакуированные съ театра войны должны быть немедленно отчислены отъ должностей.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ мѣры, которыя по нашему мнѣнію могли бы упорядочить дѣло боевыхъ наградъ.

## 5. Наша тантика и стратегія 200 лѣтъ назадъ и теперь.

На многія мысли наводитъ праздновавшійся недавно 200 лѣтній юбилей Полтавской битвы.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ часть нашей юной, тогда только что народившейся арміи, подъ непосредственнымъ начальствомъ Петра Великаго, своего творца и вдохновителя, одержала первую рѣшительную побѣду надъ шведами, которыхъ самъ Петръ считалъ до того времени своими учителями и наставниками въ военномъ дѣлѣ. Для нашей многострадальной арміи, узавленной теперь въ ея бывлой славѣ, израненной недавно пережитой позорной войной на Дальнемъ Востокѣ, этотъ 200-лѣтній юбилей представляетъ собою моментъ глубоко знаменательный, наводящій на мрачныя размышленія. Въ чемъ причина побѣды Петра, считавшаго себя и свою новорожденную армію учениками по сравненію со своимъ противникомъ—шведами, озаренными побѣдами Густава-Адольфа и слывшими тѣгда лучшими инструкторами военного дѣла въ Европѣ? Въ чемъ, съ другой стороны, причина поражений нашихъ войскъ,—пользовавшихся давно уже упрочившейся боевой репутацией въ Европѣ,—при столкновеніи съ японцами, которые въ отношеніи вооруженныхъ силъ современной Европы являются, собственно, такими же младенцами, какими наши вновь сформированныя войска были въ первые годы войны со шведами при Петрѣ Великомъ.

При вдумчивомъ отношеніи къ этимъ двумъ важнымъ со-

бытіямъ, хотя и отдѣленнымъ другъ отъ друга двумя вѣками, невольно останавливаешься передъ нѣкоторыми яркими чертами, бросающимися въ глаза, какъ рѣзкое различіе въ постановкѣ государственныхъ задачъ и боевой дѣятельности войскъ того времени и теперь.

Петръ Великій намѣтилъ себѣ великую задачу—пробиться къ морю. Это для Россіи было столь же необходимо, какъ солнечный лучъ для развитія и роста растенія. Съ огромной безпредѣльной территоріей, изобилующей естественными богатствами, Россія того времени буквально задыхалась безъ выхода въ море; и этого не могъ не видѣть гениальный Царь съ первыхъ же шаговъ своего царствованія. Онъ бросается сначала на югъ, въ сторону наименьшаго сопротивленія, но быстро убѣдившись въ томъ, что эта окраина слишкомъ удалена отъ центра производительныхъ силъ страны, начинаетъ пробиваться къ побережьямъ Балтики, тѣмъ болѣе, что здѣсь за нами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были и историческія права. Какъ ни отсталой и бѣдной была Россія того времени, все же она была достаточно сильна, чтобы помѣриться силами со Швеціей; тѣмъ не менѣе Петръ I вводитъ въ свои расчеты огромную долю *скромности*: онъ не рѣшается на войну прежде, чѣмъ не обезпечилъ себя союзомъ съ датскимъ королемъ Фридрихомъ и польскимъ Августомъ, и въ этомъ отношеніи упредилъ на 200 лѣтъ требованіе современной стратегіи—обезпечить себя союзами при подготовкѣ къ войнѣ. Затѣмъ, начавъ войну, Петръ во всѣхъ своихъ расчетахъ исходилъ изъ намѣреннаго преувеличенія силъ противника и умаленія своихъ собственныхъ: „господа шведы, можетъ быть, побьютъ насъ еще не разъ, но у нихъ же научимся побѣждать ихъ самихъ“,—постоянно говаривалъ Петръ въ первые годы войны. На этомъ основаніи во все время этой продолжительной войны Петръ старался при всякомъ столкновеніи со шведами имѣть обязательное превосходство въ силахъ на своей сторонѣ.

Итакъ, ясно постановленная *цель*, обусловленная великой государственной необходимостью, подъ давленіемъ которой бьются всегда на жизнь и смерть; *активное* начало въ отношеніи введенія военныхъ дѣйствій и, наконецъ, *скромность* въ оцѣнкѣ силъ своихъ и противника—таковы основныя черты политики и стратегіи Петра Великаго при веденіи Сѣверной войны, увѣн-

чавшейся дѣйствительно блестящимъ успѣхомъ.

Мы не имѣемъ въ виду вдаваться здѣсь въ сопоставленія и параллели между этой войной и недавно пережитой нами на Дальнемъ Востокѣ, которая привела насъ къ растрѣгѣ части былой славы нашихъ знаменъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко. Но нѣкоторыя частичныя сравненія напрашиваются сами собою. О расплывчатой цѣли минувшей войны и отступательной стратегіи нашего главнокомандующаго не будемъ говорить вовсе: все это достаточно навязало въ зубахъ всей современной печати. Но вотъ оцѣнка силъ, своихъ и противника, элементъ скромности при этой оцѣнкѣ, служившій Петру Великому исходнымъ пунктомъ въ направленіи военныхъ дѣйствій, въ наше время замѣнился какъ разъ тенденціей противоположнаго характера — цѣнить противника сортомъ пониже, чѣмъ мы сами. Въ 4-мъ томѣ отчета ген.-адъют. Куропаткина \*) авторъ вышучиваетъ одного изъ экспертовъ въ японскихъ дѣлахъ, который „утверждалъ во Владивостокѣ до начала доины съ Японіей, что мы можемъ считать одного русскаго солдата равнымъ тремъ японскимъ. Послѣ перваго сраженія онъ умѣрилъ свой тонъ и допустилъ, что, пожалуй, придется противопоставить каждому японцу одного русскаго. Къ концу слѣдующаго мѣсяца онъ объявилъ, что если желаемъ одержать побѣду мы должны выставить на каждаго японца по три русскихъ“. Вышучивая заднимъ числомъ легкомысленнаго сужденія сомнительнаго эксперта въ японскихъ дѣлахъ, самъ военный министръ, болѣя общимъ нашимъ недугомъ въ оцѣнкѣ силъ, — принялъ все-таки эти сужденія за чистую монету. На этомъ основаніи, при выработкѣ плана кампаніи войны на Дальнемъ Востокѣ бывшій военный министръ и впоследствии главнокомандующій принялъ въ основаніе возможность „сбросить японцевъ въ море“, даже при нѣкоторомъ численномъ превосходствѣ на ихъ сторонѣ; „возможность господства японскаго флота на морѣ исключалась вовсе“. А затѣмъ, по мѣрѣ развитія событій, это соотношеніе быстро мѣнялось, и прежняя нескромность въ оцѣнкѣ силъ постепенно замѣнялась робостью: подъ Вафангоу ген.-адъют. Куропаткинъ условіемъ успѣха ставитъ необходимость имѣть превосходство въ силахъ надъ японцами, а во время зимняго

періода, на Шахѣ и подъ Мукденомъ, не рѣшается уже переходить въ наступленіе даже при явномъ превосходствѣ въ силахъ, считая необходимымъ имѣть двойныя и даже четверныя силы для атаки японскихъ позицій. Въ противоположность разумнымъ основаніямъ Петра Великаго, въ вопросѣ объ оцѣнкѣ силъ, мы, готовясь къ войнѣ съ Японіей, преувеличивали собственныя силы и умаляли силы противника.

Мы бы не касались вовсе этихъ сравненій и сопоставленій, если бы вопросъ этотъ не стоялъ въ связи со всѣми нашими злосудными дѣлами, касающимися возрожденія нашей арміи послѣ встряски, испытанной на Дальнемъ Востокѣ. Установленіе правильной исходной точки въ дѣлѣ реформъ, въ изысканіи новыхъ путей къ развитію и усовершенствованію, имѣетъ огромное значеніе, и первымъ шагомъ въ этомъ направленіи является оцѣнка силъ; не даромъ древніе мудрецы основной житейской морали ставили незыблемое требованіе „познай самого себя“.

Въ этомъ отношеніи двѣсти лѣтъ тому назадъ, при народженіи нашей арміи, мы стояли ближе къ истинѣ, чѣмъ въ настоящее время. Великій преобразователь земли русской не стыдился считать своего противника выше себя, и это не мѣшало ему одерживать побѣды, никому въ голову не придетъ эту скромность въ оцѣнкѣ силъ называть „самобичеваніемъ“ или „самооплеваніемъ“; но едва лишь мы разжились боевой славой и силами, унаслѣдованными отъ предковъ, какъ начали терять чувство мѣры, и три раза подъ рѣдко жестоко поплатились за это: въ Крымскую войну мы твердо надѣялись, что „шапками закидаемъ“; войну 1877—1878 г.г. мы начали съ шестью дивизіями, увѣренные въ томъ, что это для насъ „военная прогулка на 6 мѣсяцевъ“; наконецъ, послѣднюю войну съ Японіей мы вызвали близорукой самоувѣренностью, что „японцы не посмѣютъ“... Мы напоминаемъ въ этомъ отношеніи раскутившагося богатаго купчика, которому и чортъ не брать по его полнымъ карманамъ, полученнымъ, однако, въ готовомъ видѣ отъ родителя.

Пусть этотъ 200-лѣтній юбилей славной побѣды, одержанной Великимъ Петромъ надъ своими учителями въ военномъ дѣлѣ, послужитъ намъ назиданіемъ въ наше переходное время. Будемъ помнить, что скромность въ оцѣнкѣ силъ является лучшимъ залогомъ побѣды, потому что такая скромность ведетъ

\*) „Итоги войны“ — см. газ. „Голосъ Москвы“ № 209.

къ работѣ мысли, къ бодрствованію поставленныхъ у дѣла, къ совершенствованію и движенію впередъ, къ стремленію сравниться и превзойти противника; тогда какъ самодовольство и преувеличенное представленіе о своихъ силахъ ведутъ къ застою и спячкѣ.

## 6. Печальное послѣдствіе минувшей войны.

Для того, чтобы армія могла стойко выдержать головокружительную встряску войны, необходимо, чтобы не только каждая мелочь въ организациі вооруженныхъ силъ отвѣчала потребностямъ военного времени вообще, но и вся организациа, въ совокупности, должна обладать быстрой приспособляемостью, въ зависимости отъ особенностей данной войны. Это послѣднее требованіе приобретаетъ исключительное значеніе въ отношеніи нашихъ вооруженныхъ силъ, когда намъ приходится быть готовыми къ войнѣ одновременно и на берегахъ Вислы, и на берегахъ Великаго океана, въ дикихъ ущельяхъ Кавказа и песчаныхъ пустыняхъ Средней Азіи. Ясно, что въ силу такихъ совершенно исключительныхъ условий географическаго свойства Россія никогда не въ состояніи будетъ сосредоточить всѣ свои вооруженныя силы на одну какую-нибудь границу къ угрожаемому пункту и весьма легко можетъ потерпѣть пораженіе отъ противника завѣдомо ничтожнаго и неизмѣримо болѣе слабого, какъ это случилось съ нами въ минувшую войну съ Японіей. Какъ ни воинственна и прекрасно подготовлена японская армія, какъ ни плохо у насъ все было налажено, но развѣ побѣдила бы Японія, если бы она сцѣпилась съ Россіей грудъ съ грудью? Но и ничтожный комаръ безнаказанно напивается кровью сильной лошади, выбравъ такое мѣстечко, гдѣ его достать нельзя, и затѣмъ отлетаетъ съ побѣднымъ жужжаніемъ. Слѣдовательно, наша организациа вооруженныхъ силъ должна быть рассчитана такъ, чтобы мы на любую окранию могли сосредоточить все, что возможно при данной обстановкѣ, чтобы на каждой своей границѣ Россія могла всей грудью встрѣтить напоръ враговъ.

Эти азбучныя истины оставались у насъ въ полномъ пребреженіи, когда мы начали войну на Дальнемъ Востокѣ. Не смотря на то, что на нашей западной границѣ—гдѣ сосредото-

чена главная масса нашихъ вооруженныхъ силъ—на политическомъ горизонтѣ, какъ обыкновенно выражаются дипломаты, было все совершенно ясно \*), мы, почему-то, не рискнули взять оттуда какія-нибудь войска и ограничились только мобилизаціей 10-го и 17-го корпусовъ, желая, очевидно, импонировать и нашимъ западнымъ сосѣдямъ,—что для борьбы съ какой-нибудь Японіей намъ достаточно подобрать излишнія крошки около нашей арміи, не трогая даже самое ядро вооруженныхъ силъ. Какъ ни наивнымъ кажется такое напыщенное самолюбіе, но только этимъ однимъ и можно объяснить тотъ безспорный фактъ, что для войны съ Японіей изъ войскъ Европейской Россіи были назначены сначала только два корпуса, когда была полная возможность назначить сразу четыре раза по два, какъ это и пришлось сдѣлать впоследствии. Слѣдовательно первый шагъ въ организациі нашихъ вооруженныхъ силъ для начала войны оказался ложнымъ. Послѣдовавшій затѣмъ длинный рядъ другихъ мѣръ организационнаго характера обнаружилъ во многомъ совершенное отсутствіе строго продуманной системы, обладающей извѣстной долей эластичности, допускающей необходимое согласованіе съ потребностями минуты; а такъ какъ примѣненіе штабныхъ окостенѣвшихъ шаблоновъ оказалось непригоднымъ, то и пришлось прибѣгать къ безконечнымъ импровизаціямъ, которыя неминуемо должны были принести печальные результаты.

Когда началась уже война, захотѣли вдругъ двухбаталіонные стрѣлковые полки обратиться въ трехбаталіонные; для этого сдѣлали разверстку по всѣмъ корпусамъ Европейской Россіи, крѣпко памятуя четыре правила ариѣметики и нисколько не считаясь съ требованіями обстоятельствъ; поэтому подвергли этой разверсткѣ также и 10-й, и 17-й корпуса, накануне ихъ выступленія въ походъ... Когда потребовались затѣмъ для дѣйствующей арміи позаминствованія матеріальной части, то это сдѣлано было тоже безъ системы,—взяли гдѣ поближе и что подъ рукой; поэтому неприкосновенные запасы оказались опустошенными въ такихъ частяхъ войскъ, которыя вслѣдъ затѣмъ пришлось мобилизовать для движенія на Дальній Востокъ, и для пополненія необходимыхъ запасами надо было дѣлать позамин-

\*) Теперь увѣряютъ даже, будто ближайшій западный другъ Россіи ручался за неизмѣнную дружбу, хотя бы съ западной границы увели на Дальній Востокъ все, до послѣдняго солдата.

ствования изъ третьихъ частей. Кому неизвѣстны ужасныя неурядицы съ нашими полосатыми мобилизациями, которыхъ было чуть ли не цѣлый десятокъ—вносившими ничѣмъ не оправдаваемый удесятенный сумбуръ въ нормальную жизнь страны и подрывавшими въ то же время боевыя качества дѣйствующей арміи. Затѣмъ, командированіе изъ войскъ Европейской Россіи 2,000 штабъ- и оберъ-офицеровъ для укомплектованія дѣйствующей арміи въ сентябрѣ 1905 года, т. е. послѣ заключенія мира, когда ясно уже было, что эти офицеры болѣе нужны дома, чѣмъ въ Манчжуріи, какъ это дѣйствительно быстро подтвердилось на дѣлѣ, вслѣдствіе чего и пришлось черезъ 2—3 недѣли потребовать этихъ офицеровъ обратно.

Мы привели этотъ рядъ примѣровъ отнюдь не для того, чтобы перечислить недостатки въ организации нашихъ вооруженныхъ силъ, обнаруженные минушею войной. Намъ хотѣлось только указать на отсутствіе строго продуманной системы во всемъ, что касается какъ развертыванія арміи для войны, такъ и свертыванія ея затѣмъ при переходѣ съ мирнаго положенія на военное. Только этимъ и можно объяснить образовавшуюся послѣ войны закупорку въ чиновпроизводствѣ и многія другія неурядицы въ прохожденіи службы офицеровъ, явившіяся послѣдствіемъ отсутствія такой системы: при формированіи, напримѣръ, на театрѣ войны новыхъ штабовъ изъ Европейской Россіи брались лучшіе, *отборные*, офицеры, которыхъ затѣмъ при демобилизации пришлось зачислить за штагъ, потому что на ихъ должности были сейчасъ же назначены замѣстители; это было явное нарушеніе справедливости, принесло большой ущербъ казнѣ и несомнѣнный вредъ пользѣ службы, потому что завѣдомо лучшіе офицеры оставались за штатомъ въ то время, когда на принадлежавшихъ имъ должностяхъ оставались офицеры 2-го сорта.

Но развѣ этого нельзя было предвидѣть и предотвратить заранѣе принятыми мѣрами? Вѣдь могли же земства, напримѣръ, принять къ себѣ на прежнія должности врачей и другихъ своихъ служащихъ, призванныхъ изъ запаса. Почему же военное вѣдомство не могло справиться съ такой задачей, имѣя въ своемъ распоряженіи несравненно больше средствъ? Все, что только требовалось въ этомъ случаѣ, это—*подумать* объ этомъ заранѣе и ввести въ извѣстную систему, нормируя установленнымъ

закономъ, объявленнымъ во всеобщее свѣдѣніе. Тогда не могло бы быть никакихъ нареканий, ни сѣтованій на произволъ и т. п. Но представьте себѣ слѣдующее положеніе: вновь назначенные командующіе II и III манчжурскими арміями, генералы Гриппенбергъ и Каульбарсъ, формируютъ свои многочисленные штабы и управленія въ Вильнѣ и Одессѣ, приглашая для этого, конечно, лучшихъ отборныхъ офицеровъ, снимая ихъ съ насыженныхъ должностей. Война кончилась. Бывшіе командующіе арміями вернулись съ своимъ прежнимъ должностямъ; нашлись таковыя и для начальниковъ штабовъ и прочихъ привилегированныхъ чиновъ, а остальнымъ, завѣдомо лучшимъ офицерамъ, указываютъ на двери...

Намъ понятно оставленіе „за штатомъ“ при какой-нибудь реорганизации мирнаго времени, которую предусмотрѣть закономъ нельзя, потому что ее нельзя предвидѣть. Но развѣ можно не предвидѣть неизбѣжный переходъ арміи на мирное положеніе послѣ окончанія войны? Почему заранѣе не устранить законодательнымъ порядкомъ возможность проявленія въ этомъ случаѣ личнаго произвола?

Въ Англии въ свое время печать, а съ нею и палата общинъ подняли цѣлую бурю, когда послѣ окончанія бурской войны въ южной Африкѣ военное министерство вынуждено было уволить многихъ съ службы въ первобытное состояніе; по улицамъ Лондона ежедневно дефилировала толпа демонстрантовъ, чтобы привлечь вниманіе въ пользу „военныхъ безработныхъ“, а на голову военнаго министерства сыпались упреки безъ конца— „какъ оно не подумало, не позаботилось?“. И все это по поводу уволенныхъ нижнихъ чиновъ-волонтеровъ! У насъ же послѣ минувшей войны получились „безработные“ *офицеры* и образовались такія закупорки, которыхъ при свободной емкости нашей полуторамилліонной арміи легко можно было предотвратить, если бы только придерживались заранѣе выработанной системы.

Какъ странно, что у японцевъ даже *инициатива*—такой мимолетный факторъ въ военномъ дѣлѣ—возведено въ систему; а у насъ нѣтъ системы даже во многихъ отрасляхъ организаціи арміи!..

## 7. Призрѣніе жертвъ войны.

Послѣ увеличенія содержанія офицерамъ ближайшимъ, и притомъ неостложнымъ, очереднымъ вопросомъ является улучшение быта нижнихъ чиновъ.

Если мы не желаемъ закрывать глаза передъ дѣйствительностью, то не трудно будетъ замѣтить, что переживаемое нами время кореннымъ образомъ отличается отъ того распорядка жизни и сословнаго домостроя, которые существовали у насъ до послѣдней войны на Дальнемъ Востоцкѣ; въ низшихъ слояхъ общества относятся весьма критически и вдумчиво ко всякимъ законодательнымъ мѣрамъ и льготамъ въ пользу другихъ привилегированныхъ сословій. Хорошо извѣстно, что и солдатамъ нашъ теперь относится къ окружающимъ событіямъ далеко не такъ безучастно, какъ это было лѣтъ 6—7 тому назадъ; поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что и увеличеніе содержанія офицерамъ будетъ подвергаться критикѣ и въ солдатскомъ толкованіи будетъ учитываться именно съ точки зрѣнія узкихъ сословныхъ интересовъ.

Въ 1905 году наше военное вѣдомство оказалось захваченнымъ врасплохъ внезапно поднявшимся вихремъ внутреннихъ событій, и подъ вліяніемъ мыльныхъ пузырей, появлявшихся въ войсковыхъ частяхъ въ видѣ „экономическихъ требованій“, увеличилось сразу военный бюджетъ на 20 миллионъ рублей, расходимыхъ теперь ежегодно на простыни, наволочки и носовые платки, безъ которыхъ солдатъ прекрасно обходится у себя дома; еще чувствительнѣе и дороже обходится боевой готовности нашей арміи внезапно, недостаточно обдуманное сокращеніе срока дѣйствительной службы для нижнихъ чиновъ, появившееся также какъ бы отвѣтомъ на „экономическія требованія“.

Въ настоящее время, слава Богу, постепенно проходить и разсѣивается этотъ „экономическій“ угаръ, коснувшійся нѣкоторыхъ войсковыхъ частей въ дни всеобщей смуты; поэтому время подумать о дѣйствительныхъ нуждахъ нижнихъ чиновъ, послѣ того, какъ столько вниманія и матеріальныхъ средствъ удѣлено улучшенію быта офицеровъ. Повторяемъ, этотъ вопросъ

долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ и рѣшенъ безотлагательно, если мы не желаемъ закрывать глаза передъ дѣйствительной жизнью.

Прежде всего необходимо урегулировать наше законодательство о призрѣніи раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ, потерявшихъ трудоспособность на службѣ. Въ настоящее время этотъ вопросъ, повидимому, признается назрѣвшимъ со всѣхъ сторонъ. Въ Государственной Думѣ о призрѣніи раненыхъ и увѣчныхъ воинскихъ чиновъ заговорили именно въ связи съ вопросомъ увеличенія офицерскаго содержанія, заговорили въ печати объ архаическомъ положеніи Александровскаго комитета о раненыхъ, вѣдающаго дѣломъ призрѣнія увѣчныхъ нижнихъ чиновъ. Сколько намъ извѣстно, по частному почину общества повсемѣстной помощи больнымъ и раненымъ нижнимъ чинамъ разработанъ былъ проектъ измѣненій и дополненій къ дѣйствующимъ у насъ по этому вопросу законоположеніямъ, встрѣчающій живое содѣйствіе со стороны вліятельной группы народныхъ представителей въ Государственной Думѣ.

Нельзя не пожалѣть, что наши центральныя военныя учрежденія остаются пока совершенно въ сторонѣ отъ всего этого дѣла, которое, казалось-бы, ближе всѣхъ касается военного вѣдомства. Когда въ 1905 году военное министерство пожелало произвести „реформу“ Александровскаго комитета о раненыхъ, то оно ограничилось только нѣкоторой чистой среди засидѣвшихся членовъ, а суть дѣла осталась въ томъ же хаотическомъ состояніи, въ какомъ находилась до того времени, въ какомъ пребываетъ и понынь. Помимо того, что въ нашемъ законодательствѣ отсутствуетъ самая идея объ обязательности для государства обезпеченія инвалидныхъ нижнихъ чиновъ, потерявшихъ трудоспособность на службѣ, выдача даже пресловутаго 3-хъ рублеваго пособия, установленнаго съ незапамятныхъ временъ, и убогихъ пенсій отъ Александровскаго комитета, обставлена такими формальностями, что многие увѣчные нижніе чины оказываются, въ концѣ концовъ, лишенными всякой поддержки со стороны государства и предоставленными собственной участи.

Начать съ того, что по дѣйствующимъ у насъ законоположеніямъ инвалидные нижніе чины, потерявшие трудоспособность на войнѣ по разстроеному здоровью, вовсе не имѣютъ права

на призрѣніе Александровскаго комитета и обречены поэтому на совершенно безпомощное существованіе; между тѣмъ, всѣмъ участникамъ минувшей войны хорошо извѣстно, что такіе инвалиды заслуживаютъ иногда больше вниманія, чѣмъ причисленные къ разнымъ классамъ раненыхъ: весьма часто какой-нибудь обозный нижній чинъ, не участвовавшій ни въ одномъ бою, получивъ легкую рану отъ шальной пули, эвакуировался въ Россію съ печатью „героя“, а въ то же время строевой солдатъ, протянувъ на своей спинѣ всю тяжесть войны, участвовавъ во всѣхъ бояхъ и случайно оставшись нераненымъ и потерявъ все здоровье на позиціяхъ и въ окопахъ, оказывается лишеннымъ всякихъ правъ на помощь государства. Ненормальность этого положенія послѣ пережитой войны даетъ себя чувствовать каждый день. Всѣмъ извѣстно, какъ громко и всюду вопіетъ нужда пострадавшихъ на войнѣ нижнихъ чиновъ: чуть ли не на каждомъ шагу въ столицахъ и провинціи, въ городахъ и деревняхъ, встрѣчаемся съ жертвами войны—искалѣченными инвалидами, ищущими какую-нибудь помощь себѣ и семьѣ.

Затѣмъ, сухая, мертвящая формалистика, которой обставлено все дѣло призрѣнія инвалидовъ нижнихъ чиновъ, сама по себѣ низводитъ почти къ нулю и ту мизерную помощь, которая оказывается раненымъ Александровскимъ и другими комитетами, пекущимися объ участи раненыхъ. Не вдаваясь въ подробности, достаточно указать на то, что, пройдя всѣ мытарства, подвергнувшись медицинскимъ освидѣтельствованіямъ въ разныхъ комитетахъ, причисленный къ какому-нибудь классу раненыхъ и получившій, наконецъ, ассигновку Александровскаго комитета на пенсію, раненый солдатъ все же не можетъ сказать, что онъ будетъ получать эту пенсію, такъ какъ въ концѣ концовъ казенная палата по мѣсту назначенія пенсіи можетъ еще весь этотъ вопросъ перерѣшить по своему, просто по собственному усмотрѣнію. А въ лучшемъ случаѣ эту убогую пенсію солдатъ начнетъ получать не раньше, чѣмъ черезъ годъ или полтора года послѣ назначенія.

Эта формалистика въ дѣлѣ призрѣнія раненыхъ нижнихъ чиновъ имѣетъ еще важное значеніе въ отношеніи боевой готовности арміи: дѣло въ томъ, что въ силу нѣкоторыхъ неясностей въ законахъ на учетѣ у воинскихъ начальниковъ числятся

въ запасъ многіе нижніе чины, которые послѣ медицинскаго освидѣтельствованія причислены къ разнымъ классамъ раненыхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ случаѣ войны эти калѣки не будутъ призваны вновь на службу, а между тѣмъ эти „мертвые души“ продолжаютъ состоять на учетѣ въ запасѣ арміи, только въ силу нѣкоторыхъ формальностей. Непонятно равнодушіе къ этому важному вопросу со стороны тѣхъ учреждений, которыя вѣдаютъ учетомъ запасныхъ нижнихъ чиновъ.

Повторяемъ еще разъ, что вопросъ о пересмотрѣ дѣйствующихъ у насъ законоположеній, касающихся быта нижнихъ чиновъ, представляется намъ особенно своевременнымъ и неотложнымъ именно теперь, послѣ увеличенія содержанія офицерамъ. Во всѣхъ европейскихъ арміяхъ идея о возможно широкомъ призрѣніи увѣчныхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ, давно уже упрочилась въ жизни. Въ германской арміи въ 1908 году проведенъ былъ законъ объ увеличеніи жалованья нижнимъ чинамъ даже во время службы подъ знаменами; при скудныхъ средствахъ нашего государственнаго казначейства, мы въ настоящее время и мечтать не можемъ о такой роскоши,—хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ близкомъ будущемъ намъ неизбежно придется считаться и съ этимъ вопросомъ; но улучшеніе быта раненыхъ и увѣчныхъ нижнихъ чиновъ представляетъ собою положительно неотложную нужду, если мы желаемъ бороться противъ прониканія въ армію социаль-демократическихъ ученій какими-нибудь дѣйствительными мѣрами, а не колеечными брошюрками казеннаго изготовленія, которымъ никто не вѣритъ. Въ Германіи давно постигли эту истину, и руководствуясь мудрымъ правиломъ—вышибать клинъ клиномъ—правительство противопоставило тамъ теоріямъ социаль-демократовъ практическую программу государственнаго социализма, которую послѣдовательно проводитъ въ жизнь: въ 1905 году введенъ былъ новый законъ, широко обезпечивающій пенсіями нижнихъ чиновъ, потерявшихъ трудоспособность на службѣ въ военное или въ мирное время, а въ минувшемъ году отпущено рейхстагомъ около 28 милліоновъ марокъ на увеличеніе жалованья нижнимъ чинамъ дѣйствительной службы и т. п.

## 8. Военно-санитарное дѣло.

### I.

Одинъ изъ нашихъ давнишнихъ армейскихъ вопросовъ, возникающій по временамъ въ военной печати, отчасти рѣшенный теперь,—это вопросъ объ организациіи военно-санитарнаго дѣла въ нашей арміи. За нѣсколько лѣтъ до минувшей войны на Дальнемъ Востокѣ вопросъ этотъ всплынулъ съ особенной яркостью, и на столбцахъ печати долгое время велась горячая полемика о служебныхъ и матеріальныхъ правахъ военныхъ врачей и вообще—объ ихъ социальномъ положеніи въ нашей арміи. Наступила война, и полемика заглохла сама собою. Вопросъ этотъ, однако, не былъ забытъ, и послѣ войны нашимъ высшимъ военнымъ управленіемъ сдѣлана была попытка постановки этого вопроса на практическую почву. Но задуманная реформа реорганизациіи военно-санитарнаго дѣла въ арміи, въ основаніи которой принято было болѣе тѣсное сближеніе военныхъ врачей съ арміей, присвоеніе имъ офицерскихъ чиновъ и главенствующая роль въ дѣлѣ ихъ специальности,—эта реформа показала нѣкоторымъ войсковымъ начальникамъ слишкомъ радикальной и передовой, и по этому одному была отвергнута энергичнымъ образомъ. По свойственнымъ намъ рутинѣ и косности, во многихъ закоренѣлыхъ предрасудкахъ показалось чудовищной профанацией такое положеніе, когда вдругъ „капитанъ“, хотя бы и медицинскій, будетъ не ротой командовать, а завѣдывать фельдшерами и лечить солдатъ.

Къ несчастью, въ высшемъ военномъ управленіи, гдѣ эта реформа была задумана, не хватило мужества или вѣры въ собственные силы, чтобы осуществить эту реорганизацию на практикѣ, и согласно заведенному порядку обратились съ запросами къ командующимъ войсками, хотя давно уже хорошо извѣстна подлинная цѣнность „мнѣній и отзывовъ“ войсковыхъ начальниковъ въ подобныхъ вопросахъ творческаго характера; въ данномъ же случаѣ можно было заранее предсказать, что эта реформа не встрѣтитъ одобренія большинства: прежде всего потому, что всякая радикальная реформа отпугиваетъ при первой встрѣчѣ,—въ особенности, когда нѣтъ времени или желанія вдуматься въ дѣло; во-вторыхъ, потому, что, отвергая реформу, можно высту-

пить ратоборцемъ престижа офицерскихъ чиновъ, что очень красиво, а въ третьихъ, наконецъ, просто потому, что человѣкъ любитъ больше свои собственные идеи, а противъ чужой мысли склоненъ всегда находить тысячу возраженій.

Между тѣмъ, вопросъ этотъ послѣдніе годы обострился настолько, что принялъ тревожный оборотъ. Газеты бьютъ иногда совершенно ложную тревогу о „бѣгствѣ“ офицеровъ, не замѣчая, что въ отношеніи врачей можно сказать, пожалуй, что скоро некому будетъ и бѣжать: достаточное число военныхъ врачей удержалось только въ войскахъ Петербургскаго округа и расположенныхъ въ большихъ городахъ. А такъ какъ огромная часть нашихъ войскъ расположена именно въ захолустныхъ мѣстахъ, то значительный некомплектъ врачей представлялъ собою явленіе хроническое въ большей части нашей арміи; и не только не было надежды на пополненіе этого некомплекта, но, напротивъ, всѣ данныя указывали на то, что удержавшіеся въ арміи военные врачи будутъ неминуемо стремиться уходить со службы въ военномъ вѣдомствѣ.

Конечно, военные врачи не имѣютъ тѣснаго отношенія къ боевой подготовкѣ арміи, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подлинное бѣгство военныхъ врачей изъ арміи не привлекаетъ къ себѣ вниманія печати, въ то время, когда по поводу мнимаго бѣгства офицеровъ бьютъ тревогу тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ. Но разъ присутствіе врачей въ арміи признается необходимымъ существующими штатами, то хроническій ихъ некомплектъ и непрекращающееся бѣгство изъ арміи представляютъ собою, несомнѣнно, явленіе болѣзненнаго характера, для предотвращенія котораго должны быть приняты какія-нибудь неотложныя мѣры.

Присматриваясь къ принятымъ у насъ основамъ постановки военно-санитарнаго дѣла, нельзя не обратить вниманія на одинъ ложный принципъ, вкоренившійся у насъ въ этомъ дѣлѣ, проходящій красной нитью во всей организациіи, начиная отъ явленій крупныхъ и кончая мелочами, какъ въ мирное время, такъ и въ военное. Вездѣ и во всемъ, какъ только идетъ рѣчь объ административномъ соприкосновеніи медицинской части въ войскахъ, у насъ принято за правило военныхъ врачей устранять обязательно отъ какой бы то ни было административно-распо-

рядительной власти. Военных врачей у нас считают, очевидно, способными только писать рецепты и нащупывать пульс, а вѣ этого, предполагается, что и юный подпоручик справится лучше стараго полковаго врача. На этомъ основаніи даже въ полковомъ лазаретѣ всю административную часть считалось необходимымъ изъять изъ вѣдѣнія полковаго врача и ввѣрить непременно офицеру и, такимъ образомъ, въ маленькомъ, однородномъ по существу, дѣлѣ, получаются два хозяина. То же самое мы видимъ въ лазаретахъ гарнизонныхъ, полугоспиталей и госпиталейхъ—вездѣ военные врачи устранены отъ административной части, которая ввѣряется обязательно офицерамъ.

Въ особенности же этотъ принципъ доведенъ до абсурда въ военное время: начиная отъ дивизионныхъ лазаретовъ, подвижныхъ госпиталей, военно-санитарныхъ поѣздовъ, транспортовъ, и кончая высшимъ управленіемъ санитарной части на театрѣ войны—вездѣ поставлены средостѣнія, въ видѣ офицеровъ-администраторовъ, между военными врачами и ихъ собственнымъ медицинскимъ дѣломъ. Нѣтъ возможности перечислять всѣ вытекающія изъ такого порядка нелѣпости; достаточно указать на слѣдующія несообразности: во всемъ касающемся административной части и внутренняго порядка дивизионнаго лазарета распоряжается иногда совершенно неопытный молодой офицеръ, завѣдывающій лазаретомъ, являясь хозяиномъ надъ дивизионнымъ врачомъ, дѣятельность котораго оказывается, такимъ образомъ, парализованной при какой угодно энергіи; въ подвижныхъ госпиталейхъ административной частью распоряжались въ минувшую войну, въ роли зрителей, весьма часто ничего не знающіе *прапорщики запаса*, устраняя отъ дѣла главныхъ врачей, которые большей частью были въ мирное время много лѣтъ полковыми врачами; въ военно-санитарныхъ поѣздахъ признано было почему-то нужнымъ имѣть особыхъ комендантовъ изъ офицеровъ, опасаясь, хотя бы на время пути, оставить военнаго врача въ роли самостоятельнаго хозяина въ дѣлѣ его специальности.

Такимъ же образомъ эта система проведена и въ высшемъ управленіи санитарной частью; въ отдѣльныхъ арміяхъ, и на всемъ театрѣ войны главные врачи были устранены отъ ихъ прямого дѣла, а вездѣ придуманы были должности начальниковъ санитарной части, специально для генераловъ.

Словомъ, всевозможныхъ должностей, управленій и учреждений, полевыхъ и тыловыхъ, наплодили около военно-санитарнаго дѣла массу. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что эвакуація раненыхъ съ поля сраженія организована была изъ рукъ вонъ плохо, какъ это всегда бываетъ со всякимъ дѣломъ, къ которому приставлено семь нянекъ. Сердце сжимается отъ боли, вспоминая огромное число нашихъ раненыхъ, *замерзшихъ* на полѣ сраженія подъ Сандепу по нераспорядительности тѣхъ, которые должны были объ этомъ подумать своевременно.

Казалось бы, этого одного факта достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что наслоеніе многоэтажнаго начальства не есть еще гарантія успѣха дѣла,—что нынѣшняя постановка военно-санитарнаго дѣла оказалась положительно несостоятельной и требующей пересмотра. А между тѣмъ,—когда указывается на необходимость объединенія въ арміи санитарной части въ рукахъ специалистовъ, приходится встрѣчаться съ возраженіями такого рода, что тутъ требуется, «чтобы кандидаты на такія мѣста были бы не только, и даже не столько, врачами, сколько хорошими администраторами и истинно-военными людьми»...

Но почему же прапорщики запаса, или иные юные офицеры, которымъ санитарно административная часть ввѣряется предпочтительно передъ старыми военными врачами,—должны быть болѣе «истинно-военными» людьми? Да и гдѣ эта мѣрка «истинно-военнаго» человѣка? Наконецъ, легче ли было нашимъ замерзшимъ раненымъ подъ Сандепу отъ того, что санитарная часть тогда была въ рукахъ «истинно-военнаго» человѣка?..

Вдумываясь въ сокровенныя черты этой системы, не трудно убѣдиться, что тутъ кроется зло болѣе общаго характера, тѣсно связанное со многими предрасудками, пустившими глубокіе корни въ нашей арміи.

## II.

Въ чемъ кроются причины этого явнаго недоуверія къ административнымъ способностямъ врачей, къ которымъ принято за правило обязательно приставлять офицера въ видѣ няньки, какъ только требуютъ какія-нибудь административно-распорядительныя функціи?

Прежде всего тутъ играетъ извѣстную роль вкоренившійся

у насъ въ служебномъ быту не вполнѣ обоснованный принципъ,—что вездѣ, гдѣ приходится распоряжаться нижними чинами, тамъ начальникомъ долженъ быть офицеръ, а не чиновникъ.

Это рождаетъ какой-то скрытый ложный взглядъ, что солдатъ представляетъ собою своего рода военную игрушку, которой можетъ помыкать и играть только офицеръ. У насъ—у офицера, солдата и чиновника есть общее государственное дѣло—служба Царю и родинѣ, дѣло чрезвычайно сложное, требующее иногда приложенія специальныхъ знаний, которыя выходятъ за кругъ свѣдѣній обязательныхъ для каждаго офицера. Если такія спеціальныя обязанности приходится исполнять иногда черезъ посредство солдата, то при чемъ тутъ офицеръ, который со своей стороны готовился совсѣмъ къ инымъ обязанностямъ?

Несостоятельность этого принципа, о подчиненности солдата, сказывается уже въ томъ, что, при всемъ стараніи, нѣтъ возможности провести его всюду въ нашей военной жизни; и мы встрѣчаемъ солдата во всевозможныхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ, гдѣ нѣтъ ни одного офицера; видимъ, что солдатомъ распоряжается и помыкаетъ не только чиновникъ, но и теща чиновника. Стоитъ ли въ такомъ случаѣ въ военно-санитарномъ дѣлѣ „городить огорода“ изъ такихъ принциповъ, которые являются только палками въ колесахъ. Вѣдь конечной цѣлью всякой организации въ любомъ дѣлѣ должна служить продуктивность работы и самаго дѣла, а не выдержка въ неприкосновенности какихъ-то схоластическихъ принциповъ. Да если, наконецъ, признается непрѣмнымъ условіемъ въ санитарно-медицинскомъ дѣлѣ распоряжаться обязательно черезъ посредство поручиковъ или капитановъ, а не черезъ „регистраторовъ“ и „совѣтниковъ“,—то не проще ли присвоить военнымъ врачамъ военные чины, вмѣсто того, чтобы къ каждому врачу приставлять въ видѣ административной няньки, обязательно офицера—хотя бы прапорщика запаса, за неимѣніемъ другихъ.

Намъ говорятъ, что на военно-административныя должности, даже и медицинскія, требуются „не столько врачи сколько истинно-военные люди“. Но кому непонятно, что это фраза безъ смысла. Кому даны въ руки эти вѣсы, чтобы взвѣшивать, на сколько кто истинно-военный? У насъ принято иногда измѣрять воинственность и истинно-военный духъ развязностью и лихостью наско-

ковъ въ мирное время. Но на войнѣ этимъ ничего не возьмешь, и минувшая война показала намъ немало поучительныхъ примѣровъ, когда прославленные герои мирнаго времени предпочитали на театрѣ войны сидѣть на тыловыхъ должностяхъ. Зато въ мирное время всѣ подобныя ученія представляютъ собою прекрасный конекъ, на которомъ можно лихо гарцовать и порисоваться въ красивыхъ позахъ.

Пrestижъ офицерскаго чина или офицерской должности имѣеть, безспорно, свое значеніе, но лишь какъ средство для достиженія одной общей цѣли. А у насъ этотъ самый престижъ возводится въ цѣль, забывая, что такимъ путемъ мы выращиваемъ палку о двухъ концахъ. Намъ извѣстенъ фактъ, что командиръ военного судна, пользовавшійся славою „истинно-военнаго командира, высадивъ на берегъ своего врача на томъ основаніи, что „на военномъ суднѣ не должно быть ничего такого, чего не знаетъ командиръ“. А на-дняхъ мы встрѣтили отзывъ командира части по вопросу объ узаконенномъ въ полкахъ судѣ общества офицеровъ: „Судъ общества офицеровъ“—такъ говорилъ этотъ начальникъ,—„пахнетъ толпой, стаднымъ началомъ. Я командиръ части, я ея хозяинъ, и никакого суда мнѣ не нужно“...

Видите, во что вырождается престижъ чина! Есть установленный закономъ судовой врачъ, учрежденъ закономъ судъ общества офицеровъ, съ опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности, въ которомъ разбираться долженъ судъ, а не командиръ части; но подъ ферулой мнимаго престижа все это съ легкимъ сердцемъ бросается подъ столъ, воспитывая и у своихъ подчиненныхъ наклонность къ произволу и верховашству тамъ, гдѣ требуются подлинное знаніе дѣла, или соблюденіе закона. Въ мирное время все это сходить съ рукъ, и даже поощряется, а въ военное время мы оказываемся, при всемъ томъ, не способными на починъ и самостоятельность,—тамъ, гдѣ это требуется. Зато тамъ, гдѣ можно взять престижемъ и произволомъ—у насъ оказывается инициативы столько, что хоть отбавляй. Участникамъ минувшей войны хорошо извѣстно, что одинъ генераль. начальникъ санитарной части, ничтоже сумняшея, взявъ на себя сортировку больныхъ и раненыхъ на театрѣ войны, отвергнувъ вовсе совѣты врачей, и въ короткое время надѣлалъ столько кутерьмы, что

главнокомандующий оказался вынужденным удалить его съ этой должности...

Пора отрѣшиться отъ подобныхъ взглядовъ, что когда требуется—„духомъ“ возьмемъ. Современная жизнь сложилась такъ, что на каждомъ шагу требуются какія-нибудь спеціальныя знанія. А въ особенности это справедливо въ отношеніи нашего военнаго дѣла, и тѣмъ болѣе—въ дѣлѣ военно-санитарномъ, гдѣ наскокомъ и лихостью ничего не возьмешь; въ противномъ случаѣ—къ чему же эта 13-лѣтняя подготовка военнаго врача въ гимназіи и университетѣ?

Административная часть военно-санитарнаго дѣла, какъ въ мирное, такъ и военное время, должна быть объединена въ рукахъ спеціалистовъ. Тутъ прекрасно можно обойтись безъ посредства и помощи офицеровъ. Отъ этого не только не будетъ никакого ущерба санитарному дѣлу, но, наоборотъ, будетъ несомнѣнная польза, хотя бы потому, что масса офицеровъ освободится для строя, для своего подлиннаго дѣла, и получится еще порядочное сбереженіе казны.

Отчасти это достигнуто теперь послѣдней реформой по военному вѣдомству, но только *отчасти*, потому что существеннѣйшая сторона въ этомъ вопросѣ осталась по-прежнему нетронутой.

Затѣмъ необходимо еще подумать объ улучшеніи матеріальнаго положенія врачей, которое въ настоящее время трудно признать удовлетворительнымъ. Всѣхъ поражало то обстоятельство, что на театрѣ войны младшій врачъ въ полку получалъ лишь немного больше, чѣмъ заурядъ-прапорщикъ, который накануне еще былъ унтеръ-офицеромъ. Состоящій при госпиталѣ іеромонахъ, у котораго нѣтъ семьи и нѣтъ широкихъ потребностей въ жизни, получалъ что-то около 300 руб. въ мѣсяцъ, а призванный изъ запаса военный врачъ, оставившій дома иногда большую семью, получалъ около 200 руб. въ мѣсяцъ, даже сестра милосердія получала совершенно несообразно большое содержаніе—около 130 руб. въ мѣсяцъ, а военныхъ врачей обставили почему-то совершенно недостаточными окладами.

Въ мирное время предполагается, обыкновенно, что военнымъ врачамъ перепадаетъ еще отъ практики. Но можетъ ли быть рѣчь о практикѣ во многихъ нашихъ штабъ-квартирахъ,

на западной границѣ или на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ въ настоящее время сосредоточена главная масса нашей арміи?

## 9. Подчиненность артиллеріи.

Давно извѣстно, что подлинному совершенству во всякомъ дѣлѣ больше всего мѣшаютъ рутина и косность, а еще хуже, конечно, когда къ этому примѣшаются своенравные капризы. Такъ у насъ уже многіе годы обстоило дѣло съ организаціей артиллеріи, объединеніемъ еще въ мирное время разныхъ родовъ оружія и т. п. Еще лѣтъ 20—25 тому назадъ рѣшено было окончательно и безповоротно реорганизовать артиллерію на тѣхъ же началахъ, какія приняты и въ иностранныхъ арміяхъ, подчинивъ артиллерію еще въ мирное время начальникамъ дивизій и т. п. Проектъ этотъ еще при покойномъ П. С. Ванновскомъ былъ близокъ къ осуществленію. Но возстали артиллеристы. Какъ можно пѣхотнымъ начальникамъ дивизій подчинить артиллерійское дѣло; вѣдь это было бы ужасное приниженіе ученаго канта! Наконецъ техника артиллерійская, матеріальная часть, стрѣлковое дѣло, понятныя по словамъ артиллеристовъ только имъ однимъ, оказались бы совершенно безъ свѣдущихъ руководителей и наставителей.

Всѣ эти доводы, хотя и не столь убѣдительны, оказались тогда очень сильными потому, что артиллерія власть имущая прямо заявила, помимо всякихъ доводовъ,—„не позволю и пальцемъ тронуть нынѣшнюю организацию артиллеріи; лучшей не надо. Вотъ и весь сказъ“. Остались мы, такимъ образомъ, съ организаціей явно абсурдной, и печальный опытъ минувшей войны съ Японіей подтвердилъ кровавымъ образомъ несостоятельность существовавшей системы.

То обстоятельство, что къ артиллерійской техникѣ и близко не подступались пѣхотные начальники, отдавъ ее всецѣло въ руки артиллеристовъ, не спасло насъ отъ того, что къ началу войны съ Японіей мы оказались съ недостаточнымъ количествомъ скорострѣльныхъ орудій, а тѣ, которыя уже имѣлись, очутились не тамъ, гдѣ имъ слѣдовало находиться. Само стрѣлковое артиллерійское дѣло, составляющее „святую святыхъ“ артиллери-

стовъ, въ которую артиллерійскіе привратники впускаютъ пѣхотныхъ профановъ съ такимъ высокофрннымъ видомъ, въ дѣйствительности на обѣ ноги хромало у самихъ жрецовъ, и вмѣсто розысковъ „французскихъ“ и „германскихъ“ гребней для артиллерійскихъ позицій вновь прибывавшіе на театръ войны батареійные командиры, скрѣпя сердце, принимали къ исполненію дѣльныя указанія пѣхотныхъ начальниковъ, познавшихъ свойства новой скорострѣльной пушки на боевыхъ опытахъ, а не на учебныхъ полигонахъ. Да и дѣйствительно, откуда артиллеристы могли узнать свойства своихъ пушекъ, когда „Правила стрѣльбы“ имъ читали на-спѣхъ передъ посадкой въ вагоны изъ корректурныхъ листковъ, когда самую стрѣльбу и корректированіе предлагалось изучать мѣломъ на классныхъ доскахъ, а съ матеріальной частью знакомиться въ пути, на ходу поѣзда...

Значитъ, и въ этомъ отношеніи лучшей постановкѣ артиллерійскаго дѣла мало помогло то, что въ мирное время у насъ даже и корпусные командиры считаютъ для себя артиллерійскую стрѣльбу чужимъ дѣломъ.

Хуже всего оказалась собственно тактическая организація артиллеріи на войнѣ. Это хорошо извѣстно всѣмъ войсковымъ начальникамъ, участникамъ минувшей войны, видѣвшимъ воочію нелѣпость этой организаціи: даже дивизионерамъ весьма часто не было мѣста въ бою, и они пристраивались иногда въ качествѣ „шефовъ“ къ какому-нибудь батареямъ, или же подъ губительнымъ огнемъ непріятели застрелили гдѣ-нибудь *между* батареями, оставаясь такъ все время боя, за неимѣніемъ строго опредѣленнаго обязательнаго мѣста въ бою. А командиры артиллерійскихъ бригадъ,—хорошо еще, если они наканунѣ боя объѣзжали батареи своей бригады, дѣлая при этомъ полуобязательныя указанія относительно расположенія орудій. Неудивительно при этомъ, что командиры артиллерійскихъ бригадъ, будучи илохо ориентированными относительно условій боя, проявляли иногда совершенно неумѣстное вмѣшательство, которое оказывалось для насъ гибельнымъ, приводя къ потерѣ батарей, какъ это случилось въ бояхъ на Шахѣ съ артиллеріей одного изъ корпусовъ Западнаго отряда.

Что же касается бывшихъ начальниковъ, нынѣ инспекторовъ артиллеріи корпусовъ, то они сами во время минувшей

войны отвыкли смотрѣть на себя какъ на боевыхъ начальниковъ, считая себя призванными слѣдить за матеріальной частью, пополненіемъ боевыхъ припасовъ и заниматься канцеляріей. И дѣйствительно, весьма рѣдко и въ исключительныхъ случаяхъ, какъ событіе чрезвычайной важности, можно было увидѣть на позиціи во время боя начальниковъ артиллеріи корпусовъ.

Я отнюдь не обращаю все вышесказанное хотя бы въ малѣйшій упрекъ артиллерійскимъ начальникамъ. Боже упаси! Я не сомнѣваюсь, что они обладаютъ всѣми боевыми доблестями отнюдь не меньше, чѣмъ начальники всѣхъ прочихъ родовъ оружія, но необходимо дать имъ возможность,—вѣрнѣе, *поставить въ необходимость дѣлать свое дѣло во время боя*. А для этого опытъ минувшей войны даетъ массу въ высшей степени поучительныхъ уроковъ. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь одного изъ нихъ: во время боевъ подъ Сандепу главнокомандующій возмѣлъ неудачную мысль изъять осадныя батареи и полевую артиллерію изъ вѣдѣнія начальниковъ боевыхъ участковъ, подчинивъ первыя особому общему начальнику артиллеріи, а вторую высшимъ артиллерійскимъ начальникамъ. Эта неудачная реформа показала полную свою несостоятельность *въ тотъ же день*, и была сейчасъ же отменена главнокомандующимъ.

Опытъ великое дѣло. И опытъ минувшей войны показаль, что возможность массироваія артиллеріи при нынѣшнихъ условіяхъ боя представляется въ весьма рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, что начальники боевыхъ участковъ—въ большинствѣ случаевъ начальники пѣхотныхъ частей—должны служить начальниками и батарей, расположенныхъ на этихъ участкахъ.

Вотъ данныя, которыя должны быть приняты въ основу организаціи артиллеріи и для мирнаго времени. Вѣдь ни съ чѣмъ несообразенъ нынѣшній порядокъ, допускающій въ мирное время одну организацію, а для войны иную: въ мирное время пѣхота и артиллерія совсѣмъ не знаютъ другъ друга, а на время войны—когда и требуется примѣнить то, къ чему готовились и привыкли во время мира,—устанавливается какъ неизбѣжное зло какое-то подобіе подчиненности, порождающей только массу вопросовъ, недоразумѣній и трений.

Пора намъ отказаться отъ поѣдающей насъ застарѣлой язвы ревниваго обереганія своего вѣдомства, слѣплого поклоне-

нія своему роду оружія какъ какому-то самодовлѣющему *идолу*. У насъ должна быть одна цѣль, которой должны одинаково служить всѣ роды оружія, забывая для этого патриотической пылъ своего кавалерійскаго, пѣхотнаго или артиллерійскаго прихода.

Слава Богу, что у насъ, наконецъ, подумались до этого. Последней реформой о подчиненности артиллеріи вопросъ этотъ значительно подвинуть впередъ и стоитъ на пути къ окончательному рѣшенію. Необходимо пересмотрѣть дѣйствующія законоположенія, опредѣляющія взаимныя отношенія и подчиненность артиллеріи соответствующимъ начальникамъ дивизій; согласованіемъ номеровъ еще далеко не все сказано. Представимъ себѣ, что, напримеръ, въ г. Верхнеудинскѣ расположена одна батарея и одинъ стрѣлковый полкъ; нельзя признать нормальнымъ, чтобы батарея, начальство которой находится въ Иркутскѣ, была во всей своей внутренней и учебной службѣ предоставлена самой себѣ, совершенно безконтрольно, только потому, что находящійся тутъ же командиръ стрѣлковаго полка не специалистъ по артиллерійской части. Это не имѣть за собою серьезныхъ основаній, а создано и привито искусственно путемъ внѣдренія соответствующихъ законоположеній и взглядовъ. Уничтожьте это средостѣніе ученаго канта, дайте пѣхотнымъ начальникамъ еще въ мирное время возможность вникать въ особенности артиллерійской службы, возложите на нихъ извѣстную долю отвѣтственности и посмотрите, какъ пѣхота и артиллерія познаютъ другъ друга.

## 10. Омоложеніе арміи.

Шумнымъ оглушающимъ перезвономъ какъ въ печати такъ и обществѣ пошло требованіе объ омоложеніи арміи. Послѣ поражений, пережитыхъ въ минувшую войну, и этотъ изъянъ въ нашей арміи—во всякомъ случаѣ второстепеннаго свойства—показался сразу, почему-то особенно важнымъ, скрывающимъ въ себѣ корень всѣхъ бѣдъ.

Всѣ такъ ухватились за эту вздутую цѣль, что не задумываясь ей принесена была ужасная жертва вечерняя, въ видѣ „избіенія“ 300—400 штабъ-офицеровъ. Конечно, молодая здоровая сила для арміи предпочтительнѣе, чѣмъ старья, наполовину

изношенныя. Но вѣдь кромѣ красоты и крѣпости физическихъ есть еще сила моральная, о которой мы въ нашемъ военномъ дѣлѣ любимъ такъ часто говорить на всѣ лады. Вѣдь эти обреченные тогда на закланіе штабъ-офицеры могутъ сказать нашей молодежи:

„Гдѣ незапятнанная слава нашихъ знаменъ, которую вы отъ насъ восприняли? Какъ участники войны 1877-78 г. мы имѣли утѣшеніе искупить отъ турецкаго ига родственныи намъ народъ болгарскій и создать благоденствующее теперь культурное государство; а *вы* что даровали родинѣ и славу нашего оружія въ войну съ Японіей?..“

Больно слышать и видѣть въ печати со стороны молодыхъ подростокующимъ офицеровъ легковѣсное „атуканіе“ по адресу всякихъ „засидѣвшихъся“, занимающихъ мѣста и должности, на которыя съ такими хищническими наклонностями зарятся „молодые, да ранніе“. Совершенно какъ жаждущій насладиться жизнью сыночекъ, не могущій дожидаться наслѣдства отъ „зажившагося“ тятеньки...

Поистинѣ печальное время и печальные идеалы, насквозь пропитанные карьеризмомъ, штатами и окладами,—и все это подъ ширмой „омоложенія“ арміи!..

Однако, откуда пошло это молодящееся вѣяніе? Развѣ командный составъ въ нашей арміи дѣйствительно такой перерѣзанный по сравненію съ иностранными арміями? Развѣ чинопроизводство у насъ болѣе тугое, чѣмъ въ иностранныхъ арміяхъ? Ничего подобнаго мы не увидимъ, если сопоставимъ списки и цифровыя данныя по числу лѣтъ высихъ начальниковъ (начиная отъ командира полка) въ нашей арміи съ одной стороны и германской и австро-венгерской съ другой. Не желая вдаваться въ статистику отмѣтимъ то, что и безъ того каждому хорошо извѣстно, что ни въ какой другой арміи нѣтъ генераловъ столь многочисленныхъ и столь молодыхъ, какъ у насъ: не говоря уже о генералахъ, состоящихъ на особомъ положеніи, въ нашей арміи есть командиры полковъ, только что перевалившіе 30-ти лѣтній возрастъ; есть корпусные командиры, которымъ едва минуло 50 лѣтъ, чего нѣтъ ни въ одной другой арміи.

Точно также и чинопроизводство у насъ не болѣе тугое,

чѣмъ въ другихъ арміяхъ; такъ, въ итальянской арміи чинъ майора получается послѣ выслуги 14½ лѣтъ въ чинѣ капитана или 25 лѣтъ послѣ производства въ подпоручики. Приблизительно то же самое мы видимъ въ сосѣднихъ съ нами арміяхъ, германской и австро-венгерской, а также и во французской. Лучшую картину движенія по службѣ офицеровъ въ германской арміи даетъ „Militär. Wochenblatt“ (1907 г.), приводя цифровыя данныя для офицеровъ одного цѣльнаго выпуска (1868 г.), который въ настоящее время цѣликомъ прекратилъ уже свое существованіе въ арміи, причѣмъ ни одинъ не дослужился до чина генерала. Едва ли эта картина во многомъ отличается отъ прохожденія службы у насъ, если бы мы взяли даже выпускъ изъ какого-нибудь юнкерскаго училища, а если мы возьмемъ выпускъ военного училища, то по всей вѣроятности мы получимъ итоги гораздо болѣе украшенные видными чинами, чѣмъ приведенные для германской арміи.

Все это не даетъ основанія къ такой погонѣ за омоложениемъ арміи, точно въ рѣшеніи этого вопроса кроется разгадка всѣхъ бѣдъ, постигшихъ насъ въ минувшую злосчастную войну съ Японіей? Командный составъ, говорятъ, былъ старъ и невѣжественъ въ своемъ дѣлѣ. Что старъ, это неправда; мы уже доказали, что въ общей массѣ нашъ командный составъ не старѣе, чѣмъ въ другихъ арміяхъ; не былъ онъ старѣе въ минувшую войну, чѣмъ у нашихъ противниковъ. А что невѣжественъ, то вѣдь багажъ знаній у насъ, у молодыхъ и старыхъ, одинаково скудный, и нашъ командный составъ не станетъ болѣе знающимъ и ученымъ даже, если будетъ вдвое моложе. Слѣдовало бы поэтому открыть походъ не за „омоложеніемъ“, а за *просвѣщеніемъ* арміи, которое дѣйствительно еще сверху до низу—отъ команднаго состава до послѣдняго солдата—бьется наполовину во власти тьмы...

Намъ кажется, что во всѣхъ нашихъ реформахъ съ омоложениемъ арміи мы потянулись слишкомъ стремительно за скороспѣлымъ общественнымъ мнѣніемъ: начали всѣ газеты кричать—„долгой старыхъ!“ „подайте намъ молодые таланты“... потянулась за газетами и молодежь изъ арміи. И краеугольный камень реформы заложенъ уже нерушимо. Мы встрѣчаемся тутъ съ отраженіемъ обыкновенной жизни въ полку, гдѣ также под-

лаживаются къ „общественному мнѣнію“, формирующемуся съ лѣваго фланга. Неудивительно, что и на верхахъ арміи, по общей привычкѣ, тоже потянулись за лѣвымъ флангомъ.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что такъ часто повторяющіяся въ нашей арміи громкія жалобы на медленность производства, на образующіяся „пробки“ и т. п. имѣютъ за собою много основаній. Дѣло въ томъ, что ни въ какой другой арміи нѣтъ такой *неравномѣрности* производства въ разныхъ родахъ оружія, въ зависимости отъ служебной обстановки, разныхъ случайностей и т. п., какъ въ нашей арміи. У насъ есть цѣлые ассортименты военной службы и вѣдомствъ—какъ гвардія, военно-учебное вѣдомство и др., не говоря уже о генеральномъ штабѣ, гдѣ при одинаковой подготовкѣ, но различіи въ протекціи и связяхъ, достигается, напримѣръ, штабъ-офицерскій чинъ на 30-мъ году жизни, а въ арміи мечтаютъ объ этомъ лишь на 50-мъ году. Какъ тутъ не возроптать на судьбу и не требовать „омоложенія“! Вспомните общій законъ *о движеніи*: положеніе армейскаго капитана только потому и кажется ему *неподвижнымъ*, что онъ видитъ своихъ товарищей на иныхъ поприщахъ, *галопирующими по службѣ мимо него*. Поставьте всѣхъ, на сколько возможно, въ одинаковыхъ условіяхъ; пусть всѣ двигаются по службѣ одинаково, хотя бы равномерно замедленнымъ ходомъ, если нельзя двигать равномерно ускореннымъ. За таланты нечего опасаться: они найдутъ себѣ пути, они выдвинутся сами собою, хотя бы и не были отличены всѣ особымъ шитьемъ на воротникахъ...

## 11. „Валяя на сѣраго“...

Тяжелое время переживаетъ теперь наша армія. Это, конечно, всѣмъ извѣстно, не только военному начальству всякихъ ранговъ, но даже и штатскимъ людямъ. Но болѣе всего эта тяжесть положенія чувствуется все же только *ротными командирами*—этими вѣчными драгилемъ строевого ярма.

Для подтвержденія только что сказаннаго сошлемся на слѣдующіе факты, взятые изъ жизни. Нарядомъ по полку назначается команда нижнихъ чиновъ для рубки хвороста въ лѣсу, и одинъ изъ нижнихъ чиновъ, оказавшійся новобранцемъ, только

что поставленнымъ въ строй, умышленно или неумышленно отрубилъ себѣ палець, и—ротный командиръ отрѣшается отъ роты, хотя онъ въ это время самъ находился въ караульной службѣ далеко отъ мѣста этого происшествія. Это сопровождается весьма красивымъ приказомъ по округу, гдѣ достается взводному, фельд-фебелю, ротному, баталіонному командиру и... точка: выше баталіоннаго командира наказаніе никого не постигаетъ.

Въ другомъ округѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ начали изрѣдка пропадать винтовки. Это, конечно, ужасное зло, которое надо вытравить съ корнемъ. Какія же мѣры придумать для этого? А зачѣмъ мозги утруждать,—тутъ и придумывать нечего: *ротный командиръ отрѣшается отъ роты*, въ которой пропадаетъ винтовка. Соответственно съ этимъ выпускается краткій, но внушительный приказъ по округу. Вѣдь казалось бы, что солдату обязательнѣе и легче досмотрѣть за своей единственной винтовкой, которая можетъ у него быть постоянно на глазахъ, тогда какъ ротному командиру физически немислимо услѣдить за сотней винтовокъ, разсѣянныхъ по многочисленнымъ служебнымъ нарядамъ или остающихся въ казармахъ, гдѣ онъ не можетъ находиться безотлучно день и ночь. Почему бы не сдѣлать отвѣтственнымъ въ такихъ случаяхъ исключительно хозяина винтовки, который вѣдь присягалъ на вѣрность службы и ему вѣдь вѣрнется иногда охрана несравненно болѣе важныхъ и цѣнныхъ складовъ имущества и т. п.? А если солдатъ устраняется вовсе отъ отвѣтственности и хотятъ валить все на ротнаго командира, то по какой логикѣ тутъ оставляютъ въ сторонѣ все прочее начальство—командира полка, начальника дивизіи, да и командира корпуса? Вѣдь въ данномъ случаѣ положеніе ротнаго командира мало отличается отъ положенія корпуснаго командира: оба они одинаково не могутъ забрать винтовки къ себѣ на квартиру и спать на нихъ; также имъ обоимъ одинаково необязательно безотлучно сидѣть въ казармѣ. Почему же ротный командиръ съ такой легкостью отрѣшается отъ должности, а корпусному командиру и въ голову не приходитъ, что онъ тоже атаманъ, которому полагается либо первая чарка, либо первая галка?

Мы тутъ не касаемся вовсе самой цѣлесообразности этихъ мѣръ, которая не должны были привести и не привели, конечно,

къ благимъ результатамъ, а имѣемъ въ виду это своеобразное раздѣленіе служебныхъ ролей: однимъ труды и отвѣтственность, а остальнымъ все прочее; тогда какъ, казалось бы, наоборотъ: кому много дано, отъ того много и спрашивать; пропала въ ротѣ винтовка; если ужъ признается необходимымъ смѣщать за это начальниковъ, то отрѣшить отъ командованія командира полка или командира корпуса—кого угодно, ибо эта винтовка пропала не только въ ротѣ, но потеряна и для полка, и для корпуса.

А вотъ и другой фактъ изъ жизни другого округа. Въ одномъ изъ приказаній по округу встрѣчаемъ съ приказаніемъ такого рода: командующій войсками обратилъ вниманіе на то, что много нижнихъ чиновъ гуляетъ по городу до позднихъ часовъ, не будучи уволены установленнымъ закономъ порядкомъ, къ тому же не по формѣ одѣтыхъ. Въ виду сего предписывается къ устраненію сего принять строгія мѣры, „а если и впредь будутъ встрѣчаться нижніе чины, уволенные не установленнымъ порядкомъ, то ротные командиры будутъ отрѣшены отъ командованія ротами“...

Опять ротные командиры... Разумно ли такъ хлестать только по одному извѣстному мѣсту.

Мыслимо ли появленіе такихъ приказовъ, если бы начальству была не только извѣстна, но и ощутительна тяжесть положенія переживаемаго главнымъ образомъ ротнымъ командиромъ. Чтобы быть на высотѣ положенія въ наше время, ротный командиръ долженъ быть не только знающимъ инструкторомъ въ своемъ дѣлѣ, но и искуснымъ воспитателемъ и проникновеннымъ сердцеѣдомъ. Только при этомъ условіи будетъ взаимное пониманіе и довѣріе другъ къ другу. Запугиваніемъ и застрашиваніемъ тутъ ничего не добьешься. Между тѣмъ, ротному командиру способами воздѣйствія на него высшаго начальства внушается система обратнаго свойства. Необходимо имѣть въ виду, что примѣръ свыше дѣйствуетъ всегда особенно заразительнымъ образомъ: видя со стороны начальства безучастное отношеніе къ сложнымъ запросамъ современной солдатской жизни и стремленіе отыграться только чужимъ горбомъ и чужой отвѣтственностью, можетъ и у ротнаго командира явиться естественное желаніе, въ предѣлахъ доступной ему власти, валить все на другихъ, отдавая свою душу и нервы возможно меньше истинной пользѣ службы.

Но что же тогда получится? Пришибленный материальной нуждой, затуканный со стороны высшего начальства постоянной угрозой „отрѣшить отъ командованія ротой“, ротный командиръ приучается самимъ начальствомъ смотрѣть на свое любимое дѣло, на ставшую ему второй семьей роту, какъ на источникъ всякихъ невгодъ и неприятностей, къ которому съ теченіемъ времени проникается злобой и ненавистью.

Затѣмъ необходимо имѣть въ виду и то, что эта скоропалительная угроза отрѣшенія отъ должности глубоко оскорбительна не только по формѣ, какъ постыдная плеть, заносимая постоянно надъ головами ротныхъ командировъ, но и вредная по существу для пользы службы: вѣдь если имѣются ротные командиры, командующіе своими ротами „ковыряя пальцемъ въ носу“, то по нынѣшнимъ временамъ, при коллегіальныхъ аттестацияхъ, они долго продержаться не могутъ; слѣдовательно такіа скороспѣлыя отрѣшенія отъ командованія ротой бьютъ завѣдомо въ ложную цѣль, нанося, можетъ быть, вѣрный ущербъ дѣлу службы тѣмъ, что, благодаря капризамъ начальства или случайнымъ обстоятельствамъ отрѣшаются отъ ротъ дѣльные и знающіе служаки.

А затѣмъ справедливо ли съ такой легкостью угрожать на каждомъ шагу отрѣшеніемъ отъ должности? Вѣдь по дѣйствующимъ у насъ законоположеніямъ это равносильно „волчьему паспорту“, такъ какъ военнослужащій ограничивается въ нѣкоторыхъ правахъ по службѣ...

Едва ли кто станетъ отрицать, что положеніе ротнаго командира, и безъ того не всегда сладкое, теперь становится весьма тяжелымъ въ виду массы разнородныхъ обязанностей и чрезвычайно сложной отвѣтственности, возлагаемыхъ на него печальными особенностями нашего времени. Кто изъ нихъ остался бы при своей ротѣ, если бы предвидѣлъ для себя возможность иного выхода. Только эта безвыходность положенія, а иногда и глубоко вкоренившаяся привычка и любовь къ своему дѣлу удерживаютъ при командованіи ротой, ставшемъ теперь своего рода подвигомъ. Какъ-то странно и звучитъ теперь терминъ „командованія“ одного надъ многими, при всеобщемъ помутнѣніи мысли и повальномъ шатаніи умовъ, когда новобранцы на службу приходятъ уже зараженными отчасти недоувѣріемъ къ авторитету

начальниковъ. А вдобавокъ ко всему этому начальство свьше старается со своей стороны не облегчить, а ухудшить положеніе ротнаго командира постоянными угрозами чуть что „отрѣшить отъ командованія ротой“. Въ наше трудное время пора отказаться отъ старой барской привычки выѣзжать на другихъ: каждый на занимаемой должности долженъ на собственной спинѣ вытягивать столько, сколько ему удѣлено его служебнымъ положеніемъ, а не стоять со стороны и только подхлестывать.

Обращаясь къ приведеннымъ выше мѣрамъ, которыми стараются добиться поставленной цѣли, нельзя не указать на крайнюю избитость этого пути, который и можетъ только привести къ трясинѣ: нижніе чины приучаются смотрѣть на себя какъ на безотвѣтственныхъ дѣтей, за которыхъ во всѣхъ случаяхъ отвѣчаетъ ротный командиръ; и это служитъ источникомъ весьма важнаго умственного и нравственнаго недомоганія, чреватаго важными послѣдствіями въ мирное и военное время. Въ той же части войскъ, которая дала поводъ для приказа по округу объ отрѣшеніи ротныхъ командировъ отъ командованія ротами въ случаѣ пропажи винтовки, усилилась еще больше пропажа винтовокъ: потому что къ прежней элонамфренной цѣли—украсть винтовку, прибавилась новая, насолить ротному командиру, если есть желаніе. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что и во второмъ приведенномъ нами случаѣ цѣль также не можетъ быть достигнута отрѣшеніемъ отъ должности ротныхъ командировъ: потому что, если до сего времени появлялись нижніе чины не по формѣ одѣтые и уволенные со двора не установленнымъ закономъ порядкомъ, то это случилось безъ особыхъ предвзятыхъ намѣреній, а теперь у порочнаго солдата можетъ появиться желаніе продѣлать это съ особой специальной цѣлью, чтобы подвести своего ротнаго командира.

Безспорно, не должны въ ротѣ пропадать винтовки; надо сократить и безцѣльное шатаніе нижнихъ чиновъ, хотя бы и по формѣ одѣтыхъ. Но для этого надо придумать болѣе соответствующія мѣры, чѣмъ это истасканное средство—„отрѣшить ротнаго командира отъ командованія ротой“. Сложныя явленія нельзя исправлять примитивными приѣмами и надо подумать, нельзя ли голову надъ вопросомъ, а не стряхивать его сейчасъ же на чужую спину при первомъ прикосновеніи, какъ только почувствовали его тяжесть.

## 12. Неисполненный долгъ.

Пять лѣтъ прошло послѣ окончанія войны съ Японіей, а до сихъ поръ еще даже не приступлено къ возведенію памятника павшимъ воинамъ. Не разъ появлялся въ печати благородный призывъ, напоминающій русскому обществу о неисполненномъ священномъ долгѣ передъ памятью вѣрныхъ сыновъ Россіи, погибшихъ жертвой минувшей войны на Дальнемъ Востоку; но до сихъ поръ этотъ призывъ остается въ полномъ смыслѣ слова, какъ принято выражаться, — „гласомъ вопіющаго въ пустынь“: ни откуда ни одного отклика, ни одного пожертвованія!..

Окаменѣли сердца, омертвѣли души нашихъ соотечественниковъ, — всѣхъ Мининыхъ, Пожарскихъ и Палицынскихъ.

Поистинѣ мертвое время, способное убить всякую надежду на лучшее будущее! А между тѣмъ, наши неослаביםъ справа и слѣва готовы были въ минувшемъ году втравить Россію въ новую войну, увѣряя, что передъ лицомъ войны политика замолкнетъ и всѣ партіи объединятся во имя великой идеи освобожденія славянъ, сдавленныхъ теперь на Ближнемъ Востоку въ мертвыхъ тискахъ Австріи. Что можетъ быть болѣе близко и свято, какъ почитать память безвѣстныхъ духосотъ тысячъ воиновъ, усѣявшихъ своими костями поля Манчжуріи и дно Великаго океана, исполняя священный долгъ передъ родиной! И что же, — вспомнило у насъ общество о самой простой элементарной обязанности увѣковѣчить память своихъ вѣрныхъ сыновъ? Объединились ли политическія партіи наши хотя бы надъ этой общей, дорогой всѣмъ могилой, — на почвѣ этой единственной, одинаковой для всѣхъ, священной обязанности?

Пять лѣтъ прошло послѣ окончанія войны; за это время японцы успѣли воздвигнуть памятникъ не только своимъ, но и нашимъ убитымъ подъ Артуромъ; нѣсколько разъ уже вся Японія торжественно справляла поминки всѣмъ убитымъ на войнѣ, что въ глазахъ всѣхъ воиновъ, оставшихся въ живыхъ, а также и родственниковъ убитыхъ на войнѣ и передъ лицомъ всего населенія страны имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ сооруженіе памятника; недавно японцы позаботились извлечь изъ нѣдръ нашей Новгородской губерніи полуистлѣвшія кости нѣсколькихъ

своихъ воиновъ, умершихъ въ русскомъ плѣну. А у насъ до сихъ поръ общество остается совершенно глухимъ ко всѣмъ напоминаніямъ о безвѣстныхъ жертвахъ минувшей войны, въ свое время искупившихъ своей жизнью чужіе грѣхи и являющихся собою понинѣ вѣрный показатель честнаго и самоотверженнаго исполненія долга нашимъ безответнымъ солдатамъ, не смотря ни на какія деморализующія условія веденія войны: достаточно сказать, что у насъ были бои, когда части войскъ теряли 70 — 80% всего состава офицеровъ и нижнихъ чиновъ! Значить, войска дѣлали свое дѣло на совѣсть, и не ихъ вина, если безталанные вожди привели Россію не къ славу, а къ позору и пораженію.

О неисполненномъ долгѣ передъ памятью погибшихъ воиновъ напоминалось и нашей арміи, которой ставилось въ упрекъ то, что до сихъ поръ павшимъ воинамъ нашимъ не воздвигнутъ памятникъ на ихъ родинѣ.

Выходить, такимъ образомъ, что армія наша несетъ на себѣ нравственную отвѣтственность за то, что кости нашихъ дорогихъ товарищей, павшихъ въ минувшую войну, до сихъ поръ не почтены приличнымъ памятникомъ. Но во всемъ мірѣ первый почтенъ въ этомъ дѣлѣ всегда принадлежитъ народу, государству, а не арміи. Возданіе чести павшимъ воинамъ, представляющимъ собою часть самой арміи, является прежде всего признаніемъ нѣкоторыхъ заслугъ самой арміи, которой не подобаешь поэтому не только упредить въ этомъ дѣлѣ первѣйшій священный долгъ народа, но и неудобно даже слишкомъ часто и настойчиво отъ имени арміи напоминать обществу о неисполненной имъ обязанности.

Тѣмъ не менѣе, необходимо напомнить, что армія наша своевременно вспомнила о необходимости увѣковѣчить память своихъ вѣрныхъ сыновъ, нашедшихъ себѣ вѣчный покой на поляхъ Манчжуріи. Еще не покидая театра войны, какъ только былъ ратификованъ мирный договоръ, сейчасъ же заключена была съ японскими уполномоченными особая конвенція, въ силу которой отъ нашей арміи въ районъ расположенія японскихъ войскъ должна была отправиться особая экспедиція для устройства братскихъ кладбищъ на поляхъ сраженій и приведенія въ извѣстность всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ погребены останки многочисленныхъ отдѣльных бойцовъ, нашедшихъ себѣ могилу при

исполненіи долга. Такія экспедиціи предположены были по одной отъ каждой изъ трехъ нашихъ армій и должны были отправиться для исполненія сятаго дѣла въ октябрѣ 1905 г., то-есть непосредственно послѣ возстановленія мира.

Согласно заключенной конвенціи японскій главнокомандующій обязывался не только предоставить нашимъ экспедиціямъ свободный пропускъ во всѣ мѣстности театра войны до Портъ-Артура включительно, но и оказать имъ всякое содѣйствіе со своей стороны. Предполагалось, выяснивъ мѣста погребенія нашихъ воиновъ, войти въ соглашеніе съ хозяевами соотвѣтствующихъ земельныхъ участковъ, выкупить эти земли въ собственность русскаго правительства, устроить приличныя каменные ограды, собрать туда кости безвѣстныхъ воиновъ нашихъ, разсѣянныхъ по всей Манчжуріи, поставить приличные памятники и т. п.

Для образованія необходимыхъ матеріальныхъ средствъ предписано было приказомъ главнокомандующаго Манчжурскихъ армій отчислить отъ каждой отдѣльной войсковой части, имѣющей самостоятельное хозяйство, по тысячѣ рублей; деньги эти тогда же были внесены въ депозитъ казначейства I армии и числились по особому счету. Намъ неизвѣстно, сколько въ общемъ было собрано отъ всѣхъ войсковыхъ частей, но хорошо знаемъ, что отъ одной III-й армии къ началу декабря 1905 г. была внесена на этотъ предметъ *тридцать одна тысяча рублей*; отъ всѣхъ трехъ нашихъ армій должна была получиться сумма, по крайней мѣрѣ *въ сто тысячъ рублей*. Въ началѣ декабря подъ моимъ начальствомъ сформирована была экспедиція отъ III армии и должна была вслѣдъ затѣмъ выступить по своему назначенію.

Далѣе случилось слѣдующее: прежде всего наша канцелярскал рутина и въ этомъ случаѣ загубила все это святое начинаніе: вмѣсто того, чтобы приняться за это дѣло *„безотлагательно“*, какъ предписывалось приказомъ главнокомандующаго, пошла обычная переписка, которая затянула выступленіе экспедиціи съ октября до декабря; наступила, такимъ образомъ, зима; морозъ сковалъ почву, которую трудно было бы разрывать, чтобы откапывать останки погребенныхъ воиновъ для сбора въ общія братскія кладбища; кромѣ того, выпавшій снѣгъ, покрывъ мѣста

бывшихъ боевъ и сраженій, измѣнилъ до неузнаваемости общій видъ мѣстности, затрудняя, вслѣдствіе этого, розыски могилъ, въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не обозначенныхъ.

Все это заронило уже сомнѣніе въ услѣшности достиженія поставленной цѣли при выступленіи въ декабрѣ.

Затѣмъ, чтобы окончательно погубить осуществленіе благой мысли, на помощь канцелярскаго косоности явились удручающія извѣстія съ родины о всеобщихъ забастовкахъ и неслыханныхъ безпорядкахъ. Японцы не замедлили учсть нашу слабость и сейчасъ же перемѣнили тонъ въ обращеніи съ полевымъ штабомъ нашего главнокомандующаго: въ отвѣтъ на сдѣланное мною сообщеніе о предстоящемъ выступленіи нашей экспедиціи, согласно конвенціи отъ 3-го октября, японскій штабъ, вопреки принятаго на себя обязательства, отвѣтилъ, что никакой русскій экспедиціи не пропускать и сами берутъ на себя заботы по устройству и приведенію въ порядокъ нашихъ могилъ и братскихъ кладбищъ. Соорудивъ въ Артурѣ памятникъ павшимъ русскимъ воинамъ, японцы, пожалуй, считаютъ себя перемъ всѣмъ міромъ весьма корректными въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ; тогда какъ фактъ нарушенія ими формальнаго договора, заключеннаго на театрѣ войны между русскими и японскими военными уполномоченными и воспрепятствованія намъ самимъ исполнить нашъ долгъ передъ памятью нашихъ погибшихъ товарищей, мало кому извѣстенъ и остается совершенно въ тѣни передъ лицомъ японскаго памятника, сооруженнаго въ Артурѣ.

Армія, значить, не забыла священнаго долга увѣковѣчить память своихъ вѣрныхъ сыновъ на театрѣ войны. Роковое стеченіе обстоятельствъ помѣшало своевременно устроить братскія кладбища на мѣстахъ боевъ и сраженій.

Это въ минувшемъ году исполнено экспедиціей Полк. Болховитинова. Но пора воздвигнуть памятникъ нашимъ павшимъ воинамъ на ихъ родинѣ.

### 13. Самобичеваніе и самоснаваніе.

Минувшая война принесла намъ всѣмъ извѣстные, печальныя итоги—настолько печальныя, что о нихъ хотѣлось бы умолчать и не говорить вовсе. Но вѣдъ отъ этого не легче и не

лучше для военного дѣла, которому служимъ. Къ тому же, армія наша стала теперь объектомъ всевозможныхъ сужденій, и спеціалистовъ, и постороннихъ зрителей; о ней пишутъ и судятъ вкривь и вкосъ, во всѣхъ органахъ печати; даже вопросы спеціально военного характера стали теперь достояніемъ общей политической печати, которая въ этомъ отношеніи, до нѣкоторой степени, опередила даже печать военную. Причины этого явленія кроются въ той долѣ апатіи, которая магически овладѣла участниками и неучастниками минувшей войны, послѣ испытанныхъ тяжелыхъ ударовъ судьбы и пережитыхъ жгучихъ разочарованій, при видѣ чуть ли не полного крушенія всего, что намъ такъ дорого, чему мы съ любовью и гордостью служили весь вѣкъ свой...

Было бы постыдно, конечно, предаваться долго этой апатіи,—особенно въ такое животрепещущее время, какое мы переживаемъ теперь; тѣмъ болѣе, что немало времени прошло уже и послѣ войны. Но не менѣе ошеломляющими оказались событія, встрѣтившія насъ при возвращеніи на родину. Мы неожиданно очутились лицомъ къ лицу съ нарождающейся новой Россіей, и все вниманіе, всѣ помыслы, не могли не быть отвлечены новыми явленіями жизни. Неслыханный провалъ нашего военного могущества на Дальнемъ Востоцѣ и ринувшаяся стремительнымъ потокомъ новая струя изъ живительныхъ нѣдръ народной жизни такъ быстро расшатала и опрокинула многіе устои нашего стараго домостроя, когда-то столь прочнаго, испытаннаго многовѣковой исторіей, что вмѣстѣ со всей Россіей и всѣ мы, конечно, оказались сбитыми со старой позиціи. Какъ тутъ, ссылаясь на „указанія изъ опыта минувшей войны“, штудировать разные вопросы объ обнаруженныхъ дефектахъ въ „тактическихъ приемахъ“, „недочетахъ развѣдывательной службы“ или „неудобствахъ вещевого мѣшка“,—когда увѣряютъ, что самый военный организмъ нашъ оказался пораженнымъ застарѣлыми недугами; что всякія частичныя реформы, захватывающія лишь одни параграфы воинскихъ уставовъ и вещевые мѣшки, даже съ ихъ содержимымъ, будетъ не что иное какъ вливаніе новаго вина въ старые мѣхи.

И тутъ, несомнѣнно, кроется доля правды. Не мелочные изъяны въ всоруженіи, снаряженіи и тактической подготовкѣ

нашей арміи были причиной нашихъ пораженій, а именно болѣе скрытые недуги органическаго характера, которые, казалось бы, должны служить предметомъ преимущественнаго вниманія; между тѣмъ о нихъ говорятъ всего менѣе. Мы должны и въ этомъ явленіи—въ этой боязни откровенной самокритики признать одну изъ присущихъ намъ слабостей. Могутъ, пожалуй, возразить,— что неужели еще мало тѣхъ нападокъ, которымъ армія теперь подвергается со всѣхъ сторонъ? полезно ли еще особое самобичеваніе въ качествѣ спеціального лекарства? Но въ томъ-то и дѣло, что у насъ теперь установился совсѣмъ не продуктивный *modus vivendi*, въ силу котораго на армію часто возводятся небыллицы—за рѣдкимъ исключеніемъ не стоящія, въ сущности, ни малѣйшаго вниманія,—а армія только и дѣлаетъ, что грызается. А тѣмъ временемъ—„возъ и понынѣ тамъ“. Огрызаясь противъ нападокъ, иногда и незаслуженныхъ, мы ревниво оберегаемъ всякія лазейки, ведущія даже и къ нашимъ завѣдомымъ слабостямъ, что не можетъ, конечно, служить на пользу дѣлу. Вѣдь для всѣхъ ясно, что армія наша, какъ и флотъ, обнаружила во время минувшей войны всѣ признаки болѣзненности. Ген.-адъют. Куропаткинъ въ своемъ прощальномъ приказѣ, а также и другіе вдумчивые войсковые начальники, хотя и мимоходомъ, все же указали уже нѣкоторые симптомы нашихъ недуговъ. Теперь рѣчь идетъ о постановкѣ діагноза. Мыслимо ли приступить къ врачеванію нашихъ органическихъ недостатковъ безъ этого перваго шага осмысленнаго леченія? Вмѣсто этого мы чаще встрѣчаемся съ разными рецептами „о новомъ раздѣленіи фазъ наступательнаго боя“, „о перебѣжкахъ накапливаніемъ и просачиваніемъ“, и тому подобными знахарскими средствами, которыми пренаивно думаемъ залечивать старые гнойники, скрытые въ жизненныхъ центрахъ нашего организма.

Но мало *знать* свою болѣзнь; важно *показать* ее доктору. А въ этомъ иногда скрывается вся суть дѣла, особенно въ деликатныхъ вопросахъ такого рода, какъ національное самолюбіе, чувство патріотизма и т. п. Но развѣ и безъ того эти дорогія намъ чувства не изранены минувшей войной? Развѣ испытанныя нами тяжкія пораженія на сушѣ и на морѣ не раскрыли уже передъ всѣмъ міромъ наши сокровенные недуги? Неужели ради ложнаго стыда мы будемъ закрывать глаза передъ нашими не-

мощами, которая уже помимо насъ видна во всей наготѣ нашимъ сосѣдямъ? Вѣдь это значитъ стать въ уровень понятливости страуса, который тоже прячетъ голову подъ собственнымъ крыломъ, когда ему не хочется смотрѣть въ глаза наступающей опасности.

Все это, конечно, ясныя безспорныя истины, къ которымъ, однако,—въ нашемъ положеніи, какое переживаемъ теперь,—надо все-таки прикасаться съ тою же осторожностью и чуткостью, которая необходима при прикосновеніи къ наболѣвшимъ зияющимъ ранамъ, хотя бы съ самыми благими намѣреніями тщательнаго ухода и леченія. Вотъ почему въ вопросахъ самокритики и правдиваго освѣщенія всего пережитаго на войнѣ совершенно допустимо хотя бы и лишній разъ пояснить ясное и доказывать безспорныя истины. Не касаясь, поэтому, внутреннего содержания затронутаго вопроса,—т. е. выясненія сущности нашихъ органическихъ недостатковъ—обратимся къ принципиальной его сторонѣ: что полезнѣе или вреднѣе для дѣла—самокритика, какъ самобичеваніе, или легкомысленное самодовольство, граничащее съ самосмакованіемъ?

Скажутъ, конечно, что и то, и другое крайности;—что есть золотая середина;—что нѣтъ надобности безъ нужды себя больно бичевать, какъ не слѣдуетъ себѣ и сладко льстить. Пусть такъ. Но надо принять во вниманіе, что золотая середина здѣсь съ очень расплывчатыми берегами; что весьма легко шагнуть со середины въ ту или другую сторону, и весь вопросъ въ томъ, чтобы заранѣе уяснить себѣ возможный вредъ для поставленной цѣли отъ вольнаго или невольнаго уклоненія въ сторону той или другой крайности.

Обращаясь къ примѣрамъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, а также и къ фактамъ недавно минувшихъ дней, у насъ самихъ и нашихъ сосѣдей, мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что никогда и нигдѣ печальные итоги въ дѣлѣ войны—знаменующей собою всеобъемлющій экзаменъ всей жизнедѣятельности народной—не являлись результатомъ хотя бы и самой злой, ѣдкой самокритики. Это такъ же невозможно, какъ невозможно *ошло* испортить *словомъ*, если даже допустить, что, вообще на землѣ, въ дѣлѣ рукъ человѣческихъ возможно идеальное совершенство; въ дѣйствительности же этого не бываетъ, и для про-

низительнаго ума часто среди всеобщаго покоя и глубокаго мира обрисовываются недочеты такого рода, которые очевидными для всѣхъ выступаютъ только послѣ назрѣвшей и разразившейся катастрофы. Въ силу хотя бы этой одной безспорной истины надо относиться снисходительно даже и къ острой увлекающейся самокритикѣ, способной иногда безжалостно „глаголомъ жечь сердца людей“, низвергать излюбленныхъ идоловъ, склонной иногда въ силу увлеченія неумышленно исказить и самую правду, разыскивая погрѣшности и слабости даже въ сильныхъ сторонахъ нашего бытія. У всѣхъ народовъ лучшіе мыслители были всегда и наиболѣе безпощадными обличителями ложныхъ взглядовъ и разныхъ общественныхъ золъ, прикрытыхъ господствующими нравами и обычаями. Наоборотъ,—при преобладающемъ обратномъ теченіи общественной мысли,—при склонности видѣть все въ розовомъ свѣтѣ, криливо восторгаться положительными явленіями, замалчивая вовсе всплывающія время отъ времени неприглядныя стороны жизни,—при тяготѣнии въ сторону вотъ этой крайности катастрофа не заставляетъ себя ждать, и жизнь властно напоминаетъ объ опасномъ увлеченіи. Не зарываясь въ дебри историческихъ примѣровъ, ограничимся указаніемъ на печальные итоги Крымской войны и только что пережитую войну съ Японіей: въ 50-хъ годахъ ложное теченіе нашей общественной мысли, затуманенной убаюкиваніями славянофиловъ и обманчивымъ міражемъ внѣшняго и внутренняго благополучія, подъ давленіемъ мертвящихъ тисковъ всеильной власти, привело насъ къ уродливому міровоззрѣнію „шапками закидаемъ“, которое оказалось для насъ пагубнымъ и въ военномъ, и политическомъ отношеніяхъ. Наказаны мы теперь вторично печальными итогами минувшей войны съ японцами за то, что мы ласкали взоръ свой только внѣшними признаками благополучія и величія арміи, отворачиваясь отъ обнаруживавшейся время отъ времени обратной стороны медали. Понадобилась для нашей арміи жестокая хирургическая операція, учиненная минувшей войной, чтобы главнокомандующій въ прощальномъ приказѣ призналъ таившіяся въ арміи недуги, которые онъ залогомъ до войны, среди глубокаго мира, не могъ не видѣть какъ военный министръ.

Теперь мы опять стоимъ передъ той же дилеммой: довольствоваться ли уже раскрытыми, выступившими наружу, боляч-

ками, стыдливо укрывая от посторонних глаз то, что видно лишь намъ однимъ; или выносить все на свѣтъ Божій, не опасаясь ложнаго ущерба престижу и величію арміи? И по горькому опыту исторіи, и по здравому смыслу, тутъ, кажется, двухъ мнѣній быть не можетъ. Армія хорошо дѣлаетъ свое дѣло и побѣждаетъ на войнѣ лишь въ силу таящейся въ ней самой жизнеспособности, совершенно независимо отъ ореола, которымъ она окружена у себя на родинѣ; напротивъ: искусственно созданный престижъ оранжерейнаго характера скорѣе принесетъ арміи несомнѣнный вредъ, такъ какъ можетъ легко способствовать зарожденію въ ней болѣзнетворныхъ микробовъ, неразлучныхъ всегда съ экзотическимъ воспитаніемъ. Съ другой стороны никакая критика, даже самая злостная и лживая, не можетъ нанести дѣйствительный ущербъ здоровому развитію арміи, имѣющему въ основѣ правильно поставленную цѣль и осуществляемую плодотворными мѣрпріятіями. Въ концѣ-концовъ, всякая критика—и разумная, и легковѣсная, и тенденціозная—представляетъ собою лишь одну *словесность*, способную принести свою долю пользы или вреда лишь когда переходитъ *въ дѣло*.

Не будемъ, поэтому, бояться *никакой* критики, памятуя, что подобное „самобичеваніе“ ведетъ къ работѣ мысли, къ бодрствованію поставленныхъ у дѣла, къ совершенствованію и движенію впередъ; тогда какъ самодовольство, граничащее съ самосмакованіемъ, ведетъ къ застою и спячкѣ. Пусть неприглядно, пожалуй и смѣшно, положеніе гоголевской унтеръ-офицерши, которая сама себя высѣкла; но еще хуже, когда при полномъ самодовольствѣ, пребольно высѣкутъ чужіе.



## Глава IV.

### Войсковое хозяйство.

#### 1. Наканунѣ реформы войскового хозяйства.

##### I.

Скоро минетъ пять лѣтъ какъ производятся опыты введенія въ войскахъ новаго хозяйства.

Идетъ опытъ... Гдѣ-то въ таинственныхъ лабораторіяхъ хозяйственныхъ дѣлъ мастера, по указаніямъ „главнаго руководителя“, стряпаютъ разные рецепты, пробуютъ ихъ на практикѣ, опять прибавляютъ, пожалуй, того-другого и опять пробуютъ. А армія наша остается въ полной неизвѣстности о ходѣ опытовъ. Мы ничего не знаемъ, какія, именно, прививки производятся частямъ, подверженнымъ опыту; мы ничего не знаемъ *какъ чувствуютъ себя* эти войсковыя части при испытаніи разныхъ рецептовъ, которые выработаются для всей арміи,—каковы результаты этихъ испытаній. И возможно, что будетъ современемъ выкроенъ новый хозяйственный костюмъ, который будетъ выданъ для обихода, во всѣ войсковыя части; послѣднимъ, конечно, въ свою очередь придется тогда начать собственные опыты съ прививкой, пригонкой, перекройкой и т. п.

Разумная ли эта постановка опытовъ? Почему три года тому назадъ о ходѣ словопрений въ комисіи генераль-адъютанта Зарубаева, время отъ времени, оповѣщалась армія официальными извѣщеніями, призывая ее тѣмъ самымъ къ тому, чтобы слѣдить за обсужденіемъ возбужденныхъ вопросовъ, а въ данномъ случаѣ, при производствѣ испытаній надъ разработкой реформы войскового хозяйства, имѣющей огромное значеніе для арміи, считаютъ совершенно излишнимъ дѣлиться извѣстіями о ходѣ опытовъ и встрѣчающихся затрудненіяхъ, чтобы такимъ путемъ заинтересовать и расположить армію къ назрѣваемой реформѣ. Не под-

лежить никакому сомнію, что какіе бы доки по хозяйственной части ни призваны были для производства опытовъ, это все же для нихъ самихъ дѣло новое, и весьма возможно, что рождающаяся для нихъ затрудненія и тренія при выработкѣ какого-нибудь отчетнаго листа или нормъ на отпускъ нитокъ для швальни могли бы быть легко устранены дѣльными указаниями какого-нибудь завѣдывающаго хозяйствомъ или обмундировальной мастерской.

Да и много значить *расположить* армию къ проводимой реформѣ, что достижимо лишь при условіи пробужденія интереса и участія самой армии въ выработкѣ необходимыхъ новшествъ. Человѣкъ ужъ такъ созданъ, что онъ съ наибольшимъ довѣріемъ и любовью относится лишь къ тому, гдѣ кроется крупница его мысли или трудовъ его рукъ. Поэтому намъ представляется весьма полезнымъ и въ интересахъ самой реформы, и въ отношеніи желательнаго довѣрія со стороны войскъ, если бы периодически, разъ въ недѣлю или хоть въ мѣсяцъ, объявлялось для всеобщаго свѣдѣнія о ходѣ опытовъ, о встрѣчающихся затрудненіяхъ, о нарождающихся вопросахъ и т. п. При нынѣшнихъ же условіяхъ выработанная комиссіей генерала Водара реформа войскового хозяйства остается для армии совершенно чуждой, а потому она въ свое время вызоветъ неминуемо массу вопросовъ, которые вполнѣдствіи встрѣчены были бы войсками хоть какъ старые знакомые, если бы испытательныя комиссіи знакомили теперь же со способами ихъ разрѣшенія. Если въ отношеніи вопросовъ тактическихъ и боевой подготовки войскъ принято во всемъ руководствоваться указаниями боевого опыта, вынесенными изъ строя, то по вопросамъ хозяйственнымъ знаками дѣла надо признать, безспорно, тѣхъ маленькихъ людей, которые стоятъ непосредственно у самаго дѣла: завѣдывающихъ оружіемъ, швальней, хлѣбопекарней, хозяйствомъ части и т. п. Практическія указанія этихъ маленькихъ хозяйственныхъ чиновъ имѣютъ въ данномъ случаѣ важное значеніе.

Что представляетъ собою „*знаніе хозяйства*“, какъ у насъ принято выражаться, высшими начальствующими лицами, хотя бы даже и такими, которыя руководятъ теперь реформой войскового хозяйства? Эта репутація „знанія хозяйства“ въ девяти случаяхъ изъ десяти упрочилась навѣрное благодаря бросивше-

муса, въ свое время, начальству въ глаза наружному хозяйственному блеску, жирнымъ экономическимъ суммамъ, красивымъ лагернымъ постройкамъ, богатымъ выѣздамъ и многое т. п. Не будемъ распространяться о томъ, какими путями это все достигается, и какъ инспектирующіе въ войскахъ улавливаются на этой удочкѣ „знанія хозяйства“. Но каждому понятно и безъ лишнихъ словъ—сколько въ такомъ хозяйствѣ подлиннаго знанія. Что съ такимъ „знаніемъ хозяйства“ могутъ сказать командиры частей, черезъ много лѣтъ поставленные руководителями въ *практическомъ* дѣлѣ реформы войскового хозяйства? Какъ въ былое время за кулисами блестящаго хозяйства стоялъ изворотливый завѣдывающій хозяйствомъ, такъ теперь руководителямъ испытательныхъ комиссій не обойтись, конечно, безъ указаній и совѣтовъ младшихъ хозяйственныхъ чиновъ. Поэтому было бы весьма полезно расширить опыты реформы войскового хозяйства, вынеся ихъ *за предѣлы* испытательныхъ комиссій; но это возможно лишь при условіи, если опыты реформированнаго войскового хозяйства будутъ производиться, такъ сказать, на глазахъ всей армии, если время отъ времени будутъ появляться официальные оповѣщенія отъ испытательныхъ комиссій о ходѣ опытовъ, о встрѣчающихся затрудненіяхъ и т. п.

Это тѣмъ болѣе важно, что рядомъ съ *казанными* официальными опытами во многихъ частяхъ войскъ производится въ настоящее время свои домашніе опыты по многимъ весьма важнымъ вопросамъ войскового хозяйства, какъ, напримѣръ, снабженіе нижнихъ чиновъ обмундированіемъ и обувью на совершенно новыхъ началахъ и т. п.

Впрочемъ, сколько извѣстно реформа войскового хозяйства, штаты хозяйственныхъ чиновъ въ полкахъ и т. п. выработаны уже окончательно и скоро, вѣроятно, будутъ объявлены; такъ что судить о реформѣ войскового хозяйства придется увидѣвъ ее въ видѣ готовомъ и безапелляціонномъ, не подлежащемъ критикѣ.

## II.

Пока что намъ остается лишь гадать объ ожидающей насъ „ломкѣ“, какъ называютъ многіе грядущую реформу войскового хозяйства; но вдумавшись хорошенько въ проектируемую ре-

форму войскового хозяйства, мы увидимъ, что ломка тутъ представляется лишь кажущейся, и что на самомъ дѣлѣ у насъ даже имѣются уже нѣкоторыя опытныя данныя, относящіяся притомъ не только къ мирному, но и къ военному времени. Весь вопросъ сводится собственно къ названіямъ и внѣшнимъ формамъ, но не къ сущности дѣла. Дѣйствительно: представьте себѣ, что завѣдывающій хозяйствомъ называется полковымъ интендантомъ, а вмѣстѣ съ нимъ прочіе чины хозяйственнаго правленія носятъ интендантскую форму, и тогда,—основываясь на практикѣ минувшей войны,—мы получимъ въ значительной мѣрѣ прообразъ той системы отдѣленія хозяйства отъ строя, которую предложила коммиссія генерала Водара. Начальникамъ частей, участникамъ минувшей войны, хорошо извѣстно, что влияние ихъ на хозяйственную часть было, по необходимости, вполнѣ номинальное: во все время боевъ, въ ожиданіи боя, и послѣ боя, завѣдывающій хозяйствомъ со своимъ обычнымъ синклитомъ находились, конечно, въ тылу,—покупали скотъ, продукты, фуражъ, присылая это „на позицію“—т. е. къ мѣсту расположенія полка—черезъ своихъ подручныхъ; находясь съ полкомъ на позиціи, командиръ иногда не видалъ своего завѣдывающаго хозяйствомъ по недѣлямъ, по двѣ и по три, не испытывая при этомъ какихъ-нибудь неудобствъ. Конечно, завѣдывающій хозяйствомъ сносился при этомъ чаще съ дивизионнымъ интендантомъ, чѣмъ съ командиромъ полка, которому приходилось дѣлать только распоряженія спорадическаго характера: наступили, напримѣръ, холода—нужно обзавестись какой-нибудь теплой одеждой, усилить чайное довольствіе, — командиръ приказываетъ завѣдывающему хозяйствомъ позаботиться о томъ и другомъ.

Участіе командира полка въ хозяйственной части выражалось еще въ томъ, что время отъ времени ему присылались для подписи пачки всевозможныхъ требовательныхъ вѣдомостей, что дѣлало его отвѣтственнымъ за разные переборы, недоборы, или другія операціи хозяйственной части, въ которыхъ командиръ полка можетъ быть совершенно безъ вины виноватымъ. Не угодно ли вдумываться въ какія-нибудь цифры требовательной вѣдомости, или разсуждать о цѣнахъ купленнаго скота, при наличности цѣлаго вороха другихъ, неизмѣримо болѣе жгучихъ и отвѣтственныхъ вопросовъ; поэтому нерѣдко командиры, преданные

своему боевому назначенію, лишены были возможности цѣлыми мѣсяцами провѣрить хоть наличность денежнаго ящика, даже при посредствѣ установленныхъ закономъ комиссій; во все время войны командиры полковъ лишены были физической возможности провѣрить хоть число лошадей, числящихся на довольствіи,—не только провѣрить ихъ по описи.

Словомъ, фактически хозяйственная часть, по характеру своей дѣятельности, была отдѣлена отъ строевой и жила своей особой полусамостоятельной жизнью. Если прервать существовавшую между ними бумажную связь, переименовать полковыхъ хозяйственныхъ чиновъ въ интендантовъ, то и получимъ, по существу и внѣшнему виду, ту именно систему, которая проектирована комиссіей генерала Водара. Даже послѣ заключенія мира, когда миновали боевыя тревоги и наступила мирная жизнь, послѣ перехода арміи на „зимнія квартиры“,— благодаря существованію дивизионныхъ интендантовъ и въ большинствѣ случаевъ,—отдѣльному расположенію хозяйственной части съ обозомъ отъ штаба полка—связь между строевой частью и хозяйственной была исключительно *письменная*. При этомъ не рождалось ни малѣйшихъ затрудненій и треній: во-первыхъ потому, что не было никакихъ мастерскихъ, шваленъ и т. п.,—поэтомu не было вѣчнаго яблока раздора за лучшихъ людей, вырываемыхъ изъ строя для процвѣтанія мастерскихъ, не было своекорыстныхъ связей, спутывающихъ при нынѣшнемъ мирномъ порядкѣ дѣятельность строевую и хозяйственную; во-вторыхъ, главные предметы довольствія отпускались въ готовомъ видѣ отъ интендантства, поэтомu дѣятельность хозяйственной части сводилась лишь къ составленію требованій разнаго рода и къ преподнесенію ихъ на подписи командиру полка. Если бы можно было обойтись безъ этой подписи, то завѣдывающій хозяйствомъ могъ бы и вовсе не пріѣзжать въ штабъ полка, продолжая свои оживленныя сношенія съ дивизионнымъ интендантомъ.

Итакъ,—чтобы судить о проектируемой реформѣ отдѣленія хозяйства отъ строя, имѣются уже порядочныя опытныя данныя, относящіяся не къ нѣсколькимъ полкамъ, а къ *пятнадцати корпусамъ*, входившимъ въ составъ трехъ манчжурскихъ армій, испытывавшимъ прообразъ проектируемой системы и при боевой обстановкѣ, и при условіяхъ мирной жизни.

Что же насъ отпугиваетъ отъ рѣшительнаго проведенія въ жизнь реформы войскового хозяйства, предложенной комиссiей генерала Водара?

Необходимость новаго увеличенія военнаго бюджета, какъ намъ кажется, въ данномъ случаѣ едва ли предвидится. Увеличеніе личнаго состава интендантскихъ чиновъ можетъ быть сдѣлано насчетъ хозяйственныхъ чиновъ полка, которыхъ для строя и теперь все равно что нѣтъ. Уничтоженіе экономическихъ капиталовъ въ войскахъ военному бюджету ущерба принести не можетъ, потому что въ мирное время эти капиталы часто служатъ для осуществленія разныхъ прихотей \*); а съ наступленіемъ войны войска мобилизуются, главнымъ образомъ, на счетъ отпусковъ отъ казны, а эти капиталы распыливаются Богъ знаетъ на что \*\*); притомъ же уничтоженію экономическихъ капиталовъ собственно положено уже начало—отмѣной вольныхъ работъ.

Слѣдовательно, со стороны финансовой реформа войскового хозяйства тоже, казалось бы, не должна представлять собой особыхъ затрудненій.

Если, при всемъ томъ, насъ такъ отпугиваетъ новая система, проектированная комиссiей генерала Водара, то главная причина, какъ намъ кажется, тутъ заключается въ томъ, что при новомъ порядкѣ войскамъ, или—вѣрнѣе войсковымъ начальникамъ,—чудятся разныя лишения, нѣкоторая обездоленность: все равно, что предложить зажиточному хозяину перейти на положеніе бездомнаго бобыля. Будемъ откровенны и правдивы. При нынѣшнихъ условіяхъ—при существованіи въ полку разныхъ мастерскихъ и артистовъ всякаго рода—можно осуществлять какія угодно фантазіи и прихоти не безъ пользы для благолѣпія части, или для благополучія господъ офицеровъ: въ одной мастерской трудятся надъ сооруженіемъ занавѣса и декораций для театра офицерскаго собранія, въ другой заняты изготовленіемъ затѣйливаго буфета по заказу командира полка или начальника дивизіи, въ третьей нашлись специалисты плетенія стульевъ и осо-

\*) Напримѣръ: постройка *дичь* съ обстановкой для начальствующихъ лицъ, подъ видомъ „лагерныхъ барачковъ“.

\*\*) Напримѣръ во время минувшей войны многія части войскъ потратили не мало на разныя дорогіе фильтры, кипятильники и т. п., которыми ни разу не пришлось пользоваться.

быхъ корзиночекъ, и они работаютъ, на кого угодно. Кому не извѣстно, сколь чревата эта область всевозможными злоупотребленіями. Всѣ сознаютъ, что эта система не отличается абсолютной опрятностью въ моральномъ отношеніи, что отъ строя отвлекается много нижнихъ чиновъ и т. п. Но—мораль, строй—это все такія невѣсомыя жидкости по сравненію съ художественнымъ буфетомъ и прекрасной сюртучной парой, сшитой въ полковой швальнѣ за ничтожную плату. Не угодно ли предложить какую-нибудь систему войскового хозяйства, при которой уничтожаются всѣ эти мастерскія, да еще спросить мнѣніе войсковыхъ начальниковъ по сему вопросу...

Лѣтъ 10—15 тому назадъ части войскъ, расположенныя на Дальнемъ Востокѣ, имѣли свои, такъ называемыя, „кедровники“—обширныя помѣстья съ большими усадьбами и дачами съносковыми, лѣсорубными и проч.; на лѣто въ „кедровники“ командировались большія команды для заготовленія дровъ, сѣна, огородныхъ овощей и т. п.; офицеры ѣздили туда на пикники. Конечно, и для офицеровъ, и для баталіона жизненные продукты, доставляемые изъ кедровниковъ, обходились очень дешево. Когда возбужденъ былъ вопросъ объ уничтоженіи „института кедровниковъ“, то отъ войскъ поднялся вопль: доказывалось, что въ корнѣ подрывается хозяйство, что казна заплатитъ вдвое усиленными отпусками и т. п. „Кедровники“ все-таки были уничтожены, и—всѣ оказались въ выигрышѣ: тамъ, гдѣ солдаты хозяйничали черезъ пень въ колоду, появились російскіе новоселы, создавшіе прекрасныя цѣтушія деревни; строй и боевая подготовка, конечно, тоже выиграли; нельзя сказать, чтобы и матеріальная обстановка офицерской жизни замѣтно ухудшилась вслѣдствіе уничтоженія „кедровниковъ“.

Такимъ же образомъ въ Закавказьѣ уничтожены были существовавшіе еще такъ недавно „ротные дворы“, на которыхъ разводились породистыя свиньи и куры, произрастала всякая замысловатая капуста и т. п. Тоже ожидалось свѣтопреставленіе отъ этой коренной реформы, и—ничего; все осталось на своемъ мѣстѣ.

Намъ кажется, что наступило время генеральной чистки войсковыхъ частей отъ всякой хозяйственной тины, которую онѣ плотно обросли. И мы глубоко убѣждены, что новая система

войскового хозяйства, выработанная комиссіей генерала Водара, по своей простотѣ и цѣлесообразности легко осуществима безъ особой ломки и послужитъ, несомнѣнно, по пользу боевой готовности нашей армии. Желательно только, чтобы эта реформа, необходимость которой давно уже всѣми признана, была введена, наконецъ, безъ колебаній и безъ особой длительности.

### III.

Какъ извѣстно, наиболѣе сложной операцией въ реорганизованномъ на новыхъ началахъ войсковомъ хозяйствѣ является снабженіе войскъ обмундированіемъ и обувью. Какъ этотъ вопросъ разрѣшается испытательными комиссіями, никому неизвѣстно; зато извѣстно, что съ обмундированіемъ нижнихъ чиновъ въ разныхъ полкахъ ведутся свои собственные домашніе опыты, иногда не на основаніяхъ освобожденія войскъ отъ хозяйственныхъ заботъ, а наоборотъ—по наиболѣе архаической системѣ, существовавшей и признанной негодной много лѣтъ тому назадъ. Интендантство не успѣло еще обзавестись собственными обмундировальными мастерскими, и войсковыя части въ большинствѣ случаевъ поставлены въ необходимость удовлетворять свои текущія потребности собственнымъ попеченіемъ.

Изъ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, узнаемъ, что въ полкахъ гвардіи постройка новой и пригонка выданной изъ цейхгауза одежды должна быть сдана вольнымъ подрядчикамъ по цѣнамъ, установленнымъ интендантствомъ. Едва ли еще приступлено надлежащимъ образомъ къ испытанію этой системы обмундированія войскъ подряднымъ способомъ, потому что новобранцы въ войска еще не прибывали, а ужъ начинается ворчливое недовольство новыми порядками: приходится водить команды нижнихъ чиновъ для примѣрки и пригонки въ мастерскія подрядчиковъ или возить тюки обмундированія изъ мастерскихъ въ казармы; то и другое связано съ тратой времени или денегъ, а потому новая мѣра встрѣчается уже съ сердитой физиономіей и глухимъ ворчаніемъ. Однако, вѣдь и раньше своя собственная полковая швальня, засунутая всегда въ „нестроевой ротѣ“, находилась иногда за тридевять земель отъ казармъ, и по запискамъ изъ швальни приходилось туда водить роты иногда нѣсколько разъ. Но—то все было свое...

Напомнимъ, однако, что нѣтъ ничего новаго подъ луной. Ничего новаго нѣтъ и въ новой системѣ обмундированія посредствомъ вольныхъ подрядчиковъ, принятой въ гвардейскихъ полкахъ. Въ Донскомъ казачьемъ войскѣ много лѣтъ тому назадъ немало бились надъ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса о снабженіи обмундированіемъ и снаряженіемъ казаковъ старшаго возраста приговорительнаго разряда при командированіи въ первоочередные полки: пробовали предоставить это дѣло самимъ казакамъ, выдавая имъ небольшое вспомошествованіе изъ станичныхъ суммъ. Получились результаты вполнѣ негодные: потому что ничего иного и ждать нельзя было отъ обмундированія, состряпаннаго поселковыми портными, или отъ конскаго снаряженія, изготовленнаго домашними средствами. Взятъ это дѣло войсковыя правленія въ свои руки: организованы были обширныя войсковыя мастерскія—обмундировальныя и шорныя наподобіе прежнихъ интендантскихъ комиссаріатовъ или похожія на нынѣшнія „районныя обмундировальныя мастерскія“, проектируемая реформой войскового хозяйства; и не смотря на то, что трудъ въ этихъ мастерскихъ былъ полударовой, затрачиваемый капиталъ, ассигнованный изъ войсковыхъ суммъ, совсѣмъ даровой, матеріалы удешевлены добываніемъ ихъ изъ первыхъ рукъ,—не смотря на всѣ эти выгодныя условія существованія мастерскихъ, дѣло это оказалось мертворожденнымъ съ самаго начала, и отъ него пришлось отказаться; обязать казаковъ, покупающихъ свое обмундированіе и снаряженіе на собственные деньги, пользоваться непременно услугами войсковыхъ мастерскихъ было затруднительно.

Тогда нѣкоторыя отдѣльныя станицы обзавелись собственными подрядчиками, которые поставляли все по опредѣленнымъ цѣнамъ. Система эта оказалась весьма практичной и привилась быстро, а вмѣсто станичныхъ появились войсковыя поставщики, которые не только изготовляютъ казакамъ все необходимое по умѣреннымъ цѣнамъ, но обязаны всегда, во всякое время имѣть въ готовомъ видѣ извѣстное число комплектовъ обмундированія и снаряженія въ видѣ запасовъ на случай приведенія войскъ въ походное движеніе.

Подумайте только, какая эта благодать—имѣть налицо неприкосновенный запасъ совершенно даромъ и не знать ника-

кихъ заботъ, хлопотъ и расходовъ по его храненію, освѣженію, расходованію и т. п. Оставаясь благодѣтелями, поставщики, разумѣется, немало наживаются; имѣя обезпеченные заказы, они заготовляютъ необходимые предметы заблаговременно, пользуясь дешевымъ трудомъ, и освѣжаютъ свои запасы, продавая ежегодно извѣстное количество комплектовъ контингентамъ казаковъ стро-евого разряда.

Вотъ какъ вопросъ этотъ рѣшаютъ вольные подрядчики. Все это самая простая гостиннодворская политическая экономія, доступная пониманію каждаго поставщика. И мы глубоко убѣждены, что, при умѣломъ направленіи, система заказа солдатскаго обмундированія вольнымъ поставщикамъ—можетъ быть съ небольшими треніями вначалѣ—въ концѣ концовъ привѣтся и окажется весьма удобной для войскъ и еще болѣе выгодной для казны. Да иначе и быть не можетъ. Казенное хозяйство давно уже прославилось своей полнѣйшей негодностью во всемъ, гдѣ оно только примѣняется, такъ какъ у насъ раньше всего начнуть съ выработки штатовъ, и возможно, что надъ десяткомъ портныхъ съ одной ножницей будутъ числиться по штатамъ два оберъ-закройщика съ завѣдывающими титулярными и статскими совѣтниками. Многимъ, вѣроятно, памятно, что когда во время минувшей войны потребовалось (?) имѣть про запасъ пару гуртовъ скота, то раньше всего появились весьма солидные штаты съ особыми окладами сучочныхъ, фуражныхъ и т. п., такъ что иногда надъ сотней головъ скота оказывалась цѣлая армія штабъ и оберъ-офицеровъ (даже украшенныхъ золотымъ оружіемъ „за храбрость“) и нижнихъ чиновъ, да еще съ оберъ-подрядчикомъ въ чинѣ статскаго совѣтника.

Оттого-то желательно было-бы, въ интересахъ казны, при введеніи въ армію реформированнаго войскового хозяйства отказаться въ дѣлѣ обмундированія войскъ отъ приснопамятныхъ интендантскихъ комиссаріатовъ и обратиться къ заказамъ поставщиковъ по вольнымъ цѣнамъ, задавшись цѣлью испытать этотъ способъ снабженія войскъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Оттого-то, казалось бы, возможнымъ не торопиться учрежденіемъ „районныхъ мастерскихъ“, этихъ бывшихъ комиссаріатовъ, которые, какъ хорошо извѣстно, начнуть свое существованіе раньше всего съ утвержденныхъ штатовъ.

## IV.

Слѣдовало бы также освободить интендантство отъ многихъ излишнихъ обязанностей, вызывающихъ значительную потребность въ увеличеніи личнаго состава. Казалось бы, весьма удобнымъ въ первую очередь упразднить интендантскіе продовольственные магазины и склады въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ эти магазины существуютъ для продовольствія только одной единственной войсковой части, расположенной совмѣстно со складомъ.

Получается картина такая: гдѣ-нибудь въ захолустной штабъ-квартирѣ располагается полкъ или отдѣльный баталіонъ, а для продовольствія этой войсковой части учреждается особый продовольственный магазинъ, для котораго требуется и смотритель магазина, и вахтера, и канцелярія, и т. п. Интендантскій подрядчикъ доставляетъ муку и крупу сначала въ магазинъ, казна несетъ особые, сопряженные съ храненіемъ продуктовъ, узаконенные расходы на „ушуку“, „раструску“ и пр., а затѣмъ эти продукты выдаются въ полкъ или баталіонъ. Къ чему эта совершенно излишняя продовольственная инстанція? Почему бы интендантскіе подрядчики не могли эти продукты доставлять непосредственно войскамъ, т. е. самимъ потребителямъ?

Можетъ быть нынѣ существующій порядокъ съ промежуточными интендантскими инстанціями установленъ въ виду недовѣрія къ войскамъ, съ цѣлью предупредить непосредственную сдачу въ войска продуктовъ отъ подрядчиковъ? Но такія опасенія совершенно неосновательны: во-первыхъ, потому, что приемъ продуктовъ особыми комиссіями изъ ротныхъ командировъ гораздо вѣрнѣе гарантируетъ доброкачественность этихъ предметовъ, чѣмъ единоличныя взаимныя сношенія; во-вторыхъ, за дѣйствіями и порядками войсковой части зорко слѣдитъ цѣлая вереница начальственныхъ инстанцій, тогда какъ услѣдить интендантскому начальству за дѣйствіями смотрителя магазина—задача очень трудная.

Само собою разумѣется, что въ затронутомъ нами вопросѣ мы исключаемъ тѣ продовольственные магазины, въ которыхъ хранится извѣстная часть неприкосновенныхъ запасовъ военнаго времени, требующая постоянно освѣженія и особаго сложнаго учета. Такіе магазины, пожалуй, требуютъ особыхъ интендант-

ских зрителей и сложной процедуры специального хранения, расходования и учета; хотя и в этом случае, при стремлении к упрощению и экономии казны можно было бы обойтись без сложных посредственных инстанций. Но мы имеем в виду те продовольственные магазины, которые существуют исключительно для довольствия войск, в особенности там, где весь гарнизон состоит из единой войсковой части, для которой существует самостоятельный магазин с особым интендантским штатом. Несуразность такого казенного хозяйства всегда бросалась в глаза строевым офицерам, которым хорошо видно, сколько воробьев питаются попутно около интендантского куля муки, пока он попадает на полковую хлебопекарню.

Но если этот порядок представляется несуразным при нынешней системе войскового хозяйства, то в будущем, при осуществлении хозяйственной реформы, этот порядок с продовольственными магазинами обращается в полную нелепость. Действительно, при каждой войсковой части будет целый штат интендантского персонала и, кроме того, для хранения и расходования муки и крупы будет существовать рядом еще особая интендантская инстанция со своим отдельным штатом!... Если до сих пор интендантство ревниво удерживало в своих руках всю процедуру приема от подрядчиков и сдачи в войска предметов довольствия войск, не допуская непосредственных сношений подрядчиков с потребителями помимо органов интендантства, то какие же резоны существования магазинов при реформированном войсковом хозяйстве, когда при каждой войсковой части интендантство будет иметь свои специальные органы?

А между тем, когда объявлены были общия основания проектированной хозяйственной реформы, вопрос о продовольственных интендантских магазинах и, вообще, о сопряженных с этой реформой преобразованиях в недрах интендантского ведомства—не затрагивался вовсе. Казалось бы, связь в этих двух реформах—войсковой и интендантской—вполне очевидна, и трудно отделить одну реформу от другой. Интендантство часто жалуется теперь на недостаток своего личного состава, на которого навалили новую задачу изготовления предметов вещевого довольствия войск. Верно. Но почему не попытаться

привлечь к этой новой работе многих других из среды интендантства, не столь обремененных сложной работой,—упразднив, например, значительное число продовольственных магазинов?...

## 2. Бюджетные „остатки“.

Всякая реформа требует раньше всего денег. А реформа офицерского содержания требует, конечно, много денег. Так обыкновенно принято думать. Мы отнюдь не претендуем сказать новое слово, в противоположность этому общепринятому мнению; но, по нашему крайнему разумению, не всякая реформа требует обязательно новых материальных затрат, и даже увеличение офицерского содержания, в пределах неотложной нужды, можно было осуществить без новых жертв государственного казначейства, если он в данную минуту является непосильными. Для этого необходимо только вдумчивое отношение к назревающим реформам с одной стороны и бережное отношение к казенной копеечке с другой; и тогда военные ведомства окажутся в состоянии осуществить многие реформы в пределах своего бюджета, не прибегая к выжиманию новых средств от разрешения совета министров и законодательных учреждений.

Для доказательства сошлемся на следующие яркие факты. Как известно, так называемые предельные бюджеты военного министерства, действовавшие в течение пяти лет, были введены у нас при военном министре П. С. Ванновском, и дали ему возможность накоплять ежегодно огромные „остатки“ в военном бюджете, посредством которых он осуществлял многие весьма важные реформы, требовавшие огромных новых затрат. Таким путем П. С. Ванновский значительно увеличил обороноспособность государства на западной границе путем постройки новых крепостей,—образования многочисленной категории резервных войск, заготовления боевых запасов и т. п. Все это требовало огромных чрезвычайных расходов и осуществлялось военным министерством на счет собственных бюджетных остатков, не входя в задолженность и не требуя новых ассигнований от государственного казначейства.

А бюджетные остатки накапливались потому, что П. С. Ванновский, как образцовѣйшій завѣдывающій хозяйствомъ, оставался глухъ и нѣмъ ко всѣмъ молениямъ главныхъ управлений, вызывавшимъ каждое въ отдѣльности о своихъ нуждахъ, не смотря на то, что касса военного вѣдомства ломилась отъ избытка имѣющихся остатковъ. А вотъ, кончалась „пятилѣтка“, и П. С. Ванновский собиралъ начальниковъ главныхъ управлений и *со всеми сообща* обсуждали ихъ нужды не съ точки зрѣнія отдѣльнаго вѣдомственнаго патріотизма, а общегосударственныхъ потребностей обороны и боевой готовности, на которыя и распределялись всѣ накопившіеся „остатки“.

Такимъ образомъ, П. С. Ванновский, не будучи великимъ реформаторомъ, осуществилъ многія важныя реформы только потому, что относился къ казенному карману съ крайней бережливостью. Позднѣйшіе военные министры—всѣ офицеры генеральнаго штаба, которые, какъ извѣстно, хозяйство всегда знаютъ слабо; и будучи, можетъ быть, великими реформаторами, проявляли, однако, полное безсиліе, жалуясь на недостатокъ средствъ, и очень просто почему:—потому что задолго до истеченія пятилѣтокъ не было ужъ не только никакихъ остатковъ, но даже и средствъ на текущіе расходы. Такъ что военное вѣдомство даже тяготится начало существованіемъ пятилѣтнихъ предѣльныхъ бюджетовъ, препятствовавшихъ, будто бы, постоянному росту и развитію военного организма государства.

То, что въ умѣлыхъ рукахъ опытнаго и радиваго хозяина служило источникомъ силы и раздолья, при неумѣломъ обращеніи причиняетъ слабость и скудость...

Вотъ почему намъ кажется и теперь, что многія реформы можно бы осуществить въ предѣлахъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи военного вѣдомства. Требуется лишь хорошій завѣдывающій хозяйствомъ, который всегда сумѣетъ изъ почти полумиллиарднаго бюджета военного министерства выкроить пару милліоновъ, т. е. около одной сотой доли для удовлетворенія наиболее крайней нужды въ дѣлѣ назрѣвшихъ реформъ.

Теперь въ военномъ министерствѣ нѣтъ одного общаго завѣдывающаго хозяйствомъ; а каждое главное управленіе ревниво оберегаетъ свою смѣту не только отъ посягательствъ, но даже и отъ посторонняго глаза, расходуя безъ зазрѣнія и, ко-

нечно, безъ остатка, то, что удалось вырвать изъ общаго военнаго бюджета. А, между тѣмъ, радивый хозяинъ отъ всѣхъ этихъ смѣтъ собралъ бы добрую жатву немалыхъ „остатковъ“, на счетъ которыхъ можно бы осуществить многія реформы; нужно только стать выше приходскаго патріотизма отдѣльныхъ управлений и пересмотрѣть смѣты не глазами ихъ авторовъ, а добросовѣстнымъ хозяйскимъ глазомъ, которому дорога каждая казенная копѣйка, а прежде всего—дѣло государственное.

### 3. Нанонецъ!...

Вотъ, поистинѣ, благодѣтельный лучъ свѣта, брошенный въ темное царство нашего войскового хозяйства, приказомъ по военному вѣдомству 1908 г. за № 398.

Этимъ приказомъ затронуть весьма щекотливый вопросъ „о расходахъ, производимыхъ изъ хозяйственныхъ суммъ частей“. Сколько мутн поднято по этому вопросу самимъ этимъ приказомъ, хотя и старательно прикрытой вышесказанными выраженіями, причестующими официальному документу. Достаточно указать, на примѣръ, на перечисленныя въ приказѣ впервые выведенныя теперь на свѣтъ Божій, укоренившіяся „нужды войскъ“, какъ особые ежегодные расходы „на постройку барачковъ начальствующихъ лицъ, на приемы и чествованія, на наемъ частныхъ кучеровъ, на содержаніе такихъ экипажей (каретъ, ландо), сбруи и кучерской одежды, которые не обусловлены специальнымъ назначеніемъ ихъ—обеспечить лишь возможность разѣздовъ, вызываемыхъ служебными потребностями, на покупку дорогихъ лошадей, несоотвѣствующихъ типу обозныхъ, и проч.“.

Надо положительно удивляться, какъ до сего времени всѣ эти расходы изъ казеннаго кармана производились совершенно открыто, при свѣтѣ дня, не только съ вѣдома, но даже при поощреніи, а иногда такъ и по требованію, даже высшаго начальства. А, между тѣмъ, вѣдь эти приемы явно преступные, не только съ точки зрѣнія самой простой житейской морали, но даже предусмотрѣнные дѣйствующими законоположеніями Свода военныхъ постановленій. Не подлежитъ сомнѣнію, что чисто-плотному, въ нравственномъ смыслѣ, начальнику покажется противнымъ поживиться чѣмъ-нибудь лично для себя отъ подчи-

ненных ему войск; но тот же начальник не побрезгует принять на инспекторском смотру обильное угощение съ шампанским и дорогими яствами, зная, что въ утвержденной им хозяйственной смѣтѣ подвѣдомственныхъ ему частей имъ самимъ введенъ былъ особый расходъ „на встрѣчу и приемъ начальства“ или „на непредвидѣнные расходы“. Онъ тогда не имѣлъ въ виду угощеніе лично для себя—Боже упаси!—онъ предполагалъ „встрѣчу и приемъ“ другого, высшаго начальства; но—вѣдь онъ тоже начальник! притомъ же введена уже такая статья расхода въ смѣтѣ; можно, значить, израсходовать эти деньги. А затѣмъ представляется случай—принимается такое угощеніе съ легкимъ сердцемъ и при заурядномъ посѣщеніи лагернаго собрания, зная хорошо, что за это расплачиваются изъ казеннаго кармана.

Точно также предусмотрѣнный хозяйственной смѣтой „ремонтъ лагерныхъ бараконъ“ сводится къ выбору новыхъ обоевъ и обновленію обстановки въ дачѣ начальника дивизіи, и такъ далѣе безъ конца. Что все это, какъ не завѣдомо прегрѣшенія, осязательныя обычаями, взглядами,—отчасти поощряемая нѣкоторыми допусками положенія объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ!...

Согласно этому послѣднему хозяйственная жизнь въ войсковыхъ частяхъ должна регулироваться ежегодно составляемыми смѣтами, представляемыми въ полкахъ и отдѣльныхъ батальонахъ на утвержденіе начальниковъ дивизій и бригадъ. Основаніемъ составленія смѣтъ служатъ: статьи прихода, установленныя закономъ отпуски казны и статьи расхода на предусматриваемыя потребности; но на сколько первая ясны и опредѣлены, потому что точно указаны въ законѣ, настолько вторые гадательны и расплывчаты, потому что все зависитъ отъ взгляда начальника на тѣ или иныя потребности и нужды, а также отъ ожидаемыхъ рыночныхъ цѣнъ и проч., и проч. Въ результатѣ, при составленіи хозяйственныхъ смѣтъ въ войскахъ, установился взглядъ довольно предосудительнаго свойства, „что твое—то мое (установленные отпуски), а до моего тебѣ дѣла нѣтъ“, и смѣта составляется такъ, чтобы елико возможно затушевать хозяйственную жизнь части. Эта задача прекраснѣйшимъ образомъ облегчается существованіемъ въ смѣтахъ пресловутаго *девятаяго столба*, въ которомъ всѣ концы прячутся такъ, что въ нихъ

запутываются часто и сами составители.

Надо признать, что наша хозяйственная отчетность отличается чудовищной сложностью и запутанностью. Законодатели наши старались всѣми мѣрами наладить хозяйство въ войскахъ такъ, чтобы немислимы были никакія злоупотребленія личнаго свойства. Намъ кажется, что эта цѣль, пожалуй, до нѣкоторой степени достигнута: при нынѣшней обстановкѣ жизни въ войскахъ трудно себѣ представить, чтобы командиръ части могъ сколько-нибудь продолжительное время злоупотреблять безнаказанно по хозяйственной части. Но цѣль эта достигается въ зависимости отъ многихъ иныхъ причинъ, не благодаря сложной отчетности, а вопреки ей, такъ какъ хорошо извѣстно, что въ отчетныхъ лабиринтахъ запутается скорѣй не плутъ, а честный человекъ. Зато эта хитроумная отчетность съ безконечнымъ числомъ хозяйственныхъ книгъ наилучшимъ образомъ всегда скрываетъ хозяйство войсковой части отъ нескромныхъ глазъ начальства; притомъ создалось такое положеніе, при которомъ расцвѣли многочисленныя злоупотребленія съ угощеніями, экипажами и т. п., о которыхъ въ весьма приличной формѣ говорится въ приведенномъ выше приказѣ по военному вѣдомству. А вѣдь въ концѣ концовъ еще неизвѣстно, что хуже: злоупотребленіе ли втихомолку командира части въ свою личную пользу, скрытое отъ постороннихъ глазъ, какъ это возможно было въ дореформенное старое время, или открытыя „вольности“, въ видѣ угощеній, ландо и проч., свободно практикуемыя теперь за круговымъ поручительствомъ всѣмъ заинтересованнымъ начальствомъ, при молчаливомъ согласіи закона, на явный соблазнъ всей меньшей братіи...

Насколько эта сложная отчетность сослужила плохую услугу арміи, видно изъ того, что по окончаніи минувшей войны въ частяхъ войскъ, участвовавшихъ въ кампаніи, оказались весьма значительные остатки экономическихъ суммъ. Но когда главнокомандующій на театрѣ войны хотѣлъ выяснитъ размѣръ этихъ остатковъ, то никакія комиссіи не могли добиться этой цѣли: даже упрощенная отчетность военнаго времени оказалась такимъ лабиринтомъ, въ которомъ весьма удобно можно было прятать разные остатки. Въ результатѣ получилось то, что огромная часть этихъ остатковъ по окончаніи войны расплылась

на угощения, ландо и т. п., и военному министерству достались только жалкие остатки из прежних остатков.

Но какую отчетность ни придумать, всего важнее установить правильный взгляд на дело войскового хозяйства. Вот почему нельзя не приветствовать упомянутый выше приказ по военному ведомству. Впервые сказано теперь громко, на всю русскую армию, что прием и угощение начальства, ландо, рысаки и т. п. недопустимы даже и в девятый отряд, что это вообще, *не хорошо, не красиво*. Этого уже достаточно. Чувство моральной стыдливости подскажет остальное, а для людей, не знающих стыда, этот приказ послужит умфрительной уздой.

Нельзя не принять во внимание также и новые условия жизни нашей армии при обновленном строе всей государственной жизни страны. Прошли те времена, когда частями в хозяйственном отношении командовали по „коммерческому праву“. Нынешние хозяйственные смѣты войсковых частей представляют собой нечто иное, как пережиток этого „коммерческого права“. Надо надѣяться, что съ новымъ приказомъ по военному ведомству этотъ взглядъ теперь измѣнится кореннымъ образомъ. Важно первое властное слово, сказанное теперь во всеуслышаніе.

Вотъ почему этотъ приказъ по военному ведомству, помимо всего сказаннаго, является въ настоящую минуту особенно своевременнымъ.

#### 4. Канцелярская проволочка.

Въ сонмѣ многочисленныхъ проектовъ всевозможныхъ реформъ, осадившихъ со всѣхъ сторонъ наше военное министерство послѣ минувшей войны, особенное внимание удѣлено было въ свое время вопросу о реформѣ отбыванія воинской повинности. Этимъ вопросомъ заинтересовались не только армія, но и широкіе круги всѣхъ слоевъ населенія; и очень понятно почему: отбываніе воинской повинности—самой почетной и въ то же время самой тягостной среди всѣхъ прочихъ государственныхъ повинностей—затрагиваетъ все безъ исключения населеніе государства, и то или иное рѣшеніе вліяетъ въ большей или меньшей степени на экономическое и бытовое положеніе каждой семьи, гдѣ имѣются призывные подростки.

Понятно само собою, что центральнымъ пунктомъ въ этомъ вопросѣ является опредѣленіе продолжительности дѣйствительной службы, которая должна быть согласована съ культурнымъ уровнемъ населенія, особенностями социально-экономическаго и бытового строя, числительностью вооруженныхъ силъ, военно-политическимъ положеніемъ окраинъ, особенностями прилегающихъ сосѣднихъ государствъ и ихъ вооруженныхъ силъ,—наконецъ, степенью политической обостренности переживаемаго времени какъ въ отношеніи международнаго положенія государства, такъ и внутренней напряженности страны, и еще со многими другими условиями внѣшняго и внутренняго свойства.

Но весьма страннымъ образомъ у насъ вышло какъ-то такъ, что при задуманной реформѣ отбыванія воинской повинности самый важный вопросъ—неожиданный переходъ къ сокращенному трех-лѣтнему сроку дѣйствительной службы—былъ рѣшенъ безъ долгаго раздумья собственнымъ усмотрѣніемъ нашего высшаго военнаго управления, хотя тутъ умѣстна была бы какая угодно важная коммиссія; а для обсуждения и выработки второстепенныхъ подробностей этого вопроса собрана была многочисленная коммиссія, труды которой дали въ результатъ полнѣйшій пустоцвѣтъ. Даже всѣми признанные недостатки дѣйствующей инструкции воинскимъ присутствіямъ для опредѣленія годности при приемѣ новобранцевъ на службу остаются неприкосновенными понынѣ, хотя уже много лѣтъ наносятъ огромный вредъ казнѣ и арміи.

Казалось бы, при поверхностномъ сопоставленіи условий комплектованія нашей арміи, нельзя не признать ихъ благоприятными въ высшей степени. Дѣйствительно, ежегодное число подростковъ, достигающихъ у насъ призывнаго возраста, превышаетъ полтора милліона; для укомплектованія же арміи и флота требуется лишь отъ 400 до 500 тысячъ новобранцевъ. т. е. *меньше одной трети*, а свыше  $\frac{2}{3}$ , подлежащихъ отбыванію воинской повинности, возвращается къ себѣ домой. Этотъ огромный избытокъ призывныхъ противъ дѣйствительной потребности далъ возможность нашему уставу о воинской повинности развить такую широкую систему всевозможныхъ льготъ по семейному и имущественному положенію, по образованію и пр., какой нѣтъ ни въ одной другой европейской арміи. Но, казалось бы, прежде

всего слѣдуетъ обезпечить армию вполне годнымъ здоровымъ укомплектованіемъ, а потомъ уже предоставлять разныя льготы; тѣмъ болѣе, что для этого имѣется полная возможность, располагая контингентомъ призывныхъ, превышающимъ *три раза* размѣръ дѣйствительной потребности.

На самомъ дѣлѣ мы видимъ ежегодно огромное число новобранцевъ, которые въ видѣ „опротестованныхъ“ возвращаются изъ арміи на родину какъ признанные негодными для военной службы, и принятые только благодаря несоотвѣтственности своему назначенію инструкціи воинскимъ присутствіямъ или вслѣдствіе послабленій этихъ послѣднихъ.

Чтобы судить о размѣрахъ этого зла приведемъ цифры, взятая изъ подлинной жизни.

Въ одну изъ ротъ *гвардейской* части (подчеркиваемъ это обстоятельство въ виду того, что при назначеніи новобранцевъ въ гвардію на физическую годность, какъ извѣстно, обращается особенное вниманіе)—прибыло 63 новобранца, въ которыхъ значилось опротестованныхъ 12 человѣкъ. Послѣ обычной процедуры переосвидѣтельствований въ особыхъ комиссіяхъ, выдержанія въ госпиталяхъ „на испытаніи“ и проч. четыре молодыхъ солдата были уволены на родину на четвертомъ мѣсяцѣ службы въ части, при чемъ 2 были уволены навсегда, а 2 на одинъ годъ; затѣмъ подлежали увольненію еще четыре молодыхъ солдата, итого *восемь* человѣкъ изъ 63 молодыхъ солдатъ возвратились на родину. Подсчитаемъ во что они обошлись казнѣ:

1) Стоимость провіантскаго и приварочнаго довольства каждаго молодого солдата, въ среднемъ за 145 дней, составила 17 руб. 42 коп., а за 8 молодыхъ солдатъ—139 руб. 36 коп.

2) Жалованья по 3 руб. 58 коп.—28 руб. 64 коп.

3) Каждому молодому солдату при увольненіи было выдано по 1 одѣялу, 1 матрацу, по 1 подголовнику, по 3 простыни, по 3 наволочки, по 1 галстуку, 1 рубаха, 1 кальсоны, 1 носовой платокъ, 1 утиральникъ, 1 портянки, 1 пара передовъ, 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> подошвы, 1 пара голенищъ, аммуничныхъ 1 руб. 40 коп. и кормовыхъ 1 руб. 54 коп. Итого, принимая во вниманіе самую минимальную стоимость годовыхъ вещей, мы получимъ, что каждому молодому солдату при увольненіи на родину было выдано, въ среднемъ, изъ казеннаго кармана никакъ не менѣе 27 р. 52 к.

Итого на 8 молодыхъ солдатъ 220 руб. 16 коп.

4) Переѣздъ въ два конца обошелся казнѣ никакъ не менѣе 9—10 рублей. Итого на 8 молодыхъ солдатъ 72—80 рублей.

Такимъ образомъ, 8 опротестованныхъ новобранцевъ *въ одной ротѣ* обойдутся казнѣ *въ 568 руб. 16 коп.* Нѣкоторые изъ нихъ уволены на одинъ годъ и весьма вѣроятно, что при слѣдующемъ призывѣ съ ними повторится то же самое *два*, а можетъ быть и *три* раза...

Не имѣя подъ рукой \*) аналогичныхъ цифровыхъ данныхъ для всей арміи, мы въ правѣ признать, хотя бы съ грубымъ приближеніемъ, только что приведенный расчетъ справедливымъ для сужденія по этому вопросу въ отношеніи всей арміи; тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ считать въ исключительно неблагоприятныхъ условіяхъ приведенный выше контингентъ новобранцевъ одной гвардейской роты.

Итакъ, если примемъ число опротестованныхъ даже въ 10—15%, то и тогда найдемъ, что медленность въ пересмотрѣ инструкціи воинскимъ присутствіямъ, признанномъ давнымъ давно назрѣвшимъ вопросомъ, *обходится военному бюджету ежегодно почти въ миллионъ рублей.* Это скромный итогъ лишь того, что уходитъ на совершенно никому не нужную „усушку и утечку“ только изъ кармана военного вѣдомства. Но вѣдь есть еще карманъ общенародный! А кто подсчитаетъ, во что обходится въ экономической жизни государства ежегодное непроизводительное отвлеченіе отъ своего прямого дѣла 50—60 тысячъ работниковъ на нѣсколько мѣсяцевъ?..

Какъ это могло случиться, что капитальный вопросъ сокращенія срока дѣйствительной службы подъ знаменами на цѣлый годъ—чему предшествуютъ всегда безконечныя обсужденія и споры въ парламентахъ и печати—у насъ рѣшенъ былъ такъ быстро и рѣшительно, а такая мелочь, какъ необходимая поправка устарѣвшей инструкціи никакъ не можетъ дожидаться своей очереди, не смотря даже на всѣ благоприятныя къ тому условія? Даже и та многоголовая комиссія, которая собиралась по вопросу о реформѣ воинской повинности, судила и ридила по обширной

\*) Да едва ли существуютъ гдѣ-нибудь эти цифры: ведется учетъ опротестованныхъ вообще, но кто учитываетъ, во что они обходятся военному бюджету?...

программъ, кончила какими-то канцелярскими поправками по учету нижнихъ чиновъ запаса, оставивъ нетронутымъ вовсе пересмотръ дѣйствующей инструкции воинскимъ присутствіямъ по приему новобранцевъ.

Мы коснулись здѣсь только финансовой и экономической стороны вопроса объ опротестованныхъ. Но не менѣе значителенъ вредъ, приносимый арміи такой категоріей молодыхъ солдатъ, которые со дня на день ожидаютъ возвращенія на родину. Весьма естественно, что ротный командиръ смотритъ на нихъ какъ на временныхъ гостей, а у этихъ послѣднихъ тоже не лежитъ сердце къ военной службѣ. Этой стороны вопроса мы здѣсь не касаемся вовсе. Но и помимо того, сказаннаго достаточно, чтобы судить, на сколько неотложной является необходимость рѣшенія затронутаго здѣсь вопроса.

## 5. Выработка образцовъ обмундирования и снаряженія офицера и солдата.

Безконечно долго у насъ тянется вопросъ о выработкѣ наилучшихъ образцовъ снаряженія для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, который окончательно еще не рѣшенъ и понынь.

Постановленіемъ Военнаго Совѣта отъ 9-го августа 1907 г. утвержденъ былъ конкурсъ съ цѣлью выработки наилучшихъ образцовъ снаряженія для офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Нельзя не привѣтствовать цѣлесообразность подобной системы—изысканія необходимыхъ предметовъ снаряженія, обмундирования и вооруженія, наиболѣе пригодныхъ для цѣлей военнаго вѣдомства, посредствомъ свободнаго конкурса разныхъ изобрѣтателей, а не путемъ канцелярскихъ потугъ разныхъ комиссій, члены которой изошряются въ придумываніи такихъ предметовъ, съ которыми имъ не приходилось заниматься иногда весь вѣкъ свой. Не удивительно, что въ большинствѣ случаевъ труды комиссій при такихъ условіяхъ являются совершенно безплодными.

Вопросомъ о выработкѣ обмундирования и снаряженія для всѣхъ родовъ оружія, какъ извѣстно, занята была въ свое время комиссія генерала Батянова, работавшая свыше полутора года, и въ общемъ итогъ завершилась тѣмъ, что выработка новой формы обмундирования тогда совершенно зачала.

Умѣстно ли, однако, жалѣть о потерѣ 1<sup>1/2</sup>—2 лѣтъ въ рѣшеніи этого вопроса, когда уже *двадцать пять* лѣтъ непригодность нынѣшняго солдатскаго снаряженія признается всѣми, и вопросъ о замѣнѣ его болѣе цѣлесообразнымъ считается до извѣстной степени дѣломъ жгучимъ, достаточно наболѣвшимъ. Почти съ самаго начала введенія нынѣшнихъ вещевыхъ мѣшковъ непригодность ихъ была очевидна для всѣхъ: при перебѣжкахъ туго набитыхъ вещами мѣшокъ бьетъ по бедрамъ и хуже всякихъ луть на ногахъ связываетъ движеніе солдата, такъ какъ надо все время рукой придерживать мѣшокъ, чтобы онъ не болтался впередъ и назадъ; на шагъ помимо чувства локтя получается еще „касательство мѣшка“; плечевая перевязь отъ пота частію свертывается и рѣжетъ плечо; пригонка шанцевого инструмента при вещевомъ мѣшкѣ получается также крайне неудобной и бьетъ по ногамъ. Словомъ, непригодность и неудобство нынѣшняго солдатскаго снаряженія обнаружились съ самаго начала ихъ введенія; и если при всемъ томъ оно продержалось почти 30 лѣтъ, то объясняется лишь тѣмъ, что всѣ эти недочеты вынашиваются солдатскимъ горбомъ, который вѣдь никогда не заявитъ, гдѣ ему жметъ и что неудобно; а члены разныхъ комиссій, собиравшихся неоднократно для рѣшенія этого вопроса, только *присматривались* къ неудобствамъ этого снаряженія, но на своихъ плечахъ, на походѣ и въ бою, испытать эти неудобства имъ не приходилось. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы нынѣшній солдатскій вещевой мѣшокъ входилъ въ предметы обязательнаго офицерскаго снаряженія, то онъ не продержался бы такъ долго въ арміи: неудобства его были бы болѣе *чувствительными* и о нихъ говорили бы чаще и громче.

По такимъ же аналогичнымъ причинамъ, какъ намъ кажется, туго подвигалось впередъ рѣшеніе вопроса и съ выработкой новой формы обмундирования для офицеровъ. Для председателей и большинства членовъ занятыхъ этимъ вопросомъ комиссій скорѣйшая выработка новаго обмундирования не представляла собою вопроса столь остраго и *чувствительнаго*, какъ для массы офицеровъ; старшихъ офицеровъ въ вышшихъ чинахъ не затронула чувствительнымъ образомъ необходимость, послѣ войны, обновить все обмундированіе, производя для этого значительныя денежныя затраты на такіе предметы обмундирования, которые

не сегодня-завтра придется „донашивать“; их не интересуют также красивая, может быть, новизна новой формы, которая является собою такую чарующую прелесть для молодежи. И в результате,—все потуги комиссий или кончаются ничем, или приносят на свет Божий нечто такое мертворожденное, от которого открешиваются собственные родители.

Иначе и быть не может, если принять во внимание, что новую форму обмундирования и снаряжения офицера выработывали бывшие командующие армиями, генералы Бильдерлинг, Батьянов, которые по условиям жизни и службы, дома и на войнѣ, поставлены въ совершенно иную обстановку по сравнению съ массой чернорабочихъ офицеровъ, для которыхъ, главнымъ образомъ, и выработываются образцы обмундирования; откуда командующій арміей или командиръ корпуса можетъ по собственному опыту познать необходимость въ походѣ тѣхъ или иныхъ предметовъ снаряжения или практичность какой-нибудь части обмундирования? Въ большинствѣ случаевъ, во время войны, высшій начальникъ бывалъ въ бою безъ револьвера; за биноклемъ въ минуту надобности обращается къ кому-нибудь изъ лицъ свиты; сюртукъ или китель, по возвращеніи домой, снимается и замѣняется какимъ-нибудь домашнимъ костюмомъ; на походѣ имѣется собственная двуколка; походное движеніе совершается въ собственномъ экипажѣ, совершенно независимо отъ общаго марша; остановка возможна по усмотрѣнію; все необходимо имѣется подъ рукой. Словомъ, это совершенно не та жизнь, которую приходится испытать на себѣ зауряднымъ строевымъ офицерамъ, для которыхъ, въ выработкѣ образцовъ обмундирования и снаряжения, надо дѣйствительно во многомъ согласовать несогласуемое и обнять необъятное. Вотъ тутъ и важенъ непосредственный собственный опытъ, которымъ могутъ быть богаты только заурядные строевые офицеры, но не командующіе арміями или командиры корпусовъ, давно позабывшіе, какъ лучше обернуть портянку на походѣ, чтобы не нажить мозолей.

Непосредственно послѣ заключенія мира, находясь еще на театрѣ войны, по распоряженію свыше, указано было во всѣхъ арміяхъ заняться изысканіемъ необходимыхъ измѣненій въ военномъ дѣлѣ, согласно указаніямъ опыта минувшей войны; требовалось, между прочимъ, указать и желательныя поправки въ

обмундированіи и снаряженіи солдата. Для рѣшенія этой послѣдней задачи во многихъ частяхъ войскъ образованы были совѣщанія ротныхъ командировъ совместно съ наиболее развитыми, побывавшими въ бояхъ, нижними чинами, при чемъ неоднократно приходилось иногда узнавать такіе мелочные, повидимому, недостатки въ солдатскомъ обмундированіи и снаряженіи, которые никогда и въ голову не пришли бы при какомъ угодно пытлиvomъ наблюдении, а обнаруживаются только при непосредственномъ опытѣ. Нельзя не пожалѣть, что при практической постановкѣ рѣшенія этого вопроса въ Петербургѣ отказались отъ приведенной сейчасъ разумной идеи, а вмѣсто этого поручили одному командующему арміей выработать солдатское обмундированіе и снаряженіе, а другому командующему арміей—офицерское. И—результаты сказались тогда сразу...

Помимо выработки образцовъ солдатскаго снаряженія пора подумать о необходимости выработки лучшихъ *матеріаловъ* для предметовъ солдатскаго обмундирования. Всѣмъ участникамъ минувшей войны памяты удивительныя качества матеріаловъ обмундирования японскаго солдата: зимній плащъ японскій составлялъ по вѣсу меньше половины нашей солдатской шинели, а такъ какъ нашъ солдатъ зимою имѣлъ подъ шинелью еще и полушубокъ, то лишь въ этомъ одномъ снѣ имѣлъ на себѣ излишній грузъ въ *три-четыре* раза большій, чѣмъ японскій.

Обыкновенно въ этихъ случаяхъ у насъ принято обвинять отечественную промышленность, которая отстала и отъ западно-европейской, и отъ японской въ выработкѣ суконъ и иныхъ предметовъ, потребныхъ въ солдатскомъ обиходѣ. Но это неправда: истинная причина архаичности обмундирования нашего солдата кроется больше въ косности нашего интенданства, чѣмъ въ отсталости нашей промышленности. Наши фабрики давно научились изготовлять даже плюшъ и бархатъ, не хуже заграничныхъ и только одно сърое солдатское сукно остается почему-то неизмѣннымъ со временъ Очакова и завоеванія Крыма. А объясняется это гораздо проще тѣмъ, что выработку суконъ для арміи (а также и иныхъ предметовъ) давно уже забрало въ свои монопольныя руки весьма ограниченное число фабрикантовъ, которые много лѣтъ уже цѣпко держатся за эти поставки. Ко-

нечно, имъ нѣтъ никакого расчета изошряться въ улучшеніи своего производства, а индентанство тоже свыклось и сжилося съ давно выработанными образцами, переходящими изъ вѣка въ вѣкъ и —въ результатѣ— отдуваются выносливыя солдатскія плечи. Позволительно думать, что едва ли въ какой бы то ни было другой арміи въ мірѣ можно встрѣтить такой безобразно нелѣпый матеріалъ, какъ наше сѣрое солдатское сукно.

То же самое мы видимъ во многихъ предметахъ солдатскаго снаряженія. Сопоставляя, напримѣръ, поясную портупею японскаго солдата и нашего, мы видимъ, что первая несравненно лучше по качествамъ кожи; можно, пожалуй, допустить, что кжевенная промышленность наша стоитъ ниже японской (хотя это не такъ, ибо русская кожа цѣнится высоко во всей Европѣ), и на качества претендовать не будемъ; но къ чему же чудовищно нелѣпая *бляха* нашей портупеи, лишь недавно отмѣненная, которая одна вѣситъ буквально столько, сколько вся японская портупея вмѣстѣ съ пряжкой. У всѣхъ народовъ, включая и нашего крестьянина, имѣется въ обиходѣ простая удобная и легкая пряжка, а для солдатской портупеи понадобилась почему-то кузнечнымъ образомъ изготовленная неуклюжая и тяжелая бляха, съ замысловатымъ неудобнымъ способомъ застегиванія, которая въ нашей арміи тоже ровесница, кажется, сѣрой солдатской шинели.

Ясно, что отечественная промышленность тутъ не при чемъ, а всему причиной наша косность, которая отражается и въ тщательности выдѣлки, и въ цѣлесообразности предметовъ индентанскаго изготовленія для войскъ. Давно стало хожячей истиной, что на предметахъ обмундированія и снаряженія солдата казеннаго изготовленія лежитъ традиціонная печать чего-то наскоро сляпаннаго, неуклюжаго, негоднаго и безобразнаго, знаменуемая въ то же время высокими цѣнами по казенному масштабу. Одинъ знаменитый индентантскій *саногъ* чего стоитъ!.. Досадно видѣть, что въ иностранныхъ арміяхъ солдатъ одѣтый во всемъ казенномъ появляется на улицѣ щеголемъ, а у насъ достаточно одѣться солдату во всемъ индентантскомъ, изготовленномъ строго по лекаламъ, чтобы на него пальцемъ показывали.

И во всемъ этомъ, повторяемъ, повинна не столько отечественная промышленность, сколько наша отечественная кос-

ность, лѣнь мозгами пошевелить, благо это не требуется для предьявленія 20-го числа каждаго мѣсяца.

Въ минувшую войну бывшій главнокомандующій генераль-адъютантъ Куропаткинъ издалъ особый похвальный приказъ по адресу индентанства, красующійся теперь въ золотыхъ рамкахъ подъ стекломъ во всѣхъ управленіяхъ и учрежденіяхъ индентантскаго вѣдомства. Мы не будемъ касаться щекотливаго вопроса, на сколько этотъ приказъ соотвѣтствуетъ истинѣ. Какъ бы то ни было, а вотъ средство—лучше всякихъ приказовъ въ золотыхъ рамкахъ—сдѣлать индентанство вѣдомствомъ симпатичнымъ и въ глазахъ русскаго общества, и въ глазахъ арміи: пусть оно направитъ все вниманіе на то, чтобы обмундированіе и снаряженіе нашего солдата было не хуже, чѣмъ въ иностранныхъ арміяхъ.

## 6. Реформы по индентанству.

Недавно объявлено было особое распоряженіе по военному вѣдомству объ учрежденіи арбитражныхъ комиссій при индентантскихъ приѣмныхъ комиссіяхъ. Въ официальной статьѣ, помѣщенной по этому вопросу въ „Русскомъ Инвалидѣ“, прямо указано было на несовершенство описаній и образцовъ, принятыхъ для обмундированія нашей арміи, *„нуждающихся въ коренной переработкѣ“*.

Дѣйствительно, индентанство наше попало въ безвыходный тупикъ: составъ приѣмныхъ комиссій обновился почти до основанія во многихъ военныхъ округахъ; отчасти налуганные сенаторскими ревизіями, отчасти по собственнымъ честнымъ побужденіямъ, новые члены комиссій ничего иного не хотятъ, какъ только честно относиться къ дѣлу, строго соблюдая требованія закона. Но не тутъ-то было. Оказывается образцы и описанія, служащіе руководствомъ приѣмнымъ комиссіямъ, по собственному признанію индентанства, „нуждаются въ коренной переработкѣ“, а всѣ прочіе порядки—прибавимъ отъ себя,—сопряженные со службой этихъ комиссій, налажены такъ, что строгое отношеніе

къ своимъ обязанностямъ, какъ увидимъ ниже, затрудняется до послѣдней степени.

Комисіи начали усиленно браковать поставляемые подрядчиками вещи. Фабриканты подняли вопль и стали закрывать мастерскія. Появились жалобы рабочихъ, взывающихъ въ печати къ общественному мнѣнію. Положеніе интендантства оказалось весьма затруднительнымъ и въ видѣ временной мѣры придумали теперь учрежденіе арбитражныхъ комиссій, какъ единственный выходъ изъ труднаго положенія, созданнаго архаической устарѣlostью образцовъ и описаній предметовъ солдатскаго обмундирования и снаряженія.

Необходимо, однако, принять во вниманіе, что принятой интендантствомъ мѣрой трудность положенія будетъ облегчена лишь наполовину, такъ какъ помимо нуждающихся въ коренной переработкѣ образцовъ и описаній интендантскаго довольствія стихійнымъ тормозомъ для плодотворной работы приемныхъ комиссій является еще дѣйствующій Наказъ, выработанный главнымъ интендантскимъ управленіемъ для руководства приемныхъ комиссій и изданный всего лишь *два года* тому назадъ.

Если для согласованія съ требованіями жизни отжившихъ образцовъ и описаній потребовалась такая героическая мѣра, какъ учрежденіе арбитражныхъ комиссій, то исправленіе Наказа всецѣло зависитъ отъ самого интендантства и представляетъ собою несложную кабинетную работу на 1—2 дня. А между тѣмъ, въ нынѣшнемъ видѣ Наказъ поощряетъ приемныя комиссіи относиться къ своимъ обязанностямъ либо вполне снисходительно и равнодушно, либо съ такой строгостью и педантизмомъ, которые сразу дѣлаютъ требованія Наказа вполне чуждыми практической жизни, благодаря чему и создается то положеніе, которое переживается теперь интендантствомъ.

Возьмемъ для примѣра хотя бы нѣсколько наиболѣе часто повторяющіяся положенія.

1) Согласно Наказу техническій журналъ испытанія вещей обязаны подписать непременно всѣ члены приемной комиссіи; между тѣмъ, соответствующіе опыты о годности вещей производятся лишь техникомъ единолично, въ присутствіи фабриканта или сдатчика. Опасаясь возможной ответственности за результаты опытовъ, а также и согласно требованіямъ Наказа, члены

комиссій стараются присутствовать при опытахъ, и на это время вынуждены прекращать работу въ отдѣлахъ. Вотъ вамъ первая возможность образованія залежей, которая арбитражными комиссіями устранена быть не можетъ. Запретить членамъ приемныхъ комиссій присутствовать при опытахъ никакъ нельзя: вѣдь если впоследствии окажется, что принятые сапоги или сукно не соответствуютъ кондиціямъ, то членовъ приемныхъ комиссій потянуть въ судъ безъ лишняго разсужденія—почему довѣрились технику, а не присутствовали сами при опытахъ.

2) Наказомъ допускается приемка вещей отдѣльными членами комиссій; но требуется, чтобы наложеніе знаковъ приема на вещи происходило обязательно въ присутствіи всей комиссіи. Получается опять неразрѣшимая задача. Самый этотъ способъ приема установленъ для такихъ случаевъ, когда нѣтъ возможности, по дальности разстоянія или инымъ причинамъ, тащить всѣ вещи въ комиссію или всю комиссію къ вещамъ. А между тѣмъ при нынѣшнемъ требованіи Наказа приходится либо отказаться отъ важнѣйшей своей обязанности и принять вещи, не видѣвъ ихъ въ глаза, или приостановить приемъ вещей въ отдѣлѣ, чтобы отправиться на другой конецъ города для наложенія клейма на вещи, принятыя отдѣльнымъ членомъ комиссіи. При желаніи дѣйствовать осторожно предпочитается, конечно, второй способъ. Вотъ вамъ опять залежи, помимо арбитражныхъ комиссій.

3) Наказомъ совершенно игнорируются интересы приемныхъ комиссій, которыя легко могутъ попасть подъ судъ, оставаясь совершенно непричастными какимъ бы то ни было злоупотребленіямъ. Напримѣръ: часто главный техническій комитетъ, по заявленнымъ подрядчиками протестамъ на забракованныя комиссіей вещи по различнымъ ихъ недостаткамъ, разрѣшаетъ приемъ этихъ вещей письменно, но клейма такого—что вещи приняты техническимъ комитетомъ, а не приемной комиссіей—на вещи не ставится. Согласно письменному разрѣшенію вещи принимаются и сдаются соответствующимъ смотрителямъ магазиновъ, откуда впоследствии, иногда и спустя довольно продолжительное время, въ зависимости отъ срока вещи, поступаютъ въ различныя части войскъ. Въ войскахъ вещи могутъ быть забракованы, какъ не отвѣчающія образцамъ и описаніямъ, а члены комиссій будутъ привлечены къ суду за принятыя негодныя вещи.

Установить же, что вещи эти были приняты по особому разрѣшенію главнаго технического комитета, а не приемной комиссіей, нѣтъ никакой возможности, такъ какъ, кромѣ клеймъ приемной комиссіи, никакихъ другихъ знаковъ на вещахъ нѣтъ. Да и сами члены приемной комиссіи, пропуская черезъ свои руки огромное количество вещей—въ томъ числѣ и массу приѣмокъ по письменнымъ разрѣшеніямъ технического комитета—черезъ нѣсколько лѣтъ забудутъ, конечно, что они приняли сами и что было принято по указанію изъ Петербурга.

За интендантство, какъ извѣстно, взялись теперь круто. Сенаторскія ревизіи направлены во всѣ концы Россіи. Многие члены приемныхъ комиссій частію уже арестованы, частію осуждены или ожидаютъ суда. Не подлежитъ сомнѣнію, что законъ разберетъ праваго и виновнаго, поэтому мы отнюдь не намѣрены брать подъ свое покровительство приемныя комиссіи или иныхъ прикосновенныхъ къ нашимъ интендантскимъ неурядицамъ. Но вѣрно и то, что многіе непорядки и злоупотребленія въ нашемъ интендантствѣ расцвѣли только благодаря придуманнымъ сложнымъ наказамъ и инструкціямъ, завѣдомо невыполнимымъ на практикѣ.

Во всякой дѣятельности у насъ, какъ частной, такъ и общественной и государственной, вкоренилась какая-то страсть къ сложнымъ измышленіямъ, тамъ даже, гдѣ дѣло очень просто. Взять, напримѣръ, исторію съ отмѣненнымъ недавно сѣдломъ пѣхотнаго образца. Казалось бы, лошадь вездѣ одинаковая—съ лежачимъ хребтомъ на четырехъ ногахъ; человѣкъ, казалось бы, тоже созданъ по единому образцу—и въ пѣхотѣ и кавалеріи; казалось бы, поэтому, что и сѣдло для сочетанія всадника и лошади должно быть одинаково. Но это было бы слишкомъ просто. Наперекоръ стихіямъ, съ большими потугами мысли и техническихъ измышлений, придумано было для офицеровъ пѣхоты особое сѣдло „пѣхотнаго образца“, которое просуществовало много лѣтъ, пока вспомнили, что это продуктъ празднои мысли. Или—не угодно ли, напримѣръ, объяснить, какими глубокомысленными соображеніями синіе рейтузы признаются обязательно практичными въ конной артиллеріи и въ то же время считаются непригодными для такихъ же верховыхъ въ пѣшей артиллеріи.

Это стремленіе въ нашихъ наказахъ и инструкціяхъ объять необъятное, предусмотрѣть и предрѣшить всѣ случаи, возможные и невозможные, приводятъ къ тому, что забываютъ главное,— *живого человѣка*, со всѣми свойственными ему страстями и слабостями, являющагося исполнителемъ этихъ наказовъ. Отыгрываются на томъ, что написанъ красивый наказъ, въ которомъ предусмотрѣно все, кромѣ того лишь, что требованія его неисполнимы на практикѣ.



## Глава V.

## Наше законодательство.

## 1. Призыв комиссій на гастроли по законодательству.

Наши центральныя военныя управления взялись, наконецъ, за умъ и въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ обходятся, слава Богу, безъ созыва комиссій.

Въ плодотворность трудовъ комиссій разочаровались, очевидно, послѣ 1907 г., когда въ Петербургъ понаѣхало множество „членовъ“ этихъ комиссій разныхъ степеней и ранговъ, бросившихъ на руки разнымъ временно-командующимъ ввѣреннымъ имъ части, предвкушая съ великимъ удовольствіемъ возможность отдохнуть „отъ семейнаго счастья“ командованія на лонѣ различныхъ развлеченій,—благо это облегчается отпускомъ отъ казны достодолжныхъ суточныхъ.

Конечно, члены эти удѣляли время и для обсужденія предложенныхъ имъ вопросовъ, но всѣ ихъ шумныя дебаты ничего иного и дать не могли, какъ тотъ пустоцвѣтъ, который дали въ результатѣ. Пусть участвовали въ комиссіяхъ „отборные“ офицеры; но всѣ они явились большей частью какъ изъ поля вѣтеръ, встрѣтились между собою впервые, за ничтожнымъ исключеніемъ никто изъ нихъ раньше не занимался специально тѣми вопросами, которые предложены на ихъ обсужденіе. Мыслимо ли ожидать отъ такихъ комиссій какой-нибудь детально разработанной реформы, требующей вдумчиваго труда и разносторонняго изученія вопроса на основаніи кропотливыхъ изысканій въ ворахахъ статистическихъ и иныхъ данныхъ? Мы убѣждены, что даже краткіе официальные отчеты о трудахъ комиссій генераль-адъютанта Зарубаева, которые время отъ времени появлялись тогда въ „Русскомъ Инвалидѣ“, представляли собою, даже по формулировкѣ пожеланій и нуждъ арміи, работу не комиссій, а

ея дѣлопроизводителя, который написалъ отъ себя протоколы, а члены, конечно, подписывали.

Ждать отъ такихъ многоголовыхъ и разноголосыхъ комиссій выработку сложной реформы прохожденія офицерской службы— все равно, что ожидать, напримѣръ, отъ крестьянскихъ „трудовиковъ“ законодательныхъ нормъ, хотя бы, даже по близко знакомому имъ аграрному вопросу. Законы писать съ цѣлью перекроить старую жизнь на новый ладъ вовсе не такъ просто, какъ это иногда думаютъ ни о чемъ не задумывающіеся люди. Недаромъ въ древней Спартѣ и древнемъ Римѣ законодателями почитался особый классъ людей, специально подготовлявшихся для этой цѣли, да и то же самое мы видимъ, отчасти, и въ современной Англии. Что же мы могли ожидать путнаго отъ трудовъ цѣлой арміи понаѣхавшихъ въ Петербургъ „членовъ“? Кто они—эти члены? Откуда взялись? Гдѣ у нихъ на челѣ печать законодательнаго творчества? Чѣмъ проявили себя въ этой области?..

Скажутъ, что эти члены комиссій должны играть лишь роль *свѣдущихъ* людей; это лишь присяжные въ судахъ совѣсти—собранные, чтобы отвѣтить на сформулированные вопросы, а тамъ дальше—дѣло думскихъ дьяковъ, чтобы облечь это въ формы законовъ. Но, во-первыхъ, это не такъ: комиссіи созывались для выясненія нуждъ и способовъ ихъ удовлетворенія, а не для простыхъ отвѣтовъ: „да, виновенъ“, или „нѣтъ, не виновенъ“. А если, дѣйствительно, всѣ эти многочисленные члены комиссій вызваны были лишь какъ свѣдущіе люди, то стоило ли отрывать отъ своего дѣла въ отвѣтственное время цѣлую уйму офицеровъ всѣхъ ранговъ; развѣ любой столоначальникъ Главнаго Штаба не знаетъ, что армія хирѣетъ, благодаря отливу лучшихъ силъ „на отхожіе промысла“ въ разныя вѣдомства, что младше офицеры ничего не дѣлаютъ, потому что они ни за что, не отвѣчаютъ и т. п. Кто этого не знаетъ?. Увы! болячки, одолеваяющія армію, давно стали хроническими и у всѣхъ на глазахъ. Тутъ выяснять нечего. А вотъ какія мѣры принять для уврачеванія нашихъ недуговъ—тутъ требуется несомнѣнно проникновенный умъ и даръ творчества.

Самая попытка проведенія коренныхъ реформъ дебатами комиссій представляетъ собою такое же покушеніе съ негодными

средствами, какъ работа пошехонцевъ—граблями рѣку отводить. Всѣ великія реформы въ дѣлѣ минувшаго строительства Россіи, какъ въ отношеніи военнаго, такъ и всякихъ иныхъ вѣдомствъ, всегда исходили изъ единой идеи, выношенной въ одной головѣ, а если, какъ вспомогательное средство, созывались при этомъ комиссіи, то онѣ играли роль „подручныхъ“ для разработки какихъ-нибудь техническихъ деталей. Теперь же, почему-то установилось мнѣніе, что по всевозможнымъ вопросамъ устройства арміи надо обязательно собирать комиссіи изъ строя, запрашивать „заключенія“ войсковыхъ начальниковъ и т. д. Самые же органы управления и командования арміи совсѣмъ лишены, какъ будто, права прикасаться къ вопросамъ подобнаго рода: „вы люди кабинетные, стоите далеко отъ строя, а потому и знать не можете наши нужды“...

Въ этомъ, какъ намъ кажется, кроется великое заблужденіе, ставшее въ наше время почему-то общепризнанной истиной. Необходимо выяснить,—что представляютъ собой штабы и управления арміи. Развѣ это отбросы строя, а не лучшія силы, не мозгъ арміи? Мы не говоримъ вовсе о корпусѣ офицеровъ генеральнаго штаба, а имѣемъ въ виду тѣхъ штабныхъ офицеровъ, которыми штабы и управления пополняются *изъ строя же*. Всѣмъ извѣстно, что начальники войсковые и разныхъ штабовъ берутъ въ эти штабы на службу изъ строя, конечно, лучшихъ, а не худшихъ офицеровъ. Неужели они сейчасъ же перестали понимать въ несложныхъ вопросахъ „строю“ и его нужды, изъ которыхъ они только что извлечены какъ отборные работники—только потому, что они временно перешли изъ казармы въ штабы? Одно изъ двухъ: если вышедшіе изъ строя штабные офицеры признаются круглыми невѣждами въ дѣлѣ устройства нашихъ вооруженныхъ силъ, непонимающими строя и его требованій, то они и, одного дня остаться не должны въ тѣхъ же штабахъ, которые вѣдь только и занимаются урегулированіемъ жизнедѣятельности арміи; а если они въ этомъ дѣлѣ знаютъ толкъ не хуже офицера въ строю, то—дайте имъ дѣлать ихъ же специальное, штабное дѣло. Не путайте функции *строю* и *штаба*. Какъ бы ни сѣтовали на штабы и ни ругали ихъ, но они всегда призваны служить двигательными нервами арміи, ея живой силой и въ мирное, и въ военное время. Не можетъ ротный командиръ

выскакивать бивакъ и позицію для своей роты въ бою, какъ и не можетъ цѣлый синклитъ ротныхъ и корпусныхъ командировъ выработать для себя законы прохождения службы, не считаясь съ массой совершенно неизвѣстныхъ имъ разнородныхъ вопросовъ. Для этого должны быть особые органы, комплектуемые людьми, получившими для этого специальную научную и практическую подготовку. Такими органами и являются *штабы*. А строю надлежитъ быть органомъ исполнительнымъ и въ военное, и въ мирное время.

Почему же для выработки реформы прохождения офицерской службы требуется собраніе съ борка да сосенки многоголовой комиссіи, обязательно изъ строя? Не проще ли, хотя бы за отсутствіемъ гениальныхъ творцовъ, поручить это дѣло 2—3 штабнымъ, не чуждымъ строя, но *специалистамъ* по этому вопросу, изучившимъ всевозможныя разновидности прохождения службы по стекающимся въ Главный Штабъ конкретнымъ примѣрамъ изъ жизни.

Все горе въ томъ, что отовсюду теперь слышенъ ропотъ и недовольство своимъ положеніемъ, „строй“ жалуется на засилье штабовъ, каждый норовитъ быть самъ себѣ главой, не желая жить и работать по чужимъ указкамъ. Но строевые правы до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о разныхъ привилегіяхъ и преимуществахъ службы: не за что щедро надѣлять служебными преимуществами штабныхъ офицеровъ, будь они хотя бы и сливками строя, потому что штабы и безъ того заключаютъ довлѣющія въ нихъ прелести. Ублажайте строй и строевыхъ всѣмъ, чѣмъ можно. Но считать лишь ихъ однихъ призванными перековать наново свою жизнь, выработать новые устои, новые принципы—будетъ такое же заблужденіе, какъ если бы поручили ткачу, весь вѣкъ свой бросавшему свою шпульку изъ стороны въ сторону, перестроить на новый ладъ хлопчатобумажную фабрику, въ которой онъ выросъ и состарился. Откуда образцовѣйшій ротный командиръ, изодранный во всѣхъ тонкостяхъ прицѣлки и прикладки, можетъ обладать достаточнымъ кругозоромъ по многообразнымъ вопросамъ прохождения службы въ разныхъ европейскихъ арміяхъ,—что неминуемо требуется при основательной разработкѣ задуманной реформы?

Итакъ—самая идея выработки назрѣвшихъ реформъ посред-

ством дебатов строевых работников в комиссиях грешить в своей основе. А что касается дальнейшей техники этого законодательства, то она ниже всякой критики. Как известно, проекты, выработанные комиссиями, подвергаются еще некоторой обработке в центральных управлениях; затем посылаются на „заключение“ командующим войсками в округах; эти последние — командирам корпусов и т. д., до командиров полков. Собранные „заключения“ подвергаются новой обработке вместе с первоначальным проектом комиссии и затем последовательно пополняются и сглаживаются всеми инстанциями, от столоначальника до административных верхов армии. А после всего этого... иногда приходится сунуть в корзину весь проект, со всеми к нему „заключениями“, как вполне безжизненный и неосуществимый; потому что ясно — если, паче чаяния, и заронена была в нарождавшийся проект какая-нибудь крупная живая мысль, то она неминуемо успела зачахнуть и омертветь в этой безконечной волокитѣ по штабам и управлениям. Дѣльная мысль может оплодотворить жизнь лишь при непосредственном соприкосновении; но захватанная канцелярскими перьями и чернильными кляксами она ничего дать не может. Напомним поучительный примѣръ в этом отношении с полевым уставом, выработанным покойным М. И. Драгомировым: сколько потуг стоило разным комиссиям выработка этого устава; а поручили это единолично генералу Драгомирову, и он дал устав почти всеми одобренный с первого шага, выдержавший боевое испытание и в минувшую войну.

Старая, как мир, истина гласит, что гениальная мысль рождается только из единой гениальной головы. Все, чѣм в наш вѣкъ гордится человечество, чѣм оно живет и движется вперед — все это труды отдельных одиночных мыслителей, озаривших мир своими изобрѣтениями из тиши кабинета, а не из среды многоголовых комиссий. Да и не только в области человеческой мысли или изобрѣтений практического свойства, но и в дѣлѣ государственного управления и важных реформ административного характера история не знает примѣров гениального творчества, которое рождено было бы на свѣтъ разноголосыми комиссиями.

Въ особенности это справедливо и важно в нашем воен-

ном дѣлѣ. Мы знаем из элементарных учебников тактики, что на войнѣ полководец прибѣгает к помощи военных советов тогда, когда самъ ни на что рѣшиться не может. Минувшая война богата яркими примѣрами подобной нерѣшительности: сохранилась бездна протоколов совѣщаний о *наступательных* планах, а мы все-таки пятились назад. Мы указывали неоднократно, повторяем и теперь, что самая попытка проведения коренных реформъ дебатами комиссий представляет собою покушение с негодными средствами. Всѣ великія реформы в дѣлѣ минувшаго строительства Россіи, какъ в отношении военного, такъ и всяких иных вѣдомствъ, всегда исходили из единой идеи, выношенной в одной головѣ.

Но гдѣ же эти гении? Гдѣ люди?..

Гении тѣ, которымъ дана власть творить и проводить реформы. А если они не сознают себя гениальными, то должны, по крайней мѣрѣ, чувствовать себя рѣшительными в своей роли. Плохо, если нѣтъ ни гениальности, ни рѣшительности, а есть только боязнь ответственности.

Въ общих чертахъ намъ представляется наиболѣе рациональнымъ слѣдующій порядокъ разработок реформъ в армии: соответствующіе законодательные проекты вырабатываются в подлежащих главных управлениях военного министерства и состоящих при нихъ специальныхъ комитетахъ по инициативѣ и директивамъ, преподаннымъ главными начальниками этихъ управлений; затѣмъ для окончательнаго разсмотрѣнія можетъ быть образована комиссия съ участіемъ 3—4 *избранных* отъ войскъ *свѣдущихъ* представителей по затронутому вопросу. И — никакихъ заключеній войскового начальства, представляющихъ собою весьма часто сочиненія старшихъ адъютантовъ на заданную тему.

Скажутъ, пожалуй, что армія не можетъ служить предметомъ экспериментовъ для штабныхъ измышлений. Но если штабы наполнены бездарностями, то нѣтъ основанія предположить, что таланты таятся обязательно в рядахъ строя, откуда, собственно, штабы вѣдь и комплектуются.

Дошло до того, что одинъ изъ штабовъ — именно Приамурскаго военного округа — рѣшилъ ввести для себя собственные воинскіе уставы, выработавъ ихъ в нѣдрахъ своего собственного убогаго строя упразднивъ тѣ, которые выработаны в

главномъ штабѣ.

На сколько центральныя управления военного министерства разучились дѣлать свое дѣло, не находятъ въ себѣ рѣшимости проводить въ жизнь собственныя идеи, а цѣпляются все за чужія „заключенія“, видно всего лучше изъ слѣдующаго факта, конечно не единственнаго, но зато болѣе крупнаго, имѣвшаго огромныя послѣдствія. Когда во время послѣдней войны, осенью 1904 года, понадобилось объявить новую мобилизацію для призыва запасныхъ и укомплектованія войскъ дѣйствующей арміи, то явилась дилемма—не лучше ли задержать увольненіе въ запасъ очереднаго контингента въ войскахъ Европейской Россіи, и вмѣсто старыхъ бородачей изъ запаса отправить въ дѣйствующую армію только что оканчивающихъ службу, хорошо обученныхъ, настоящихъ солдатъ. Казалось бы чего проще. Это представлялось выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ,—и въ экономическомъ, финансовомъ и политическомъ. Этого добивался и командующій арміей; съ рациональностью этой мѣры соглашались и главный штабъ, и военный министр. Но... не хватило рѣшимости. Послали „на заключеніе“ командующихъ войсками въ округахъ. Въ отвѣтъ получили, конечно, разногласіи. Опять не хватаетъ духу, какъ быть. И рѣшили... предоставить рѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію командующихъ войсками въ округахъ,—какъ кто хочетъ. И получилось совсѣмъ невозможное: въ одной и той же арміи, при единомъ для всѣхъ округовъ законѣ, въ одномъ увольняли въ запасъ, въ другомъ задерживали.

Итакъ, разъ навсегда надо отказаться отъ сотрудничества гастролирующихъ иногда комиссій. Этотъ архаическій аппаратъ отжилъ свое время

## 2. Штабъ и строй въ нашемъ законодательствѣ.

Въ текущемъ году у насъ въ добрый часъ осуществлены капитальнѣйшія реформы по реорганизаціи арміи. И—что всего удивительнѣе—осуществились безъ помощи многоголовыхъ комиссій. Давно пора!

Непригодность комиссій, какъ аппарата, призваннаго для выработки реформъ, выяснилась уже давно; намъ всегда пред-

ставлялось сомнительнымъ, чтобы собираемая при центральныхъ управленіяхъ многоголовыя комиссія могли оказаться на высотѣ реформаторскихъ задачъ, чтобы разногласіица ихъ обильныхъ словопрениі могла дать въ своемъ осадкѣ тщательно взвѣшенная и глубоко продуманная законодательныя нормы. И причина этого безнадежно дѣйствующаго законодательнаго аппарата, по нашему мнѣнію, кроется въ смѣшеніи обязанностей строя и штаба.

Вопросъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Мы давно уже слышимъ въ арміи горячія нареканія на штабы и ихъ привилегіи, на генеральныя штабы, „засилье“ штабовъ и т. п. Послѣ неудачной войны съ Японіей эти нареканія стали раздаваться еще громче; штабамъ приписываются причины нашихъ пораженій; вторя общему тону негодующаго общественнаго мнѣнія, и въ арміи набросились на „военную бюрократію“, какъ на подходящаго козла отпущенія. Мы отнюдь не предполагаемъ выступить здѣсь раторборцами штабовъ и ихъ интересовъ; но если у насъ обнаружены въ арміи несомнѣнные дефекты, то желательно выяснитъ ихъ истинныя, а не воображаемыя причины. Вѣдь, казалось бы, что штабамъ нашимъ въ мирное время оставлены только безобидныя исходящія и входящія бумаги, которыя при всемъ своемъ значеніи все же не могутъ направлять жизнь арміи въ ту или другую сторону. Вся же созидательная работа, направляющая боевую подготовку арміи, находится въ рукахъ *строю*. Мы тутъ имѣемъ въ виду, конечно, не строевыя занятія, маневры, обученіе и подготовку въ тѣсномъ смыслѣ, а всю ту творческую дѣятельность мирнаго времени, которой обуславливается изысканіе новыхъ путей въ дѣлѣ подготовки и организациі арміи, ея обмундированія и вооруженія, системы обученія и т. п. Вѣдь всѣ эти вопросы—какъ установилось у насъ практикой послѣднихъ лѣтъ—переданы цѣликомъ въ руки самихъ войскъ, въ вѣдѣніе *строю*. Развѣ штабъ посмѣетъ измѣнить хотя бы положеніе большого пальца правой руки на шейкѣ ложи во время прицѣливанія вопреки заключенію войскового начальства, не говоря уже о какихъ-нибудь реформахъ болѣе крупнаго характера? Развѣ со всѣми реформами въ жизни арміи у насъ не связано имя какой-нибудь войсковой комиссіи? А

если так,—если штабъ является по существу лишь въ роли дѣлопроизводителя для всѣхъ мѣропріятій, регулирующихъ дѣятельность арміи и вырабатываемыхъ самимъ *строемъ*, то справедливы ли нападки на штабы?

Словъ нѣтъ, штабамъ и штабнымъ у насъ удѣляется слишкомъ много служебныхъ преимуществъ иногда въ ущербъ строевымъ офицерамъ. Необходимо отиѣтить, однако, что и въ этой области мы часто впадаемъ въ преувеличенія. Если, на примѣръ, въ какомъ нибудь изъ высшихъ учреждений военнаго вѣдомства признано необходимымъ назначить на отвѣтственную должность молодого штабнаго полковника, вмѣсто положеннаго здѣсь по штату генераль-лейтенанта, то почему такой полковникъ не можетъ быть произведенъ на своей должности, чтобы—Боже упаси—не опередить десятокъ-другой полковниковъ изъ двухсотъ командировъ полковъ, дѣлающихъ свое почтенное, но все же заурядное дѣло. Есть ли тутъ здравый смыслъ? Вѣдь, несомнѣнно, было немало генераль-лейтенантовъ, готовыхъ занять новую должность; и если почему-то предпочтенъ и отличенъ юный полковникъ, то, вѣроятно, въ силу такихъ особенностей, которыя подавно не могутъ быть найдены среди двухсотъ полковниковъ, командировъ полковъ. Рядомъ съ такимъ явленіемъ штабнаго свойства мы видимъ также, что и при назначеніи юныхъ полковниковъ на должности командировъ гвардейскихъ полковъ считаютъ иногда вполне возможнымъ производить ихъ сразу въ генераль-маіоры, не считаясь никакимъ старшинствомъ; хотя никто не скажетъ, что для командованія гвардейскимъ полкомъ требуются какіе-нибудь особые таланты и способности по сравненію съ командованіемъ полкомъ армейскимъ; и если для гвардейскихъ командировъ иногда и придерживаютъ производство, то лишь для того, чтобы „не создавать сверстника для штабныхъ“—какъ объ этомъ сказано было въ одномъ изъ официальныхъ оповѣщеній, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“.

Гдѣ же тутъ „засилье“ штабовъ? Мы видимъ, напротивъ, въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ, что наши штабы и центральныя управления сдаютъ одну позицію за другой. Назначенія на разныя должности,—этотъ важнѣйшій вопросъ комплектованія команднаго состава—въ значительной части фактически пере-

шелъ въ руки командующихъ войсками округовъ. Насколько ненормальность такого положенія государства въ государствѣ сказалась въ боевой подготовкѣ арміи или въ общемъ ходѣ событій послѣднихъ лѣтъ, сказать трудно, такъ какъ это скрыто въ ворахъ другихъ причинъ. Все же въ дѣлѣ призрѣнія раненыхъ воинскихъ чиновъ и предоставленія имъ соотвѣтствующихъ должностей пришлось, какъ извѣстно, особымъ приказомъ по военному вѣдомству отнять отъ командующихъ войсками въ округахъ назначенія на разныя должности и сосредоточить это дѣло опять въ вѣдѣніи Главнаго Штаба.

Изъ другой области можно указать и на такіе примѣры. Выработанъ былъ въ центральныхъ управленіяхъ проектъ давнымъ-давно назрѣвшей, уже четверть вѣка ожидающей своего разрѣшенія, реформы военно-санитарной части въ нашей арміи. Хорошъ или дуренъ проектъ сказать, конечно, трудно, такъ какъ судить объ этомъ можно было бы лишь съ теченіемъ времени по указаніямъ опыта. Тѣмъ не менѣе проектъ этотъ былъ отвергнутъ нѣкоторыми командующими войсками округовъ, такъ сказать, не глядя, за слишкомъ радикальное, по ихъ мнѣнію, рѣшеніе вопроса. Разумѣется, эти командующіе войсками не представили со своей стороны иной проектъ рѣшенія этого вопроса, такъ что давно ожидаемая реформа снова затянулась на неопредѣленное время; такимъ образомъ засилье не штаба, а строя явилось тутъ только тормазомъ для дѣла. То же самое мы видимъ и съ проектами многихъ другихъ реформъ, ставшихъ еще въ зачаточномъ состояніи жертвой „заключеній“ войскового начальства, или убитыхъ въ зародышѣ разногласіемъ многоголовыхъ комиссій.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ заключенію, что для разработки назрѣвающихъ реформъ пора отказаться отъ достаточно испытанной и оказавшейся совершенно непригодной системы собранія многолюдныхъ комиссій съ вызовомъ многочисленныхъ представителей отъ войскъ. Вполнѣ возможно ограничиться тѣми силами, которыя имѣются въ Петербургѣ, а имѣется здѣсь немало представителей всѣхъ вѣдомствъ, равно и штабовъ, и „строя“.

### 3. Военный налогъ.

Давно уже признается назрѣвшимъ вопросъ о необходимости урегулировать отбываніе воинской повинности всѣми народностями, населяющими Россію.

Со времени введенія устава о всеобщей воинской повинности, въ 1874 году, протекло уже свыше 35 лѣтъ. Жизнь далеко опередила первоначальныя требованія, положенныя въ основаніе введенной тогда важнѣйшей государственной повинности; по мѣрѣ силъ военное вѣдомство старалось поспѣвать за быстро шагающими впередъ требованіями вѣка и непрерывно вносило всевозможныя поправки къ уставу о воинской повинности, объявляя ихъ въ многочисленныхъ циркулярахъ, разъясняющихъ и дополняющихъ условія примѣненія статей порядочно-таки отсталаго и устарѣвшаго устава. Но всѣ эти поправки и заплаты на изношенномъ обветшаломъ уставѣ все же не могутъ сдѣлать его пригоднымъ для требованій нашего времени, которое положительно выросло уже изъ этого куцаго кафтана.

Достаточно указать на коренную ломку, которая потребовалась въ отношеніи самого примѣненія устава всеобщей воинской повинности какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ спустя послѣ его введенія; такъ, первая статья устава гласитъ, что защита Престола и Отечества составляетъ священную обязанность каждаго русскаго подданнаго; но тутъ же допускается рядъ исключеній для многихъ народностей и мѣстностей государства, которыя ни прямо, ни косвенно не несутъ никакихъ обязанностей въ отношеніи этой тягчайшей натуральной повинности. Къ такимъ изъятіямъ отнесены были Кавказъ и многія окраины Россіи и инородцы восточной Сибири. Въ отношеніи многихъ народностей, населяющихъ Кавказъ, пришлось внести соотвѣтственную поправку, какъ сказано, уже 10—15 лѣтъ послѣ введенія устава; между тѣмъ инородцы и русское населеніе Восточной Сибири остаются по сіе время свободными отъ воинской повинности, не смотря на то, что военно-политическое положеніе этой окраины измѣнилось съ того времени кореннымъ образомъ и крайне нуждается въ усиленіи мѣстныхъ условій обороноспособности края.

Отпала собственно и коренная причина изъятія этой окраины отъ устава о всеобщей воинской повинности, обусловленная

невысокимъ уровнемъ гражданственности и культурно-экономическаго развитія населенія. Съ тѣхъ поръ, послѣ введенія устава 1874 года, обстановка жизни на нашей далекой окраинѣ измѣнилась до неузнаваемости, благодаря проведенію желѣзной дороги и огромному притоку переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Имперіи. Но еще задолго до того времени многочисленное бурятское населеніе, составляющее треть населенія всей Забайкальской области, признано было въ гражданскомъ отношеніи вполне созрѣвшимъ для отбыванія воинской повинности на ряду съ другими народностями Имперіи, такъ какъ часть бурятъ была включена въ составъ Забайкальскаго казачьяго войска; между тѣмъ какъ вся остальная *большая* часть бурятскаго населенія остается до сихъ поръ, почему-то совершенно свободной отъ воинской повинности, — такъ сказать безъ всякаго объясненія причинъ.

Такимъ образомъ, дѣйствующій уставъ о воинской повинности оказывается несомнѣнно отсталымъ въ отношеніи оцѣнки социально-экономическаго развитія разныхъ народностей Имперіи въ дѣлѣ отбыванія воинской повинности. Но этотъ уставъ, даже и въ самомъ началѣ своего появленія, грѣшилъ въ отношеніи равномѣрности его примѣненія ко всѣмъ лицамъ призывного возраста, подлежащимъ зачисленію въ ряды арміи. Такъ какъ кадры арміи, по числительности состава мирнаго времени, не могли вмѣстить всѣхъ призывныхъ подростковъ, то допущены были многочисленныя изъятія по семейному, имущественному и образовательному положенію. За всѣмъ тѣмъ все же оставался еще значительный избытокъ, превышавшій потребности ежегоднаго укомплектованія арміи; поэтому установлено было еще жеребометаніе, которое также освобождало совершенно отъ воинской повинности многочисленный контингентъ подростковъ, зачисляемыхъ прямо въ ополченіе. Въ результатѣ получилось, такимъ образомъ, что принципъ всеобщаго обязательности воинской повинности, провозглашенный уставомъ 1874 года, остался красивой формулой лишь на бумагѣ, такъ какъ огромнѣйшая часть населенія въ дѣйствительности ни въ мирное, ни въ военное время не несетъ никакихъ повинностей по отбыванію священной обязанности защиты Престола и Отечества, которая всей своей тягостью ложится лишь на незначительную часть населенія.

Такой порядок никоим образом не может быть признан нормальным. Единственным выходом из этого положения должно признать необходимость введения военного налога, который давно уже существует в Австрии, Германии, а также и у нас—в казачьих войсках. Вопрос этот неоднократно затрагивался в печати, но до последнего времени почему-то не привлекал к себе достаточного внимания со стороны высшего управления армией. Много надежд возлагалось на ожидавшуюся коренную переработку устава о воинской повинности 1874 года особой многочисленной комиссией, которая с этой целью собрана была в Петербург зимой 1906 года; в результате, однако, „гора родила мышь“, так как продолжительные труды этой комиссии разрѣшились появлением на свѣтъ Божій „руководства по учету нижних чиновъ запаса“, оставивъ въ полной неприкосновенности со всѣхъ сторонъ запатанный и обветшалый уставъ 1874 года. Затѣмъ, въ 1908 году, военнымъ министерствомъ проведенъ былъ черезъ Государственную Думу законопроектъ о привлеченіи населенія Приморской и Амурской областей къ отбыванію воинской повинности. Но коренной вопросъ о необходимости сдѣлать воинскую повинность, натурой или деньгами, дѣйствительно обязательной для всѣхъ безъ исключенія подростковъ призывного возраста остается въ томъ же положеніи, какъ и 30 слишкомъ лѣтъ тому назадъ и можетъ быть рѣшенъ только введеніемъ военного налога, который по нашему мнѣнію долженъ быть учрежденъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Зачисленіе на дѣйствительную службу отнимаетъ отъ семьи работника, который въ экономической жизни семьи представляетъ собою извѣстную цѣнность; въ зависимости отъ его социальнаго положенія и рода занятій, эта цѣнность и должна служить отправной данной для опредѣленія размѣра военного налога, который можетъ, такимъ образомъ, колебаться въ предѣлахъ отъ 1 рубля въ годъ для работника въ бѣдной семьѣ безземельнаго крестьянина до 100 и болѣе рублей для работника—сына богатаго купца или состоящаго на службѣ инженера и т. п.

2) Нормы военного налога должны быть выработаны и указаны законодательнымъ порядкомъ. Самое примѣненіе этихъ

нормъ должно быть предоставлено мѣстнымъ по воинской повинности присутствіямъ, которыя въ отношеніи крестьянскаго населенія должны руководствоваться приговорами волостныхъ сходо-довъ, такъ какъ только этимъ сходамъ ближе всего извѣстно матерьяльное положеніе своихъ сельчанъ.

3) Военному налогу подлежатъ всѣ подростки призывного возраста, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ не поступили на дѣйствительную службу. Исключеніе допускается только для калѣкъ и увѣчныхъ такого рода, которые являются очевиднымъ бременемъ для собственной семьи.

4) Продолжительность уплаты военного налога опредѣляется временемъ состоянія на дѣйствительной службѣ подъ знаменами соответствующихъ сверстниковъ, не пользующихся сокращенными сроками службы; на этомъ основаніи всѣ сокращенія и льготы по образованію и имущественному положенію, оставаясь въ нынѣшнемъ видѣ, не должны все же вліять на обязательность военного налога, т. е. вольноопредѣляющіеся и новобранцы, отбывающіе воинскую повинность на сокращенныхъ срокахъ по образованію, все же подлежатъ военному налогу все остальное время состоянія ихъ сверстниковъ на дѣйствительной службѣ.

5) Доходъ, образуемый поступленіемъ военного налога, долженъ быть назначенъ на образованіе особаго *военнаго фонда*. Состоя въ особомъ вѣдѣніи совѣта министровъ, этотъ фондъ долженъ расходоваться исключительно *на усиленіе обороноспособности государства*.

Намъ кажется, что установленіе военного налога на приведенныхъ выше началахъ привело бы къ слѣдующимъ важнымъ результатамъ. *Во-первыхъ*, достигается равномерность въ распределеніи по всѣмъ мѣстностямъ и народностямъ Имперіи наиболее тяжелой государственной повинности. Это будетъ только актъ справедливости, такъ какъ въ настоящее время, какъ и до 1874 года, воинская повинность ложится всея тяжестью только на бѣднѣйшее крестьянское населеніе, которое до введенія общеобязательной воинской повинности подлежало ей юридически, а теперь отбываетъ фактически; всѣ другіе, выдѣляющіеся изъ массы крестьянскаго населенія, пользуются какими-нибудь льготами и изыятіями по образованію или по роду занятій и т. п. *Во-вторыхъ*, явится возможность распространенія воинской по-

винности на тѣ мѣстности и народности государства, на которыя по какимъ нибудь соображеніямъ не признается возможнымъ распространить дѣйствующій общій законъ. *Въ третьихъ*, изъ вполне чистаго и справедливаго источника правительство получить средства для улучшения обороноспособности государства.

#### 4. Престижъ начальства въ нашемъ законодательствѣ.

Послѣ всего пережитаго въ продолжительную и кровопролитную войну на Дальнемъ Востоцѣ, арміи нашей пришлось пережить еще великую драму, судъ надъ защитниками Портъ Артура. Встаётъ жгучій вопросъ: какъ могло случиться, что среди многочисленнаго сонма генераловъ, адмираловъ и офицеровъ не нашлось никого, кто бы открыто, хотя бы съ оружіемъ въ рукахъ, выступилъ въ защиту долга присяги, понимаемаго хотя бы по своему, съ чрезмѣрной выпренности и излишней чуткостью щепетильной совѣсти? Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что едва ли въ командномъ составѣ портъ-артурскаго гарнизона были завѣдомые преступники, рѣшившіе измѣнить родинѣ съ заранее обдуманномъ намѣреніемъ; поэтому весьма вѣроятно, что открытое, рѣшительное выступленіе хотя бы небольшой группы младшихъ начальниковъ противъ принятаго высшимъ начальникомъ рѣшенія о сдачѣ крѣпости, могло бы повернуть весь этотъ вопросъ въ противоположную сторону, увлекая за собою и славольное начальство.

И этого, однако, не случилось...

Причина этого печальнаго явленія кроется въ общемъ духѣ нашего законодательства, которое съ чрезмѣрной заботливостью, во всѣхъ мельчайшихъ перипетіяхъ нашего армейскаго житья-бытья, стремится прежде всего оградить требованія формальной дисциплины, и казовый престижъ начальства. Эти внѣшніе признаки единства и цѣлости вооруженной силы, служившіе основой боевой годности армій во время Фридриха Великаго, признаются въ нашей арміи и понынь важнѣйшими устоями военной силы,— въ завѣдомый ущербъ велѣніямъ разумной дисциплины, основанной на святости долга и сознательномъ исполненіи своихъ обязанностей передъ родиной. Подчиненному иногда ясно видны незаконныя дѣйствія своего начальства, но онъ лишенъ возмож-

ности пресѣчь очевидное зло,—или эта возможность обставлена со стороны закона такими затрудненіями, что требуется слишкомъ много гражданскаго мужества и рѣшительности характера, чтобы итти на завѣдомый рискъ столкновенія съ всеильнымъ начальствомъ.

Раньше всего дѣйствующими у насъ законоположеніями во всѣхъ видахъ строго преслѣдуются какія бы то ни были коллективныя заявленія и жалобы, приносимыя подчиненными высшему начальству; такія заявленія признаются дѣйствіями *скопомъ* и, независимо отъ ихъ сущности, служатъ причиной усугубленія наказанія. Если принятая въ основу этого закона идея имѣть свой смыслъ въ отношеніи нижнихъ чиновъ, которые даже и при благихъ намѣреніяхъ, могли бы часто впасть въ преступленіе при своей умственной слѣпотѣ, то этого нельзя сказать въ отношеніи офицеровъ, которымъ въ извѣстныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ могло бы быть предоставлено закономъ право коллективнаго указанія высшему начальству на незаконныя дѣйствія своего непосредственнаго начальника.

Оставляя въ сторонѣ такое чрезвычайное обстоятельство какъ безпрепятственная сдача врагу первоклассной крѣпости единоличнымъ усмотрѣніемъ начальника, обратимся къ повседневнымъ фактамъ нашей армейской жизни. Какъ извѣстно, всѣ хозяйственныя операциі въ полку проходятъ въ большинствѣ случаевъ на глазахъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ, которымъ, если не въ подробностяхъ, то въ общихъ чертахъ, всегда видно, на сколько въ этихъ операцияхъ проявляется безукоризненная честность, или примѣшиваются неопрятныя махинаціи хозяйственныхъ чиновъ. Иногда очевидныя злоупотребленія становятся предметомъ толковъ въ интимныхъ товарищескихъ кружкахъ, но нельзя требовать отъ отдѣльныхъ единицъ исключительной нравственной рѣшимости выступить открытыми поборниками казеннаго интереса, когда самъ законъ заботливо устраняетъ въ такихъ случаяхъ всякое вмѣшательство со стороны подчиненныхъ, лишенныхъ малѣйшаго права, хотя бы нравственнаго контроля надъ дѣйствіями своего начальства. Пріѣзжаетъ инспектирующій, который одинъ только имѣетъ право провѣрять законность произведенныхъ операций, но что онъ увидитъ или узнаетъ въ нѣсколько дней пребыванія въ полку? Книги и от-

четность онъ найдетъ, конечно, всегда въ полномъ порядкѣ.

Точно также бывало во время минувшей войны, что всѣмъ четыремъ командирамъ полковъ въ одной дивизіи видны незаконныя дѣйствія начальника дивизіи. При допустимости коллективнаго заявленія и круговой отвѣтственности явилась бы, можетъ быть, рѣшимость и открытаго выступленія для пресѣченія злоупотребленій, но когда законъ предоставляетъ каждому дѣйствовать обязательно разрозненными силами на собственный рискъ и страхъ—такой рѣшимости ожидать трудно. Недаромъ у насъ общежитейская мудрость выработала поговорку "... съ сильнымъ не борись", а мужественное выступленіе противъ начальства, въ защиту казенныхъ интересовъ, приравнивается къ смѣшному донъ-кихотству, за которое можно поплатиться очень больно. И дѣйствительно, сколько честныхъ работниковъ въ нашей арміи, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, легли жертвой своего чуткаго пониманія требованій долга, выступивъ открыто противъ своего начальства!..

Такимъ образомъ, дѣйствующими нашими законоположеніями, въ чрезмѣрной погонѣ за ложнымъ престижемъ начальства создана такая обстановка, при которой начальникъ, какъ за каменной стѣной, можетъ иногда злоупотреблять своимъ положеніемъ, вполне огражденный отъ всякаго вмѣшательства и контроля со стороны своихъ подчиненныхъ. На сколько тлетворное вліяніе такихъ превратныхъ представленій о пользѣ службы крѣпко вѣлосъ въ нашемъ служебномъ обиходѣ видно изъ того, что извѣстенъ фактъ, когда совмѣстное обращеніе четырехъ баталіонныхъ командировъ къ командиру полка съ требованіемъ немедленнаго оставленія полка въ виду обнаруженныхъ имъ отвратительныхъ преступныхъ наклонностей, едва не кончилось для баталіонныхъ командировъ весьма печальными послѣдствіями за это рѣзкое нарушеніе дѣйствующаго закона, хотя бы и съ самыми лучшими намѣреніями. Поэтому вполне естественно, что и въ Портъ-Артурѣ въ критическую минуту не нашлось мужественныхъ людей, готовыхъ выступить поборниками чести и славы своихъ знаменъ, противъ всесильной власти начальства.

Вотъ каковы послѣдствія воспитательнаго значенія неразумно обоснованныхъ законовъ!

Нельзя не признать, что наше законодательство въ этомъ

отношеніи оказалось далеко позади, даже по сравненію съ давно минувшимъ временемъ и порядками, существовавшими въ нашей арміи еще полвѣка назадъ. Въ 1848 году немногочисленный гарнизонъ нашъ въ 500 человекѣкъ, засѣвшій въ маленькой крѣпостцѣ Ахты, отчаянно отбивался противъ 12,000 горцевъ, окружившихъ со всѣхъ сторонъ храбрыхъ защитниковъ; когда тяжело раненый комендантъ выбылъ изъ строя, всѣ офицеры гарнизона, по собственному почину, собрались на общее совѣщаніе и, вопреки существующимъ традиціямъ и взглядамъ, *выбрали* изъ своей среды новымъ комендантомъ *младшаго* въ чинѣ капитана Новоселова, обойдя другихъ старшихъ офицеровъ, и подъ его начальствомъ блестяще и героически довели до конца оборону крѣпости.

Въ противоположность этому разумному проявленію инициативы подъ вліяніемъ дѣйствовавшей тогда „инструкціи комендантамъ“, изданной въ 1847 году, мы видимъ въ Портъ-Артурѣ совершенное отсутствіе хотя бы малѣйшаго проблеска свободного проявленія въ такую важную минуту самостоятельности и почина со стороны младшихъ начальниковъ. Общее усиленное стремленіе нашихъ законоположеній, стремящееся подчинить все опекѣ закона и вогнать жизнь въ строго опредѣленное русло, принесло свои плоды: когда потребовались рѣшенія и дѣйствія, непредусмотрѣнные закономъ, не нашлось никого, кто бы рѣшился самъ и подвинулъ товарищей дѣйствовать по велѣніямъ совѣсти и требованіямъ присяги.

Пагубное вліяніе приведеннаго нами выше прямолинейнаго принципа нашего законодательства сказалось не въ одномъ только Портъ-Артурѣ. Въ своемъ прощальномъ приказѣ первой манчжурской арміи, бывший военный министръ и главнокомандующій въ минувшую войну ген.-адъют. Куропаткинъ, указываетъ на вкоренившуюся въ нашей арміи нетерпимость къ людямъ съ самостоятельнымъ характеромъ, способнымъ проявить починъ и самостоятельность помимо и вопреки указкѣ начальнаго; такіе подчиненные являются всегда бѣлымъ на глазу у начальства, подвергаются часто гоненію и въ большинствѣ случаевъ должны разстаться со службой, лишая армію наиболѣе дѣятельныхъ энергичныхъ работниковъ.

Точно также и разоблаченная теперь позорная интендант-

ская панама, раскрытая добровольными обличителями на страницах вольной печати,—отчасти признанная и военным министерством, могла народиться и расширяться только в затхлой атмосфере начальнического своевластия, самим законом огражденного от вторжения нравственного контроля со стороны подчиненных, которые обречены иногда оставаться молчаливыми посторонними свидетелями совершающихся на их глазах хищений. Въдъ не подлежит сомнѣнію, что и начальникъ въ своихъ преступныхъ поползновенияхъ будетъ, по меньшей мѣрѣ, болѣе остороженъ въ своихъ дѣйствіяхъ, чувствуя надъ собою нравственный контроль своихъ подчиненныхъ и возможность вѣдательства съ ихъ стороны на законномъ основаніи.

Весьма вѣроятно, что и при сдачѣ Портъ-Артура и при интендантскихъ хищеніяхъ нашлись бы энергичные честные люди, которые рѣшились бы выступить открыто поборниками чести, если бы они по рукамъ и ногамъ не были скованы дѣйствующими законами, имѣющими въ виду лишь одну главную цѣль — обереганіе престижа начальника.

Но необходимо помнить, что *такое* обереганіе престижа начальства является палкой о двухъ концахъ, которая обоими концами бьетъ по одному мѣсту: и авторитетъ начальства получается лишь казовый, весьма дряблагаго свойства, — и дисциплина въ арміи воспитывается уродливая, проникнутая не служеніемъ великой цѣли, а подслуживаніемъ и внѣшнимъ угодничествомъ, способными въ корнѣ убить малѣйшіе зародыши инициативы и личного почина. Все это вмѣстѣ дѣйствуетъ мертвящимъ образомъ на работоспособность арміи и въ мирное, и военное время. Развѣ не обнаружилось у насъ съ полной наглядностью и во время минувшей войны и при пережитыхъ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, повальное отсутствіе личного почина, и въ то же время — повсемѣстная жалобы на упадокъ дисциплины. Въдъ казалось бы, при свирѣпствующемъ у насъ законодательствѣ, такъ заботливо оберегающемъ престижъ начальства, до подавленія всякой инициативы включительно, должна бы получиться *жельзная* дисциплина; но оказывается, что и дисциплина тоже лишь казовая...

Въ томъ-то и дѣло, что при современныхъ національныхъ арміяхъ, въ дѣлѣ защиты родины, нѣтъ возможности и въ боль-

шомъ, и маломъ регламентировать все писаннымъ закономъ. Необходимо оставить кое-что и на долю личного почина и нравственныхъ побужденій человѣка. А для этого надо устранить всѣ препятствія, искусственно созданныя въ нашихъ законоположеніяхъ на пути выработки ответственной самодѣятельности и личного почина.

## 5. Недостатки дѣйствующихъ законоположеній объ офицерскихъ аттестаціяхъ

Вопросъ о новой системѣ офицерскихъ аттестацій въ свое время немало волновалъ, волнуетъ и понынѣ, наше военное общество, — на столько, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оживленные дебаты по этому жгучему вопросу не умолкали на страницахъ не только военной, но и общей печати.

Такой исключительный интересъ, выказанный реформѣ въ дѣлѣ офицерскихъ аттестацій, объясняется весьма просто — огромнымъ значеніемъ подбора команднаго состава арміи, недостатки котораго обнаружались съ такой наглядностью въ минувшую войну. Было бы, конечно, весьма наивно въ такомъ глупо-жизненномъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе достоинствъ и недостатковъ живыхъ людей, возложить всѣ надежды на мертвые параграфы какого-нибудь временнаго положенія; но въ данномъ случаѣ важно было то, что необходимость кореннаго измѣненія системы офицерскихъ аттестацій была поставлена на очередь по собственному почину высшаго управления арміи, которое само признало негодность существовавшего порядка. Можно было надеяться, что вмѣстѣ съ новой системой дѣйствительно будетъ сказано новое слово. Посмотримъ, на сколько оправдались надежды на осуществленіе этого важнаго обновленія въ порядкѣ подбора команднаго состава и въ прохожденіи офицерской службы.

Теперь прошло уже почти четыре года послѣ введенія «Временнаго положенія объ аттестаціяхъ капитановъ, штабъ-офицеровъ и генераловъ», объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству 1906 года за № 701. Наступило время подвести какіе-нибудь итоги этому четырехлѣтнему опыту примѣненія новой системы въ офицерскихъ аттестаціяхъ. Намъ неизвѣстно каковы официальные отзывы начальствующихъ лицъ, призванныхъ вы-

сказаться по этому вопросу, но всеобщее и независимое мнѣние вольныхъ критиковъ, которое высказывается и въ печати, и въ безконечныхъ спорахъ въ офицерскихъ кружкахъ, клонится не въ пользу новой мѣры. Не то, чтобы „Временное положеніе“ вступило на ложный путь,—напротивъ: основной принципъ коллегіальной системы, принятый для подбора команднаго состава, признается всѣми вполне правильнымъ,—а поражаетъ нерѣшительность и половинчатый характеръ тѣхъ мѣръ, которыя принимаются для достиженія намѣченной цѣли въ свое время „выдвиженія впередъ людей выдающихся“,—какъ объ этомъ возвѣщено было въ официальной статьѣ „Русскаго Инвалида“.

Тогда уже, при введеніи новаго положенія, указывалось въ печати, что почти всѣ аттестационныя нововведенія касаются только декоративной стороны, оставляя сущность дѣла отчасти при старыхъ недостаткахъ. Отвергнута была существовавшая раньше система единоличнаго усмотрѣнія и секретность аттестаций и введенъ принципъ совмѣстной оцѣнки аттестуемаго собраніемъ начальствующихъ лицъ, но въ то же время ст. 3 „Временнаго“ положенія все же оставленъ весьма жизненный зародышъ стараго порядка казенной аттестации, такъ какъ въ этой статьѣ указывается, что „для опредѣленія служебныхъ достоинствъ и недостатковъ чиновъ, помянутыхъ въ ст. 1, аттестации составляются непосредственными начальниками сихъ чиновъ“. Правда, эта аттестация подвергается въ отношеніи капитановъ и штабъ-офицеровъ переоцѣнкѣ въ дивизионныхъ совѣщаніяхъ: но указывалось уже не разъ, что въ этихъ совѣщаніяхъ господствующее значеніе останется неминуемо на сторонѣ „своего“ командира полка и начальника дивизіи, а всѣ прочіе члены дивизионнаго совѣщанія являются простой декорацией въ новомъ порядкѣ офицерскихъ аттестаций.

Все это, повторяемъ, высказывалось еще въ 1906 году, вскорѣ послѣ того, какъ объявлено было новое положеніе объ аттестацияхъ. Но то, что высказывалось тогда многими лишь предположительно, въ силу простыхъ умозрѣній, исходившихъ изъ подлинныхъ бытовыхъ особенностей нашей арміи—это подтверждается теперь многочисленными фактами четырехлѣтняго примѣненія „Временнаго положенія“ объ офицерскихъ аттестацияхъ. Для подтвержденія справедливости нашихъ словъ въ на-

стоящемъ случаѣ нѣтъ, однако, надобности приводить здѣсь подобныя факты: думается намъ, что ихъ немало во многихъ отдѣльных частяхъ войскъ, и они извѣстны въ арміи и безъ нашихъ указаній. Мы ограничимся поэтому лишь указаніемъ одного факта *общаго* характера, который долженъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ справедливости сказаннаго даже въ глазахъ творцовъ „Временнаго положенія“,—если имъ и неизвѣстны отдѣльные факты личнаго характера изъ жизни арміи.

Судьбѣ угодно было, чтобы новый порядокъ офицерскихъ аттестаций совпалъ какъ разъ съ наибольшимъ обновленіемъ команднаго состава арміи. Въ исходящей, очевидно, изъ Главнаго Штаба официальной сводкѣ результатовъ обновленія команднаго состава, помѣщенной въ №№ 15 и 64 „Русскаго Инвалида“, за 1908 г. приведены были цифровыя данныя, изъ которыхъ видно, что въ общемъ, за 1907 годъ, было уволено отъ службы около 20% всѣхъ строевыхъ начальниковъ, и не менѣ половины всего числа строевыхъ должностей замѣщено было новыми начальниками; составъ корпусныхъ командировъ въ 1906 году обновился даже на 68%. По заключенію упомянутаго сейчасъ официального оповѣщенія Главнаго Штаба за 1906 и 1907 годы составъ высшихъ командныхъ начальниковъ обновился *въ полной мѣрѣ*, а перемѣна начальствующаго персонала на всѣхъ остальныхъ строевыхъ командныхъ должностяхъ коснулась 50—80% состава.

Если такъ, то каждый аттестуемый ротный или батальонный командиръ можетъ поставить вопросъ: „кто меня аттестуетъ? Батальонный командиръ (при аттестованіи капитановъ) служить со мною безъ году недѣля; командиръ полка новый; командиръ бригады меня видѣлъ мелькомъ два раза, и держу пари, что онъ и фамилии моей не знаетъ—не то, чтобы судить о моихъ служебныхъ и нравственныхъ достоинствахъ и недостаткахъ; начальникъ дивизіи меня еще и вовсе не видѣлъ. Остаются прочіе члены дивизионнаго совѣщанія: чужіе командиры полковъ, командиръ бригады и начальникъ штаба дивизіи. Но когда же эти господа члены—будь они обновленные или застарѣлые—будутъ основательно знать ротнаго командира чуждой имъ части настолько, чтобы со спокойной совѣстью судить о его служебныхъ качествахъ?“...

Ясно, что въ дѣлѣ офицерскихъ аттестаций требуется какое-

нибудь прочное начало, которое могло бы служить постоянным фундаментом для оценки службы офицера, независимо от всяких процентов изменения командного состава. Новый закон признал вред единоличных келейных усмотрений в оценке служебных качеств офицера и обращается к помощи гласных и коллегиальных суждений? Прекрасно. Но в таком случае будьте последовательны и проводите этот принцип в жизнь широко и без колебаний. Почему бы, например, первоначальную основную аттестацию в полку на ротного командира не составлять в особом совещании из всех штаб-офицеров и членов суда общества офицеров, хотя бы под председательством командира полка, а не предоставлять ее единоличному усмотрению батальонного командира, у которого в отношениях с ротными командирами, помимо всего, существуют часто трения личного характера. Составленное, как сейчас указано, аттестационное совещание могло бы действительно с полным знанием, а не в слепую, судить о служебных достоинствах и недостатках аттестуемых ротных командиров, о которых в полку у старших товарищей штаб-офицеров всегда уже сложилось определенное мнение о каждом, на основании многолетнего близкого знакомства. Представленная, если нужно, на рассмотрение дивизионного совещания такая аттестация дала бы вполне беспристрастный материал, чтобы судить о служебных качествах аттестуемого; в то же время ничем не подрывалась и престиж командира полка, который мог бы в дивизионном совещании оспаривать правильность аттестации, если он не согласен с заключением полкового совещания, но — не иначе, как представив со своей стороны обоснованные данные.

Нас в деле реформ все отпугивают грозными призраками отрицательных результатов, связанных со всякой „ломкой“. Но робость и половинчатый характер в перекройке жизни также неуместны. Топтание на месте губительно уже потому, что оно дает иллюзию ложного движения к цели, когда на самом деле мы лишь топчемся на месте и все больше и больше отстаем от жизни, которая неумолимо все больше и больше нас обходит. Так наша армия была уже однажды обойдена в жгучие дни под Мукденом: вместо требовавшейся от нас „ломки“ — решительного перехода в наступление — мы надялись отку-

питься топтанием на месте, и были жестоко наказаны.

Во всем приведенном выше мы коснулись — в общих, конечно, чертах — новой системы аттестования в отношении, собственно, ротных и батальонных командиров. Что же касается подбора высшего командного состава, то таковой, как известно, сосредоточен в ведении высшей аттестационной комиссии, которая часто лишена возможности знать основательно своих кандидатов, а должна довольствоваться их послужными списками и аттестациями ближайших начальников. На сколько всего этого недостаточно „для обеспечения правильного подбора командного состава и выдвижения вперед людей выдающихся“ часто показывают факты крупного масштаба: кандидаты высшей аттестационной комиссии, выдвинутые на основании данных послужного списка и аттестации ближайшего начальства для замещения должностей командующего войсками, оказывались бракованными и признанными несоответствующими для этого назначения.

Этот факт знаменательный в том отношении, что в новой системе аттестаций проявился такой взгляд в отношении ответственности за данную аттестацию, что начальник должен поплатиться собственной аттестацией, если он ошибся в оценке подвѣдомственных ему лиц.

Но таковы уже стихийные условия подбора командного состава у нас в России, полуторамиллионная армия которой разбросана на отдаленных окраинах двух частей света. Нѣтъ возможности иметь такой центральный орган, который мог бы безошибочно судить о служебных достоинствах и недостатках многочисленного начальствующего персонала.

В германской или французской армиях достаточно недѣли, чтобы увидеть всех начальников больших гарнизонов. При таком оживленном личном общении начальников высших и низших можно довериться, в известной степени, даже и единоличным аттестациям, сосредоточенным в руках высших начальников или каких-нибудь центральных учреждений. У нас, по условиям территориальным, должна быть примѣнена полная децентрализация в деле подбора командного состава. Если это невозможно в отношении высшего командного состава, то слѣдует проводить этот принцип в отношении аттестования, хотя бы, низших начальников.

## 6. Пенсійные вопросы въ нашемъ законодательствѣ.

### I.

Не успѣлъ остыть жгучій вопросъ о близкомъ банкротствѣ эмеритальной кассы, совершенно неожиданно вспыхнувшій въ минувшемъ году среди офицерскихъ круговъ, какъ появился законопроектъ новаго пенсійнаго устава для офицерскихъ чиновъ арміи—въ томъ видѣ, какъ этотъ проектъ окончательно выработанъ для внесенія на разсмотрѣніе нашихъ законодательныхъ учреждений.

Можно было бы привѣтствовать одновременное появленіе на нашемъ офицерскомъ горизонтѣ обоихъ этихъ вопросовъ, родственныхъ другъ другу по общности преслѣдуемой ими цѣли, если бы тутъ видна была какая-нибудь единая мысль, одна руководящая идея.

Казалось, что иначе и быть не можетъ: кто у насъ когда-нибудь отдѣляетъ эмеритуру отъ пенсій? Выкладками пенсійныхъ окладовъ, отдѣльно изъ эмеритальной кассы и государственнаго казначейства, въ рѣдкихъ случаяхъ занимаются лишь полковые адъютанты, когда имъ приходится составлять „расчетъ“ на увольняемаго въ отставку офицера; и въ такихъ случаяхъ составителямъ „расчетовъ“ приходится смотрѣть на свою работу какъ на толченіе воды въ угоду какой-то тройной бухгалтеріи, необходимой въ высшихъ инстанціяхъ; офицеру же важенъ, въ концѣ концовъ, общій итогъ—какая общая пенсія причитается независимо отъ тѣхъ кармановъ, откуда ихъ извлекаетъ казна.

Одновременная постановка обоихъ этихъ вопросовъ—о положеніи эмеритальной кассы и выработкѣ новаго пенсійнаго устава—потому еще указывала на нѣкоторую внутреннюю связь между ними, что все это вынашивалось въ одномъ учрежденіи, Военномъ Совѣтѣ,—правда въ двухъ отдѣльныхъ комиссіяхъ, но въ одномъ и томъ же зданіи.

Въ дѣйствительности, однако, оказывается, что у насъ возможенъ скрытый разладъ не только между двумя различными вѣдомствами, но даже въ предѣлахъ одного и того же вѣдомства, даже подъ крышей одного и того же учрежденія—разъ только двѣ комиссіи этого учрежденія разошлись по двумъ соседнимъ комнатамъ для обсужденія одного и того же вопроса.

Этотъ разладъ сквозить безусловно въ основной идеѣ, преслѣдуемой обѣими комиссіями Военнаго Совѣта, разработавшими въ сущности одинъ общій вопросъ—обезпеченіе офицеровъ на старость лѣтъ, по выходѣ въ отставку, сколько нибудь сноснымъ существованіемъ.

Уже не въ первый разъ на голову офицеровъ обрушивается грозный вопросъ о близкомъ банкротствѣ эмеритальной кассы. Еще въ 1870 году, т. е. какиx-нибудь 10 лѣтъ спустя послѣ основанія кассы (въ 1859 году), уже обнаружались нѣкоторые тревожные признаки возможнаго краха въ будущемъ. Первая же повѣрочная комиссія того времени нашла, что расходы эмеритальной кассы превысили теоретическія исчисления на 10%. Съ каждымъ десятилѣтіемъ эти расходы продолжали расти, такъ что къ 1879 году приходилось расходовать ежегодно на 30% больше противъ той суммы, которая предположена была при учрежденіи кассы. Въ 1892 году нашъ корпусъ офицеровъ получилъ первое предостереженіе относительно благополучія эмеритальной кассы: по примѣру общаго голосованія, предложеннаго офицерамъ, въ минувшемъ году тогда тоже было объявлено, что кассѣ предстоитъ крахъ, если не увеличить вычеты до 8% или не понизитъ оклады семействамъ офицеровъ. Какъ рѣшить вопросъ, т. е., съ какой стороны себя лучше высѣчь, было предложено самимъ офицерамъ.

Исторія эта повторяется совершенно въ томъ же видѣ, какъ это было въ 1892 году: предлагалось на голосованіе офицеровъ, по ихъ собственному усмотрѣнію, высѣчь себя по одному изъ трехъ предложенныхъ способовъ: увеличить размѣръ вычетовъ изъ получаемаго содержанія сверхъ удерживаемыхъ нынѣ 6%—еще  $6\frac{1}{4}$  процентовъ, или уменьшить размѣръ эмеритальныхъ пенсій на 35% противъ нынѣшнихъ окладовъ, или допустить новые вычеты рядомъ съ цѣлой серіей всевозможныхъ ограниченій въ правахъ на пенсію.

Но, строго говоря, какое намъ, офицерамъ, дѣло до эмеритальной кассы и до ея положенія? Развѣ это какой-нибудь частный капиталъ, учрежденный самимъ корпусомъ офицеровъ? Развѣ мы сами вносимъ свои нынѣшніе 6%-ные вычеты въ эту кассу? Каждый офицеръ знаетъ только тотъ окладъ, который ему причитается на руки, совершенно не интересуясь въ шта-

тахъ той графой, гдѣ указывается окладъ безъ установленныхъ вычетовъ.

Дѣйствительно, эмеритальную кассу военнаго вѣдомства нельзя сравнивать съ другими подобными ей частными капиталами, образовавшимися при другихъ вѣдомствахъ (министерство путей сообщения), гдѣ допускается иногда на усмотрѣніе самихъ служащихъ участіе или неучастіе въ этихъ пенсіонныхъ капиталахъ. Наша эмеритальная касса возникла по почину самого правительства, которое само взяло на себя обязательство внести въ эту кассу соотвѣтствующіе вычеты, самимъ правительствомъ установленные для каждаго оклада. Офицеръ не можетъ по своему усмотрѣнію состоять или не состоять участникомъ эмеритальной кассы; его и не спрашиваютъ объ этомъ. Поэтому офицеръ и не интересуется тѣми взносами, которые сама казна, по своимъ счетамъ, перекладываетъ изъ одного своего кармана въ другой; точно также какъ мы изъ курса администраціи только знаемъ, что, вмѣстѣ съ вычетами въ эмеритальную кассу, существуютъ еще и другіе установленные вычеты (на медикаменты), которые тоже само правительство, по счетамъ офицеровъ, переноситъ изъ одной графы своего бюджета въ другую.

Правда, это самый выгодный для офицеровъ способъ участія въ эмеритальной кассѣ, и мы можемъ только благодарить правительство за то, что оно само взяло на себя эти заботы. Но, съ другой стороны, это удобство системы приводитъ къ тому, что офицеръ не можетъ интересоваться положеніемъ эмеритальной кассы. Надѣвъ впервые офицерскіе погоны, офицеръ знаетъ одно: что жалованья въ мѣсяцъ онъ будетъ получать, скажемъ, 70 р. и 50 к., что, если заболѣетъ, будутъ лечить въ военномъ госпиталѣ, если на склонѣ дней придется оставить службу въ чинѣ капитана, то жить придется на 40 р. 50 к. (примѣрно) въ мѣсяцъ. А какимъ путемъ составляются эти пенсіонные оклады, какіе взносы дѣлаются казной для образования этихъ пенсій—это имѣетъ значеніе для бухгалтерской отчетности, которая не представляетъ собою интереса для офицеровъ.

Вотъ почему вопросы о положеніи эмеритальной кассы являются всегда для массы офицеровъ чистымъ сюрпризомъ. Такъ было при объявленіи результатовъ работы повѣрочной комиссіи въ 1892 году; то же повторилось и въ минувшемъ году.

когда предоставили вдругъ на усмотрѣніе самихъ офицеровъ колючій вопросъ такого рода: или откажитесь отъ 6% получаемого вами теперь содержанія, или согласитесь на уменьшеніе пенсіи на 35%...

Рождается еще вотъ какой вопросъ. Есть ли какая-нибудь увѣренность въ точности математическихъ расчетовъ повѣрочной комиссіи, опредѣляющей % % взносовъ, или уменьшенія пенсій? Какъ мы выше указали, эмеритальный капиталъ долженъ быть признанъ довольно номинальной собственностью корпуса офицеровъ, но разъ только тревога о положеніи кассы повторяется періодически каждыя 10 лѣтъ, да въ настоящее время еще предъявляютъ намъ требованіе установить новые вычеты изъ нашего содержанія, то невольно напрашивается вопросъ—будетъ ли нынѣшнимъ новымъ расчетомъ положенъ конецъ всѣмъ тревогамъ на будущее время? Есть ли увѣренность въ правильности нынѣшнихъ расчетовъ?

Мы задаемся этимъ вопросомъ потому, что въ подобныхъ случаяхъ правильность математическихъ расчетовъ представляеть собою самую сущность дѣла. Въ страховыхъ обществахъ для этихъ вычисленій содержится совершенно особая категория специалистовъ дѣла, представляющихъ собою даже въ области математики совершенно особую узкую специальность.

Насъ тѣмъ болѣе интересуютъ эти математическія выкладки, что мы видимъ въ составѣ повѣрочной комиссіи своихъ строевыхъ товарищей, безспорно, образцовыхъ войсковыхъ начальниковъ, въ кругъ знаній которыхъ едва ли, однако, входитъ узкая специальность страховой математики.

Нельзя не указать еще на слѣдующее обстоятельство: всего лишь два года тому назадъ правительство довольно щедрой рукой отпустило офицерамъ прибавку содержанія. Если бы тогда же возбужденъ былъ вопросъ о положеніи эмеритальной кассы, то онъ рѣшился бы самъ собою—выдѣленіемъ требуемаго ежегоднаго милліона для вспоможенія эмеритальной кассы изъ суммы, ассигнованной на увеличеніе содержанія офицерамъ. *Уменьшеніе того, что еще не выдано на руки*, для получателя не замѣтно, а теперь, послѣ того, какъ новая прибавка вошла въ кругъ офицерскаго бюджета, новый вычетъ пріобрѣтаетъ уже иное значеніе. Такое рѣшеніе вопроса было бы справедливо еще

и потому, что увеличение содержания коснулось только младших чиновъ. Было бы вполне безобидно, если бы изъ данной тогда Государственной Думой ассигновки въ 12 миллионъ (кажется) рублей, 11 миллионъ были бы назначены на увеличение содержания младшимъ чинамъ, а 1 миллионъ—на вспомоществованіе эмеритальной кассы, болѣе близкой сердцу старшихъ чиновъ.

Теперь мы не знаемъ вовсе какъ рѣшенъ этотъ вопросъ относительно предотвращенія краха эмеритальной кассы, для котораго въ свое время привлекалось голосованіе всего корпуса офицеровъ нашей арміи, вызвавшей тогда столько тревоженій и толковъ.

## II.

Мы живемъ теперь наканунѣ новаго пенсіоннаго устава и то, что приходится слышать теперь со всѣхъ сторонъ по поводу выработанныхъ новыхъ пенсіонныхъ правилъ, говоритъ, безусловно, не въ пользу проектированнаго устава.

Прежде всего бросается въ глаза въ высшей степени странная идея, принятая въ основѣ устава, въ силу которой важнѣйшія пенсіонныя преимущества предоставлены не раненымъ и боевымъ офицерамъ, кровью своей запечатлѣвшимъ свою службу Царю и родинѣ, а почему-то служащимъ по военно-учебному вѣдомству; въ то время, какъ на долю послѣднихъ проектированы вполне существенныя выгоды, на долю первыхъ достанутся чисто фиктивные преимущества, хотя при поверхностномъ взглядѣ кажется, что составители устава, какъ будто, думали и о раненыхъ офицерахъ.

Дѣйствительно, болѣе или менѣе приличныя пенсіонныя льготы предоставлены только раненымъ 1-го и 2-го классовъ, притомъ съ весьма существенной оговоркой: *„если по роду раненія не могутъ продолжать какой бы то ни было службы“*; въ такомъ лишь случаѣ раненымъ 1-го класса при увольненіи въ отставку будетъ выданъ полный окладъ пенсіи, а раненымъ 2-го класса 65% полного оклада за 20 лѣтъ службы. Значитъ, раненый не имѣетъ права отказаться отъ „продолженія какой бы то ни было службы“, и только послѣ того онъ приобретаетъ право на 65% за 20 лѣтъ службы. Могутъ, поэтому, избранному баталіонному командиру, признанному негоднымъ для строевой

службы, предложить „какую бы то ни было“ должность нестроевую, и онъ, хочешь-не хочешь, обязанъ ее принять, иначе онъ теряетъ всѣ права на льготную пенсію.

Но самая злая казуистика кроется вотъ въ чемъ: много ли у насъ раненыхъ, причисленныхъ къ первымъ двумъ классамъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, которые будутъ осчастливлены столь изысканными щедротами новаго пенсіоннаго устава? Всѣмъ извѣстно, что для того, чтобы быть причисленнымъ къ 1-му классу раненыхъ, требуется упразднить чуть ли не половину всего человеческого организма. Одно оставленіе такого раненаго на дѣйствительной службѣ составляетъ уже, до нѣкоторой степени, родъ преступленія. Встрѣчаются офицеры съ изувѣченными одной рукой или одной ногой и не причисленные даже ко 2-му классу, а только къ 3-му классу раненыхъ.

Конечно, намъ могутъ указать, что существуютъ причисленные къ первымъ двумъ классамъ раненыхъ, продолжающіе, однако, дѣйствительную службу. Но такіе служаки представляютъ собою явленіе довольно рѣдкое. Наконецъ, мѣриломъ тутъ служить должны не отдѣльные случаи, а дѣйствующая инструкция, служащая для раздѣленія раненыхъ на классы; согласно же этой инструкции требуется, какъ мы уже сказали, упразднить чуть ли не половину человеческого организма, чтобы быть причисленнымъ къ первымъ двумъ классамъ раненыхъ.

Раненые же и контуженные, которые не пожелали вовсе свидѣтельствоваться на предметъ причисленія къ Александровскому комитету о раненыхъ (имѣются и такіе, отчасти по безопасности не подумавшіе о далекомъ концѣ службы, отчасти не желавшіе подвергнуться неприятымъ хлопотамъ и процедурѣ освидѣтельствованія въ присутствіи врачей), а также раненые 3-го класса совершенно обойдены и забыты проектомъ новаго устава.

Такимъ образомъ, въ отношеніи раненыхъ и контуженныхъ офицеровъ предоставлены нѣкоторыя льготы лишь первымъ двумъ классамъ, притомъ съ существенной оговоркой, что этими льготами въ состояніи будутъ воспользоваться лишь раненые будущихъ войнъ, такъ какъ въ настоящее время, какъ мы сказали, послѣ пережитой войны на Дальнемъ Востоцѣ, на дѣйствительной службѣ состоитъ не очень много раненыхъ этой категоріи; боль-

шинство изъ нихъ уже находится въ отставкѣ. А всей остальной массѣ раненныхъ и контуженныхъ офицеровъ новый уставъ не предоставляетъ *никакихъ преимуществъ*: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать за преимущества исчисленіе времени пребыванія на театрѣ войны вдвое, что предоставляется почти всѣмъ участникамъ войны.

Удивительно, какъ у насъ изошрились сочинять уставы, въ которыхъ на первый взглядъ бросаются въ глаза весьма объёмистыя и внушительныя льготы, а при ближайшемъ взглядѣ оказывается, что все это дутое: когда начинаешь примѣнять уставъ къ жизни, оказывается, что тутъ оговорка, тамъ пунктикъ, и, въ концѣ-концовъ, смотришь, требуется рѣдкій счастливый случай, чтобы получить возможность воспользоваться красующимися въ уставѣ преимуществами.

Для кого же въ такомъ случаѣ писаны эти льготы?

Чтобы показать примѣръ уставной казуистики, укажу на дѣйствующее понынѣ Положеніе о преимуществахъ службы на отдаленныхъ окраинахъ (изд. 1887 г.). Тутъ, что ни шагъ, то скрытый капканъ, расчитанный на то, чтобы изловить желающихъ ѣхать на Дальній Востокъ внушительными преимуществами, а впоследствии откупиться возможно подешевле. Извѣстенъ фактъ, что когда лѣтъ 10 тому назадъ нѣкоторые изъ служащихъ на окраинѣ начали хлопотать о предоставлении имъ весьма заманчивыхъ въ этомъ Положеніи льготъ по воспитанію дѣтей, то оказалось, что ни одинъ изъ нихъ не подходитъ къ этимъ льготамъ: многочисленные оговорки и пунктики оказались разсѣянными всюду въ этомъ положеніи, точно предательскіе пороги, на которыхъ и потерпѣли крушеніе всѣ ходатайства; во всемъ Приамурскомъ краѣ нашлось не болѣе 15—20 офицеровъ въ Николаевскѣ и на Сахалинѣ, которые имѣли безспорное право на преимущества по воспитанію дѣтей, но,—на счастье для казны,—всѣ эти офицеры, за ничтожнымъ исключеніемъ, оказались или холостыми, или бездѣтными, или дѣти не достигли еще требуемаго возраста. Такъ что щедрыя льготы по воспитанію дѣтей такъ и не стоили казнѣ въ тотъ годъ ни одной копѣйки. Дошло до такого абсурда, что само законодательное учрежденіе, которое сочиняло это Положеніе, вынуждено было признать нелѣпость многихъ ограни-

ченій: напримѣръ, примѣчаніемъ къ ст. 1-й сдѣлана оговорка, что всѣ преимущества предоставляются только тѣмъ, которые прибыли на службу изъ мѣстъ непривиллегированныхъ. На этомъ основани, если кто долгіе годы тянулъ ляжку на Амурѣ и затѣмъ перешелъ на службу, скажемъ, въ Иркутскъ или Туркестанъ, то онъ теряетъ все, и на всю службу будетъ ограниченъ въ правахъ и преимуществахъ по службѣ, точно наказанный по суду. Нелѣпость явная, но имѣющая понынѣ силу закона.

А все это наша страсть вставлять всюду какіе-нибудь ограничительные пунктики.

Спрашивается, достойно ли роли законодателя,—въ особености въ такомъ животрепещущемъ дѣлѣ, какъ пенсіонный уставъ,—поощрять возможность обмѣриванія и обвѣшиванія при расчетѣ за вѣрную службу, что неизбежно случится со стороны будущихъ канцелярскихъ бюрофидовъ, когда въ уставѣ введены ограничительные пунктики.

Если проектированный пенсіонный уставъ оказался столь скучнымъ и сдержаннымъ относительно заслугъ боевыхъ, то этого далеко нельзя сказать въ отношеніи офицеровъ, числящихся по военно-учебному вѣдомству. Здѣсь новыя пенсіонныя правила оказываются щедрыми не въ мѣру. Достаточно сказать, что согласно этимъ правиламъ директоръ кадетскаго корпуса, который допускается иногда въ чинѣ полковника, по выслугѣ 25 лѣтъ получаетъ право на пенсію въ общемъ *около 6.00 руб.*, т. е. то, что *дается только командиру армейскаго корпуса послѣ 35 лѣтъ службы.*

Такимъ образомъ, директоръ кадетскаго корпуса приравнивается къ командиру армейскаго корпуса, являющемуся избраннѣйшимъ послѣ долгодѣтней отличной службы, въ рукахъ котораго во время войны кроется иногда судьба сраженія, судьба государства.

Есть ли смыслъ и пониманіе дѣла въ такой сравнительной оцѣнкѣ служебныхъ положеній?

Этого мало. Статьей 46-й проектированнаго устава всѣмъ лицамъ учебно-воспитательнаго состава предоставляется послѣ выслуги полной пенсіи продолжать оставаться на дѣйствительной службѣ, *получая полное содержаніе и полную пенсію*; такъ что директоръ кадетскаго корпуса будетъ получать тогда содержанія

*почти вдвое против командира армейского корпуса...*

Невольно напрашивается вопрос: что же это за *богоя* служба военно-педагогическая, требующая каких-то чрезвычайных героических поощрений? Если предположить, что человек скорее изнашивается на этой службе—только этим необоснованным предположением и можно объяснить исчисление проектированным уставом этой службы 5 лет за 7,—то этому противоречат сами авторы этого устава, допускающие возможность оставления на службе послѣ выслуги полной пенсии.

И безъ того немало справедливыхъ нареканий слышно изъ строя по адресу привилегій по кинопроизводству, предоставленныхъ военно-учебному вѣдомству,—привилегій, ничѣмъ необоснованныхъ. Развѣ въ этомъ вѣдомствѣ вакансиі остаются незамѣщенными, что требуется создать особія приманки?

Или, быть можетъ, для прохождения службы по военно-учебному вѣдомству требуются какіе-нибудь особые цензы—служебные, учебные или ученые?

Всѣмъ извѣстно, что ни того, ни другого, ни третьяго не существуетъ: у директоровъ корпусовъ имѣются длинные списки кандидатовъ, чающихъ попасть въ воспитатели; цензовъ никакихъ также почти не существуетъ; эти кандидаты—все тѣ же офицеры изъ строя, предпочитающіе благую долю—порядочную казенную квартиру, чистенькія залы въ корпусахъ, порядочную прибавку къ содержанию и—спокойную жизнь и службу въ хорошемъ городѣ; все это—вмѣсто томительныхъ занятій въ грязной казармѣ гдѣ-нибудь въ Тмутаракани, когда собственная убогая квартирка (за которую еще изъ кармана надо доплачивать добрую толику) находится за часъ ходьбы отъ казармъ.

Конечно, военно-учебное вѣдомство должно комплектоваться отборными офицерами. Но создайте для этого сначала соответствующіе цензы, и когда кандидатовъ не найдется, установите какія-нибудь служебныя преимущества; при нынѣшнемъ же положеніи, существующихъ привилегій службы по военно-учебному вѣдомству болѣе чѣмъ достаточно, чтобы обезпечить воспитательный персоналъ вполне удовлетворительнымъ комплектованіемъ. А потому новыя привилегіи, сыплющіяся на это вѣдомство изъ пенсионнаго устава какъ изъ рога изобилія, являются, по нашему мнѣнію, не только излишними, но вполне вредными

съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ этимъ путемъ искусственно создаются всегда привилегированныя касты, зрѣющія, какъ апельсиновый цвѣтокъ—пышная снаружи и вялая, безжизненная въ основѣ.

Имѣется и достаточный опытъ въ этомъ отношеніи: вскормили привилегіями генеральный штабъ, и—послѣ войны его только ругаютъ; послѣяли мы во флотѣ исключительныя и чрезвычайныя привилегіи и—въ результатѣ пожинаемъ горькое разочарованіе.

Въ арміи, стоящей на стражѣ государственной безопасности извнѣ и внутри, должна быть одна единственная привилегія—*богоя заслуги*, такъ какъ только это и есть конечная цѣль существованія арміи.

Поэтому совершенно непонятно, что въ проектированномъ пенсионномъ уставѣ первое мѣсто почему-то отведено не боевымъ заслугамъ, а учебному вѣдомству.

Впрочемъ, это только проектъ.

## 7. Важный циркуляръ.

Года три назадъ появился весьма знаменательный циркулярный отзывъ главнаго управленія генеральнаго штаба объ убогой подготовкѣ офицеровъ, поступающихъ въ военную академію, вызвавшей тогда весьма оживленные толки въ офицерскихъ кругахъ.

Какъ извѣстно, подробное изслѣдованіе письменныхъ рапортъ, представленныхъ офицерами, чающими поступленія въ академію генеральнаго штаба, привело главное управленіе къ такому безотраднѣмъ выводамъ, которые внушаютъ серьезныя опасенія не только за участь комплектованія генеральнаго штаба, но и всего нашего корпуса офицеровъ, а съ нимъ и за судьбу всей нашей арміи. Въ самомъ дѣлѣ: если большинство *отборнѣйшихъ* офицеровъ нашей арміи, претендующихъ на исключительную роль и высшее военное образованіе, по свидѣтельству академіи генеральнаго штаба, «обладаетъ малыми познаніями по всѣмъ предметамъ», «слабымъ общимъ развитіемъ», «неумѣніемъ мыслить и рассуждать», «отличается безграмотностью въ прямомъ значеніи этого слова» и т. д., и т. д.; если этотъ от-

борнѣйшій корпусъ офицеровъ, величаемый „мозгомъ“ арміи, такъ „малограмотенъ и неразвѣтъ“, то какова же должна быть масса нашего офицерства?..

Это при современныхъ-то требованіяхъ, когда офицеръ долженъ быть ходячей энциклопедіей и служить наставникомъ вѣрнѣйшимъ ему нижнихъ чиновъ не только по всевозможнымъ социальнымъ и политическимъ наукамъ, но и по хлѣбпеченію, дрессировкѣ охотничьихъ собакъ и по послѣднимъ новинкамъ изъ области воздухоплаванія.

Затѣмъ, напрашивается весьма существенный вопросъ, вытекающей естественнымъ образомъ изъ приведеннаго сейчасъ безпощаднаго приговора: что же дальше,—такъ и приняли, значитъ, въ академію всѣхъ этихъ безграмотныхъ умственныхъ недорослей?—только потому, что нѣтъ лучшихъ?..

Нѣсколько грѣшитъ противъ логики и конечное заключеніе этого замѣчательнаго отзыва: „Къ изложенному добавляется, что впредь работы, исполненныя на письменныхъ испытаніяхъ, будутъ оцѣниваться безъ всякаго снисхожденія“... „Снисхожденія“ собственно и тогда было, казалось бы, немного, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, ибо на практикѣ вѣдь это большинство поступило въ академію и, вѣроятно, перешло въ генеральный штабъ, сдабривая собою „мозгъ“ арміи. А если въ будущемъ оцѣнка будетъ производиться „безъ всякаго снисхожденія“, то какъ же главное управление генеральнаго штаба предполагаетъ рѣшить этотъ вопросъ на практикѣ? Вѣдь по отчету академіи не изъ чего выбирать; вѣдь во всемъ большинство оказывается неразвитымъ и малограмотнымъ. А при такихъ условіяхъ, логически разсуждая, приходится волей-неволей *понижать* требованія и быть очень снисходительнымъ, если только главное управление не имѣетъ въ виду закрыть совсѣмъ академію, пока не поднимется уровень офицерскаго образованія и не народятся контингенты, пригодные для ея комплектованія.

Тѣмъ не менѣе мы отъ души привѣтствуемъ этотъ отзывъ главнаго управления, знаменующій собою весьма цѣлесообразный взглядъ на подготовку офицеровъ. Еще не такъ давно въ нашемъ канцелярскомъ обиходѣ такіе вопросы проводились „секретно“: отъ одного начальника другому начальнику передавались на-ухо, оставаясь совершенно неизвѣстными массѣ моло-

дыхъ офицеровъ. Между тѣмъ, если начальство и экзаменаторы могутъ констатировать фактъ, что „уровень умственного развитія аспирантовъ постепенно, но неуклонно понижается“, то доискаться вѣрныхъ причинъ этого печальнаго явленія могутъ лишь сами молодые офицеры, которые дѣйствительно спѣшили тогда высказаться въ печати, гдѣ тутъ корень зла.

Итакъ, по внѣшней формѣ этотъ отзывъ является безспорно вполне цѣлесообразнымъ, не смотря на крайнюю суровость приговора. Пусть въ этомъ отзывѣ нѣсколько сгущены краски, пусть тутъ сказалось въ извѣстной долѣ сердитое ворчаніе старыхъ экзаменаторовъ—польза отъ обнаруженія этого безпощаднаго приговора несомнѣнна: готовясь въ академію, офицеръ будетъ знать, что необходимо почитать кое-что и помимо учебниковъ и уставовъ. Да и моральное значеніе этого отзыва весьма важно: прошло то время, когда мы подъ личиной ложнаго стыда—„что скажетъ Европа“—сами не знали, что у насъ хорошо, и что плохо. Минувшая война на Дальнемъ Востокѣ показала намъ, что совершенно бесполезно втирать очки себѣ и другимъ, что порою полезно, по примѣру гоголевской унтеръ-офицерши, лучше высѣчь себя собственными руками, чѣмъ довести себя до порки изъ рукъ непріятеля.

Но что касается внутренняго содержанія этого отзыва—причинъ указываемаго имъ печальнаго явленія и средствъ къ ихъ устраненію, то согласиться съ этимъ трудно. „Главной причиной такового положенія вещей является, по мнѣнію начальника академіи генеральнаго штаба, неудовлетворительная средняя школа. Это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что, по свидѣтельству лицъ, много лѣтъ экзаменовавшихъ офицеровъ при поступленіи ихъ въ академію, уровень умственного развитія аспирантовъ постепенно, но неуклонно понижается“. Тутъ опять логическая невязка: при чемъ тутъ средняя школа и „подтвержденіе“, выведенное изъ наблюденій экзаменаторовъ о понижающемся уровнѣ умственного и образовательнаго развитія офицеровъ? Развѣ у насъ послѣдовали какія-нибудь коренныя измѣненія въ программахъ военныхъ училищъ или ухудшились контингенты, которыми они комплектуются? Напротивъ: сколько извѣстно, повышены значительно требованія образовательной подготовки отъ вольноопредѣляющихся, юнкерскія училища пере-

строены на военно-училищные курсы съ ихъ обширными программами. И все это неоднократно официально мотивировалось военнымъ министерствомъ поднятиемъ образовательнаго уровня въ массѣ народа вообще, а въ частности — и среди тѣхъ контингентовъ населенія, изъ которыхъ комплектуется нашъ корпусъ офицеровъ.

Значитъ, откуда пошло это пониженіе, указываемое экзаменаторами, и при чемъ тутъ средняя школа?

Въ томъ-то и дѣло, что юные офицеры являются въ армію со школьной скамьи съ достаточной образовательной подготовкой и съ благими намѣреніями продолжать работу надъ дальнѣйшимъ самообразованиемъ. Но все это, къ сожалѣнію, неминуемо улетучивается и растеривается въ течение 3—4 лѣтъ офицерской службы, предшествующихъ поступленію въ академію. И причина этого печальнаго явленія заключается въ томъ, что весь укладъ нашей офицерской службы и быта въ послѣднія 20—30 лѣтъ *не* настраиваетъ къ самообразованію, серьезному чтенію и къ честному труду. Въ подготовкѣ, воспитаніи и образованіи офицера поощряется скорѣе любовь и стремленіе къ внѣшнему лоску, танцамъ и разсыянной свѣтской жизни, чѣмъ къ добросовѣстному труду и серьезному чтенію. Мы неоднократно указывали на это печальное знаменіе нашего времени, и приведенный отзывъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ. Эта воспитательная подготовка находить себѣ дѣйствительное приложеніе въ подлинной офицерской жизни: пусть изъ двухъ юныхъ офицеровъ, прибывшихъ въ полкъ—одинъ будетъ порхать въ обществѣ, дирижировать танцами, хозяйничать на полковомъ праздникѣ, встрѣчать и принимать начальство, а другой—зарылся въ книги и увлекается только своими служебными обязанностями... Кому изъ нихъ обеспеченъ успѣхъ по службѣ? Не будутъ ли коситься на „книжника“ какъ на подозрительнаго вольтеріанца?

Что же вы удивляетесь, господа, что въ академію являются „аспиранты“ малограмотные и неразвитые? Проэкзаменуйте ихъ по новымъ танцамъ и разнымъ видамъ винта и—посмотрите, какъ они будутъ на мѣстѣ. Вы получаете только то, что поощряете на службѣ и въ жизни. Со школьной скамьи офицеръ принесъ хорошее школьное образованіе и зачатки свѣтскаго

лоска и пустоты. Отъ васъ зависитъ развивать и поощрять то или другое...

Странно довольно, что, обвиняя среднюю школу въ убогой подготовкѣ офицеровъ, поступающихъ въ академію, самъ же упомянутый отзывъ кончаетъ вполне разумнымъ заключеніемъ, что „какъ бы средняя школа далеко ни пошла въ желаемомъ направленіи, этого будетъ мало: приобрѣтенное въ школѣ скоро растратится и улетучится, если не заняться самообразованиемъ...“ А это занятіе будетъ процвѣтать лишь тогда, когда на службѣ и въ обществѣ къ образованію будутъ относиться съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ свѣтскому лоску. Пока же этого нѣтъ у насъ ни въ одномъ вѣдомствѣ.

Оттого-то мы слышимъ отовсюду всеобщій вопль, что *нѣтъ людей*. „Неуклонно понижается“ не только уровень образованія офицеровъ, поступающихъ въ академію, но и сама академія, которая вынесла теперь этотъ суровый приговоръ. Еще такъ недавно въ стѣнахъ академіи ярко сверкали славныя имена, извѣстныя не только у себя дома, но и во всемъ мірѣ, благодаря не только геніальности своей мысли, но и неусыпнымъ *трусамъ*, добросовѣстной *работѣ* надъ любимымъ дѣломъ. А теперь... академія мало даритъ своими трудами. Развѣ вотъ этотъ отчетъ о письменныхъ испытаніяхъ офицеровъ... но и тотъ, по своей поверхностности, дважды грѣшитъ противъ логики.

Прошло теперь три года со времени появленія этого циркуляра. Что же онъ принесъ собою въ дѣйствительной жизни?..

## 8. Наша традиціонная система.

И въ стратегіи, и въ законодательствѣ, и въ нашемъ житейскомъ обиходѣ есть что-то роковое, возведенное въ систему, препятствующее намъ всегда отпустить сразу полной рукой, а норовимъ дать все непременно „малыми пакетами“. Въ концѣ концовъ приходится, конечно, отпустить все *сполна*; и обходится оно уже дороже.

Войну съ Турціей въ 1877 г. мы начали, мобилизовавъ армію въ 180 тыс., имѣя полную возможность выставить сразу

полмиллионную армию и окончить войну одним ударом, как это сделали немцы в 1870 г., выставив миллион войск и подавив сразу все силы противника. Наша стратегия непременно пожелала поторговаться съ обстоятельствами, не будет ли довольно шести корпусов, „авось обойдемся“ 180-ти тысячной армией. Разумеется, обстоятельства молча потребовали еще; пришлось мобилизовать еще пару корпусов; не довольно ли? Нет, оказалось не довольно. Мобилизовали еще пару корпусов; затѣм еще. А потом пришлось послать и гренадеръ, и гвардію, призвать и часть ополченцевъ. Словомъ, обстоятельства безжалостно взяли-таки все, что имъ требовалось, что мы *могли* и должны были дать въ самомъ началѣ войны; но отпущенныя малыми пакетами силы не могли быть использованы продуктивно, и война затянулась вмѣсто 6 на *двадцать* мѣсяцевъ и стоила поэтому гораздо больше жертвъ.

То же самое повторилось и въ войнѣ съ Японіей; имѣя полную возможность ассигновать сразу достаточныя силы, мы дали сначала изъ войскъ Европейской Россіи *нару* корпусовъ (10-й и 17-й)—„авось обойдемся“... Мало... Дали еще пару. А потомъ пришлось, конечно, еще и еще.

Эта характерная черта нашей стратегии замѣчается и въ законодательствѣ, по всемъ вѣдомствамъ: нужно ли надѣлать общество извѣстной дозой свободъ, нужно ли подтянуть распущенное общество извѣстной мѣрой репрессій—во всемъ мы увидимъ малые пакетики, какъ и въ стратегіи, приносящіе только вредъ въ общемъ итогѣ.

То же самое повторяется и въ нашемъ житейскомъ обиходѣ, по вопросамъ менѣе важнымъ. Вотъ налицо слѣдующій примѣръ. Введенъ былъ въ армию китель новаго образца, который, повидимому, пришелся всемъ по вкусу, такъ какъ онъ сразу сталъ играть роль ассистента для сюртука. Начальство это замѣтило и пришло на помощь, разрѣшивъ носить китель и зимою; но сейчасъ же подкралось наше традиционное—„какъ бы не передать“... И ввели оговорку, въ силу которой предоставлялось пользоваться кителемъ исключительно во время домашнихъ занятій, въ казармѣ или въ канцеляріи...

Сейчасъ же обнаружилась недостаточность этого пакетика: какъ же, въ самомъ дѣлѣ, быть *по дороге* изъ дому въ казармы,—

приходится вѣдь приспособить особый ранецъ, чтобы носить въ немъ либо сюртукъ, либо китель... Послѣдовалъ для этого еще одинъ приказъ (по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военного округа № 160). И опять малый пакетикъ: разрѣшается быть въ кителѣ также и „при слѣдованіи со службы и на службу“...

Конечно, пришлось затѣмъ расширить право ношения кителя, придавъ этой части офицерскаго обмундирования тотъ характеръ, который китель, очевидно, приобрѣтала съ самаго начала въ силу обстоятельствъ: для офицера открывается возможность обходиться однимъ хорошимъ сюртукомъ (или мундиромъ), при условіи пользования кителемъ для повседневныхъ будничныхъ надобностей. Такой же китель и тужурка существуют, кажется, у инженеровъ путей сообщения, и въ другихъ вѣдомствахъ; при чемъ не принято никакихъ специальныхъ мѣръ, чтобы предотвратить возможность появленія такой тужурки въ церкви, театрѣ, клубѣ и т. д., рассчитывая вполне на благовоспитанность того, кто въ тужуркѣ. Почему же въ отношеніи офицера рождались сейчасъ опасенія, что онъ сунется въ китель туда, куда не слѣдуетъ, и ему ставились сейчасъ же шоры „при слѣдованіи на службу и со службы“? Вѣдь благодаря такимъ пакетикамъ офицеръ поставленъ былъ въ необходимость—или нарушать законъ, или говорить неправду. Или требовалось, чтобы каждый офицеръ былъ снабженъ утвержденнымъ начальствомъ маршрутомъ „слѣдованія на службу и со службы“, который имѣть постоянно въ карманѣ. Это не штука, если мы желаемъ, чтобы приказъ дѣйствительно исполнялся. Вѣдь представьте себѣ, что идетъ офицеръ со службы и вспомнилъ по дорогѣ, что ему надо забѣжать, скажемъ, въ магазинъ какойнибудь, и—попался.

Казалось бы, возможно было довѣриться сколько-нибудь благовоспитанности офицера, что онъ не появится въ кителѣ не только въ театрѣ или собраніи какомъ-нибудь, но даже и въ гостяхъ, потому что всегда найдется кому указать на это, до хозяйки дома включительно, если она усмотритъ въ кителѣ умаленіе своего достоинства. А если при слѣдованіи на службу и со службы офицеръ покажется въ кителѣ въ магазинѣ и т. п., то какая въ этомъ бѣда?

Теперь, какъ извѣстно, китель или „походный мундиръ“ получили такія права гражданства, что онъ замѣняетъ собою даже мундиръ при представленіяхъ высшему начальству.

Но—какъ робко и окольно мы подошли къ этой простой цѣли...

Ахъ, наши малые пакетики!...



## Глава VI.

### Окраинные вопросы.

#### I.

Вопросъ объ обороноспособности нашего Дальняго Востока, въ виду измѣнившейся тамъ военно-политической и стратегической обстановки, приобретаетъ въ настоящее время, несомнѣнно, острый характеръ. Наши руководители внѣшней политики передъ минувшей войной весьма необдуманно увлеклись легкомысленными авантюрами, удлиннили и вытянули далеко впередъ эту, и безъ того отдаленную, окраину нашу, перегрузили ее цѣлымъ ворохомъ скороспѣлыхъ государственныхъ задачъ, и когда все это съ грохотомъ и трескомъ обвалилось и потерпѣло крушеніе, то всѣхъ невольно охватили опасенія за прочность и капитальной стѣны, къ которой наши печальные государственные строители прилѣпили свою рухнувшую ажурную пристройку. Сразу забили тревогу, что Японія готовится снова напасть на Россію,— что всѣ переговоры о недомолвкахъ Портсмутскаго договора и о новыхъ заискиваніяхъ дружбы и союза съ Россіей лишь одинъ предлогъ, за которымъ скрывается желаніе захватить Владивостокъ и устье Амура, чтобы оттѣснить вовсе Россію отъ тихоокеанскаго побережья и т. п.

Такія тревожныя опасенія, подогрѣваемая вдобавокъ печатью, послѣ только что пережитаго провала нашего былого военного могущества и гнетущаго сознанія одолевшихъ насъ неурядицъ внутри страны, не могли не вызвать сильнѣйшей тревоги въ умахъ русскаго общества за судьбу нашихъ кровныхъ владѣній на Дальнемъ Востока и за принадлежащую Россіи по праву, вѣками завоеванную, роль на материкѣ Азіи. При такой нервозности уравновѣшенныя сужденія здраваго смысла не всегда могутъ разсчитывать на успѣхъ, когда вмѣсто логики требуется

нѣчто въ видѣ валерьяновыхъ капель для успокоенія расхоловшихся нервовъ. Такими успокоительными каплями въ вопросѣ усиленія обороноспособности Дальняго Востока у насъ явилась постройка Амурской желѣзной дороги.

Едва ли можно было бы сказать что-нибудь противъ этого государственнаго предпріятія чрезвычайной важности, если бы извѣстно было, что этотъ вопросъ обсуждался компетентными вѣдомствами при участіи вполне освѣдомленныхъ въ этомъ дѣлѣ специалистовъ,—что постройка Амурской желѣзной дороги принимается въ связи съ цѣлою системой мѣръ, выработанныхъ для обороноспособности Дальняго Востока въ соотвѣтствіи съ новой обстановкой, народившейся послѣ минувшей войны съ Японіей. Но въѣдъ этого нѣтъ и не было. Подъ давленіемъ тревоги, охватившей наше общественное мнѣніе, вскорѣ послѣ войны поспѣшно командировали партію инженеровъ для производства желѣзнодорожныхъ изысканій по лѣвому берегу Амура, по намѣченному уже направленію, для очевиднаго рѣшенной уже въ принципѣ постройки гигантскаго магистральнаго пути,—точно этимъ рѣшается весь сложный вопросъ объ усиленіи обороноспособности нашей дальней окраины.

Какъ извѣстно, первоначальный проектъ Восточно-Китайской желѣзной дороги, такъ называемое „южное направленіе“ Сибирской желѣзной дороги черезъ Манчжурію, встрѣченъ былъ въ свое время какъ фантастическій, всюду отнеслись къ этому проекту отрицательно, и въ Императорскомъ географическомъ, и въ техническомъ обществѣ, и въ печати: всѣмъ казалось дикимъ строить грандіозную желѣзную дорогу на чужой территории, съѣтъ миллионы народныхъ денегъ на чужомъ огородѣ ради какихъ-то будущихъ благъ. Этотъ фантастическій проектъ нашель себѣ, однако, сочувствіе въ тиши нашихъ всемогущихъ департаментовъ. И этого, конечно, было достаточно, чтобы завѣдомую фантазмагорію осуществить наперекоръ всеобщему мнѣнію и всѣмъ велѣніямъ здраваго смысла. Теперь всѣмъ видно въ какую трясиину завела насъ эта преступная самонадѣянность.

Нѣчто подобное мы видимъ теперь и въ вопросѣ о постройкѣ Амурской желѣзной дороги. Народившись гдѣ-то въ тиши департаментовъ министерства путей сообщенія, новый проектъ сразу былъ перенесенъ на практическую почву и быстро дви-

нуть на путь къ осуществленію, благо накопился значительный резервъ безработныхъ инженеровъ, отдыхающихъ послѣ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства въ Сибири и Средней Азии. Въ дѣйствительности, однако, непродуманная затрата 300 слишкомъ миллионѣвъ рублей на постройку грандіознаго рельсоваго пути, подъ видомъ усиленія боевой готовности нашей окраины, на самомъ дѣлѣ отвлекаетъ лишь вниманіе и средства отъ ихъ надлежащаго назначенія. Что можетъ дать намъ Амурская желѣзная дорога въ оборонѣ Дальняго Востока? У насъ имѣется уже Уссурийская желѣзная дорога, которая идетъ въ меридіанальномъ направленіи отъ Владивостока до Хабаровска при сліяній Уссури съ Амуромъ. Если прикнуть къ этому же пункту голову Амурской желѣзной дороги отъ Срѣтенска къ Хабаровску, то этимъ отнюдь не рѣшается задача о соотвѣтственномъ сосредоточеніи нашихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ, потому что центръ тяжести нашихъ владѣній на этой окраинѣ находится не въ Хабаровскѣ, а во Владивостокѣ. Уссурийская же желѣзная дорога поставлена въ еще болѣе невыгодное положеніе, чѣмъ проектируемая Амурская, которая на всемъ своемъ протяженіи подвергается ударамъ съ одной стороны; тогда какъ Уссурийская дорога, въ виду господства японцевъ на морѣ, уязвима съ двухъ сторонъ.

Конфигурація нашихъ границъ по Аргуни, Уссури и среднему теченію Амура представляетъ собою базу охватывающую, весьма выгодную при обыкновенныхъ условіяхъ, но при данной обстановкѣ (огромное протяженіе, безлюдный край и т. п.) эта граница является для насъ источникомъ слабости, потому что легко подвержена прорыву въ любомъ пунктѣ, для противника дѣйствующаго по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ. При такихъ условіяхъ постройка пограничныхъ рельсовыхъ путей, предназначенныхъ служить „жизненными артеріями“ для выдвинутыхъ впередъ авангардовъ, дѣлаетъ эти границы еще болѣе уязвимыми, потому что создаетъ новые подходящіе предметы дѣйствій, участь которыхъ можетъ въ самомъ началѣ войны отразиться неблагоприятно на исходѣ ея.

Если въ чемъ можно оправдать постройку Амурской желѣзной дороги отъ Срѣтенска черезъ Покровку и Благовѣщенскъ въ Хабаровскъ, то только по соображеніямъ экономическаго

свойства. Здѣсь на узкой прибрежной полосѣ поселились первые пионеры русской колонизации, сюда же и теперь направляется весь поток наших переселенцевъ; здѣсь же, въ Зейскомъ районѣ, находится центръ Приамурской земледѣльческой промышленности, здѣсь же сосредоточена почти вся наша богатѣйшая золотопромышленность. Судьба уже достаточно наказала насъ за то, что всѣ эти кровные интересы нашихъ собственныхъ владѣній были 10 лѣтъ тому назадъ принесены въ жертву ради фантастическаго „южнаго направления“, постройки на чужой территории Восточно-Китайской дороги.

Послѣ потери Квантуна и Портъ-Артура, представлявшихъ для Россіи чрезмѣрный грузъ, который приходилось поддерживать далеко вытянутой рукой, мы освободились отъ излишняго балласта и въ тоже время освободили руки... Наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ совершенно не столь безнадежно, чтобы при малѣйшей тревогѣ хвататься за успокоительныя капли. Важно только отказаться отъ пагубной системы *пассивной обороны*, которая погубила насъ во время минувшей войны. Генераль Куропаткинъ всей душой, тѣломъ и помыслами былъ завоуженъ и скованъ желѣзной дорогой; и это мертвящее начало пассивной обороны отразилось на всемъ ходѣ злосчастной кампании: всюду—оборона, позиціонная война и поглядываніе на тылъ; какъ только встрѣчались гдѣ высокая горка и переваль—сейчасъ-же мы строимъ на нихъ позиціи и... успокаиваемся, пока не обойдутъ японцы. Въ предложеніи рѣшить вопросъ объ обороноспособности Дальняго Востока постройкой Амурской желѣзной дороги кроется та же ложная идея пассивной обороны, погубившая насъ въ минувшую войну. Оборона должна быть только активная; поэтому весь вопросъ сводится къ живой силѣ и рѣшимости побѣдить врага.

Если при нынѣшнемъ трудномъ положеніи Россіи мы готовы затратить единовременно 300—400 миллионъ рублей на постройку стратегической желѣзной дороги подъ видомъ усиленія обороноспособности нашей окраины и, затѣмъ тратить ежегодно 20—30 миллионъ на уплату процентовъ по этому расходу, то гораздо производительнѣе было бы затратить эти средства на устройство крѣпости-лагеря около Харбина, усиленіе обороны тихоокеанскаго побережья и увеличеніе численности войскъ въ

Южно-Уссурийскомъ краѣ. Приведенныхъ выше средствъ хватило бы съ избыткомъ на увеличеніе *активныхъ* средствъ обороны Дальняго Востока.

## II.

Заключенное недавно соглашеніе съ Японіей все еще не устранило вопроса объ обороноспособности нашего Дальняго Востока. Какъ намъ удержать въ своихъ рукахъ нашу далекую окраину, въ теченіе многихъ лѣтъ ставшую искони русской? Неужели Россіи 20-го вѣка, возвеличенной и окрѣпшей, ставшей главнымъ хозяиномъ на материкѣ важнѣйшихъ частей свѣта—суждено растерять то, что завоевано было нашими предками на мѣдныя гроши, что собрано ими еще въ періодъ шатанія и собиранія силъ?..

А между тѣмъ такъ, именно, обстоитъ теперь вопросъ съ нашимъ тихоокеанскимъ побережьемъ. Внушительныя морскія силы Россіи, такъ недавно еще столь грозныя на водахъ Великаго океана, быстро испарились въ минувшую войну съ Японіей; почти на всемъ своемъ протяженіи побережье нашей окраины открыто теперь ударамъ морскихъ силъ сосѣдняго островнаго государства, съ которымъ война у насъ только что окончилась. А въ то же время, рядомъ съ нашей сухопутной границей, на всемъ ея протяженіи, нарождается новая грозная сила въ лицѣ Поднебесной имперіи, просыпающейся отъ ея вѣковой спячки.

Точно послѣ пожара мы на Дальнемъ Востокѣ очутились сразу безъ крова и пріюта, и пока идетъ споръ о томъ, какой намъ нуженъ флотъ, какой архитектуры строить домъ—ненастье можетъ надвинуться неожиданно и быстро, и намъ вполнѣ неподготовленными придется встрѣтить назрѣвающія невзгоды. Благоразуміе требуетъ въ такихъ случаяхъ раньше всего опредѣлить „откуда вѣтеръ дуетъ“, могущій принести съ собой ненастье, и затѣмъ сейчасъ же возвести какое-нибудь временное жильѣ, которое могло бы служить закрытіемъ отъ непогоды. Вотъ существенныя основы *плана обороноспособности Дальняго Востока*, которая необходимо опредѣлить безотлагательно и осуществить съ тою энергіей, которая проявляетъ себя въ борьбѣ на жизнь и на смерть.

Съ какой стороны въ настоящую минуту угрожаетъ наи-

большая опасность нашим владѣніямъ въ Восточной Азіи? Ясно что отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса зависитъ ближайшая будущность, а можетъ быть и вся судьба нашей далекой окраины. Въ этомъ отношеніи мы не мало погрѣшили въ прошломъ, не желая совершенно считаться съ опасностью со стороны Китая. Да и во всѣхъ спорахъ нынѣшняго времени, клонящихся къ выясненію военно-политическаго положенія Россіи на тихоокеанскомъ побережьи, все еще не удѣляется достаточно вниманія значенію Китая и его нарождающимся новымъ вооруженнымъ силамъ. Между тѣмъ, для выясненія этого вопроса достаточно указать на слѣдующіе факты.

Не смотря на свое прославленное миролюбіе, китайское правительство ни разу не упустило случая, чтобы не предъявить Россіи какіе-нибудь старые счеты по спорнымъ вопросамъ, выбирая для этого всегда такое время, когда намъ угрожали еще какія-нибудь другія международныя осложненія: такъ, едва лишь мы окончили русско-турецкую войну и ввязались въ кровопролитную Ахаль-Текинскую экспедицію, какъ Китай предъявилъ намъ требованіе объ очищеніи Кулуджи и серьезно готовился къ войнѣ съ Россіей, не смотря на свою крайнюю военную слабость въ западныхъ провинціяхъ Китая. Когда у насъ возникли осложненія въ 1885 году въ Средней Азіи, вслѣдствіе Кушкинскаго боя, китайское правительство сейчасъ же поспѣшило завязать съ нами крючковатый споръ на Дальнемъ Востоке и готово было начать войну изъ-за пустой деревни Савеловки, придравшись къ запоздалому толкованію Пекинскаго договора. Во время боксерскаго возстанія 1900 года, дѣйствуя изъ-за угла и подъ маской въ Пекинѣ, въ отношеніи всѣхъ европейскихъ государствъ, китайское правительство лишь въ отношеніи одной Россіи дерзнуло выступить въ Манчжуріи лицомъ къ лицу, открывъ правительственными войсками враждебныя дѣйствія во многихъ пунктахъ. Въ послѣдніе годы китайское правительство нѣсколько разъ задирало насъ по разнымъ вопросамъ въ Харбинѣ, на Сунгари и въ Монголіи; и только теперь нѣсколько притаилось, послѣ заключенія нами договора съ Японіей.

Приведенные сейчасъ, а также и многіе другіе факты, несомнѣнно указываютъ, что прославленное вѣками традиціонное миролюбіе Китая—одинъ миражъ, который можетъ современемъ

привести насъ къ горькому разочарованію. Всѣмъ памятно пренаивное ликованіе нашей большой столичной печати въ 1900 году, когда вспыхнувшее въ Пекинѣ и приморскихъ провинціяхъ боксерское возстаніе волновалось и бурлило, а въ то же время въ Манчжуріи одинъ русскій десятникъ съ нагайкой въ рукахъ управлялъ работами сотни китайскихъ рабочихъ, мирно трудившихся надъ сооруженіемъ нашей стратегической желѣзной дороги. „Вотъ“,—говорили тогда наши близорукие самосмакователи, „что значитъ мирная культурная миссія Россіи! Яростно бросаюсь на другихъ, зтошь драконъ покорно отступаетъ передъ величьемъ культурныхъ задачъ Россіи, мировое значеніе которыхъ ему инстинктивно вполне понятно“. Весьма недолго пришлось тогда нашему правительству оставаться въ этомъ упоительномъ заблужденіи: какъ мы видѣли выше, напускное миролюбіе въ отношеніи Россіи скрывало за собою ожесточенную вражду, съ которой въ Манчжуріи выступили противъ насъ не банды хунхузовъ и разный сбродъ боксеровъ, а организованныя правительственныя войска, направляемая высшими мѣстными представителями китайскаго правительства.

Да это и понятно, если вспомнить, что ни съ однимъ европейскимъ государствомъ Китай не имѣетъ такихъ важныхъ счетовъ, какъ именно съ Россіей. Вся сѣверная окраина Китая, заключающая въ себѣ Манчжурію—вотчину нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи,—задыхается вслѣдствіе отсутствія моря, отъ котораго она была насильственно отрѣзана благодаря присоединенію къ владѣніямъ Россіи обширнаго Уссурійскаго края, и не подлежитъ сомнѣнію, что Россіи неизбѣжно предстоитъ считаться съ этимъ вопросомъ, притомъ, въ весьма недалекомъ будущемъ. Тотъ фактъ, что въ противоположность приведеннымъ выше примѣрамъ, китайское правительство проявляетъ исключительное спокойствіе именно въ настоящее время, послѣ того, какъ Россія окончила продолжительную и неудачную войну съ Японіей, испытывала величайшія затрудненія внутренняго свойства, кажется намъ особенно подозрительнымъ. Въдѣ для всѣхъ ясно, что помимо Уссурійскаго края послѣдняя русско-японская война выдвинула новые счеты между Россіей и Китаемъ: вся эта война между двумя государствами велась на территоріи третьяго нейтральнаго государства, огромная часть

двух богатых провинций опустошена, селения разрушены, жители разорены и самая почва во многих мѣстах изрыта такъ, что потребуетъ не мало труда, чтобы вернуть ей прежнюю производительность. Всѣ эти счеты, народившіеся въ послѣдніе годы между Россіей и Китаемъ, не ликвидированы до сихъ поръ. А тѣмъ временемъ ведется ускореннымъ темпомъ въ Китаѣ реорганизация вооруженныхъ силъ, дислокація которыхъ явно рассчитана на войну съ Россіей. Главная масса реорганизованныхъ войскъ располагается въ провинціяхъ Чжилійской и Шандуньской, откуда она легко можетъ быть переброшена въ Манчжурію посредствомъ сѣверной китайской желѣзной дороги и въ остальныхъ провинціяхъ реорганизация вооруженныхъ силъ ведется не въ зависимости отъ условий географическаго свойства, или группировки населенія, а исключительно изъ соображеній стратегическаго характера.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы установить „съ какой стороны вѣтеръ дуетъ“, откуда намъ на Дальнемъ Востокѣ угрожаетъ ближайшая и непосредственная опасность въ особенности послѣ того, какъ взаимныя отношенія съ Японіей урегулированы только что заключенными договорами.

Выяснивъ первый вопросъ, посмотримъ, что съ этой точки зрѣнія должно быть сдѣлано для обороноспособности нашего Дальняго Востока.

### III.

Что должно быть сдѣлано безотлагательно, чтобы усилить сколько возможно нашу обороноспособность на этой далекой окраинѣ?

Напомнимъ при этомъ, что послѣ того, какъ Японія водворилась въ Манчжурію силою оружія, немислимо себѣ представить какія бы то ни было осложненія въ этой части материка Азіи, которая обошлись бы безъ непосредственнаго участія въ нихъ Японіи. Вѣдь это Китай только оставался нейтральнымъ зрителемъ послѣдней русско-японской войны, происходившей на чуждой обѣимъ воюющимъ сторонамъ его собственной территории, представляя собою исключительный примѣръ въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. На чьей сторонѣ будетъ тогда Японія?

Не имѣя въ виду углубиться въ дебри политическихъ ком

бинацій, мы постараемся выяснитъ этотъ вопросъ хотя бы очень поверхностно. Намъ кажется не подлежащимъ сомнѣнію, что разъ только Китай почувствуетъ себя въ силахъ вступить въ борьбу съ Россіей, чтобы возратить себѣ потерянный полвѣка назадъ Уссурійскій край, то вслѣдъ затѣмъ, если не одновременно, будетъ поставленъ вопросъ объ очищеніи японцами южной Манчжуріи. Какъ бы теперь ни казались намъ внушительными вооруженныя силы Японіи съ одной стороны и слабость Китая съ другой—все же очевидно, что для китайской имперіи, насчитывающей 400 милліоновъ трудолюбиваго населенія, упомянутыя сейчасъ государственныя задачи не только по плечу, но можно быть заранѣе увѣреннымъ въ неизбѣжности ихъ рѣшенія въ будущемъ. Всѣ толки о расовомъ родствѣ китайцевъ и японцевъ, о вытекающей отсюда „желтой опасности“, о „паназіатскомъ“ движеніи и т. п. представляются намъ въ значительной степени беспочвенными, затуманивающими лишь то направленіе, откуда намъ угрожаетъ истинная опасность. Положительно невѣроятно, чтобы Японія завязала съ нами новую войну съ цѣлью присоединить къ своимъ владѣніямъ Уссурійскій край, зная хорошо, что китайское правительство спитъ и во снѣ видитъ обратное завоеваніе этой области. Это значило бы вооружить противъ себя одновременно и Россію, и Китай.

Слѣдовательно, въ вопросѣ объ обороноспособности нашего Дальняго Востока намъ, повидимому, надо имѣть въ виду лишь войну съ Китаемъ. Но если представить себѣ даже наиболѣе невыгодную для насъ политическую обстановку и вторичное выступленіе противъ насъ Японіи въ союзѣ съ Китаемъ, намъ все же необходимо озаботиться обороной Уссурійскаго края, главнымъ образомъ, со стороны Китая. Дѣло въ томъ, что даже и для Японіи атака нашего Уссурійскаго края послѣ водворенія ея въ южной Манчжуріи, представляется болѣе выгодной со стороны этой послѣдней, а не со стороны тихоокеанскаго побережья. Это основное положеніе, ясное само по себѣ при первомъ взглядѣ на карту Дальняго Востока, приводитъ насъ естественнымъ путемъ къ рѣшенію кореннаго вопроса: что нужно для обороноспособности нашей окраины,—наступательныя морскія силы или мѣры сухопутнаго характера.

Какъ извѣстно, въ первую голову нашей оборонительной

программы поставлена была постройка Амурской желѣзной дороги. Не отрицая важнаго значенія этой дороги въ отношеніяхъ экономическомъ и общегосударственномъ, въ смыслѣ необходимости усиленія средствъ заселенія этой окраины, мы неоднократно указывали на то, что стратегическое значеніе вновь сооружаемой желѣзнодорожной магистрали весьма гадательно. Мы не рѣшились бы затрогивать этотъ вопросъ теперь лишній разъ,—зная, что уже приступлено къ постройкѣ этой дороги, чтобы не дискредитировать осуществляемая уже мѣры правительства, тѣмъ болѣе, что при полномъ отсутствіи всякихъ путей въ Приамурскомъ краѣ сооружаемый теперь рельсовый путь, во всякомъ случаѣ, сослужитъ свою службу. Но дѣло въ томъ, что постройка Амурской желѣзной дороги не только не обозначаетъ собою осуществленія какой-нибудь программы по усиленію обороноспособности Дальняго Востока, но ничего не слышно о какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ мѣрахъ въ этомъ направленіи, поэтому хлопоты съ постройкой Амурской желѣзной дороги въ этомъ отношеніи представляются намъ своего рода безпорядочной стрѣльбой, поднятой въ то время, когда надо безостановочно идти въ атаку...

Охватывающее очертаніе нашихъ границъ на Дальнемъ Востокѣ ясно указываетъ, что мы можемъ удержаться на этой окраинѣ только рѣшительнымъ стремленіемъ *впередъ* и оборонной чисто наступательнаго характера. А между тѣмъ въ основѣ постройки Амурской желѣзной дороги кроется стремленіе чисто оборонительнаго характера. Въ этомъ вся опасность принятой мѣры, осуществляемой для обороноспособности угрожаемой окраины нашей. Казалось бы, минувшая война съ Японіей должна была научить насъ горькимъ опытомъ въ гибельности нашихъ оборонительныхъ наклонностей: мы все оборонялись и отступали въ ожиданіи „окончанія нашего сосредоточенія“, а когда мы собрались съ силами и перешли въ наступленіе, мы съ перваго же шага начали цѣпляться за позиціи, и все время подъ видомъ наступленія топтались на мѣстѣ, пока противникъ потѣснилъ насъ назадъ. То же самое повторяется и теперь: готовясь къ новой войнѣ, мы постройкой Амурской желѣзной дорогѣ въ основѣ обороноспособности Дальняго Востока кладемъ краугольный камень весьма предательской кордонной системы, которая никогда

къ добру не приводила. Въ минувшую русско-японскую войну армія наша была злосчастнымъ образомъ прикована къ своей „жизненной артеріи“, Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ, которая все же проходила у насъ въ тылу; а теперь армія наша будетъ загипнотизирована этой новой „артеріей“, которая будетъ у нея проходить по всему ея фронту...

Намъ необходимо оборону Дальняго Востока обязательно *вынести впередъ*. Не нарушая дѣйствующихъ договоровъ между Россіей съ одной стороны и Китаемъ и Японіей съ другой, намъ слѣдуетъ готовиться первый шагъ будущей войны начать обязательно съ *нападенія*, не дожидаясь никакихъ сосредоточеній и не опасаясь первыхъ пораженій. Излишне доказывать, что то и другое должно быть заранѣе, по мѣрѣ силъ, подготовлено и склонено въ нашу пользу, но когда война наступила—робкимъ расчетамъ не должно быть мѣста. памятуя, что помимо всего, своевременно проявленный рискъ на войнѣ несетъ въ себѣ всегда залогъ побѣды.

Кромѣ того, активная оборона нашего Уссурийскаго края обусловливается охватывающимъ положеніемъ нашихъ границъ въ отношеніи Манчжуріи и остающимся пока въ нашихъ рукахъ участкомъ Восточно-Китайской желѣзной дороги до Куаченцзы. Такъ какъ, въ силу Портсмутскаго договора мы теперь не имѣемъ въ сѣверной Манчжуріи никакихъ войскъ, кромѣ желѣзнодорожной охраны, то ближайшей заботой нашей въ случаѣ новой войны должно служить удержаніе въ нашихъ рукахъ этой желѣзной дороги, а вмѣстѣ съ нею и вѣтви, идущей изъ Харбина во Владивостокъ. Для этого необходимо вынести оборону на линію Бодунъ—Гиринъ—Нингута, которая одновременно удовлетворяетъ требованіямъ обороны, какъ противъ Китая, такъ и Японіи, такъ какъ линія эта прикрыта на лѣвомъ флангѣ направленіемъ нашей границы и крѣпостью Владивостокъ, а на правомъ флангѣ—обороноспособностью двойной водной линіи Сунгари. Но, чтобы предотвратить возможность прочнаго занятія упомянутыхъ пунктовъ китайскими или японскими войсками и облегчить быстрый захватъ этой линіи нашими войсками, необходимо теперь же принять слѣдующія мѣры:

1) Образовать сильныя гарнизоны въ Благовѣщенскѣ, Никольскѣ-Уссурийскомъ и на станціи Манчжурія, доводя число

войскъ въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ, по крайней мѣрѣ до одного—полуторы корпусовъ съ соответствующей артиллеріей и кавалеріей, обезпечивъ ихъ заранѣе и необходимыми запасными войсками, расположенными въ тѣхъ же пунктахъ, притомъ части полевыхъ войскъ должны содержаться въ усиленномъ составѣ и быть вполнѣ подготовлены къ быстрому переходу въ военное положеніе.

2) На станціи Манчурія и въ Никольскъ-Уссурийскомъ необходимо образовать и держать въ постоянной готовности обширные парки подвижного состава, которые дали бы возможность быстрого сосредоточенія войскъ къ указаннымъ пунктамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ пунктахъ должны быть устроены обширные склады запасовъ продовольственныхъ и боевыхъ.

3) Нынѣшнее сосредоточеніе нашихъ вооруженныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ, почти исключительно въ Южно-Уссурийскомъ краѣ, при наличности всѣхъ прочихъ невыгодныхъ для насъ условій военно-политическаго положенія въ Манчуріи представляется намъ до нѣкоторой степени рискованнымъ; поэтому созданіе сильныхъ гарнизоновъ также и въ Благовѣщенскѣ, и около ст. Манчурія, является условіемъ необходимымъ также и въ отношеніи ослабленія риска, вытекающаго изъ сосредоточенія всѣхъ вооруженныхъ силъ, предназначенныхъ для обороны края въ одномъ слабомъ пунктѣ.

4) Само собою разумѣется, что рядомъ съ указанными мѣрами необходимо съ полной энергіей вести работы по сооруженію второй колени на всемъ протяженіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ, а также прикрыть наше тихоокеанское побережье оборонительными средствами противъ атакъ со стороны моря.

Пусть, если это признается своевременнымъ и необходимымъ—строить дорогостоящую Амурскую желѣзную дорогу. Но нельзя эту мѣру считать исчерпывающей всѣ наши заботы по упроченію нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ. Не дай Богъ, чтобы Амурская желѣзная дорога сыграла такую же роль въ отношеніи обороноспособности нашей далекой окраины, какую сыгралъ г. Дальній въ оборонѣ Портъ-Артура...

## 2. Командированіе офицеровъ для изученія иностранныхъ армій.

Въ послѣднее время часто встрѣчаются извѣстія о командированіи въ японскую армію офицеровъ разныхъ родовъ оружія изъ нѣкоторыхъ европейскихъ армій для ознакомленія съ обученіемъ, воспитаніемъ, прохожденіемъ службы и боевой подготовкой войскъ нашихъ недавнихъ противниковъ. Такъ, сообщалось недавно о командированіи въ Японію специально подготовленныхъ для этой цѣли нѣсколькихъ офицеровъ изъ германской арміи, о предстоящемъ командированіи для службы въ рядахъ японскихъ войскъ офицеровъ артиллеріи и пѣхоты изъ французской арміи, и т. п.

Судя по краткимъ отрывочнымъ извѣстіямъ, можно было думать, что это обычная командировка изъ первоклассныхъ армій европейскихъ государствъ, гдѣ зорко слѣдятъ за всѣми проблесками успѣха военнаго дѣла на всѣхъ концахъ земного шара. Только-что вылупившаяся изъ средневѣкового варварства японская армія, одержавшая длинный рядъ блестящихъ побѣдъ надъ арміей мировой военной державы, не могла не заинтересовать нѣмецкихъ и французскихъ военныхъ дѣлъ мастеровъ, поставляющихъ въ мирное время военныхъ инструкторовъ и въ Китай, и въ Японію, и въ Перу, Боливію и т. д. Всѣмъ стало ясно, что въ японской арміи есть чему поучиться: успѣхъ нашихъ противниковъ, по мнѣнію постороннихъ иностранныхъ наблюдателей, объясняется не столько тѣмъ, что у насъ все было такъ плохо—какъ стараются насъ увѣрить доморощенные критики,—сколько потому, что у японцевъ было много чего превосходнаго и въ отношеніи организаціи войскъ, тактической подготовки, обмундированія и снаряженія, употребленія разныхъ родовъ оружія и т. п. Все это необходимо немедленно узнать поближе, изучить, и—что слѣдуетъ—сейчасъ же ввести въ собственной арміи. Неудивительно поэтому, что изъ европейскихъ армій открылось чуть ли не настоящее паломничество къ нашимъ счастливымъ соперникамъ. Ясно безъ лишнихъ словъ, что для нашей арміи тѣмъ болѣе необходимо теперь изучить вооруженныя силы японцевъ,—непосредственной службой извѣстнаго числа офицеровъ въ рядахъ японской арміи, не довольствуясь наблюденіемъ со стороны, какъ это доступно только военнымъ агентамъ.

При всем томъ, ходатайство съ нашей стороны предъ японскимъ правительствомъ о *разрѣшеніи* командировать въ Японію нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ, по примѣру Германіи и Франціи, для службы въ рядахъ японскихъ войскъ на 2—3 года, было бы, пожалуй, затруднительно по причинамъ моральнаго характера, не требующимъ поясненій. Но какъ оказывается, вопросъ этотъ представляется теперь въ иномъ свѣтѣ: Японское военное министерство по собственному почину приглашаетъ европейцевъ командировать нѣкоторое число офицеровъ для болѣе или менѣе продолжительной службы въ рядахъ японской арміи. При такихъ условіяхъ вопросъ сводится къ тому—получило ли также и наше правительство *приглашеніе* командировать офицеровъ въ японскую армію; и если такое приглашеніе было, то почему бы намъ этимъ не воспользоваться? Вѣдь то, что нѣмцы собираются изучать въ японской арміи изъ любви къ искусству, для насъ представляетъ собою вопросъ шкурный. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ близкомъ или далекомъ будущемъ Россіи предстоитъ еще разъ помѣряться силами съ Японіей; и намъ безусловно необходимо исправить тѣ наши вопіющія ошибки, которыя вполнѣ исправимы теперь же, немедленно, при нѣкоторомъ вниманіи съ нашей стороны.

Какъ извѣстно, до минувшей войны съ Японіей всходящійся тамъ въ прежнее время нашъ военный агентъ всячески умалялъ значеніе вооруженныхъ силъ японскихъ и ихъ боевую подготовку. Весьма вѣроятно, что эти донесенія въ значительной степени повліяли на ходъ нашихъ приготовленій на Дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе чего вспыхнувшая война и захватила насъ неподготовленными. То же самое случилось и съ предшествовавшей войной съ Турціей въ 1877 году: и тогда военный агентъ нашъ въ Константинополь доносилъ о ничтожности вооруженныхъ силъ турецкихъ, благодаря чему мы начали войну съ дѣйствующей арміей въ 180 тыс.; а затѣмъ пришлось вызвать и гвардію, и гренадеръ,—а въ результатѣ, вмѣсто того чтобы покончить войну въ 4—6 мѣсяцевъ, какъ предполагалось сначала, пришлось возиться 1½ года. Если бы—какъ тогда въ Турціи, такъ и теперь въ Японіи—кромѣ единственныхъ военныхъ агентовъ у насъ имѣлись бы и другіе офицеры, непосредственной службой изучившіе арміи нашихъ противниковъ, то, по всей

вѣроятности, у насъ имѣлось бы и болѣе правильное представленіе о тѣхъ вооруженныхъ силахъ, съ которыми намъ пришлось считаться.

Всѣмъ извѣстно, что наши военные агенты при иностранныхъ арміяхъ, въ большинствѣ случаевъ, не работники, а *представители* своей арміи: они не столько работаютъ надъ кропотливымъ изученіемъ всевозможныхъ мелочей по организаци и обученію разныхъ родовъ оружія, сколько представляютъ въ торжественныхъ случаяхъ, увеличивая внѣшній декорумъ парадной обстановки обиліемъ и разнообразіемъ военныхъ мундировъ. Необходимо и то признать, что наши военные агенты, состоя въ качествѣ военныхъ аташе при дипломатическихъ посольствахъ, отвыкаютъ отъ всякой работы, охотно предаваясь традиционному сибаритству дипломатовъ, которые вѣками привыкли смотрѣть на себя какъ на людей, призванныхъ проводить жизнь въ пріятномъ бездѣліи; мнѣ хорошо извѣстно, что, напримѣръ, посланникъ нашъ въ Японіи во время и послѣ окончанія японско-китайской войны, несмотря на важные дипломатическіе переговоры, которые велись тогда съ Японіей,—несмотря на объявленную у насъ мобилизацию и возможность объявленія войны,—преспокойно жилъ себѣ круглый годъ на дачѣ въ Иокагамѣ подъ предлогомъ ремонта посольскаго дома, а на самомъ дѣлѣ—предпочитая этотъ европейскій городъ съ его развлеченіями скучному и пыльному Токио. Примѣру посланника подражалъ и его военный аташе, который въ Японію не заглядывалъ вовсе, предпочитая жить въ шумномъ Шанхаѣ. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ наше правительство было мало освѣдомлено объ истинномъ направленіи политики въ Токио, или о положеніи вооруженныхъ силъ нашихъ противниковъ. Между тѣмъ, японскіе офицеры въ большихъ и малыхъ чинахъ, явно и тайно, тогда уже колесили по всему приамурскому краю и нашему тихоокеанскому побережью, изучая обороноспособность края и наши вооруженныя силы.

Сдѣлана была и у насъ слабая попытка ознакомить наши войска Дальняго Востока съ вооруженными силами Японіи, значеніе которыхъ въ достаточной мѣрѣ опредѣлилось уже во время японско-китайской войны. Попытка эта заключалась въ томъ, что командующимъ войсками приамурскаго военнаго округа, по-

койнымъ С. М. Духовскимъ, предложено было разрѣшить ежегодно 2—3 строевымъ офицерамъ отправляться въ отпускъ въ Японію на 2—3 мѣсяца, пользуясь небольшой денежной поддержкой на эту поѣздки въ 300—400 руб., за которую офицеръ долженъ былъ представить „какой-нибудь отчетъ о томъ, что онъ видѣлъ“. Конечно, перыше же „отчеты“ убѣдили въ совершенной бесплодности этой мѣры: что могъ видѣть и понимать въ иностранной арміи юный поручикъ безъ всякой соотвѣтствующей подготовки, при полномъ незнаніи иностранныхъ языковъ?

Какъ въ дѣйствительности *нужно* относиться къ командировкамъ подобнаго рода, мы видимъ теперь на примѣрѣ Германіи и Франціи: въ первой—въ минувшемъ году съ тщательной осмотрительностью избраны четыре офицера всѣхъ родовъ оружія въ чинѣ капитана; всѣ они предварительно должны были изучить японскій языкъ въ Берлинской „восточной семинаріи“ и, кромѣ того, готовятся еще для своей задачи особымъ образомъ при генеральномъ штабѣ. Во Франціи избраны офицеры, также специально подготовившіеся для этой командировки и заявившіе себя своими трудами въ военной литературѣ. У насъ въ такихъ случаяхъ привыкли смотрѣть на подобныя назначенія какъ на выгодныя командировки, которыя предоставляются офицерамъ совершенно независимо отъ всякихъ соображеній, связанныхъ съ пользой дѣла.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи достаточно указать, хотя бы, на одинъ слѣдующій: когда послѣ продолжительныхъ настояній намъ удалось добиться согласія англійскаго правительства на командированіе офицеровъ генеральнаго штаба въ Индію, то назначались офицеры, нуждавшіеся въ матеріальной поддержкѣ, или по инымъ соображеніямъ; но во всѣхъ случаяхъ ни одинъ изъ командируемыхъ не зналъ даже англійскаго языка, не говоря уже о какой-нибудь специальной подготовкѣ для такого назначенія. Само собою разумѣется, что, за однимъ-двумя исключеніями, знанія наши объ индо-британскихъ вооруженныхъ силахъ, при посредствѣ подобныхъ поѣздокъ офицеровъ генеральнаго штаба, не обогатились новыми свѣдѣніями.

Вообще, въ теоріи, у насъ давнымъ давно признанъ и считается принципъ изученія сосѣднихъ армій; а на практикѣ

эта необходимость или совсѣмъ забывается или проводится въ жизнь совершенно случайно безъ всякой планомѣрности. У насъ не только нѣтъ выработанной программы установленныхъ мѣръ по этому вопросу, но если въ этомъ, случайно, проявляется иногда даже частный починъ, то также не встрѣчается поддержки начальства. Вотъ факты: не подлежить сомнѣнію, что изученіе вооруженныхъ силъ нашихъ сосѣдей, ближайшее ознакомленіе съ военнымъ дѣломъ, вообще, возможно наилучшимъ образомъ на войнѣ; поэтому вполне естественно, что каждый военный человекъ, интересующійся военнымъ дѣломъ, стремится на войну гдѣ бы она ни была. Не даромъ покойный М. Д. Скобелевъ немедленно „отправлялся въ походы“, какъ только покажется гдѣ-нибудь пороховой дымокъ. Казалось бы, что подобныя стремленія офицеровъ, съ точки зрѣнія отечественнаго военнаго дѣла, заслуживаютъ всякаго поощренія; а на самомъ дѣлѣ,—когда во время японско-китайской войны, я пожелалъ отправиться на театръ войны безъ особыхъ расходовъ казны, то разрѣшенія дано не было. Когда возникла испанско-американская война, я совмѣстно съ командиромъ 4 Туркестанскаго стрѣлковаго батальона, нынѣ покойнымъ Н. И. Римскимъ-Корсаковымъ, возымѣли желаніе, выйдя въ запасъ, отправиться на театръ войны и вступить въ ряды воюющихъ сторонъ для непосредственнаго изученія военнаго дѣла на практикѣ,—опять-таки не требуя никакихъ расходовъ казны; но—также получили отказъ.

Нельзя не выразить пожеланія, чтобы у насъ относились съ большимъ вниманіемъ къ дѣлу изученія вооруженныхъ силъ нашихъ сосѣдей, примѣняя у себя тѣ же приемы, которые мы видимъ въ арміяхъ германской и французской, то есть,—не довольствуясь официальной военной агентурой, командировать соотвѣтствующихъ офицеровъ для болѣе или менѣе продолжительной службы въ рядахъ иностранныхъ армій.

Было бы желательно теперь же выяснитъ вопросъ о командированіи нашихъ офицеровъ для службы въ Японіи, если со стороны японскаго правительства было *приглашеніе*, обращенное „къ европейскимъ военнымъ державамъ“, а въ томъ числѣ, слѣдовательно,—и къ Россіи. Это тѣмъ легче сдѣлать теперь, послѣ состоявшагося русско-японскаго соглашенія.

### 3. Служба на окраинахъ.

Вопросъ объ обороноспособности нашего Дальняго Востока при нынѣшней обстановкѣ, сложившейся для насъ послѣ послѣдней войны съ Японіей, служить теперь предметомъ особаго вниманія правительства и общества, не сходя со столбцовъ печати военной и общей. Въ силу разныхъ обстоятельствъ вопросъ этотъ чрезвычайно усложнился, и приходится подумывать не только о созданіи новой тихоокеанской эскадры и постройкѣ Амурской желѣзной дороги, но и объ „оборудованіи базы“ на этой далекой окраинѣ Россіи. Авторы этой довольно расплывчатой фразы въ отношеніи обороноспособности Дальняго Востока рѣдко договариваютъ свою мысль до конца, сами, повидимому, страшась грознаго значенія этой фразы, такъ какъ для оборудованія базы при современныхъ условіяхъ войны требуется не только постройка крѣпостей, путей сообщения, магазиновъ и складовъ, но—и увеличенія коренного населенія, созданія условій заводской и фабричной промышленности, постройки необходимыхъ военному вѣдомству фабрикъ и заводовъ, и т. д.

Задаваясь такими отдаленными вопросами обороноспособности края, забываютъ его неотложная нужды, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ обезпеченіе расположенныхъ тамъ войскъ постояннымъ комплектомъ офицеровъ. Этотъ вопросъ въ Приамурскомъ округѣ былъ всегда вопросомъ острымъ, еще задолго до русско-японской войны. Въ настоящее же время, по всеобщему отзыву, офицеры *бьются* съ Дальняго Востока, стараясь всѣми силами выбраться отсюда и перейти на службу въ войска Европейской Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что раньше всякихъ сложныхъ вопросовъ „оборудованія базы“ необходимо безотлагательно изыскать мѣры какъ бы удержать офицеровъ возможно дольше на службѣ въ краѣ, чтобы въ минуту надобности не приходилось экстренно командировать офицеровъ изъ войскъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи.

Опытъ пережитой войны далъ въ этомъ отношеніи поучительные результаты: не смотря на всю строгость мѣръ, принятыхъ для предотвращенія возможности командированія на театръ войны не вполне надежныхъ офицеровъ, все же командирамъ частей было тамъ не мало заботъ съ пришлымъ элементомъ,

прибывшимъ для укомплектованія офицерскаго состава изъ другихъ частей войскъ. Да и неоткуда вовсе брать теперь лишникъ офицеровъ; какъ извѣстно, вслѣдъ за командированіемъ въ минувшую войну 2,000 офицеровъ въ дѣйствующую армію, пришлось затѣмъ сейчасъ же требовать ихъ обратно,—потому что части войскъ въ Европейской Россіи оказались безъ офицеровъ, а условія службы потребовали напряженной дѣятельности, такъ что Главному Штабу не мало возни было съ водвореніемъ массы офицеровъ въ мѣста ихъ прежней службы. Все же экстренная командировка того времени обусловливалась обстоятельствами войны. Въ какомъ же положеніи очутятся наши войска на Дальнемъ Востокѣ съ некомплектомъ офицеровъ въ самомъ началѣ будущей войны? Разъ фактъ этотъ установленъ и теперь въ мирное время, когда мы еще только готовимся къ войнѣ, необходимо немедленно принять самыя дѣйствительныя мѣры къ устраненію этого хроническаго недуга.

Обращаясь къ основнымъ причинамъ недостатка офицеровъ въ частяхъ войскъ, расположенныхъ на нашей далекой окраинѣ, не лишено интереса указать на сопоставленіе такого рода съ войсками англійской арміи: тамъ въ аналогичныхъ условіяхъ находится вопросъ комплектованія офицерами войскъ индо-британской арміи; но въ то время, какъ у насъ на Дальнемъ Востокѣ офицеры неужеримо рвутся назадъ „въ Россію“,—англійскіе офицеры стараются всѣми способами, въ силу разныхъ соображеній служебнаго характера и матеріальнаго свойства, попасть на службу въ Индію, отказываясь для этого иногда даже отъ производства въ слѣдующій чинъ и отъ другихъ служебныхъ правъ, выслуженныхъ уже въ войскахъ, расположенныхъ „дома“, т. е. въ Англии. Между тѣмъ, обстановка *жизни* англійскаго офицера въ Индіи едва ли многимъ лучше, чѣмъ для нашего офицера на Дальнемъ Востокѣ: изолированныя „маленькія гарнизоны“ въ степныхъ, горныхъ или пограничныхъ трущобахъ, среди полудикаго туземнаго населенія, въ гнѣздилищахъ злѣйшихъ болотныхъ лихорадокъ,—являются часто еще гораздо худшими стоянками, чѣмъ наши урочища Анучино, Барабашъ и т. п.; ко всему этому необходимо еще прибавить революціонное движеніе, охватившее теперь туземное населеніе Индіи, требующее отъ офицера быть постоянно на-чеку, въ противоположность без-

печной службы и привольной жизни „дома“, въ Англии. И при всемъ томъ англійское военное министерство не знаетъ заботъ о поддержаніи комплекта англійскихъ офицеровъ въ войскахъ индо-британскй арміи.

Никто не скажетъ, что нашъ офицеръ болѣе прихотливъ и требователенъ къ службѣ и жизни. Значитъ, весь вопросъ сводится къ законодательнымъ мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью создать на извѣстной окраинѣ такую обстановку службы, которой уравновѣшивались бы непріятныя условія жизни. Въ Англии, повидимому, эти мѣры вполне достигаютъ своей цѣли въ отношеніи офицеровъ, служащихъ въ Инди, а у насъ, къ сожалѣнію, эти мѣры совершенно не достигаютъ цѣли. Оставляя въ сторонѣ принятыя въ этомъ отношеніи мѣры въ англійской арміи, которыя у насъ, можетъ быть, и непримѣнимы въ виду иныхъ условій, бытовыхъ и служебныхъ, посмотримъ—каковы тѣ льготы, которыми у насъ стараются сдѣлать привлекательной службу на окраинахъ.

Дѣйствующее у насъ Положеніе о преимуществахъ службы на окраинахъ, по правдѣ говоря, настолько несовершенно, что не выдерживаетъ никакой критики. Оно не только не даетъ никакихъ, сколько-нибудь существенныхъ, правъ и преимуществъ службѣ, но на самомъ дѣлѣ для служащихъ на окраинахъ болѣе привилегированныхъ приноситъ съ собою даже „*нѣкоторое огрѣниченіе правъ и преимуществъ по службѣ*“. Какъ указано было выше, согласно примѣчанію къ статьѣ 1-й Положенія, устанавливается, напримѣръ, такого рода несообразность, которая, конечно, едва ли имѣлась въ виду законодателемъ: офицеры, переводимые и назначаемые на службу, скажемъ, изъ Петербурга и Москвы въ Туркестанъ и на Кавказъ, пользуются всѣми преимуществами, установленными какъ для этихъ окраинъ, такъ и для всѣхъ иныхъ; такъ что, если со временемъ они пожелають служить въ другихъ округахъ Сибири, или на Дальнемъ Востокѣ, то имѣютъ право и на всѣ привилегіи, предоставленныя и этимъ окраинамъ. Но если офицеръ рѣшится отправиться на службу въ части войскъ, расположенныя на Сахалинѣ или въ Николаевскѣ на Амурѣ, то ему не мѣшаетъ знать, что если онъ когда-нибудь вздумаетъ перейти на службу въ другія окраины, то онъ не можетъ уже пользоваться *никакими* преимуществами,

установленными для отдаленныхъ округовъ, потому что всѣ права и привилегіи, установленныя для службы на окраинахъ, представляются военнотружущимъ при назначеніяхъ и переводахъ изъ округа менѣе привилегированнаго (притомъ не смежнаго) въ болѣе привилегированный, или изъ мѣстъ, совсѣмъ не пользующихся никакими льготами службы. Слѣдовательно, отправляясь на службу на Дальній Востокъ, офицеръ, безспорно, обрекаетъ себя на нѣкоторое ограниченіе въ правахъ и преимуществахъ по службѣ по сравненію со своими товарищами, оставшимся въ Европейской Россіи и пользующимися всѣми благами жизни въ большихъ культурныхъ центрахъ на родинѣ.

Мы не будемъ останавливаться на критической оцѣнкѣ другихъ привилегій службѣ, установленныхъ для болѣе отдаленныхъ округовъ. Изъ приведеннаго сейчасъ примѣра достаточно видно, что въ общемъ эти привилегіи связаны даже съ нѣкоторымъ ограниченіемъ правъ. Вообще, общій характеръ дѣйствующихъ у насъ по сему предмету законоположеній, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, производитъ такое впечатлѣніе, что законодателемъ не столько руководила мысль выработать существенныя преимущества, которыя могли бы служить приманкой службы на окраинахъ, сколько неотвязчивое опасеніе—„какъ бы не передать лишняго“. Поэтому всѣ эти привилегіи, при всей ихъ ничтожности, уснащены такой казуистикой, оговорками и примѣчаніями, что въ концѣ концовъ онѣ остаются какими-то недосягаемыми призраками: существуютъ, напримѣръ, красивые параграфы о правахъ по воспитанію дѣтей, съ выдачей прогеновъ, пособій на воспитаніе и т. п.; но на повѣрку выходитъ, что этими правами, въ силу разныхъ оговорокъ и примѣчаній, можно воспользоваться лишь въ очень ограниченныхъ раіонахъ на Дальнемъ Востокѣ, да и тамъ—лишь одинъ изъ десяти.

Согласно тѣмъ же законоположеніямъ установлено, что послѣ 3-хъ лѣтъ службы приобретается право на обратный переводъ въ Европейскую Россію. Но на практикѣ выходитъ, что этимъ правомъ фактически могутъ воспользоваться и пользуются лишь въ высшихъ чинахъ, на должностяхъ военно-административныхъ и командныхъ отъ командира полка и выше; а строевые офицеры—разъ попалъ на Дальній Востокъ, то требуется стеченіе многихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, чтобы,

при желаніи, удалось опять вернуться на службу въ Европейскую Россію. Дѣло въ томъ, что для старшихъ чиновъ движеніе по службѣ налажено такъ, что 3—4 года являются въ большинствѣ случаевъ предѣльнымъ періодомъ получения новой должности, обуславливающего собою необходимость возвращенія въ округа Европейской Россіи; для молодыхъ же строевыхъ офицеровъ этотъ предѣльный періодъ приурочивается, строго говоря, ко времени получения отдѣльной части, т. е.—другими словами.—оставъ надежду навсегда!

Въ результатѣ получаются слѣдующіе результаты, отрицательные съ точки зрѣнія государственныхъ потребностей: если для службы на окраинахъ важно, чтобы военнoслужашіе оставались возможно дольше на службѣ въ краѣ, то это приобретаетъ преимущественное значеніе главнымъ образомъ въ отношеніи старшихъ чиновъ, потому что служебный опытъ и знакомство съ мѣстными условіями тутъ вполне необходимы и найдутъ себѣ на высшихъ должностяхъ достаточное примѣненіе; служба же младшаго офицера, ротнаго или баталіоннаго командира, конечно, совершенно одинакова какъ въ Европейской Россіи, такъ и на Дальнемъ Востокѣ. Въ дѣйствительности, однако, выходитъ наоборотъ: на должностяхъ старшихъ военнoслужашіе въ теченіе 3-хъ лѣтъ успѣваютъ только-только ознакомиться съ мѣстными условіями; и—когда они еще только могли бы начать приносить пользу своей службой на окраинѣ—они сейчасъ же получаютъ новое назначеніе и уносятъ Богъ знаетъ куда знакомство съ окраиной и знаніе мѣстныхъ условій, а строевые офицеры точно на всю жизнь обрекаются на невольную иногда службу на окраинѣ, хотя строевое дѣло не связано ни съ какими особенностями мѣстныхъ условій.

Сознана ненормальность этого положенія, у насъ предложено было лѣтъ 10 тому назадъ строевымъ офицерамъ, служащимъ на Дальнемъ Востокѣ, переводиться по желанію обратно въ войска Европейской Россіи; но—какъ и прочія преимущества службы на окраинахъ—новая льгота сопровождалась такими оговорками, что по настоящее время ею мало кто пользуется: прежде всего вмѣсто обязательныхъ трехъ лѣтъ предварительной выслуги, установленныхъ основнымъ закономъ, требуется уже *пять* лѣтъ, *послѣ* чего только можно начать ходатайствовать

о переводѣ, который выйдетъ, значить, послѣ шести—семи лѣтъ службы въ краѣ; затѣмъ, переводъ допускается только для младшихъ офицеровъ и на имѣющихся вакансии, по усмотрѣнію Главнаго Штаба, т. е. разсчитывая на вакансію гдѣ-нибудь въ Каргузъ-Березѣ или Пата-Гиссарѣ и т. п. Неудивительно, что офицеры избѣгаютъ пользоваться этой льготой, которая, такимъ образомъ, появилась на свѣтъ Божій мертворожденной.

Словомъ, дѣйствующія у насъ законоположенія о преимуществахъ службы въ отдаленныхъ округахъ требуютъ коренного пересмотра, съ цѣлью изысканія дѣйствительныхъ, а не дутыхъ, преимуществъ служебныхъ и матеріальныхъ, которыя могли бы сдѣлать службу на Дальнемъ Востокѣ привлекательной настолько, чтобы по примѣру индо-британской арміи туда рвались на службу лучшіе офицеры изъ Европейской Россіи. Это вполне достижимо, и притомъ безъ особыхъ затратъ изъ государственнаго казначейства. Для этого необходимо:

*Во-первыхъ*,—сдѣлать переоцѣнку нашихъ окраинъ въ связи съ измѣнившимися тамъ условіями жизни и службы; напримѣръ, едвали требуются особыя приманки и преимущества за службу въ Тифлисѣ, Ташкентѣ, Самаркандѣ, Маргеланѣ и другихъ. Всѣмъ извѣстно, что въ этихъ пунктахъ почти никогда не бываетъ некомплекта въ офицерскомъ составѣ расположенныхъ тамъ частей войскъ, да и климатическія и иныя условія жизни тамъ не оправдываютъ установленія еще особыхъ преимуществъ, которыя тамъ умѣстны были въ давно минувшія времена, а теперь являются анахронизмомъ.

*Во-вторыхъ*—установить преимущества чинопроизводства при условіи оставленія на службѣ въ краѣ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Облегчить условія полученія гѣ командованіе роты, баталіона и полка.

*Въ третьихъ*—облегчить, послѣ выслуги 3—5 лѣтъ, условія обратнаго перевода въ Европейскую Россію, который—при желаніи офицера—сдѣлать для Главнаго Штаба *обязательнымъ* и притомъ на избранную самимъ офицеромъ вакансію, не опасаясь возможнаго при этомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ небольшого сверхкомплекта, который вѣдь и безъ того допускается иногда при вліятельныхъ ходатайствахъ.

*Въ четвертыхъ*—при выработкѣ правъ и преимуществъ,

предоставляемых службой на окраинах, обратить преимущественное внимание на контингент строевых офицеров в младших и средних чинах, памятуя, что в основании высших должностей командных, — а военно-административных, то и на всех ступенях иерархической лестницы — кроются разныя прелести такого рода, что некомплект там никогда не будет.

Как бы то ни было, а этот важный вопрос поставленъ самой жизнью и требуетъ рѣшения раньше всякихъ потребностей по „оборудованію базы“ на Дальнемъ Востоке.

#### 4. Консульское дѣло и военная агентура.

Въ дѣлѣ государственнаго хозяйства, когда рѣчь идетъ о расходахъ, производимыхъ изъ казеннаго кармана — уживается всегда не мало несуразностей такого рода, которыя и одного дня не могли бы остаться незамѣченными при надлежащемъ контролѣ проникновеннымъ хозяйскимъ глазомъ, при участливомъ, а не официальномъ отношеніи къ пресловутымъ интересамъ казны. Но казна, — чего не вынесетъ широкая спина народная и щедрый карманъ казны!

Именно въ такомъ видѣ представляется давно уже установившееся у насъ, отчасти и въ другихъ иностранныхъ государствахъ, взаимоотношеніе консульскаго дѣла и военной агентуры. Было бы весьма желательно, чтобы наша Государственная Дума, занимающаяся теперь рассмотрѣніемъ бюджета, обратила вниманіе и на этотъ вопросъ, — хотя бы съ точки зрѣнія цѣлесообразнаго государственнаго хозяйства. Мы, однако, обойдемъ вовсе эту сторону затронутаго вопроса и обратимся собственно къ сущности дѣла.

Во многихъ иностранныхъ государствахъ у насъ въ настоящее время установилось, почему-то, двойное представительство — и со стороны дипломатическаго вѣдомства, и отъ военнаго министерства. Во многихъ крупныхъ центрахъ Ближняго и Дальняго Востока существуютъ особыя консульства, простыя и генеральныя, подвѣдомственныя министерству иностранныхъ дѣлъ и, кромѣ того, имѣются еще особыя офицеры генеральнаго штаба

въ качествѣ военныхъ агентовъ, обязанные собирать свѣдѣнія разнаго рода по предметамъ своей специальности. На первый взглядъ кажется, что оба эти органа двухъ различныхъ вѣдомствъ выполняютъ совершенно различное назначеніе: консулы являются защитниками гражданскихъ и торговыхъ интересовъ своихъ соотечественниковъ, а военные агенты призваны изучать оруженныя силы страны. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что въ дѣятельности обоихъ представителей двухъ различныхъ вѣдомствъ очень много общаго: консуламъ вмѣняется въ обязанность зорко слѣдить за передвиженіемъ войскъ, за увеличеніемъ вооруженныхъ силъ и за всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ военному дѣлу; военные агенты, въ свою очередь, обязаны изучать вооруженныя силы и обороноспособность даннаго государства въ широкомъ смыслѣ этого слова. А что въ наше время не соприкасается съ военнымъ дѣломъ, съ обороноспособностью страны? Тутъ входятъ все: международное положеніе государства, ресурсы войны — финансовыя, торговыя и промышленныя силы, социально-экономическій и политическій строй населенія и проч. и проч., — словомъ все то, что наполняетъ собою консульскіе уставы и инструкціи. Невольно рождается вопросъ: почему въ такихъ случаяхъ требуется непременно двойное представительство двухъ вѣдомствъ, разъ они оба заинтересованы въ такихъ вопросахъ, которые скрываютъ въ себѣ много общаго.

Есть, правда, одна специальная дѣятельность нашихъ консуловъ — это власть судебная и слѣдственная въ отношеніи русскихъ подданныхъ. Но, во-первыхъ, такая роль присвоена нашимъ консуламъ только въ одномъ Китаѣ, такъ какъ лѣтъ десять тому назадъ консульская юрисдикція отмѣнена уже и въ Японіи; во-вторыхъ, выполнение нѣкоторыхъ обязанностей юридическаго характера можетъ быть съ одинаковымъ успѣхомъ возложено какъ на представителей дипломатическаго, такъ и иного вѣдомства.

Все это приводитъ къ совершенно естественному вопросу: не выгоднѣ ли съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства, а главнымъ образомъ въ интересахъ пользы государственныхъ потребностей и сущности дѣла, объединить въ одномъ лицѣ дѣятельность консульскую и военную агентуру тамъ, гдѣ это возможно и желательно въ интересахъ дѣла. Какъ мы уже за-

мѣтили выше, это представляется необходимымъ прежде всего въ отношеніи государствъ Ближняго и Дальняго Востока. Въ азиатской Турціи, отчасти въ Персіи, это осуществлено уже давно: въ двухъ-трехъ административныхъ центрахъ Турціи, лѣтъ 15--20 тому назадъ, въ первый разъ назначены были офицеры генеральнаго штаба, почему-то тщательно замаскированные въ какіе-то сверхштатные секретари консульствъ; нѣкоторые изъ этихъ секретарей давно уже состоятъ консулами и, конечно, всей мѣстной турецкой администраціи, а съ нею и центральному правительству, извѣстно было съ перваго шага, что эти секретари—офицеры генеральнаго штаба, переименованные въ дипломатическіе чины. На повѣрку выходитъ, что этотъ маскарадъ нуженъ былъ не столько для турецкаго правительства, сколько для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, которое ревниво оберегаетъ должности своего вѣдомства отъ малѣйшаго поползновенія какихъ-нибудь назначеній „со стороны“, хотя бы это тысячу разъ обусловливалось крайними потребностями пользы дѣла.

Унаслѣдовавъ свое вѣдомство отъ Посольскаго Приказа, гдѣ были свои выработанныя традиции, наше министерство иностранныхъ дѣлъ смотритъ на всякія мѣста и должности просто какъ на свое хлѣбное достояніе, которымъ должно кормиться только свое вѣдомство. На сколько эти традиции крѣпки тамъ и теперь видно изъ слѣдующаго факта: при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было нашихъ военныхъ наблюдательныхъ органовъ въ Афганистанѣ и Индіи, нашему правительству весьма важно было имѣть хотя бы одно консульство въ соответствующемъ пунктѣ въ Индіи; этого добились, наконецъ, послѣ продолжительныхъ настояній, и лѣтъ десять тому назадъ учреждено было русское консульство въ Бомбейѣ. По весьма понятнымъ соображеніямъ было бы, конечно, весьма важно имѣть тамъ консуломъ соответствующе подготовленнаго офицера; но противъ этого возстало министерство иностранныхъ дѣлъ, которое не хотѣло допустить офицера не только консуломъ, но и секретаремъ даже этого консульства, не смотря на то, что предложенный кандидатъ отлично зналъ мѣстные языки, знакомъ былъ съ краемъ и т. п.

Англичане со свойственной имъ практичностью давно рѣшили этотъ вопросъ такъ, какъ того требуютъ потребности, го-

сударства, а не отжившія традиции. Во всѣхъ пунктахъ, имѣющихъ какое-нибудь важное военно-политическое значеніе, они назначаютъ офицеровъ, которые носятъ официальное названіе „политическихъ агентовъ“, исполняющихъ въ то же время и всѣ консульскія обязанности. Возбужденъ былъ и у насъ аналогичный вопросъ лѣтъ 10—15 тому назадъ о назначеніи консулами офицеровъ генеральнаго штаба, но онъ разбился съ перваго же шага, натолкнувшись на крѣпко сложенную китайскую стѣну отжившихъ взглядовъ и традицій...

Любопытнѣе всего то, что отъ предлагаемой мѣры отпугивали призракомъ опасныхъ усложненій, которыя могутъ быть вызваны въ качествѣ консуловъ офицерами генеральнаго штаба, склонными къ энергичнымъ дѣйствіямъ, чуждымъ дипломатическимъ ухищреніямъ. Но никто не согласится признать благоразуміе и осторожность монополей только однихъ патентованныхъ дипломатовъ. А нѣкоторое вспрыскиваніе энергіи и жизненнаго эликсира въ это затхлое вѣдомство было бы даже и не вредно для Россіи. Въдъ вся обурушившаяся на насъ катастрофа на Дальнемъ Востокѣ настойчиво и долго предсказывалась именно находившимися тамъ военными агентами, а не многочисленными представителями дипломатическаго вѣдомства. Теперь на тихоокеанскомъ побережьѣ нарождается новая могущественная военная сила,—просыпается Китай съ его 400 миллионнымъ населеніемъ, и находящимся въ Китаѣ двумъ нашимъ офицерамъ генеральнаго штаба нѣтъ физической возможности основательно слѣдить за военнымъ развитіемъ этого гигантскаго государства. Между тѣмъ, Россія имѣетъ въ Китаѣ *13 консульствъ*, которыя входятъ въ соприкосновеніе съ различными частями государства, со всевозможными военно-административными органами страны и со всѣми слоями населенія; при соответствующей военно-научной подготовкѣ тутъ возможно полное изученіе государства именно съ той стороны, которой народы, главнымъ образомъ, познаютъ другъ друга въ международной жизни.

Нѣтъ никакихъ основаній опасаться, что офицеры генеральнаго штаба, даже и безъ особой специальной подготовки, не справились бы съ несложными консульскими обязанностями мирнаго свойства. Всѣмъ извѣстно, что консульскіе отчеты не находятъ себѣ ни малѣйшаго приложенія въ практической жизни.

А въ то же время наиболѣ полная описанія сопредѣльныхъ странъ имѣются лишь благодаря случайному посѣщенію этихъ странъ офицерами генеральнаго штаба; достаточно указать на Кашгаръ, Кульджу и др., изслѣдованные не ихъ консулами, жившими тамъ *десятилѣтніе*, а случайно заглянувшими туда офицерами генеральнаго штаба. Позволяю себѣ упомянуть объ этомъ отнюдь не по чувству родства къ военному вѣдомству или въ силу своего обязательнаго вѣдомственного патриотизма.

Но какъ бы то ни было, а должно же быть какое-нибудь такое высшее междувѣдомственное учрежденіе, которое смотрѣло бы на дѣло съ точки зрѣнія государственнаго служенія, а не вѣдомственнаго кормленія. А то вѣдь теперь у насъ во многихъ пунктахъ за границей завелось даже тройное представительство: дипломатическое вѣдомство имѣетъ своего агента, военное—своего и, наконецъ, финансовое вѣдомство имѣетъ тоже отдѣльныхъ представителей.

## 5. Японское шпіонство.

Послѣ минувшей войны на Дальнемъ Востокѣ прошло уже три года, и за это время нашей родинѣ не только не суждено воспользоваться болѣе или менѣе продолжительнымъ миромъ, какъ это всегда бываетъ послѣ только что оконченной войны, а напротивъ—приходится настаивать на все съ большимъ вниманіемъ. Не проходитъ дня, чтобы съ нашей далекой окраины не приходили тревожныя вѣсти, указывающія на близость новой кровавой бури, собирающейся на Дальнемъ Востокѣ. Въ виду этого представляетъ исключительный интересъ система японскаго шпіонства, которая примѣнялась японцами передъ минувшей войной и во время военныхъ дѣйствій; примѣняется, можетъ быть, и въ настоящее время.

Какъ теперь выясняется изъ разныхъ источниковъ\*), японцы приступили къ устройству своего шпіонства чрезвычайно цѣлесообразно и систематически.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, предшествовавшихъ послѣдней войнѣ, во всѣ большіе города Манчжуріи, Кореи и прибрежной полосы Тихаго океана, равно какъ и во всѣ пункты, имѣ-

ющіе значеніе въ военномъ отношеніи, были посланы агенты подъ видомъ купцовъ, приказчиковъ, парикмахеровъ. Это были по большей части ловкіе люди, изъ бывшихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, прослужившихъ два года въ строю. Большіе города, какъ Цицикаръ, Харбинъ, Владивостокъ, Гѣлинъ, Ляоянь, Мукденъ и т. д., были распределены на участки, съ отдѣльнымъ для каждаго участка лазутчикомъ. Ихъ обязанность состояла въ слѣдующемъ: изученіе разговорной рѣчи, по возможности близкое ознакомленіе съ мѣстными жителями, топографическими и климатическими условіями. Въ каждый пунктъ назначалось по нѣскольку человѣкъ сразу, чтобы въ случаѣ неудачи имѣть всегда возможность замѣнить одного другимъ. Эти лица ежегодно обязаны были представлять въ развѣдочное бюро въ Токио подробные отчеты, состоящие въ слѣдующемъ: точное описаніе населеннаго пункта съ фотографическими видами, снятыми съ наиболѣе важныхъ пунктовъ, замѣтки о климатѣ, характеристика мѣстныхъ жителей, въ особенности вліятельныхъ чиновниковъ, купцовъ и т. д., число жителей, количество домовъ, колодезь, скота, качество фуража, состояніе дорогъ и т. п. Въ Корею были командированы даже воспитанники Токійскаго военнаго училища. Весь поступающій отъ агентовъ матеріалъ обрабатывался въ Токио и представлялъ, въ общей сложности, цѣнное вспомогательное средство во время войны.

Служба лазутчиковъ во время войны обнимала собою слѣдующее: послѣ занятія какого-нибудь важнаго пункта (города или деревни) немедленно вызывались тѣ изъ агентовъ, которые уже раньше работали въ этомъ мѣстѣ, или поблизости, и знакомые, слѣдовательно, съ данными условіями. Этотъ лазутчикъ призывалъ старшину деревни или города, который обязанъ былъ передать ему точный списокъ жителей (листы податей), по возможности провѣренный. Затѣмъ, населенный пунктъ раздѣлялся на нѣсколько участковъ, въ каждый назначался старшиной мѣстный, хорошо извѣстный лазутчику, житель. Ему поручалось наблюдение за всѣми прибывающими въ городъ лицами. Жителямъ объявлялось, что они не имѣютъ права безъ заявленія давать пришлымъ пристанище; въ противномъ случаѣ подвергаются строгому наказанію. Каждаго чужого китайца, который появлялся въ городѣ или деревнѣ, старшина обязанъ былъ пред-

\*) „Neue militärische Blätter“ и др.

ставить японцамъ. Невыполненіе этого правила влекло за собою строгое наказаніе для жителей.

Съ цѣлю затруднить по возможности развѣдки непріятельскимъ лазутчикамъ, японцы со своей стороны принимали разные мѣры: даже всѣ внѣшніе знаки отличія были сняты съ частей войскъ.

Китайскія повозки (арбы) не имѣли права переходить линію японскихъ передовыхъ постовъ въ сторону противника; дѣлалось исключеніе только тогда, когда на арбахъ ѣхали японскіе лазутчики.

На бивакахъ строго наблюдали за тѣмъ, чтобы къ войскамъ не приближался кто-либо чужой.

За подозрительными мѣстными жителями устанавливался строгій надзоръ.

Затѣмъ, много китайцевъ-добровольцевъ шпионовъ предлагали свои услуги японцамъ, и сослужили хорошую службу, такъ какъ вообще они безъ особеннаго риска могли безъ стѣсненія подходить близко къ русскимъ войскамъ и позиціямъ.

Поэтому вполне понятно, что японцы были всегда прекрасно освѣдомлены о своемъ противникѣ, въ то время, какъ русскіе располагали лишь скудными и неточными свѣдѣніями.

## 6. Наша система управленія окраинами.

Именно на окраинахъ вопросъ о высшемъ командованіи пріобрѣтаетъ исключительное значеніе. Дѣло въ томъ, что здѣсь дѣлности командующихъ войсками въ областяхъ и округахъ связаны съ должностями военныхъ губернаторовъ и генераль-губернаторовъ. И если служба и бытъ нашихъ войскъ, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ азиатскихъ округахъ, не представляетъ собою какихъ-нибудь существенныхъ отличій, то въ отношеніи управленія краемъ получается совершенно противоположная картина: начиная отъ природы и кончая населеніемъ— все другое; и вопросъ о томъ,—кому въ придатокъ къ командованію войсками дается управленіе краемъ (или наоборотъ)—пріобрѣтаетъ исключительное значеніе.

Горькимъ опытомъ минувшихъ лѣтъ мы все болѣе и болѣе

приходимъ къ жуткому сознанію, что родина наша больше всего страдаетъ отъ избытка территоріи; она ломится подъ собственной тяжестью. То, что такъ тѣшитъ наше народное самолюбіе, что служило намъ предметомъ гордости въ молодые годы, при знакомствѣ съ отечествовѣдніемъ, что многія наши губерніи превосходятъ во много разъ первоклассныя европейскія государства, что Россія превосходитъ шестую часть всего земного шара и т. п., теперь все яснѣе представляется въ видѣ стихійнаго тормазга на всѣхъ путяхъ внутренняго развитія, процвѣтанія и государственнаго роста страны. Знаетъ ли, напримѣръ, какое-нибудь другое государство въ мірѣ такіе расходы на служебныя поѣздки, которыя приходится совершать изъ конца въ конецъ всего Старога Свѣта? А вопросы обороноспособности государства! Какой простой и мизерной является, напримѣръ, война Германіи на два фронта, на берегахъ Рейна и Вислы, по сравненію съ возможностью такой войны для Россіи на западѣ и Дальнемъ востокѣ.

Но, что особенно важно при нашей чрезмѣрной распространности территоріи государства—это военно-административное и гражданское управленіе окраинами и условія организациі этого управленія. До сего времени ни законодательными мѣрами, ни хотя бы какими-нибудь обычаями или традиціями не вырабатался вполне прочный порядокъ прохожденія службы на окраинахъ высшихъ военно-административныхъ лицъ на должностяхъ губернаторовъ и генераль-губернаторовъ. Есть общій законъ въ положеніи о службѣ на отдаленныхъ округахъ, одинаковый, почему-то, какъ для младшаго офицера въ ротѣ, такъ и для военнаго губернатора, что за полученные прогоны и пособія надо прослужить на окраинѣ 3 года. И только. Въ результатѣ, какъ это указано выше, получается слѣдующее: въ то время, какъ служба младшаго офицера въ ротѣ протекаетъ, конечно, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, какъ на берегахъ Вислы, такъ и на берегахъ Амура—онъ тѣмъ не менѣе въ крайне рѣдкихъ случаяхъ можетъ разсчитывать на возвращеніе въ Европейскую Россію послѣ трехъ лѣтъ службы на окраинѣ. А военный губернаторъ, которому нужно не менѣе трехъ лѣтъ, чтобы ознакомиться съ особенностями ввѣренной ему области—въ рѣдкихъ случаяхъ остается на окраинѣ послѣ трехъ лѣтъ, покидая

ее какъ разъ въ то самое время, когда онъ только-только успѣлъ осмотрѣться и освоиться съ новыми условіями и своей дальнѣйшей службой могъ бы начать приносить какую-нибудь пользу.

Дѣйствительно, не угодно ли, напримѣръ, прїѣхавшему вновь въ Забайкальскую область командующему войсками разобраться въ сложныхъ вопросахъ по размежеванію земель казачьихъ, бурятскихъ и крестьянскихъ, вникнуть въ условія ясачныхъ повинностей ороchonъ и гольдовъ и т. п.,—когда онъ черезъ три года, можетъ быть, увидитъ только ороचना или гольда. Поэтому въ условіяхъ управления нашими окраинами давно уже установился порядокъ, ставшій притчей во языцѣхъ: въ первый годъ прїѣзда на окраину новый губернаторъ, или генераль-губернаторъ, знакомится съ краемъ; во второй годъ собираетъ данныя и матеріалы для реорганизации управления—нельзя же не сказать отъ себя что-нибудь послѣ того, какъ уже есть опытъ и знакомство съ краемъ; наконецъ (именно—конецъ), въ третій годъ вырабатывается проектъ реорганизации, который везется въ Петербургъ съ такимъ расчетомъ, чтобы здѣсь стукнуло три года службы на окраинѣ и не было препятствій для новаго назначенія. Конечно, судьба проектовъ отходить на задній планъ по сравненію съ судьбой своей собственной карьеры.

Бываетъ, однако, и такъ, что при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ начальниковъ нашихъ окраинъ—соединить свою судьбу и всѣ силы съ процвѣтаніемъ края—они лишены возможности осуществить это на практикѣ въ виду глубоко укоренившейся у насъ централизациі государственнаго управления, что заставляетъ даже и высшихъ администраторовъ самолично ѣздить въ Петербургъ и хлопотать о необходимыхъ реформахъ. Какъ извѣстно, завоеватель Амурскаго края покойный графъ Муравьевъ-Амурскій, свидѣтельствуя въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ министерскихъ пріемныхъ Петербурга ему пришлось затратить гораздо больше силъ, энергіи и нервовъ по разнымъ хлопотамъ о нуждахъ края, чѣмъ для его завоеванія на мѣстѣ. Да и значительно позже, уже на моей памяти, первый приамурскій генераль-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ съ горечью указывалъ на поднятую противъ него газетную травлю за его вынужденное пребываніе въ Петербургѣ по дѣламъ вѣрннаго ему края.

Завоеваніемъ Сибири съ ея азіатскими окраинами наши завоеватели минувшихъ вѣковъ возложили на Россію важную задачу гражданскаго и экономическаго устройства этихъ завоеваній, не заботясь о дальнѣйшемъ ихъ территоріальномъ распространеніи—пока не упорядочено и закрѣплено за ними то, чѣмъ мы уже владѣемъ. Событія послѣднихъ лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ лучше всего доказали справедливость этого положенія, которое, къ сожалѣнію, игнорировалось нашими государственными людьми послѣдняго времени, увлекшимися легкими побѣдами въ Манчжуріи. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ политиковъ Англии въ 1900 году высказывалъ такой взглядъ, что—„Россіи слѣдуетъ предоставить свободу дѣйствій въ сѣверномъ Китаѣ; пусть она проглотитъ хотя бы всю Манчжурію. Пока Россія будетъ переваривать въ себѣ эту огромную территорію, намъ можно будетъ быть вполне спокойными за ея посягательства противъ Индіи“...

Какъ все это сбылось въ наше время!.. Какъ жаль, что эта пронизательность не осѣнила лучше нашихъ государственныхъ людей, увлекшихъ Россію на Дальній Востокъ.

Какъ бы то ни было, а теперь мы уже достаточно умудрены опытомъ. Наступило время сосредоточить все вниманіе на упорядоченіи гражданскаго управления и развитіи экономическаго роста нашихъ окраинъ. До сихъ поръ это намъ плохо давалось,—главнымъ образомъ въ виду отсутствія системы въ замѣщеніи тамъ высшихъ командныхъ и военно-административныхъ должностей. Этого не видно только въ штабахъ и департаментахъ Петербурга. Но, какъ это рѣжетъ глаза тамъ на мѣстѣ! Достаточно привести въ примѣръ собственное откровенное признаніе одного военнаго губернатора (совмѣщающаго въ себѣ должность командующаго войсками области и наказанаго атамана казачьяго войска), повѣстествовавшаго о первыхъ своихъ шагахъ по управленію областью: „поѣхалъ я въ первый объѣздъ по области. Край для меня совершенно новый. На каждой почтовой станціи разные просители—крестьяне, казаки, буряты—суютъ мнѣ прошенія, кто о землѣ, кто о лѣсныхъ и пріисковыхъ тяжбахъ, кто о рыболовномъ правѣ. Положеніе мое комическое. Ну, что я—только что сдавшій командованіе полкомъ въ Москвѣ—могу тутъ сказать, что-нибудь? Я чувствую, что мнѣ прямо въ тягость

ложность моего положения. Прошения принимаю машинально и безучастно. Зато, когда по пути попадалась мнѣ хотя бы конвойная команда я оживалъ: я ее инспектировалъ на всѣ лады, маневрировалъ на одну сторону и даже раскалывалъ команду на двѣ части, чтобы дѣлать двухсторонній маневръ... Только это утѣшало меня, что я хоть что-нибудь дѣлаю при объѣздѣ области за мои немалые прогоны"...

Ясно, что такая система управления окраинами должна быть измѣнена кореннымъ образомъ.

### 7. Численность арміи въ зависимости отъ окраинъ.

Съ нѣкотораго времени все чаще и громче слышны голоса о чрезмѣрной численности нашихъ вооруженныхъ силъ. Сначала робкое и нерѣшительное это мнѣніе было подхвачено въ одной части нашей печати, стремящейся доказать, что „Россия стонетъ" подъ непосильной тяжестью своего военного бюджета. Въ то же время и въ противоположномъ лагерѣ нашей политической печати усиленно проводится безспорная въ основѣ идея, что намъ нужна армія немногочисленная, но крѣпкая, что на содержимую нами въ мирное время миллионную армію нѣтъ возможности напасть хорошихъ кадровъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. А теперь уже повсюду, не исключая и военныхъ круговъ, мы встречаемся съ прочно укоренившимся убѣжденіемъ въ необходимости сократить численность нашей арміи, обративъ все вниманіе не на количество, а на качество.

Исходя изъ печальнаго опыта злосчастной войны, приходятъ Богъ вѣсть къ какимъ заключеніямъ: что намъ нужны солдаты временъ Суворова и Николая I, а потому долой національная армія и сокращенные сроки службы; необходимо возвратиться къ 25—30-ти лѣтнимъ срокамъ службы и тому подобнымъ абсурдамъ. Все это подкрѣпляется краснорѣчивыми примѣрами изъ исторіи Греціи и Рима, когда малочисленные фаланги и легіоны били неуклюжія полчища всѣхъ остальныхъ народовъ древняго міра. Давно извѣстно, что бумага все терпитъ, а примѣрами исторіи можно доказать все, что угодно, особенно если пересыпать все красивыми метафорами и ослѣпительными блестящими яркой мысли.

Тѣмъ не менѣе мы тутъ несомнѣнно имѣемъ дѣло съ давнымъ-давно назрѣвшей—доказанной и опытомъ минувшей войны, и иными событіями послѣднихъ лѣтъ—необходимостью упростить и сократить организацию нашихъ вооруженныхъ силъ, которая, какъ намъ кажется, разрослась непомерно и давно уже незамѣтно превзошла предѣлы дѣйствительной потребности.

Надо признать, что въ основѣ нашего національнаго творчества, какъ и въ глубинѣ народнаго характера, лежитъ искони неустойчивое стремленіе къ широтѣ размаха, къ поражающимъ глазъ грандіознымъ размѣрамъ и ошеломляющимъ мысль внушительнымъ цифрамъ: намъ непременно хотѣлось среди церковныхъ колоколовъ создать *царь-колоколъ*, среди пушекъ имѣть *царь-пушку* и т. д. Такимъ же образомъ мы незамѣтно для самихъ себя стремились къ тому, чтобы на утѣху намъ и страхъ врагамъ у насъ имѣлась бы *царь-армія*, не какія-нибудь 400—500 тысячъ, какъ у другихъ, а цѣлый *миллионъ*, да и того больше.

Разумѣется, необходимость содержанія такой многочисленной арміи въ мирное время подкрѣплялась цѣлымъ ворохомъ соображеній всевозможнаго характера—географическихъ, военно-политическихъ, мобилизационныхъ и всякихъ иныхъ. Нѣтъ возможности подвергнуть надлежащей критической оцѣнкѣ всѣ эти соображенія, столь внушительныя по своей напускной важности, но весьма спорныя по своей гадательности и неопредѣленности. Кто можетъ учесть вліяніе пространства, скорость мобилизации и густоту стратегической сѣти желѣзныхъ дорогъ на соотношение силъ воюющихъ сторонъ въ первое время войны? А если даже это все можно учесть съ точностью до дивизіи и корпуса, то вѣдь существуетъ еще серія другихъ причинъ—какъ крѣпости, свойства грунтовыхъ путей, настроеніе населенія, масса случайностей и многое т. п., которыя опять могутъ измѣнить соотношение силъ наперекоръ всѣмъ расчетамъ мирнаго времени. Всмотримся въ численность и дислокацію армій въ западно-европейскихъ государствахъ, мы увидимъ, что тамъ отнюдь не придерживаются признаннаго у насъ какъ будто непреложнымъ принципа—держать на каждой окраинѣ столько войскъ, сколько имѣется у вѣроятнаго противника. Почему же мы должны на западной границѣ держать непременно такое же число корпусовъ, сколько ихъ имѣется въ Германіи и Австріи противъ при-

легающих наших границ, зная притом заранее, что в случае войны все выгоды времени, пространства и превосходства сил будут все-таки на стороне наших противников? Таким же образом мы теперь на Дальнем Востоке готовимся к войне одновременно с Японией и пробуждающимся Китаем и, следовательно, должны здесь, по аналогии, держать в мирное время столько же войск, сколько их имется против наших границ в этих государствах.

Ясно, что как подобныя соображения военно-политического характера, так и всякия иныя географического и стратегического свойства, которыми хотя бы обусловить численность вооруженных сил, применимы на самом деле лишь в слабой степени. Важнейшей же данной, определяющей численность, состав и распределение этих сил, должны служить бесспорно завещанная историей страны те государственныя задачи, которыя должны быть решены в данную переживаемую эпоху. А сь этой существеннейшей точки зрѣнія нельзя не признать, что наши вооруженныя силы росли и развивались совершенно независимо оть унаследованных историей или выдвинутых потребностями времени государственныхъ задачъ. Потому этимъ силамъ иногда оказывались не по плечу возлагаемыя на нихъ задачи; потому-то и грандиозный организмъ нашей полуторамиллионной армии представляется теперь многимъ столь неуклюжимъ и громоздкимъ, стонущимъ оть собственной тяжести. Мы проиграли минувшую войну сь Японией; но проиграли, очевидно, потому, что задались обширными планами и начали ихъ уже приводить въ исполненіе, и лишь *посль того* стали собирать силы; и, конечно, опоздали, отстали оть противника и оказались слабыми при столкновении. Если же мы поступили бы наоборотъ: задумавъ послѣ японско китайской войны расширить наши владѣнія на тихоокеанскомъ побережьѣ, мы тогда же, при всей нежелательности такихъ импровизаций, притянули бы на Дальній Востокъ два-три корпуса и одну-две эскадры, отвлекая эти силы изъ Европейской Россіи, гдѣ у насъ не предвидѣлось и въ близкомъ будущемъ какихъ-нибудь осложнений, а затѣмъ уже начали бы приводить въ исполненіе свои планы, то не подлежитъ сомнѣнію, что миръ тамъ былъ бы обезпеченъ надолго, и Россія осталась бы единственнымъ хозяиномъ положенія.

Пусть не говорятъ намъ, что „съ западной границы нельзя отвлечь ни единого солдата“, что, взявъ оттуда 2-3 корпуса, мы обнажаемъ нашу важнейшую границу и рискуемъ подвергнуться здѣсь смертельнымъ ударамъ со стороны подстерегающихъ противниковъ. Такія опасенія основаны на отжившихъ свое время старыхъ предрассудкахъ: европейскіе народы вышли теперь изъ того исторического возраста, когда гонить страсть къ разбойничьимъ набѣгамъ на чужія страны, когда дразнить то, что лежитъ плохо у сосѣдей, и хочется попробовать свои силы. Если прослѣдить исторію международной жизни европейскихъ государствъ за послѣднее время, даже за все минувшее полстолѣтіе, то не трудно убѣдиться, что каждая война нарождалась и назрѣвала постепенно в течение многихъ лѣтъ, почти въ совершенной независимости оть взаимнаго соотношенія силъ сопредѣльныхъ государствъ. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ достаточно указать на только что пережитые нами годы войны сь Японіей: теперь вѣдь ни для кого не секретъ, что намъ пришлось почти совершенно оголить нашу западную границу; не только уведена была масса войскъ, но и оставшіяся на этой окраинѣ были опустошены тѣмъ, что оть нихъ взяты были на театр войны и неприкосновенные запасы, и значительная часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Было бы очень наивно думать, что это крайнее ослабленіе нашей границы осталосъ незамѣченнымъ нашими сосѣдями. И что же—развѣ Германія и Австрія набросились на насъ и мобилизовали свои армии? Развѣ Россія, въ свою очередь, предприняла походъ въ Индію, зная, что оттуда уведена значительная часть индо-британской армии, когда Англія завязала въ войнѣ сь бурами въ южной Африкѣ?

Въ томъ-то и дѣло, что народы Европы дорожатъ въ наше время миромъ какъ драгоценнѣйшимъ благомъ и на армию смотрятъ какъ на орудіе, призванное охранять миръ и осуществить въ минуту надобности жизненныя задачи государства, завѣщанная народными преданіями и указанными исторической непреложности. Исходя изъ этой единственно правильной точки зрѣнія, нельзя не признать, что численность нашихъ вооруженныхъ силъ, до извѣстной степени, превосходила въ настоящее время мѣру дѣйствительной необходимости.

